

Оглавление

Благодарности	6
Введение	7
Глава 1. Эволюция философских идей	12
1.1. Определения	12
1.2. В преддверии философии	31
1.3. Синтетическая философия от Фалеса до Аристотеля	48
1.4. Темные века философии	58
1.5. Натурфилософия.....	62
Глава 2. Смена парадигм.....	73
2.1. Практическая философия и политика	73
2.2. Метаморфозы: от философии к идеологии	81
Глава 3. Новые горизонты	97
3.1. Материализм vs позитивизм.....	97
3.2. Философия XXI века	109
Глава 4. Принцип дополнительности.....	117
4.1. Доказательство космологическое	119
4.1.1. Прошлое Вселенной.....	123
4.1.2. Настоящее Вселенной	126
4.1.3. Будущее Вселенной.....	130

4.1.4. Анализ парадоксов ТБВ	132
4.1.5. Альтернативный подход	142
4.2. Доказательство математическое	146
4.3. Доказательство информационное.....	167
4.4. Доказательство эволюционное	174
4.4.1. Замечание первое	174
4.4.2. Замечание второе.....	186
4.4.3. Замечание третье	196
4.5. Доказательство психологическое	198
4.5.1. Общие соображения	198
4.5.2. Индивидуальная и групповая психика животных	201
4.5.3. Сознание у животных?	204
4.5.4. Человек эпохи первобытного коммунизма	210
4.5.5. Эусоциальность у человека	222
4.5.6. Психология социализма	229
4.5.7. Гуманизм и психология.....	235
4.6. Доказательство интеллектуальное.....	246
4.6.1. Сознание и идеология.....	246
4.6.2. Тоталитарные идеологии.....	256
4.6.3. Идеология, вера, наука	264
4.7. Доказательство этическое	280
4.7.1. Этика по Аристотелю	281
4.7.2. Этика Библии	288
4.7.3. Этика христианства	296
4.7.4. Этика ислама	310
4.7.5. Этика марксизма.....	315
4.7.6. Этика гуманизма	320

Глава 5. Человек и принцип дополнительности	328
Глава 6. Онтология бытия и диалектика познания	338
Глава 7. Социализм vs гуманизм	349
Глава 8. Философия гуманизма	360
Заключение	366

Благодарности

Первый, кого я обязан упомянуть со словами благодарности за признание моих еретических мыслей — это Никита Николаевич Моисеев, у которого я нашел понимание и определенное созвучие мыслей.

В головоломном путешествии по стезям философии неоценимую поддержку оказал Вадим Николаевич Садовский, познакомивший меня с ее первоначальной, истинной сутью, забытой Новым временем.

Владислав Александрович Лекторский доброжелательно содействовал моим попыткам донести до читателей журнала «Вопросы философии» идеи, связанные с «еретическими» воззрениями на место и роль человека во Вселенной.

Владимир Борисович Лапшин взял на себя труд подвергнуть критике авторскую трактовку пространства и времени, противоречащую общепринятым (в космологии) представлениям.

Инна Ефимовна Шифанова оказала любезность и «верифицировала» некоторые соображения, касающиеся индивидуальной и коллективной психологии, дополнительные к утвердившимся теориям.

Введение

Нам долгие годы внушали, будто основным вопросом философии на протяжении всей её истории была и остается проблема «первородства», вопрос: что первично, дух или материя? Или иначе: как соотносятся сознание с материей, мышление с бытием? Но уже со студенческой скамьи у меня закралось сомнение: если человек появился на свет всего десятки тысячелетий назад, то каким образом эта проблема решалась миллиарды лет в его отсутствие? К чьему сознанию, к чьему мышлению, в таком случае, следовало апеллировать? И поскольку ответ повисал в воздухе, становилось ясно, что этот «основной» вопрос некорректен в принципе. Что ключевым должен быть другой вопрос, который с тех пор преследовал меня: **ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ ДАН РАЗУМ?** Ведь некоторые виды даже высокоразвитых животных: черепахи, акулы, рыбы процветают десятки и сотни миллионов лет, нисколько не страдая от его отсутствия. Мы же за считанные тысячелетия успели не только «ассимилировать» фауну и флору нашей планеты, но и научились весьма успешно и изощренно истреблять друг друга миллионами. Мы трансформировали сравнительно мягкую биологическую внутривидовую конкуренцию, полезную для процветания видов, в жесточайшую и бессмысленную «межвидовую» конкуренцию культур, способную уничтожить нас как вид. Мы возвели тезис «*bellum omnium contra omnes*» в принцип существования вида *Homo sapiens*. Что же ждет нас, если эта «война всех против всех» будет продолжаться в условиях все возрастающего нашего могущества и умножения арсеналов самых изощренных и коварных орудий массового поражения? Неужели не ясно, чем грозит закон джунглей для обладателей ядерных бомб?!

Разумеется, я пытался найти ответ у философии. Но она не давала ответа. Марксизм, которым пичкали всех советских людей, лишь огрызался на «буржуазную» оппонентку и обещал светлое будущее коммунизма. Но оно представлялось столь же химерическим и иллюзорным, что и христианский рай. (Который со «знанием дела» саркастически описывал Марк Твен в «Письмах с земли».) Что же касается извечного бодания марксистской диалектики с буржуазными «инсинуациями», то и тут все упиралось

в беспредметный и абсурдный спор о первенстве между материальным и идеальным. Спор, ведущийся более двух тысяч лет, о том, существует ли объективный мир вне наших ощущений, или он всего лишь призрачная Фата-Моргана? (При этом в ходе длительных интеллектуальных тяжб выяснилось, что философы тоже люди и за их внешне благопристойными, холодно рациональными, логически обоснованными доводами рассудка крылись нешуточные кипения страстей.) В конечном счете, как и следовало ожидать, предназначение и обязательства разума, способного «переворачивать миры», не получали приемлемого объяснения. Тем самым вопрос так и оставался без ответа. И «правые», и «левые» старательно уходили от него, предпочитая заниматься важными для уточнения наших представлений о картине мира, но, тем не менее, *второстепенными* вопросами эпистемологии. Экзистенциалисты, правда, чувствуя ограниченность такого подхода, пытались повернуться к человеку, но их сведение проблемы смысла его существования к анализу субъективно личностных аффектов — реакций на внешние обстоятельства, уподоблялось пальбе из пушек по воробьям.

Чтобы не быть обвиненным в голословных нападках на почтенную философию, сошлюсь на суждение К. Поппера, которого никто не упрекнет в незнании предмета или в предвзятости. На его взгляд, «в наши дни совершенно необходимо извиняться за то, что ты в какой бы то ни было форме интересуешься философией. За исключением, быть может, нескольких марксистов большая часть профессиональных философов, похоже, потеряли контакт с реальностью. А что до марксистов, то «марксисты до сих пор только *объясняли* марксизм, дело, однако, в том, чтобы *изменить* его». По моему мнению, величайшим скандалом в философии является то, что в то время, как везде вокруг нас гибнет мир природы — и не только мир природы — философы продолжают обсуждать, иногда умно, иногда нет, вопрос о том, существует ли этот мир. Они погружаются в схоластику, в языковые головоломки, вроде того, существует ли разница между бытием (being) и «существованием (existing)»... При таких обстоятельствах приходится извиняться за то, что ты философ... Что я могу сказать в свое извинение? Вот что. У всех у нас есть своя философия, знаем мы о том или нет, и эти наши философии немного стоят. Однако воздействие наших философий на наши поступки (acts) и на нашу жизнь часто бывает опустошительным. Поэтому необходимо попытаться улучшить наши философии с помощью критики. Это единственное извинение продолжающегося существования философии, которое я могу предложить»¹.

¹ К. Поппер. Объективное знание. Эволюционный подход. С. 40–41. М., 2002.

Со своей стороны я не собираюсь оправдывать философию, так как это означало бы, что я готов совершить глупейшую вещь — извиняться за то, что человеку свойственна естественная (или внушенная природой?) любознательность и стремление к познанию мира и самого себя. Другое дело, что задачи, которые ставил перед собой пытливый разум в прошлом, было **невозможно** решать теми средствами, которые до сих пор были в его распоряжении. Ибо вплоть до нашего времени философия представляла собой, фактически, голый мозг, в который поступали неясные сигналы извне, но соответствующим образом реагировать на них он не мог ввиду отсутствия органов чувств. И, что не менее важно — рук, с помощью которых он мог бы ставить эксперименты, дающие четкие и недвусмысленные толкования выявляемым природным эффектам и закономерностям, подтверждая или опровергая спекулятивные суждения «здорового смысла». Таким образом, связь философии с миром, способная быть творческой и плодотворной лишь при условии обоюдных прямых и обратных контактов, веками оставалась односторонней, сугубо умозрительной, а посему — неадекватной. Она и сегодня, увы, не находит себе подобающего места в системе знаний, нарастающих лавинообразным образом.

Время и наука, рожденная благодаря той же философии, все расставили по своим местам. Во-первых, они открыли мне глаза на существование иной (античной) философии, не уходившей от ответа на интересовавший меня вопрос. Той философии, включавшей в себя онтологию, эпистемологию и этику, которую «похоронили» Сократ с Платоном, правда, в силу не злого умысла, а признания того, что большего онтология их эпохи достичь уже не в состоянии. В XVII веке Р. Кедворт и Г. Мор дали ей определение «**гилозоизм**» (от греч. ὕλη — материя и ζωή — жизнь). Во-вторых, стало очевидно, что для того, чтобы разум преобразовался из стихии зла и разрушения в позитивную мощь созидания, на смену естественному отбору (социал-дарвинизму) должен придти культурный отбор, неведомый природе и основанный на принципах **гуманизма** — понятия, введенного в обиход Цицероном. В-третьих и в-четвертых, принцип **дополнительности** и **антропный** принцип, сформулированные Н. Бором и Б. Картером, подсказали вывод о разуме как жизненно необходимом элементе мироздания, с одной стороны, и человеку (в широком смысле), как его носителе-субъекте, с другой. Эти четыре исходных момента составляют и фундамент, и сущность развиваемого нами подхода, именуемого 3-D философией или диалектикой гуманизма.

Принципиально новое представление о гуманизме как явлении, не ограниченном узкими рамками этики, но далеко выходящим за ее преде-

лы в политическую и экономическую, социальную и правовую сферы практического бытия общества и индивида, дано было в «Феномене гуманизма» (2001). В силу многих субъективных и объективных причин предложенная трактовка этого явления до сих пор не получила признания, по-сему его историческое значение остается существенно недооцененным. Эту несправедливость (даже вину) мы постарались по мере сил отчасти загладить, воздав гуманизму должное в следующих публикациях: «От тирании к демократии. Эволюция политических институтов» (2011), «Психология собственности. Теория эволюции рынка» (2011), «Идеологические системы мира. Сны разума» (2012). В «Философия гуманизма» (2009), излагавшей проблемы онтологии гилозоизма и вопросы космологии, рассматривались две эпохи, разнесенные между собой многими веками. *Первая* — античная, поскольку уже тогда, 2,5 тысяч лет назад была высказана поразительно глубокая и пронизательная идея неразрывной связи познания человека и Природы. Ее в той или иной форме выразили три корифея античной мысли. Фалес, который на вопрос: «Что труднее всего?» — отвечал: «Познать самого себя». Протагор, утверждавший, что «человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют». И Хилон, поучавший: «Познай самого себя»². *Вторая* временная веха — XX век. Этот комплекс идей, высказанных античными мудрецами, послужил отправным пунктом наших исследований, завершающей фазой которых явилась формулировка сверхсильного антропного принципа (САП). Согласно ей человек (любой представитель рационального разума) является ключевым элементом Большой Вселенной, связующим звеном между Малыми Вселенными: одними — гбнущими, другими — рождающимися. Идея САП возникла из критического анализа современной космологии и антропного принципа. Но объем этой книги оставил без необходимых убедительных свидетельств заключение в пользу решающей роли принципа дополнительности практически во всех проявлениях бытия мира.

Данная монография предоставляет на суд читателя аргументы и эмпирические сведения, призванные восполнить и должным образом осветить этот пробел. В сущности, большая часть содержания нижеследующего исследования посвящена доказательству актуальности и правомочности интерпретации принципа дополнительности в качестве одного из

² Согласно П. Таранову (Философская афористика. М., 1996), мысль Хилона была сформулирована еще определенной, а именно: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную».

важнейших принципов, которым следует Природа, человеческие сообщества, отдельная личность, а также философия, удовлетворяющая любознательность этой личности. Поэтому в ней также рассматриваются вопросы отношения гуманизма к интеллектуальному творчеству, ибо познание есть душа гуманизма. Только знания делают каждого из нас человеком в полном и высоком смысле этого слова, выводя нас из животного состояния (сказанное не означает пренебрежительного отношения к животному царству, к которому автор питает величайшее уважение). Только знания могут быть надежным ориентиром в море страстей, одолевающих человека, и безошибочным прогнозистом, предупреждающим о множестве опасностей, грозящих нам. Разум, постоянно обогащающийся знаниями, — величайший и важнейший дар, доставшийся нам от эволюции, оберегающий нас от бед, подстерегающих нас со всех сторон, но прежде всего со стороны нашей собственной серости и безграмотности. Ибо чувства — дети инстинктов, слепы, а невежество губительно, даже когда оно берется за что-либо из лучших побуждений. Между тем, избрать ошибочное решение крайне легко, так как огромное число заблуждений, мифов и ложных посылок сбивает с толку наш разум и туманит взор. Они не позволяют трезвым взглядом оценить достоинства и недостатки, а также движущие силы современной цивилизации, чтобы понять, что происходит в мире и какие угрозы реальны, какие вымышлены. Замечание Поппера о том, что «воздействие наших философий на наши поступки (acts) и на нашу жизнь часто бывает опустошительным», на наш взгляд, касается философии, прежде всего марксизма. Последний, как частный пример, показал, сколько зла в XX веке способно сотворить учение, следующее порочным целям, внушаемым гипертрофированным самомнением и гигантски раздутым тщеславием его творца. Поэтому дело не в том, чтобы *объяснять* или *изменять* марксизм, а в том, чтобы сдать его в архив истории, крепко заперев, но сохраняя мрачную память о нем.

Глава 1

Эволюция философских идей

1.1. Определения

Время ломает стереотипы. Всего 500 лет назад ни один цивилизованный человек в мире не мог помыслить, что бога нет (Дж. Бруно родился только в 1548 г.). Сегодня по данным христианского сайта «Laborers Together» на 2011 год насчитывается 660 млн неверующих (9,4 % населения Земли) и 140 млн атеистов (2 % человечества). В наши дни ни у кого не возникает сомнений, что не религиозная вера, а методы и средства научной селекции, а также технологии землепользования насыщают прежде едва ли не хронически голодные желудки. Современные верующие не могут не признавать пользу лекарств, методов терапии и спасительность хирургии, продлевающих их жизнь вдвое — втрое. Они не могут не видеть, как разительно изменился к лучшему их быт, сколько немислимого прежде комфорта окружает их. Тем не менее, они продолжают держаться убеждения, что главное для них — вера в того, кто никогда и ничем не мог (или не хотел?) облегчать их существование и переносить тяготы жизни. В связи с чем, есть резон поставить вопрос: почему при столь явных доказательствах благотворности науки и рационального мышления 9 из 10 представителей рода человеческого (хорошо, что не все) продолжают держаться мнения о том, что именно иррациональная вера составляет главную ценность их бытия? Инерция мышления — наиболее вероятен ответ. Он, по своему, будет верен. Но дело не только в инерции. Механизмы, породившие представления о потусторонних силах, на которых держится слепая вера, остаются в нашем сознании активно действующими «игроками», не собираясь уступать оппонентам свои ведущие позиции. Лучшим свидетельством чему может служить история философии.

Согласно Википедии *«философия»* (от греч. φιλοσοφία — «любомудрие», «любовь к мудрости») — особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно-

обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности (бытия) и познания, бытия человека, об отношении человека и мира. К задачам философии на протяжении её истории относились как изучение всеобщих законов развития мира и общества, так и изучение самого процесса познания и мышления, а также изучение нравственных категорий и ценностей. К числу основных философских вопросов, например, относятся вопросы «Познаваем ли мир?», «Существует ли Бог?», «Что такое истина?», «Что такое хорошо?», «Что есть Человек?», «Что первично — материя или сознание?» и другие. Хотя иногда философию определяют более узко, в качестве *науки* с определённым предметом изучения. Такой подход встречает возражения современных философов, настаивающих на том, что философия представляет собой скорее мировоззрение, общий критический подход к познанию всего сущего, который применим к любому объекту или концепции. В этом смысле каждый человек хотя бы изредка занимается философией. Философия фактически существует в виде множества различных философских учений, которые противостоят друг другу, но при этом и *дополняют* (курсив наш. — Г. Г.) друг друга».

Близкое по смыслу определение ей дает «Оксфордский путеводитель по философии». Он замечает, что «most definitions of philosophy are fairly controversial, particularly if they aim to be at all interesting or profound... The shortest definitions, and it is quite a good one, is that *philosophy is thinking about thinking* (курсив наш. — Г. Г.)... A more detailed, but still uncontroversially comprehensive, definition is that philosophy is rationally critical thinking, or a more or less systematic kind about the general nature of the world (metaphysics or theory of existence), the justification of belief (epistemology or theory of knowledge), and the conduct of life (ethics or theory of value)»³. (Отечественная традиция вместо термина «метафизика» чаще оперирует дефиницией «онтология», а вместо «эпистемология» — «гносеологией»). Но если попытаться дать предельно лаконичное ее определение, «не выплескивающее с водой ребенка», то, пожалуй, это будет не «мышление о мышлении», а скорее искусство *свободного*, логического и критического мышления ради познания всеобщих закономерностей существования природы, общества и человека. Вместе с тем, читатель мог заметить, что ни в «классической», ни в нашей дефинициях не фигурирует упоминание о *конечной цели* философии. В заключительной 8-й главе настоящего исследования мы позволим себе отойти от этой традиции и сформулировать ее цель в виде **прогнозирования результатов человеческой деятельности**, направленной на расширение рациональных знаний.

³ The Oxford companion to philosophy. Edit. by Ted Honderich. 1995.

«Отцы-основатели» как идеалистической, так и материалистической диалектики настаивали на том, что их учения основаны на научных представлениях и уверенно отождествляли их с наукой. И в первом, и во втором Предисловии к «Науке логики» Г. Гегель настаивал на том, что его подход строго соответствует «научной философии», и что единственное, к чему он «стремился в своих философских изысканиях — это научное познание истины»⁴. Однако при этом он доказывал, что философия «имеет две противоположности. С одной стороны, она кажется противоположностью церкви и общее с образованием... Второй противоположностью философии является Просвещение, безразличие к содержанию, мнение, *отчаяние отречения от истины*. Цель философии — познание истины, познание бога, ибо он есть абсолютная истина, и ничто иное не достойно в такой мере усилий, как познание бога, его объяснение... *Просвещение, эта суетность рассудка*, является самым резким противником философии. Просвещение недовольно, когда философия обнаруживает разум в христианской религии, когда она показывает, что в религии дано свидетельство духа, истины. В философии, которая есть теология (вот, оказывается, что она собой представляет в действительности!? — Г. Г.), все дело только в том, чтобы выявить разум религии... Философию упрекали в том, что она ставит себя *выше религии*, но это неверно уже фактически, ибо она имеет только это, и никакое иное содержание..., она ставит себя только выше религиозной *формы*, имея с религией одинаковое содержание... Философия мыслит то, что (верующий) субъект чувствует»⁵.

С другой стороны, в Предисловии ко второму изданию «Капитала», К. Маркс пишет: «Как раз в то время, когда я разрабатывал первый том «Капитала», крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно — как «мертвую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже *кокетничал* (курсив наш. — Г. Г.) характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги...»⁶. Вместе с тем, в «Философском словаре» философия толкуется как

⁴ Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 53, 57. М., 1975.

⁵ Г. Гегель. Философия религии в двух томах. Т. 2. С. 330–331. М., 1977.

⁶ К. Маркс. Капитал. С. 19. М., 1951.

«наука о всеобщих закономерностях, к-рым подчинено как бытие (т. е. природа и общество), так и мышление человека, процесс познания»⁷.

Иначе говоря, как идеалисты, так и материалисты одинаково претендуют на ближайшее «родство» с наукой. Посему есть резон прояснить современные взгляды и на существо *науки*. В той же Википедии она определяется как «область человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Основой этой деятельности является сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и, на этой основе, синтез новых знаний или обобщений. Последние не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи с конечной целью прогнозирования. Те теории и гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества». Опять-таки предельно кратко это определение можно свести к следующему: наука есть *свободный* поиск объяснений наблюдаемым фактам и рациональное моделирование явлений природы, общества и мира человека с целью их практического использования. В данном случае конечная цель не маскируется, а, напротив, оглашается как важнейшая. Иначе говоря, ближайшие задачи философии и науки совпадают: они обе ищут рациональные объяснения наличествующим фактам. С другой стороны методы расширения круга знаний у них несколько различаются. Если философия полагается лишь на наблюдения и логическое их осмысление, то наука включает в арсенал своих инструментов также математику и активные экспериментирование. Кроме того, считается, что философия призвана учить жизни, тогда как наука — улучшать ее качество. Наконец, если наука ставит перед собой вопросы: КАК происходят те или иные явления и процессы, и каким образом можно воспользоваться этими знаниями для их использования, то философия неявным образом пытается постичь, ПОЧЕМУ происходит то, или другое, какой во всем этом смысл? Ведь извечные вопросы познаваемости или непознаваемости мира, бытия или небытия трансцендентных явлений и представляют собой упорные попытки философов разобраться с тем почему, или благодаря чему мы существуем. Коротко говоря, при заметном расхождении заявляемых конечных целей и исследуемых проблем, в известном смысле философия и наука *дополняют* друг друга.

Вместе с тем, возникает вопрос: можно ли и каким образом включать диалектический идеализм и материализм в круг философских дисциплин,

⁷ Философский словарь. М., 1981.

коль скоро они позиционируют себя прямо противоположным образом, а спор о том, кто из них на голове, кто на ногах решения не имеет. Постольку поскольку классический идеализм, как трактовал его Гегель, представляет собой не столько философию, сколько *теологию* (от греч. θεός — бог и λόγος — слово, учение), то есть богословие. Точно также и марксизм, вопреки тому, что объявляет себя научным мировоззрением, решительно не отвечает признакам последнего. По всем ключевым критериям он явным образом соответствует *идеологии* (от греч. ιδέα — прообраз, идея) — «совокупности системно упорядоченных взглядов, выражающей интересы различных социальных классов и других социальных групп, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу и либо признаются установленные формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновывается необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии). Идеология не наука, хотя она *может* включать научные знания... В отличие от науки — идеология (как выражение *частных* интересов, в форме всеобщности) представляет собой знание о социально-политической жизни, по соотношению интересов её сил определяя *желательность или нежелательность* того или иного социального бытия». Данное определение взято из Википедии⁸.

В связи с чем, мы должны отметить, что сколь бы корректно не отбражвали определения содержание того или иного описываемого явления или процесса, они лишь классифицируют, фиксируют, или подчеркивают их специфические особенности. При этом они, как правило, не занимаются анализом причин их происхождения и налагаемых на них функций. Что касается идеологий, эти их особенности освещены нами в «Идеологические системы мира. Сны разума». В упомянутой монографии идеология интерпретируется как «строго направленная (векторная) и «дисциплинированная» система убеждений, касающихся узкого круга идей, и лишающая человека свободы выбора и сомнения, вопрошания и критики, а за отказ от беспрекословного подчинения своим догматам грозящая ему репрессиями». Читатель, знакомый с азами марксизма, не может не согласиться, что это учение полностью согласуется и с нашим и с классическим определением идеологии, но никак не с наукой или философией. Поскольку ключевую особенность последних, в отличие от диалектического материализма, характеризует полная свобода интеллектуального творчества.

⁸ Наши ссылки на Википедию вполне оправданы, так как по объёму сведений, тематическому охвату и их освещению она признается наиболее не догматичной, наименее тенденциозной и «самой полной энциклопедией из когда-либо создававшихся за всю историю человечества».

Здесь уместно подчеркнуть следующее. Философия при своем рождении была свободным интеллектуальным творчеством свободных людей. Платон первым попытался надеть на нее узду идеологии, заставить ее поверить в существование неких вне- или надприродных сущностей, якобы правящих материальным миром. Он и явился «отцом-основателем» идеализма, потерявшего связь с реальным миром и воспарившего, как ему казалось, в «горние выси», а в действительности оказавшегося, в конце концов, в железных объятиях христианства. Сегодня под *идеализмом* (от фр. *idéalisme*, через лат. *idealis* от греч. *idéa* — идея) понимают философскую концепцию, исходящую из убеждения в первичности идеально духовного по отношению к материальному в сфере бытия. Его антитезу составляет *материализм* (от лат. *materialis* — вещественный), в соответствии с которым онтологически первичным началом является материя, как объективная реальность, а идеальное (понятия, воля, сознание и тому подобное) — вторичным. При этом у нас долгое время было принято считать, что их противопоставление составляет «основной вопрос философии». (Оба термина — «идеализм» и «материализм» был введён Г. Лейбницем в XVIII веке). Вместе с тем, часто говорят, будто материализму, как философскому течению, противоположному идеализму, положил начало Демокрит. Обвинение в его адрес в этом «преступлении» ни на чем не основано. Демокрит был не «стихийным материалистом», каковым пытаются его представить марксисты, а атеистом. Ибо *атеизм* отнюдь не тождествен материализму. Он лишь отрицает существование богов и ничего более. (Атомы Демокрита представляли собой не мертвые, но живые первоэлементы *всей* природы — от космических объектов до человека).

В рассуждениях о близости философии и науки негласно присутствует вопрос об их роли в формировании современной мировой цивилизации. При этом выдающийся вклад науки в ее интеллектуальный и материальный прогресс настолько неоспорим, что не вызывает никаких сомнений и возражений, тогда как с философией дело обстоит не столь очевидным образом. Поскольку история ставила слишком много препятствий на ее пути, одни из которых удавалось обходить достаточно легко, с другими ей приходилось изменять самой себе. В силу чего имеет смысл обратиться к причинам, которые провоцировали многочисленные посягательства на ее суверенитет со стороны внешних сил, тем самым повлияв на ее становление. Отчасти эти вопросы рассматривались нами в «Мифы. Вчера, сегодня, завтра» и было признано, что импульсом к рождению философии послужила обыкновенная любознательность: желание объяснить проис-

хождение тех или иных явлений. В этом смысле философия родственна древнему *мифотворчеству* (от греч. μῦθος — предание, сказание), с одной стороны, с другой — современной *этиологии* (от греч. αἰτία — причина), науки, «занимающейся изучением причин или первопричин»⁹. Но если респектабельная этиология сегодня специализируется на изучении, главным образом, частных проблем мифологии (объяснении происхождения имен, фамильных родов, географических названий и т. д.), то «вчера» она, порождая огромное количество всевозможных объяснительных мифов, попутно «изобрела» философию. При этом Гегель настаивал на том, что ее «родителем» была именно религиозная мифология.

Однако он не догадывался о том, что у религиозной мифологии была предшественница — мифология магическая. Это не удивительно, поскольку в его эпоху вообще плохо осознавали принципиальное различие между магическими и религиозными верованиями в силу отсутствия науки этнографии как таковой. Четкое и строгое разграничение между ними сформулировал Дж. Фрэзер, опубликовавший свою фундаментальную монографию «Золотая ветвь» спустя век после создания трудов Гегеля. Поскольку разница между *магией* (от лат. — *magia* и греч. — μάγεία) и *религией* (от лат. *religare* — связывать, соединять), даже сегодня не вполне осознается многими образованными людьми для указания источника происхождения философии, мы вынуждены сослаться на его суждение об этих предметах. Магия «исходит из предположения, что все личные существа, будь они людьми или богами, в конечном итоге подчинены безличным силам, которые контролируют все, но из которых, тем не менее, может извлечь выгоду тот, кто знает, как ими манипулировать с помощью обрядов и колдовских чар», — утверждает Фрэзер. Тогда как «под религией я понимаю умиловивление и умиротворение сил, стоящих *выше* человека, сил, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни», — добавляет он. В этих определениях предельно контрастно выражено прямо противоположное отношение к иррациональным представлениям, доминирующим в сознании с одной стороны, первобытного мага-коммуниста, с другой — цивилизованного жреца-социалиста (объяснение последнему термину дается выше, в разд. 4.5.5 и 4.5.6).

Фрэзер особенно настойчиво подчеркивает эту полярность между магией и религией, а также между их поверенными — колдунами и жрецами — представителями одного и того же психотипа, склонного считать себя ли-

⁹ Oxford University Press, 2002.

цом, приближенным к потусторонним силам. «Радикальной противоположностью магии и религии объясняется та непреклонная враждебность, с которой священнослужители на всем протяжении истории относились к колдунам. Священника не могла не возмущать высокомерная самонадеянность колдуна, его надменность в отношении к высшим силам, бесстыдное притязание на обладание равной с ними властью. Жрецу какого-либо бога с его благоговейным ощущением божественного величия и смиренным преклонением перед ним такие притязания должны были казаться неблагочестивой, богохульной узурпацией прерогатив, принадлежавших одному богу» — замечает Фрэзер. Вместе с тем, он отмечает, что «слияние и соединение магии и религии в разные эпохи встречается у многих народов. Но есть основание полагать, что такое слияние не является изначальным и что было время, когда в удовлетворении желаний, которые выходят за пределы непосредственных животных вожделений, человек полагался единственно на магию»¹⁰. Тем самым, Фрэзер защищает тезис об эволюционной последовательности магии и религии, выводя вторую из первой. Некоторые современные исследователи, правда, оспаривают этот вывод¹¹, но логика, приводящая к нему, представляется безупречной.

Сходное представление о различиях между магией и религией разделяет Э. Дюркгейм — последователь основателя науки социологии О. Конта. Применив методы последнего в этнографии в своей книге «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии», Дюркгейм определяет *религию* как «единую систему верований и действий, относящихся к священным, т. е. к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен... Собственно религиозные верования всегда являются общими для определенной группы, которая открыто признает свою приверженность им и связанным с ними обрядам. Они не только допускаются всеми членами данной группы в качестве личного дела, но они являются делом группы и создают ее единство. Составляющие ее индивиды чувствует себя связанными между собой уже тем только, что у них общая вера... Религия должна быть явлением главным образом коллективным... Совершенно иначе обстоит дело с *магией*, — утверждает Дюркгейм, — Несомненно, магические верования всегда имеют некоторое распространение; чаще всего они рассеяны в широких слоях населения, и существуют даже народы, где они насчитывают

¹⁰ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 54–58. М., 1983.

¹¹ Sir James George Frazer // Encyclopædia Britannica. Web. 15 May. 2013.

не меньше последователей, чем собственно религия. Но они не имеют своим результатом связь между собой исповедующих их людей и их объединение в одной группе, живущей одной и той же жизнью. Не существует магической церкви. ...У мага есть своя клиентура, а не Церковь, и его клиенты могут вполне не иметь между собой никаких отношений, вплоть до того, что могут не знать друг друга»¹².

Проводя демаркацию между магией и религией, Дюркгейм подобно Фрэзеру особенно энергично подчеркивает факт «явного отвращения религии к магии и взаимной враждебности магии и религии». Но при этом он категорически отрицает какую-либо эволюционную связь между ними, пытаясь опровергнуть мнение Фрэзера на этот предмет. При этом он не замечает, как противоречит самому себе. В самом деле, перечисляя параллельные атрибуты магии и религии, он пишет: «В Австралии и Меланезии, в Греции и у христианских народов, души мертвых, их костные останки, волосы относятся к числу посредников, которыми чаще всего пользуется колдун. Демоны также являются распространенным инструментом магической деятельности. Но демоны — это существа, также окруженные запретами; они также отделены, живут в особом мире и часто даже трудно отличить их от *богов* в собственном смысле... Существуют даже определенные, официально признаваемые божества, к которым обращается колдун. Либо это боги чужого народа; например, греческие маги вводили в игру египетских, ассирийских или еврейских богов. Либо это были даже национальные боги: Геката и Диана были объектами магического культа; Святая Дева, Христос, христианские святые использовались подобным образом христианскими магами... Таким образом, существуют обряды без богов, и даже обряды, от которых происходят боги», — заключает Дюркгейм. Более того, он вынужден признать, что «существуют великие религии, где идея богов и духов отсутствует или, по крайней мере, играет лишь вторичную и малозначительную роль. Таков пример буддизма. Буддизм, говорит Бюрнуф, «в противовес брахманизму выступает как мораль без бога и атеизм без Природы». «Он совсем не признает бога, от которого бы зависел человек, — говорит Барт, — его учение абсолютно атеистично», а Ольденберг, со своей стороны, называет его «религией без бога».

Будучи непредвзятым исследователем, Дюркгейм соглашается с тем, что «даже внутри деистских религий мы находим большое число обрядов, которые совершенно свободны от всякого понятия о богах или о духовных

¹² Э. Дюркгейм. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 225–230.

существах. Прежде всего, существует множество запретов. Библия, например, велит женщине жить отдельно ежемесячно в течение определенного времени; она принуждает ее к подобной изоляции во время родов; она запрещает запрягать вместе осла и вола, носить одежду, в которой смешаны лен и шерсть. И при этом невозможно увидеть, какую роль вера в Яхве могла сыграть в этих запретах, так как он отсутствует во всех отношениях, запрещаемых таким образом, и не затрагивается ими. То же самое можно сказать о большинстве пищевых запретов. И эти запреты характерны не только для евреев; в разных формах, но с одинаковыми особенностями их находят в бесчисленном множестве религий.

Что же мешает, в таком случае, Дюркгейму признать родство магии и религии при столь явных и многочисленных параллелях между ними? На наш взгляд, два момента. Первый — *мистическое* понимание религии, которой он приписывает святость, которая, якобы, и разверзает между ними бездонную пропасть! Он доказывает свой тезис ссылкой на то, что «поскольку понятие священного в мышлении людей всегда и повсюду отделено от понятия светского, поскольку мы усматриваем между ними нечто вроде логической пустоты, ум испытывает неодолимое отвращение к тому, чтобы соответствующие явления смешивались или даже просто оказывались в контакте». Это «неодолимое отвращение» по Дюркгейму объясняется тем, что «в истории человеческой мысли нет другого примера двух категорий вещей, столь глубоко дифференцированных, столь радикально противостоящих друг другу... как священное и светское, (которые) всегда и везде воспринимались человеческим умом как два отдельных рода, как два мира, между которыми нет ничего общего... Разделение мира на две области, из которых одна включает в себя все, что священо, другая — все, что является светским, — такова отличительная черта религиозного мышления» — утверждает Дюркгейм. Но вновь противоречит себе, признавая, что «под священными явлениями не следует понимать только те личные существа, которые называют богами или духами; утес, дерево, родник, камень, кусок дерева, дом, словом, любая вещь может быть священной».

Вторая возводимая им непреодолимая стена между магией и религией основана на убеждении, будто религия — явление коллективное (социальное), тогда как магия — индивидуальное (личностное). Здесь ошибка Дюркгейма объяснима и простибельна. Он не подозревал о том, что явление социальности широко распространено уже в животном царстве (К. Лоренц и Н. Тинберген основали науку этологию несколькими десятилетиями позже времени активной фазы творчества создателя науки социологии). Он не имел представления о том, что в коллективном существ-

вования проявляются два рода социальности: слабая и сильная, именуемая *эусоциальностью* (об этом в разд. 4.5.5)¹³. И что магия есть проявление (механизм) слабой социальности, тогда как религия — эусоциальности. Что, наконец, человек — существо социальное, как минимум, уже 50 тыс. лет. Поэтому то, что представлялось убедительным в конце XIX века, выглядит наивным в веке XXI. Ибо критическое прочтение любой, без исключения, религиозной системы мира найдет в них огромное множество логических противоречий и неувязок, выдающих не святость, а грубейшее невежество. Кстати, вполне объяснимое детской незрелостью самого коллективного сознания (понятия, автором которого был Дюркгейм), в эпоху его зарождения. (Можно думать, что ему удалось бы избежать многих ошибок в интерпретации магии и религии, если бы он задался вопросом об их роли и функциях в жизни людей — см. разд. 4.6). В действительности, все явления культуры, как магия, так и религия в том числе, преемственны и взаимосвязаны. Главное же, что их объединяет — способ и язык мышления. Дюркгейм поясняет, и здесь с ним нельзя не согласиться, что «религиозные явления совершенно естественным образом разделяются на две основные категории: верования и обряды. Первые — это состояния сознания, они состоят в представлениях; вторые — это определенные способы действия. Между этими двумя классами фактов существует такое же существенное различие, какое отделяет мышление от движения». Но точно такое же разделение между состояниями сознания (которые мы именуем «теориями») и способами действия» (которые мы определяем как «практика») свойственно магии.

В этом контексте происхождение «теоретической», как магии, так и религии едино: их общим прародителем является *анимизм* (от лат. *anima*, *animus* — «душа» и «дух» соответственно). Этнограф и культуролог Э. Тайлор, введший представление об анимизме в науку, понимал его синкретично: одновременно как понятие и как концепцию — тот «минимум религии»¹⁴, который составляет первоначальную стадию развития всех вообще иррациональных представлений, включая первобытные верования. Это сделало его позицию уязвимой для критики. В частности, С. Токарев подчеркивает, что «отнодь нельзя сказать, чтобы анимистические верования были наиболее характерны для ранних стадий развития

¹³ В животном мире слабая социальность распространена у многих видов высших таксономий — млекопитающих и птиц. Эусоциальность — только у четырех видов общественных насекомых — муравьев, термитов, пчел и ос.

¹⁴ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. С. 210. М., 1989.

религии, а на поздних стадиях сохранялись бы лишь как пережиток, как это предлагают сторонники «анимистической теории». Скорее наоборот: именно в религиях наиболее отсталых народов, как, например, австралийцев анимистические верования играют подчиненную роль. Кроме того, еще можно спорить о том, все ли относимые сюда обычно представления являются действительно анимистическими, то есть представлениями о «духовных», нематериальных существах. Зато как раз в «высших» религиях типа христианства или буддизма выработались чисто анимистические представления: идея о чисто нематериальной душе человека, о бесплотных духах — ангелах, демонах и пр. А из всего этого следует, что анимизм никак нельзя рассматривать как определенную форму религии. Напротив, это неотделимая составная часть всякой религии, в особенности наиболее сложных и развитых религий»¹⁵.

Токарев соглашается с Дюркгеймом в том, что любые верования, будь то магические, религиозные или светские, включают в себя не только «теорию», но и «практику». Если в первобытную эпоху «теорию» порождало воображение, то «практику» (разнообразные культы, обряды и ритуалы) — психика, то есть подсознательные и бессознательные эмоции и аффекты, находящие выход во всевозможных коллективных телодвижениях, ритмических танцах, иногда сопровождаемых речитативами и т. д. Между тем, смысл анимизма как понятия («теории») состоит в строгом разделении мира на две прямо противоположные субстанции: на «мертвые» материальные объекты и «оживляющие» их духи в полном соответствии с суждением Дюркгейма. Ибо само понятие «дух» или «душа» противостоит тому материальному, что она покидает, например, во время сна, или гибели человека, или, во что она входит, возвращаясь с его пробуждением. Но для того, чтобы противопоставлять одно другому или разделять нечто, пусть даже мысленно, необходимо прежде видеть это нечто нерасчлененным даже в воображении. Следовательно, анимизм как «практика», отображающая или копирующая мир еще не разобщенный на составные части из идеального и материального, «живого» и «мертвого» должен был предшествовать анимизму как понятию, производящему операцию разъединения единого целостного представления на две независимые части. Иначе говоря, анимизм как понятие и как концепция (объединенные «теория» и «практика») отнюдь не тождественны.

Вместе с тем, Токарев ошибается, ограничивая применимость анимизма как «теории» или «языка» практически для всех верований про-

¹⁵ Токарев С. А. Ранние формы религии. С. 381. М., 1990.

шлого и настоящего, дихотомически разделяющих мир на: идеальное и материальное, мистическое и рациональное, природное и культурное. Здесь, бесспорно, прав Тайлор, замечая, что «на этой точке соприкосновения классической религии с классической философией можно до сих пор еще найти следы исторической преемственности. Сказать, что Демокрит был древний грек, — значит признать в то же время, что он с детства насмотрелся на погребальные церемонии своей страны, на похоронные приношения одежды, драгоценностей, денег, пищи и питья — словом, на обряды, которые, по объяснению матери или няньки, совершались для того, чтобы призрачные тени этих предметов могли перейти во владение подобных же теней, или душ умерших людей. Таким образом, Демокрит, отыскивая ответ на великий вопрос о природе мышления, нашел его, просто перелив в метафизическую форму унаследованное от дикарей учение первобытного анимизма ... Понятие о человеческой душе, по существу, осталось неизменным от философии дикарей-мыслителей до учения современных профессоров богословия: во все времена она определялась как оживляющая, отделяемая и бессмертная сущность, как причина индивидуального существования. Учение о душе составляет главную часть системы религиозной философии, которая связывает непрерывной умственной нитью дикого поклонника фетишей с цивилизованным христианином»¹⁶. Коротко говоря, анимизм являет собой общий, универсальный «язык» для *всех без исключения* верований: от архаичных магических (обретших в наши дни второе дыхание) и древних религиозных, до современных философских концепций и идеологий, как светских, так и религиозных.

Противопоставление материального и идеального служит идеологическим оправданием марксистской доктрины, а «доказательство» превосходства «духовного» арийца над «бездуховными» славянами и прочими «второсортными» народами составляет сердцевину фашизма. Более того, все современное естествознание от физики до биологии придерживается принципа анимизма, воплощенного в строго *механистическом* понимании физической и органической природы, естественного и неестественного! Ибо разделение мира на «мертвые» физическо-химические и «живые» биологические и социальные объекты, как раз и выдает его анимистическую сущность. Так что в этом отношении Тайлор бесспорно прав. Но далее он делает неожиданное заключение: «Несогласия, разделившие великие религии мира на нетерпимые и враждебные секты, по большей части поверхностны в сравнении с тем, что отделяет анимизм от материализма». Он как будто не

¹⁶ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. С. 250–252. М., 1989.

замечает, что само размежевание материализма с религией есть следствие видения мира сквозь очки анимистической дихотомии, что материализм и идеализм как таковые — суть детища одного «родителя» — анимизма, отражающие его дальнейшее развитие на уровне философских концепций.

Возвращаясь к критике Токаревым теории Тайлора, отметим решительное несогласие первого со сведением в единое понятие магии и религии, постулируемое вторым. Токарев не принимает (или не желает принять) безусловно обоснованного суждения на этот счет Фрэзера, и как бы вскользь замечает, что доказательство последнего «относится к группе чисто интеллектуалистических теорий»¹⁷. Повод к такой оценке, правда, дал сам Фрэзер, когда в причинах перехода от магии к религии он усмотрел озарение, якобы посетившее первобытных мыслителей. «Признание присущей магии ложности и бесплодности побудило мыслящую часть человечества заняться поисками более истинной теории природных явлений и более плодотворного метода использования природных ресурсов. Со временем проникательные люди заметили, что в действительности магические обряды и заклинания не приносят результатов, на которые они рассчитаны. Великое открытие недейственности магических процедур произвело, вероятно, радикальный, хотя и медленный переворот в умах тех, у кого достало сообразительности его сделать. Открытие это привело к тому, что люди впервые признали свою неспособность по собственному произволу манипулировать силами природы, которые до того времени считались полностью находящимися в их власти. Это было признанием своего невежества и слабости»¹⁸. Что, дескать, и обусловило рождение «новой истины» — религий, утверждает Фрэзер.

Поэтому сложно не согласиться с Токаревым в странности того, что человек, казалось бы, досконально изучивший верования самых отсталых в культурном отношении народов, не заметил, что, например, те же аборигены Австралии или бушмены за десятки тысяч лет своего «путешествия по земле» так и не приобщились к религии и к понятиям о богах. Неужели же среди них не нашлось ни одного сообразительного, который сказал бы соплеменникам: не верьте в то, что можете манипулировать духами, поверьте богам и покоритесь им? Или Фрэзер закрывал глаза на то, что многотысячелетняя вера в богов ничуть не помогла индийцам или мусульманам, народам Юго-восточной Азии или аборигенам Америки — майя, инкам, ацтекам улучшать свою жизнь, делать ее более защищенной

¹⁷ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. С. 127. М., 1987.

¹⁸ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 61. М., 1983.

от различных невзгод и более комфортной. А ведь среди них, несомненно, рождались люди выдающегося ума. Так что трансформация магии в религию произошла, разумеется, не в силу внезапного «открытия» мудрецами мира слабости и неудовлетворительности магии, а вследствие неолитической революции: радикального изменения способов добывания средств к существованию. Не внезапное озарение одиночек, а долгий, растянувшийся на тысячелетия переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству явился причиной радикального переосмысления вчерашними охотниками-собираателями отношения к природным стихиям, их резко возросшая зависимость от последних. Впрочем, неприятие Токаревым сценария возникновения религии из магии, предложенного Фрэзером, можно объяснить требованиями цензуры: советский ученый не смел отступать от «линии партии» даже в мелочах. И если товарищи К. Маркс и Ф. Энгельс не делали различия между магией и религией, то и Токареву непростительно было проявлять вольнодумство.

Итак, можно сказать, что анимизм как «теория» есть система представлений, возникших благодаря мышлению по *аналогии*¹⁹ (от греч. *ἀναλογία* — пропорция, соответствие, сходство), но ставших с течением времени универсальной идейной основой для огромного большинства интеллектуальных — религиозных, философских и даже научных концепций. Но ей предшествовала вера, вовсе не разделявшая все сущее на материальное и духовное. Эта вера состояла в непоколебимом убеждении, что *вся без исключения* окружающая человека природа жива сама по себе. Реликты этого мышления видны в «просветительских» и занимательных сказках едва ли не всех народов. В русских народных сказках, например, люди свободно общаются с рыбами и птицами, четвероногими и даже с растениями. В «Мифы. Вчера, сегодня, завтра» было показано, что народы, задержавшиеся в своем культурном развитии, не разделяли мир на одушевленный и неодушевленный части. Тем более они не противопоставляли человека животным и растениям, камням и скалам. Вся окружающая его среда представлялась им одухотворенной, а себя они видели ее неотъемлемой частью. Горы и реки, растения и облака, небесные све-

¹⁹ «Умозаключение по аналогии, как и любое другое умозаключение, является отображением в нашем сознании наиболее обычных отношений вещей. ...В частности, благодаря своей наглядности и доступности аналогия широко используется в математике. ... Общим для всех выводов по аналогии считают то, что во всех случаях непосредственному исследованию подвергается один предмет, а вывод делается о другом предмете. Поэтому вывод по аналогии в самом общем смысле слова определяется как перенос информации с одного предмета на другой» (Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.)

тила, они сами и животные вступали друг с другом во всевозможные отношения. Так солнце, бывало, ходило в гости к воде, а вода со своими родственниками — к солнцу. Солнце могло быть мужем луны, а могло и враждовать с ней. В этих отношениях человек не ставил себя ни выше, ни ниже природы. Он представлял себя настолько равным ее объектам, что мог, например, помочь солнцу взобраться на небо, породить Млечный Путь, или заставить небо приподняться так высоко, чтобы оно перестало мешать ему размахивать руками. Ведь даже солнце первоначально было человеком — солнечной подмышкой. (Веру в то, что жизнь присуща сама по себе безотносительно чего бы то ни было внешнего по отношению к природе и каждой составляющей ее частице в отдельности мы называем, как было сказано во Введении, гилозоизмом).

«У первобытного человека есть только одна форма мысли, одна часть речи, один способ выражения: личный, — пишут Г. и Г. А. Франкфорты, ссылаясь на Краули, и продолжают, — Это не означает (как часто думают), что первобытный человек для объяснения природных явлений наделяет неодушевленный мир человеческими характеристиками. Для первобытного человека *неодушевленного мира попросту не существует* (курсив наш. — Г. Г.). По этой-то причине он и не «персонифицирует» неодушевленные явления и не наполняет пустой мир духами мертвых, в чем пытается нас убедить «анимизм». Мир для первобытного человека представляется не пустым или неодушевленным, но изобилующим жизнью. Эта жизнь проявляется в личностях — в человеке, звере и растении, в каждом явлении, с которым человек сталкивается, — в ударе грома, во внезапной тени, в жуткой и незнакомой лесной поляне, в камне, неожиданно ударившем его, когда он споткнулся на охоте»²⁰.

Более того, первобытный гилозоист верил в то, что его предками были животные, птицы, рыбы и даже насекомые или растения. Или что наоборот, некоторые животные и даже камни и скалы произошли от него. И поскольку его с детства приучали почитать своих родителей, он, заодно почитал и своих первопредков — животных, с которыми он состоял хоть и в отдаленном, но кровном родстве. (Отсюда — многие фамилии, в частности, у русских, подобные Медведевым и Ворониным). Таких первопредков, с которыми связывали свое происхождение или какие-то особые отношения те или иные роды (кланы), называли тотемами. Бывало, что тотемы разделялись на мужские и женские. Так, летучую мышь абorigine-

²⁰ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. С. 26. М., 1984.

ны Австралии считали «братом» мужчины, а козодоя — его «женой». Поэтому они всячески оберегали их обоих, руководствуясь поверьем, что убить кого-либо из них, значит убить мужчину или женщину их племени. Батаки с острова Суматра делились на кланы, которые различались тем, что одним кланам возбранялось есть мясо крокодила, другим — мясо голубя, третьим — мясо буйвола, четвертым — саранчу и так далее. Причина же запрета (табу) состояла в их уверенности, что они ведут свой род от животных этого вида. (Это верование принято называть *тотемизмом* от totem — «его род», понятие, заимствованное англичанами у индейцев).

В эпоху каменного века происхождение человечества приписывалось самым разным обстоятельствам. Так, иногда считалось, что первый человек вышел из термитника, а в иных случаях полагали, будто его породил тростник или бамбук. Не отрицалась и та версия, что однажды он появился на свет в сетях хамелеона, или был вылеплен из глины. Не отбрасывался вариант, согласно которому человек произошел вследствие спора неба и моря. Смерть человеку первобытной культуры в одних случаях казалась следствием ошибки, допущенной вестником бессмертия, или нерасторопности последнего, или чьего-то злого умысла. В других случаях она могла являться результатом утраты способности вовремя сбрасывать кожу. Но могло быть и так, что смерть наступала из-за чьего-либо любопытства. Например, когда кто-то нарушал запрет и подглядывал за тем, как некто, когда приходило его время, сбрасывал свою кожу. Смерть вообще представлялась исключением из правила всеобщей неиссякаемости жизни природы». Коротко говоря, было время (многие тысячелетия), когда люди легко и просто обходились без понятия «дух» или «душа». Как же, в таком случае, и почему возникли эти представления?

Очевидно тогда и в силу того, что человек начал задумываться о самых серьезных проблемах, беспокоивших его воображение: о причинах собственной смерти, прерывавшей его жизненный путь, и перипетиях собственных сновидений, во время которых он был «сам не свой» или пребывал вне себя. Мысль о таких чувствительных вещах не может возникать на «пустом месте»: ее порождают активные переживания, которые у наших далеких пращуров нередко достигали силы стресса. У огромного большинства людей и сегодня мысли, чаще всего, рождаются сначала как неосознанные импульсивные рефлексы на какие-либо и чьи-либо действия, и лишь затем оформляются в виде осознанных и продуманных ответных реакций. Внезапный страх или ликование, аффекты и экзальтации — вот арсенал наших эмоций и психических откликов на те, или иные наиболее яркие происшествия нашей жизни. А какое событие может быть более значимым для ин-

дивида, чем его собственная смерть? И что может занимать воображение сильнее, чем мысль о ней? У некоторых молодых людей она порой настолько затмевает рассудок, что перерастает в манию, и тогда стремление к риску «на лезвие бритвы» переходит в навязчивую зависимость, которую они гасят в экстремальных видах спорта, связанных со смертельной опасностью. И даже в гораздо более безопасных ситуациях действие сплошь и рядом предшествует мысли: мы бессознательно улыбаемся в ответ на улыбку и хмуримся при виде угрозы, написанной на лице визави. Лишь несколько (или много) позже следует рациональное осмысление пережитого, иногда у некоторых завершающееся философией. Таким образом, представление о душе возникло в результате осознания противоположности между способностью и неспособностью чувствовать, двигаться, реагировать на происходящее, или между состояниями бодрствования и сна, во время которого сновидения переносят человека в иной, параллельный «этому», но не менее реальный для его воображения мир.

«Некоторые гренландцы, по замечанию Кранца, полагают, что душа покидает тело ночью и отправляется охотиться, плясать и посещать друзей... Новозеландцы думают, что душа спящего покидает тело и заходит в странствованиях даже в область умерших... На низшей ступени культуры очень часто думают, что душа, покинувшая тело, является во сне другому человеку, который, по выражению оджибве, «видит ее во время сна». Эта же мысль ясно высказывается в веровании фиджийцев в то, что дух живого человека может покинуть тело, чтобы мучить других во сне»²¹ — пишет Тайлор. И далее приводит красочное описание странствие души больного карена — аборигена Бирмы: «Верование каренов в «ла»» составляет полную и вполне определенную виталистическую систему. Это «ла», т. е. душа, дух или гений, может быть отделено от тела, которому принадлежит. Вследствие этого карен очень усердно старается удержать его при себе, призывая его, предлагая ему пищу и т. д. Душа выходит и отправляется бродить преимущественно в то время, когда тело спит. Если она будет задержана дольше известного времени, человек заболит, а если навсегда, то обладатель ее умрет. Когда ви, или знахарь, призывается для отлетевшей тени или жизни карена, и не может вернуть ее из области смерти, он иногда схватывает тень живого человека и переносит ее в мертвеца, вследствие чего настоящий обладатель ее, душа которого ушла во время сна, должен заболеть и умереть»²².

²¹ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. С. 220–221. М., 1989.

²² Там же. С. 218.

Коротко говоря, представление о *душе* и *духах*, а вместе с ними и анимизм как понятие могли возникнуть у человека *только* по аналогии с его собственными ощущениями сна и бодрствования, а так же с видимыми последствиями перехода от жизни к смерти у его близких. Что же касается конкретных представлений о душе или духах, то поначалу суждения о них были весьма противоречивы. Часто человек каменного века полагал, что их у него несколько. Например, что одна душа находится в голове, другая — в сердце, а остальные души — во всех тех местах, где чувствовалось биение пульса. При этом одни считали, что человек — обладатель всего трех душ, тогда как другие утверждали, будто душ у человека равным счетом семь. Щедрее всех в отношении количества душ, принадлежащих человеку, были обитатели Юго-Восточной Азии. Там придерживались мнения, что у человека имеется 30 (!) душ, которые находятся в руках, ногах, глазах, во рту и так далее. Причем в одних местах считалось, что душа, как и тело, смертна, в других — что бессмертна. Одними признавалось, что она невесома, другими — что она обладает определенным весом. После того как первобытный человек признал существование духов, он решил, что может принуждать духов окружающих его людей, предметов и природных явлений действовать по своему усмотрению. Например, он верил, что в случае засухи ему не составит большого труда вызвать дождь, а затем прекратить его. Он думал, что если его будут преследовать враги, он сможет домчаться до реки, и, повелев ей расступиться перед ним, перейти ее вброд. А когда недруги, разгоряченные погоней, также вступят в реку, он прикажет ей сомкнуться. И река вновь должна будет повиноваться ему, губя преследователей. Единственное требование к тому, чтобы чужие духи могли исполнять его распоряжения, — знать секреты того, как влиять на них. Поэтому высоко ценились те, кто считался сведущим по части заклинаний, обрядов и чар, дающих им силу повелителя духов рек и зверей, деревьев и камней.

Обладатели таких секретных знаний слыли за колдунов, шаманов или магов, и, что не удивительно, очень почитались среди рядовых соплеменников. А обряды, которые они совершали, заставляя духов действовать по своему разумению, называют магией. Ключевой момент здесь тот, что все духи равны между собой, среди них нет ранжира или иерархии. И когда дух, вызванный одним колдуном, например, вступал в схватку с духом, призванным другим колдуном, то победа или поражение, в конечном счете, зависели от того чьи колдовские чары оказывались сильнее в данный момент времени. Из этого следуют три вывода. Во-первых, магия есть практика верования, основанного на *«теории» демократического анимизма* (при котором все духи признаются равными между собой). Во-вторых,

магия также как анимизм вторична по отношению к *синкретичному* гилозоизму. Они оба его порождения — магия как практика, анимизм как теория, разделяющая все природное на материальные объекты и субъекты, и на то, чему позже будет дано название дух или душа. Иначе говоря, для гилозоизма понятие «жизнь» обходится без дефиниции «душа», так что все материально существе живо само по себе без посредства этого понятия. По этой причине современное философское течение, именуемое **панпсихизмом** (греч. παν — все и ψυχή — душа) не вполне тождественно гилозоизму, так как признает существование душ — сущностей, неведомых лексике гилозоизма. (Более адекватна гилозоизму дефиниция **панзоизм** от греч. παν — все и ζωή — жизнь). В-третьих, религия есть все та же практика верования, однако основанного на «теории» *авторитарного анимизма*, который ранжирует все духи по принципу иерархической пирамиды во главе с верховным духом — **богом**. По сути дела боги — *генералы среди духов*. Но их «изобретение» сыграло злую шутку с сознанием. Оно испытало облегчение от мысли, что отныне нет необходимости мучить себя размышлениями «о вечном». Теперь все, ранее казавшееся окутанным тайной, становилось ясным как день. «Боги так распорядились» — верили, ропща на засуху или потоп. Иногда боги мнились покровителями, и тогда говорили: «Мой бог помог мне», или «Он отвернулся от меня». Коротко говоря, бог снимал груз ответственности с разума и с правил общения с себе подобными, освобождая, как сознание, так и совесть от необходимости соответствовать статусу наиболее совершенного творения природы.

1.2. В преддверии философии

Вопрос о происхождении философии настолько же стар, настолько же все еще спорен. Обсуждая эту проблему, А. Чанышев отмечает, что «согласно Платону, начало философии в удивлении (изумлении). В Платоновском диалоге «Тэтет» сказано: «...как раз философу свойственно испытывать... изумление. Оно и есть начало философии». Эту догадку Платона об эвристическом значении удивления развивает далее Аристотель... «Благодаря удивлению, — сказано в его «Метафизике», — люди и начали философствовать впервые». При этом он определяет философию как «науку, занимающуюся рассмотрением первых начал и причин» всего сущего (Met. I, 2). Что же касается вопроса: из чего возникает философия, то у Аристотеля можно заметить намеки на то, что философия возникает и

из науки — как результат ее развития, и из мифологии»²³. Важное замечание, касающееся происхождения философии, Чанышев находит у Г. Гегеля, утверждавшего, что философия произошла из мифологии — мировоззренческой части религии. Вместе с тем, во «Введении» к своим лекциям по истории философии Гегель подчеркивал, что «философия выступает в истории лишь там и постольку, где и поскольку образуется *свободный государственный строй* (курсив наш. — Г. Г.)». Иначе говоря, для того, чтобы возможность философии реализовалась, необходим «расцвет действительной политической свободы»²⁴.

Рассматривая географию распространения философии в древнем мире, Чанышев как будто соглашается с Гегелем, а также с Аристотелем и Диогеном Лаэртским в том, что честь рождения философии принадлежит Элладе. В подтверждение чему он приводит веские доводы в пользу того, чтобы отнести все космогонические мифы Вавилона, Древнего Египта и Ирана к предфилософским концепциям, не более того. Касаясь индийской мудрости, он пытается увидеть в ней попытки систематизации позитивных знаний об окружающем мире и усилия по рационализации мышления. Но, в конечном счете, вынужден признать, что даже Упанишады — эти «венцы индийской философии» мало соответствуют критериям истинной философии. Зато древнекитайские школы конфуцианцев и моистов, легистов и даосцев, а также школы инь-янь и имен Чанышев относит к философским учениям, но с многочисленными вескими оговорками. Так, он соглашается с тем, что в авторитарном «Китае преобладала практическая философия, проблемы управления людьми, народом, страной. Мировоззренческая сторона философии выражена слабее. Слаба и логическая системность, которую, правда, восполняла классификационная. Логический аппарат в китайской философии был разработан слабо, сам язык без суффиксов и флексий недостаточно абстрактен. Связь с наукой была тесной, но сама наука — малотеоретичной. Древнекитайская математика лишена доказательств, она не дедуктивна. И это не могло не получить своего отражения в философии»²⁵. Коротко говоря, обзор возможных регионов зарождения философии привел Чанышева к ожидаемому выводу, что им была исключительно Эллада, подтверждая мнение Гегеля о ее связи с демократическим режимом правления.

Однако он ошибался, утверждая, что «первая философия» мыслила языком *анимизма*, — то есть «мировоззренческой части религии». Она,

²³ Чанышев А. Н. Начало философии. С. 11–13. М., 1982.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Там же. С. 63–64.

действительно, изъяснялась на языке анимизма, имея, тем не менее, в виду понятия и представления *гилозоизма*. Первые философы говорили о духах и даже о богах, но понимали их как неотъемлемые части природы, а не как трансцендентные ее сущности. По словам Аристотеля «Фалес полагал, что все полно богов», а Плутарх, ссылаясь на Анахарсиса, замечал, что, по мнению Фалеса, «во всех важнейших и величайших частях космоса имеется душа»²⁶. Точно также Анаксимандру приписывали утверждение о том, что «бесконечные небосводы [миры] суть боги». А Цицерон, рассуждая о природе богов, цитировал Анаксимена, по мнению которого «воздух — бог, он рождается, неизмерим и бесконечен и всегда в движении»²⁷. Богом признавал Вселенную Ксенофан. Гераклит же «дерзнул сказать, что земной человек — смертный бог, а небесный бог — бессмертный человек»²⁸. В этом употреблении первых философов понятий «бог» и «душа» нет ничего удивительного. Ибо к VII–VI до н. э. эти фантомы настолько прочно обосновались в лексиконе греков, что отказ от них был уже невозможен. Тем более, что они были удобны для описания того, что породило их воображение. Но какова может быть связь расхождения между магией и религией с происхождением философии? Самая непосредственная.

Обсуждая проблемы генезиса философии, Г. и Г. А. Франкфорты солидаризируются с Чанышевым во мнении о том, что если ее исторические корни раскиданы были от Ближнего до Дальнего Востока, то пробиться сквозь толщу асфальта восточного авторитаризма ей удалось только на почве демократической Эллады, как тонко заметил Гегель. «Не только в мистериальных религиях греки помещали человека ближе к богам, чем когда-либо это делали египтяне и вавилоняне. Греческая литература называет много женщин, имевших любовниками богов и родивших им детей, и уже указывалось, что типичным грешником в Греции был человек, пытавшийся овладеть богиней. Более того, олимпийские боги хотя и проявлялись в природе, но не создали вселенную и не могли распоряжаться человеком как со своим творением с тем же не подлежащим обсуждению права собственника, которым пользовались древние ближневосточные боги»²⁹, — пишут они.

Рассматривая особенности ближневосточных религий, их соавторы — Дж. Уилсон и Т. Якобсен фокусируют внимание на древнеегипетских и

²⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. С. 114–115. М., 1989.

²⁷ Там же. С. 131.

²⁸ Там же. С. 215.

²⁹ Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М. с. 210. 1984.

месопотамских мифах, в которых особенно ярко проявилась их связь с окружающей природой и географическими факторами. Так, в обеих странах считалось, что мир возник из вод хаоса. В Египте первобытный океан был мужчиной — богом Нун. Он мыслился как оплодотворяющее начало, и в этом качестве он был постоянным фактором созданной вселенной и был узнаваем в ежегодном разливе Нила. Природа представлялась установившимся порядком, в котором перемены были либо поверхностными и незначительными, либо представляли собой развертывание во времени того, что было предопределено изначально. Поэтому боги Египта были могучими, не будучи жестокими. Тем же ощущением равновесия пронизана космология и теология египтянина, поскольку египетская цивилизация возникла в компактной стране, где одно селение лежало в успокоительной близости к другому, а все пространство в целом было замкнуто и изолировано от окружающего мира защитным ограждением гор. Над этим надежным укрытием каждый день проходило неизменное солнце, вновь и вновь вызывая Египет к жизни и деятельности после ночного мрака. Каждый год здесь разливался предсказуемый Нил, чтобы оплодотворить и оживить египетскую почву. Можно подумать, что Природа здесь намеренно обуздала себя, чтобы обособить эту безопасную долину и человек мог наслаждаться жизнью беспрепятственно.

В Месопотамии все было иначе. Так, океан был женским существом, Тиамат, матерью, порождавшей богов и чудовищ в таком изобилии, что ее безграничная плодородность угрожала самому существованию вселенной. И Тигр и Евфрат не похожи на Нил: они могут разливаться порывисто и непредсказуемо, разрушая дамбы человека и затопляя его посевы. Здесь дуют знойные ветры, засыпающие человека пылью и грозящие удушить его, идут проливные дожди, обращающие всю твердую поверхность земли в море грязи. Здесь Природа не сдерживает себя. Со всей своей мощью она сокрушает и попирает волю человека, дает ему почувствовать во всей полноте, сколь он ничтожен. Наблюдая столь могущественные силы природы, человек видит, как он слаб и с ужасом осознает, что вовлечен в игру чудовищных сил. Его собственное бессилие вызывает в нем отчетливое осознание возможности трагического для него исхода. Поэтому на всем протяжении месопотамских религиозных текстов слышатся ноты беспокойства, выражающие мучительный страх, что бесчисленные и грозные силы в любой момент могут принести несчастье. Тем более, что верховный творец был избран собранием богов, беспомощных перед угрозой сил хаоса. Их защитник Мардук, правда, одержав победу над своими противниками, создал-таки вселенную. Тем не менее, она была почти неуправляема, отчего в человеческой жизни не было ничего постоянного и успокоительного.

Резким контрастом политеистическим религиям Египта и Месопотамии выглядит монотеизм Израиля. Г. и Г. А. Франкфорты подчеркивают его особенность ссылкой на требование признания абсолютной природы и трансцендентность их Яхве. «Нигде более мы не встречаем этого фанатического обесценивания явлений природы и человеческих достижений — искусства, доблести, социального порядка — перед лицом исключительной значимости божества... Лишь Бог, трансцендентный любому явлению, не ограниченный никаким способом проявления, лишь безусловный Бог может быть единым и единственным основателем *всего* сущего» — подчеркивают они³⁰. Но если отшелушить все их попытки придать иудаизму особое качество и исключительность, обусловленную «бесконечной моральной отгагой» их основателей, проявленной ими при порождении новой религии, то ключевым остается все тот же географический фактор. «Древние евреи, кто бы ни были их предки и исторические предшественники, были племенными кочевниками. А поскольку они были кочевниками на Ближнем Востоке, они должны были жить не в беспредельных степях, но между пустыней и возделанной землей, между плодороднейшей из земель и полной безжизненностью, что в этом удивительном уголке мира располагается бок о бок. Древние евреи страстно желали навсегда обосноваться на плодородных равнинах... Организованные государства древнего Ближнего Востока были земледельческими, но ценности земледельческой общины противоположны ценностям кочевого племени, а в особенности — их крайнего типа — кочевников пустыни. Уважение оседлых земледельцев к безграничной власти и принуждение, налагаемое организованным государством, означают для кочевника непереносимую нехватку личной свободы. Вечная забота земледельца обо всем, что связано с явлениями произрастания, и его полная зависимость от этих явлений, представляются кочевнику формой рабства. С другой стороны, свобода кочевника может быть куплена лишь за определенную цену», — признают Франкфорты³¹. И эта цена — потеря связи с миром явлений. Правда, что означает эта мистическая связь, остается загадкой. Франкфорты, упоминая то обстоятельство, что «древние евреи появились на исторической сцене поздно и поселились в стране, проникнутой влиянием двух выдающихся соседних культур», фактически не учли это влияние, которое в действительности оказалось более значимым (даже решающим) нежели природный фактор.

³⁰ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. С. 206.

³¹ Там же. С. 208.

Оно проявилось в осознании Моисеем — лидером народа-скитальца той очевидной истины, что единственным способом сохранения единства и культурной идентичности соплеменников в полыхающих непрерывными войнами джунглях Ближнего Востока является обращение к строгому единобожию. Воспользовавшись идеей монотеизма, порожденной фантазией фараона Эхнатона³², он решил, что в этом враждебном мире только она может стать спасительной для сохранения суверенитета соотечественников, преградой для их ассимиляции соседями-аборигенами. Этого можно было достичь при одном неременном условии — если они уверятся в своей богоизбранности и вопреки всем невзгодам останутся верны своему Яхве. Этот племенной еврейский божок должен был, по убеждению Моисея, превратиться во всесильного верховного творца мира именно потому, что народ-странник, ведомый пророком, был слаб и не имел собственной земли. Боги всех окружающих народов были «владельцами» своих земель и, соответственно, покровителями населявших их народов. Авраам — предок евреев был выходцем из Ура, не имевшим собственного «якоря». Его потомки веками скитались по Ближнему востоку в поисках приюта. А так как Яхве был «безземельным», он, по мысли Моисея, должен был стать для евреев не рядовым покровителем, как у оседлых народов, а всесильным защитником, фактически «отцом родным». Поэтому пророк возвел его в ранг творца и распорядителя *всех земель, всего мира*, включая небо, землю и воды. Не имея в реальности *ничего* своего, Яхве, по замыслу Моисея, превратился в могущественного обладателя и хозяина *всего*, что есть на свете! Как маленький мальчик перед задиристыми дворовыми хулиганами надеется утешить их хвастливым рассказом о своем старшем брате-«авторитете», способном навести ужас на кого угодно и расквитаться с ними в случае чего, так и Моисей пытался вдохнуть воодушевление в своих соплеменников — обитателей шатров.

Заверения в безграничном всемогуществе «их» Яхве он подкреплял надеждой на якобы данное им обетование уделить своим фаворитам постоянное место под солнцем, где они могли бы, наконец, укрепиться и пустить корни, преклонить головы, разжечь свои очаги и более не искать

³² В этом вопросе мнение З. Фрейда о Моисее, как последователе Эхнатона, логически наиболее обоснованно по той тривиальной причине, что все наиболее значимые идейные открытия в истории представляли собой «единоразовые» события. Рождения иудаизма и буддизма, зороастризма, христианства и ислама, марксизма и фашизма — являли собой уникальное («штучное») интеллектуальное творчество одиночек, чьи идеи, расходясь кругами, со временем захватывали в свою орбиту миллионы людей.

себе нового места. Однако же и дар всевышнего оказался с двойным дном: обещанные земли пришлось завоевывать огнем и мечом долгие годы. И даже для храма Яхве не нашлось места лучшего, чем в Иерусалиме — городе, возведенном не своими руками, но отвоеванном у иевусеев и превращенном в столицу нового государства. Эти особенности формирования религии Моисея придали ей черты идеологии, целиком и полностью поглотившей сознание целого народа и сделавшейся краеугольным камнем его единства даже в состоянии тотальной политической и культурной диаспоры. Это рассеяние нации наступило с кончиной последнего обще-еврейского царя Соломона³³ и распадом единой страны на враждующие между собой «дома» Иудеи и Израиля. Трения между ними завершились полной катастрофой и потерей суверенитета обоими сторонами. Так или иначе, но остается историческим фактом, что религиозная специфика иудаизма, резко отличная от «стандартной», никак не повлияла на политический режим еврейских царств. Все первые еврейские государства ничем по существу не отличались от традиционных авторитарных цивилизаций Востока, если не считать того, что у еврейского жречества власти, вероятно, было больше, чем даже у египетского и вавилонского. Монотеизм ничуть не сказался на характере политической власти в древнем Израиле.

Перенесемся далее на субконтинент Индостан. Вторжение на него индоарийцев очень отдаленно напоминает историю завоевания Ханаана «двенадцатью коленами» Израиля. Разница между ними та, что еврейские «колена» были сравнительно малочисленны, перемещались в пространстве одновременно, составляя относительно компактные образования, претендовавшие на обладание довольно ограниченными землями. Индоарийцы передвигались волнами в течение веков, занимая огромные территории, частью никем не освоенные, частью принадлежавшие Индской или Хараппской цивилизации дравидов. Хараппцев отличали развитое монументальное строительство, металлургия бронзы и ирригационное земледелие. В Мохенджо-Даро были обнаружены едва ли не первые известные археологам общественные туалеты, системы городской канализации и городского водопровода. Важная роль в Хараппе отводилась внешней торговле. Ее торговые связи простирались вплоть до Шумера, Аравии и Средней Азией. Но все эти достижения неведомым пока истории образом канули в небытие в период с XVII по XIV век до н. э. в результате, либо природных катаклизмов, естественного вырождения, или же внешнего

³³ Мерой мудрости государя признается состояние страны, которую он оставляет после своего правления. В этом контексте Соломона трудно назвать мудрым правителем.

насилия. Возможно, последнее было спровоцировано как раз миграцией индоарийцев, оттеснявших аборигенов на юго-восток вглубь субконтинента. Во всяком случае, и здесь опять напрашивается параллель с древним Израилем, сохранившим в своей памяти многочисленные и вплоть до деталей перипетии завоевания Ханаана, закреплённые в Библии. Но, следует признать, что гигантский объем литературы, посвященной соответствующим событиям седого прошлого индоарийцев и становлению индуизма (Веды, эпосы Рамаяна и Махабхарата и пр.) далеко превзошел формат Библии. (Заметим попутно, что индуистская религиозная традиция считает Веды апаурушея — несотворёнными человеком, вечными богооткровенными писаниями, которые были даны человечеству через святых мудрецов).

Кроме того, до или в процессе завоевания нового места обитания в среде индийских земледельцев сформировались четыре главные касты, «варны», состоящие из: брахманов (священнослужителей), кшатриев (воинов), вайшьев (торговцев, скотоводов и земледельцев) и шудр (слуг и разнорабочих, предположительно — из аборигенов). Среди них брахманы составляли наивысшее сословие, аналогичное израильским левитам. Наконец, буддизм по своему мировоззренческому статусу явил собой ересь традиционного для древней Индии брахманизма подобно тому, как христианство, выйдя из лона иудаизма, составило конкуренцию своему родителю. Так или иначе, но начиная с VI века до н. э. на территории Индии появилось множество махаджанападов — независимых княжеств и республик. В III веке до н. э. большая часть Южной Азии объединилась в Империю Маурьев под управлением Чандрагупты Маурьи. Наибольшего расцвета империя достигла при правлении буддийского царя Ашоки. После его кончины и вплоть до Нового времени Индия пережила нашествия многих завоевателей. Одни из них не оставили в ее истории никакого следа, другие заметно повлияли на ее культуру и мировоззрение, но никоим образом на политическое устройство. Оно как возникло, так неизменно и оставалось сугубо авторитарным.

Последней остановкой в нашем путешествии на восток, станет Китай. Известно, что китайцы — автохтонная нация, история цивилизации которого прослеживается едва ли с первых дней существования Шан-Инь — первого государства на его территории, возникшего в конце XVII века до н. э. Оно просуществовало до XI века до н. э., когда было завоёвано коалицией народов во главе с правителем государства Чжоу — У-ваном. Период Чжоу (XI–III вв. до н. э.) делится на так называемые Западное и Восточное Чжоу. Восточное Чжоу, в свою очередь, разделяется на Чуньцзо («Период Весны и

Осени» VIII–V вв. до н. э.) и Чжаньго («Период Сражающихся царств», V–III вв. до н. э.). В период Чжаньго на территории Китая соперничали семь царств: Вэй, Чжао и Хань, Цинь, Ци, Янь и Чу. Присоединив одно за другим соседние царства, в 221 до н. э. правитель Цинь — будущий император Цинь Ши Хуанди — объединил весь Китай под своей властью. Так в середине III века до н. э. завершился период Восточного Чжоу. В период Восточного Чжоу формируются основные философские школы Древнего Китая: *конфуцианство* (VI–V вв. до н. э.), *моизм* (V в. до н. э.), *даосизм* (IV в. до н. э.), *легизм*. В V–III вв. до н. э.

В императорском Китае конфуцианство играло роль основной религии, не будучи религией как таковой. Оно определяло светские принципы организации государства и общества свыше двух тысяч лет в почти неизменном виде, вплоть до начала XX века, когда учение было заменено на «три народных принципа» КНР. В эпоху Мао Цзэдуна, конфуцианство порицалось как концепция, препятствуя прогрессу. Но в конце 1970-х культ Конфуция начал возрождаться. В настоящее время его идеи играют важную роль в жизни страны, касаясь проблемам совершенствования отношений правителей и подданных, воспитания моральных качеств правителей и подчинённых и т. д. Формально в конфуцианстве никогда не было института церкви. Но по своему весу, степени воздействия на сознания народа, на формирование стереотипов поведения, оно успешно замещает религию, способствуя устойчивости государственных институтов. В V–III вв. до н. э. серьёзную конкуренцию конфуцианству в качестве господствующей идеологии Китая составлял моизм, основателем которого был Мо-цзы. Считая народ высшей ценностью государства, учение выражало интересы, главным образом, ремесленников, крестьян и торговцев. Будучи убежденными противниками войн, моисты были мирными пацифистами.

Основы даосизма, философии Лао-цзы излагаются в трактате «Дао Дэ цзин» (IV–III вв. до н. э.). В центре доктрины — учение о великом Дао, которое есть закон бытия космоса, господствующий везде и во всем, всегда и безгранично. Его никто не создал, но всё происходит от него, чтобы затем, совершив кругооборот, снова в него вернуться. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, оно даёт начало, имя и форму всему на свете. Даже великое Небо следует Дао. Человек, чтобы стать счастливым, должен встать на этот путь, попытаться познать Дао и слиться с ним. Для чего ему следует признать принцип У-вэй, то есть стремиться избегать всякого усилия. У-вэй означает «недеяние», что вовсе не равнозначно

бездействию. Он скорее отрицает деятельность, идущую вразрез с естественным порядком вещей. Иначе говоря, блаженства достигает не тот, кто стремится добрыми делами завоевать расположение Дао, а тот, кто согласовывает свою деятельность с естественным ходом миропорядка. Нравственный идеал даосизма — отшельник, который с помощью религиозной медитации преодолевает все страсти и желания, погружаясь в общение с божественным Дао. Не удивительно, в этой связи, что даосизм почти никогда не был официальной религией, представляя собой скорее движение народных масс, одиноких практиков и отшельников.

Легизм — школа периода Чжаньго (Сражающихся царств), сформировавшаяся в IV–III вв. до н. э., известная также как «Школа законников». Ее первым видным представителем считается Гуань Чжун. К стану легистов обычно причисляют всех видных министров-реформаторов чжоуского Китая. Культ закона, точнее, административных распоряжений осуществляющего централизованную власть правителя — вот основной тезис легизма. Крупнейший представитель раннего легизма и основоположник учения Шан Ян (ок. 390–338 гг. до н. э.) был инициатором знаменитых реформ, узаконивших в стране частную собственность на землю. Составленные им проекты реформ и указов вошли в трактат «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»).

Основные идеи школы отражены в следующих пунктах:

- Равенство всех перед Законом и Сыном Неба и, как следствие, законность раздачи титулов не по рождению, а по реальным заслугам, согласно которой любой простоялюдин имеет право дослужиться до первого министра. Выдвигать на первые роли рекомендуется, в первую очередь тех, кто доказал свою преданность государю на службе в войске.
- В области управления вся полнота власти сосредоточивается в руках верховного правителя, наместники лишаются властных полномочий и превращаются в обыкновенных чиновников. Умный правитель, «не потворствует смуте, а берёт власть в свои руки, устанавливает закон и с помощью законов наводит порядок».
- Чтобы обеспечить представительство зажиточных слоёв в государственном аппарате, предусматривается продажа чиновничьих должностей.
- К чиновникам предъявляется лишь одно требование — слепо повиноваться государю.
- Общинное самоуправление ограничивается и подчиняется местной администрации.

- Устанавливаются единые для всего государства законы.
- Отношения между властью и народом рассматриваются как противостояние враждующих сторон. «Когда народ сильнее своих властей — государство слабое; когда власти сильнее своего народа — армия могущественна». В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана.
- Малейший проступок карается смертной казнью. Инакомыслие преследуется.
- Высшая цель деятельности государя — создание могущественной державы, способной объединить Китай путём захватнических войн.

Коротко говоря, в разительном контрасте со всеми вышеперечисленными мировоззрениями народов от Ближнего Востока до Индии китайские учения, возникшие в V–II вв. до н. э., характеризуются «голым» рационализмом и почти полным отсутствием мистицизма. Религиозное сознание и традиции овладевали Китаем вообще крайне медленно. Например, на протяжении почти двух тысячелетий конфуцианство оставалось главной идеологией Китая. (Иногда его влияние на страну сравнивают с ролью католической церкви и Ватикана в Средневековой Европе). Тем не менее, между годами жизни Конфуция (около 551–479 до н. э.) и складыванием конфуцианского канона, произошедшего при императоре Мин-ди в 57–75 годах н. э., пролегло почти пять веков. Столько же времени понадобилось, чтобы был воздвигнут первый его храм, а наиболее почитаемый был сооружён лишь в 1017 году.

Итак, мы видим пять принципиально различных *внешних* условий, сопутствовавших и определявших формирование цивилизаций от Египта до Китая. (К ним можно было бы добавить и цивилизации Доколумбовой Америки, но это не изменит общего вывода). Которые, тем не менее, не помешали образовать очень близкие, по сути, политические режимы авторитарного типа. Что же касается мировоззренческих систем, то за исключением Китая, все цивилизации пестовали религии, признающие неограниченную власть богов (одного или сонма) над смертными. Как же Китаю удалось восполнить отсутствие полноценной религии, казалось бы, необходимой для создания единомыслия среди подданных государства, от которого зависит его устойчивость? Вероятно, жестко централизованная светская власть и общность повседневной культуры — языка, письменности, традиции почитания родителей, в основе которых лежал единый, слабо перемешанный с другими этносами *генофонд*. (На это указывают, в частности, анатомическая близость китайцев, среди которых крайне редко можно увидеть голубоглазых блондинов, кареглазых шатенов, рыжих с

курчавыми бородами и т. д.). Пример Китая очень поучителен. Он указывает на то, что религия вовсе не является ключевым или единственным механизмом формирования общих государственных целей и ценностей, с одной стороны, а также общечеловеческих нравственных приоритетов и императивов, с другой.

При этом, в свете мировоззренческого опыта всех восточных цивилизаций возникает вопрос: чем же греческая цивилизация так радикально отличалась от них, что только она одна смогла породить полноценную философию? Мы убедились в том, что окружающая среда (география, климат, соседи) не влияет на выбор политического устройства: он, без исключения, в пользу автократии. Но от нее, бесспорно, зависит выбор типа религии — монотеизма, политеизма или безликого теизма с китайским Небом, олицетворяющим высшие силы природы. Так, возможно, это среда дала грекам шанс, которым они блистательно воспользовались? Что же особенного было в том лоне, в котором родилась и мужала греческая цивилизация? Если обратить внимание на климат, то он был благоприятен для самой разнообразной деятельности — земледелия и ремесленничества, строительства и торговли, культурного и интеллектуального творчества, но... точно также как у всех близких и дальних соседей. Что касается последних, то и в этом отношении грекам повезло не больше, чем египтянам, китайцам или индийцам. И лишь в одном пункте им выпал уникальный шанс — в своеобразии географии.

Греки были детьми вод и суши одновременно, рассеянными от южной кромки Апеннинского полуострова до западного побережья Малой Азии. При всеобъемлющей культурной общности нации море создавало естественные преграды ее территориальной слитности. Это решающим образом препятствовало образованию единой государственной пирамиды во главе с общим верховным правителем, обладающим неограниченной властью. Дробность территории не позволяла установиться той традиционной для Востока светской и религиозной деспотии, которая, предвидя угрозу своим интересам, подавляла любую личную инициативу подданных в выборе материального, интеллектуального или культурного рода деятельности. (На исключительную важность этого обстоятельства указывает, в частности, эпизод из истории греко-персидских войн, когда Фемистокл, успев выстроить флот и временно пожертвовав родными Афинами, фактически, спас Грецию). Поэтому подданные мелких царьков-басилеев обладали гораздо большей политической, экономической и любой другой свободой, включая свободу мышления, нежели подданные всемогущих восточных правителей крупных царств — светских и духовных. Это ощущение почти

полной внутренней независимости от гнета государства раскрепощало их сознание, порождало чувство собственного достоинства и стимулировало интерес к познанию не только ради пользы, но и ради познания как такового, не озабоченного мечтами о выгоде. Аристотель утверждал, что когда Фалеса, по причине его бедности, укоряли в бесполезности философии, он, предвидя грядущий большой урожай маслин, нанял за бесценок все маслодавилни в своем родном Милете. Когда же пришла пора собирать урожай, он стал отдавать их в наем за большие деньги, благодаря чему обогатился. Тем самым, он показал, что при желании легко мог бы разбогатеть, да только это не то, что его интересует³⁴.

Диоген Лаэртский писал о Демокрите следующее. «Из трех братьев он был младшим при разделе наследства и взял себе меньшую долю имущества, состоявшую в деньгах, так как они были ему нужны для путешествия, и братья это хитро сообразили. Деметрий говорит, что его доля превышала сто талантов³⁵, и все это он истратил... По возвращении из странствий он жил в крайней бедности, так как все свое добро он истратил; на пропитание в бедности давал ему брат его Дамас... А так как был закон, запрещавший хоронить в отечестве человека, расточившего отцовское имущество, то Демокрит, чтобы избежать нареканий завистника и доносчика... прочитал народу свой «Большой Мирострой», лучшее из всех его сочинений, и получил за него награду пятьсот талантов; мало того, в его честь воздвигли медные статуи, и когда он умер, то погребли его на государственный счет³⁶. Этот эпизод дает представление не только о бескорыстном служении Демокрита философии, но и, что очень знаменательно — о крайне уважительном отношении его *рядовых* сограждан к людям интеллектуальных профессий. (Именно это отношение к разуму и выделяло древних греков среди окружавших их народов, и можно представить себе, какого мнения они были бы о германских вандалах, наблюдая за тем, как те крушат Рим).

Важнейшим завоеванием политической свободы явилось признание полной свободы мысли. Ее отразила, в частности, поэма «Теогония», призванная систематизировать представления соотечественников о началах мира, сочиненная Гесиодом. Родоначальником вселенной, богов и людей

³⁴ Аристотель. Политика. Соч. Т. 4. С. 397. 1984.

³⁵ О размере полученного им наследства можно судить по тому, что годовой бюджет Афин составлял 1000–2000 талантов, содержание 800 всадников — 40 талантов в год, постройка триеры — 1 талант.

³⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 343–345. М., 1986.

поэт провозглашал Хаос. От него произошли Широкогрудая Гея — Земля, звездное Небо — Уран и «прекраснейший Эрос», а от них целые сонмы богов, титанов, гигантов и т. д. и т. п. Казалось бы — ничего нового. Все религии (кроме иудаизма) признавали Хаос началом мира, а богов наделяли «званием генералов» — устроителей порядка во вселенной. Крестьянин Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) и царь Иосия (639–09 гг. до н. э.) — редактор Библии были едва ли не современниками. Но вот какой отпечаток на их творчество наложили мотивации и стимулы. Поэта они вдохновляли на художественное описание персон и событий, интересовавших его как частного лица, тогда как редактор, подчиняясь долгу правителя, был вынужден «составлять устав» для подданных. Первый руководствовался «божественным голосом, который вдохнули в него музы», второй — требованиями политического момента. Первый был совершенно свободен от каких-либо догматов, второй — связан ими «по рукам и ногам». Эти изначально заданная полярность: демократизм сознания древнего грека и авторитаризм древнего еврея — в дальнейшем надолго определили традиции, способ и стиль мышления этих народов. Так что в то время, как Екклесиаст сетовал на то, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь», греки славили Афины — богиню мудрости³⁷. Удивительно при этом, как плодотворно и талантливо распорядились они своей умственной независимостью.

Прошло не более одного–двух веков со времени составления «Теогонии», как Фалес и Пифагор, Гераклит и Парменид, Анаксагор и Зенон Элейский заложили фундамент философии — *мировоззрения, свободно ищущего истины бытия*, равному которому человеческая мысль еще не знала. В этой связи возникает вопрос: что подтолкнуло Фалеса впервые в истории человечества сказать себе — хватит *фантазировать*, пора начинать *думать*! Какое именно озарение посетило его, послужив путеводной звездой, открывшей ему глаза на существование совершенно иного способа мышления, отличного от мистически религиозного? Что помешало ему пойти по пути, накатанному всеми восточными цивилизациями? Например, развивать идеи Гесиода, или египетских жрецов, к которым он ездил за мудростью? Эта загадка тем более интригует, что современником милетянина Фалеса был другой величайший (политический) реформатор — афинянин Солон. В своем письме Ферекиду Фалес пишет:

³⁷ Перефразируя Гераклита можно было бы сказать, что восточные мудрецы — рано состарившиеся, умудренные жизненным опытом дети, тогда как первые философы — взрослые с прологированным детством и свойственной ему любознательностью.

«Дошло до меня, что ты первым среди афинян вознамерился явить эллинам сочинение твое о божественных предметах. Пожалуй, ты и прав, что думаешь сделать писанное тобою общим достоянием, а не обращаешь его без всякой пользы к избранным лицам. Но если тебе угодно, то и я хочу стать твоим собеседником в том, что ты пишешь; и если ты скажешь, я буду к тебе на Сирос. После того как мы с Солоном Афинским плавали на Крит ради наших там изысканий и плавали в Египет ради бесед с египетскими жрецами и звездочетами, право, мы были бы безумцами, если бы не поплыли к тебе; говорю «мы», ибо и Солон приедет, если ты на то согласишься»³⁸. С одной стороны подобные контакты людей, сыгравших ключевую роль в облике и характере современной мировой цивилизации, способствовав рождению демократии и философии, как будто еще раз указывают на очевидную теснейшую связь между этими явлениями общественной жизни. Но с другой, — наводят на мысль об их происхождении от некоего общего прародителя.

Осмелюсь высказать предположение, что им может быть механизм, известный в биологии как *преадаптация* (от лат. *prae* — впереди, перед и *adaptatio* — приспособление) под которой понимается наличие у организмов скрытых адаптивных потенций, позволяющих им осваивать новые места обитания. Термин «преадаптация» был введён в 1911 году Л. Кено, который интерпретировал ее как особенности организмов, возникающие случайно, но в дальнейшем оказываются полезными. В отличие от взглядов Кено Д. Симпсон и В. Бок подчёркивали, что преадаптация возникает на базе прежних приспособлений, но как бы «дремлет» до тех пор, пока естественный отбор не подаст сигнал, чтобы «вести его в игру». Идея преадаптации позволяет разрешить одну из проблем эволюционной теории, связанных с развитием сложных приспособлений, которые способны эффективно функционировать лишь будучи хорошо сформированными. Подобные органы, находясь в зачаточном состоянии, не могут повышать приспособленность организма, а значит, казалось бы, и не могут появиться эволюционным путём. О. и Д. Солбриги подчёркивают, что «концепция преадаптации чрезвычайно важна, потому что она позволяет объяснить, каким образом в изменяющейся среде могут одновременно происходить и эволюция и адаптация. Неадаптированные особи, популяции и виды обречены на вымирание. Многие специализированные и процветающие организмы оказывались не в состоянии справиться с пробле-

³⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 67–68. М., 1986.

мами, возникшими в результате изменений условий среды, и вымирали»³⁹. Так же и Д. Дьюсбери подчеркивает, что «отсутствие подходящих преадаптаций может быть фактором, резко ограничивающим эволюционное изменение»⁴⁰, способствуя консерватизму, угрожающему данному виду. Преадаптация же обеспечивает адаптивную пластичность вида, повышая его приспособляемость к подчас резким колебаниям состояния среды.

Судя по тому, какую роль сыграли демократия и философия в истории культурной эволюции человечества, они также явились своего рода культурной преадаптацией, чтобы возникнув, «посеять семена» в малопривлекательном окружении традиционных цивилизаций и удалиться, дожидаясь более благоприятных условий для своего *возрождения*. Фалес и его последователи «в противоположность жрецам Ближнего Востока не были уполномочены своими общинами заниматься духовными делами. Ими руководило лишь собственное желание понять природу, и они, не колеблясь, публиковали свои открытия, не будучи при этом профессиональными пророками. Их любопытство было столь же живым, сколь не стесненным догмой, — пишут Франкфорты, — Подобно Гесиоду, ионийские философы обратили свое внимание на проблему происхождения, но для них она приобрела совершенно новый характер. Начало, *αρχη*, которое они искали, понималось не в терминах мифа. Они не описывали божество-первопредка или прародителя. Они даже не искали «начала» в смысле изначального состояния, замещенного последующими во времени состояниями бытия. Ионийцы искали имманентную и *непреходящую* основу бытия. *Αρχη* означает начало не во временном смысле, но в смысле «первоначала», «онтологического принципа» или «первопричины». Эта перемена точки зрения поразительна. Она переносит проблемы, с которыми человек сталкивался в природе, из области веры и поэтической интуиции в интеллектуальную сферу.

Появилась возможность критической оценки любой теории и, стало быть, возможность постепенного проникновения в природу вещей... Спекулятивная смелость ионийцев часто недооценивается. Их учения фактически были обречены на то, чтобы оказаться неверно понятыми современными учеными, а точнее, учеными XIX века. Когда Фалес объявляет первопричиной воду, или Анаксимен — воздух; когда Анаксимандр говорит о «Безграничном», а Гераклит — об огне; более того, когда атомистическая теория Демокрита рассматривается как результат этих более ранних спекуляций, тогда нам нечего удивляться тому, что комментаторы позитиви-

³⁹ Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. С. 327. М., 1982.

⁴⁰ Д. Дьюсбери. Поведение животных. Сравнительные аспекты. С. 293. М., 1981.

стского века невольно узнали знакомые коннотации в квазиматериалистических учениях ионийцев и рассматривали этих древнейших философов как первых ученых. Никакое другое предубеждение не могло бы коварнее исказить величие достижений ионийцев. Материалистическое толкование их учений принимает как само собой разумеющееся то, что было открыто только в результате трудов этих древних мыслителей, — различие между объективным и субъективным. А научная мысль возможна только на основе этого различия. На самом деле, ионийцы обретались в необычной пограничной области. Они предчувствовали возможность установления интеллигибельной связи в мире явлений, и все же они еще находились под властью нерасторгнутой связи человека с природой⁴¹. Эта связь определяется нами как *гилозоизм*. Точно также, как «квазиматериализм» первых философов, включая Демокрита, представлял собой, в действительности, тот же гилозоизм. Так что мышление в рамках этой парадигмы можно рассматривать и как логически еще не оформившееся (незрелое) заключение, и как интуитивное предвосхищение того, что человеческая мысль со временем непременно вернется к пониманию всеобщей связи вещей. И вновь благодаря или через представление об их неделимости на «живое» и «мертвое», на вещественное и идеальное, «духовное» и «бездуховное».

Фракфорты, анализируя противоречия между воззрениями Гераклита и Парменида, далее замечают, что «ни их основной постулат, согласно которому мир есть интеллигибельное целое, на дальнейший тезис, гласящий, что мир разворачивается в противоположностях, никакое бы то ни было из их положений не может быть доказано с помощью логики, эксперимента или наблюдения. (В наше время наука уже представила недостающие аргументы, которые будут предьявлены далее. — Г. Г.). С непрекаемой убежденностью они выдвигали теории, которые были результатом первоначальной интуиции, обработанной затем дедуктивным мышлением. Каждая система основывалась на определенном постулате, признававшемся аксиоматически верным и служившим фундаментом для постройки, возводившейся без какой-либо соотнесенности с эмпирическими данными. Внутренняя непротиворечивость ценилась выше, чем внешнее правдоподобие. Этот факт уже сам по себе показывает, что на протяжении всей истории ранней греческой философии разум признавался высшим судьей, даже несмотря на то, что Логос не упоминается до Гераклита и Парменида. Именно эта — молчаливая или открыто высказанная — апел-

⁴¹ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. С. 212–213. М., 1984.

ляция к разуму, ничуть не менее, чем зависимость от «предписанных традицией святынь религии», и ставит раннюю греческую философию в самый резкий контраст с мыслью древнего Ближнего Востока»⁴². Ибо истинная философия есть интеллектуальное творчество свободных людей — демократов по убеждениям, не задавленных (не ушибленных) авторитетом богов и царей. И, как вольная птица рассудка, она не оставляет здорового наследия, будучи запертой в клетке, пусть и золотой. А будучи изнасилованной, порождает лишь химер — плодов невольного невежества или злостного умственного извращения.

1.3. Синтетическая философия от Фалеса до Аристотеля

Избранный нами подход к анализу эволюции философских идей состоит из двух положений. Во-первых, принимаются во внимание только те из них, которые оказали заметное прямое или косвенное влияние на современное понимание вещей, оставляя в стороне освещение безбрежного моря концепций, теорий и систем, представлявших частный интерес для тех или иных эпох, но не для Знания в целом. Во-вторых, рассматриваются проблемы либо вовсе не затронутые в «Философии гуманизма», либо те, которым было уделено недостаточное внимание. Это означает, что исследование предстоит вести *ab ovo*, то есть с момента зарождения самой философии и ее основополагающей тематики. Такой подход делает очевидным тот факт, что современное ее определение не годится для того периода, когда она едва только складывалась как род интеллектуальной деятельности, принципиально отличный от всей предшествующей ей традиции мышления. Возражение к традиционно «классическому» ее определению вызывают три момента. Во-первых, в эпоху деятельности первых философов вопросы: «Существует ли Бог?», «Что такое истина?» или «Что первично — материя или сознание?» не рассматривались вовсе. Ибо, например, понятие «бог» носило у них совершенно иной смысл, нежели тот, который придали ему христианство и в его лице иудаизм. А вопрос отношения материи к сознанию для первых философов не существовал вовсе. Поскольку первая философия была гилозоистской по содержанию, но анимистической по лексике и, вместе с тем, полностью свободной от

⁴² Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. С. 221.

религиозной «нагрузки». Она была атеистической в том смысле, что рассуждала о богах либо как о природных абстракциях-первоначалах, подобных вообще воде, вообще воздуху, огню и т. д., либо как о людях. Так, например, как говаривал Гераклит, которому приписывают следующие изречения: «Бессмертные смертны, смертные бессмертны». По Лукиану: «Что есть люди? — Гераклит: «Смертные боги» А что есть боги? — Гераклит: Бессмертные люди». Гермес Триждывеличайший, цитируя Гераклита, изрек: «Земной человек — смертный бог, а небесный бог — бессмертный человек»⁴³. Одним из ярчайших представителей подобного рода мышления был и Демокрит. Полагая, что все состоит из атомов и пустоты (последняя есть необходимое условие для движения), он даже мысль представлял как совокупность особо тонких невидимых атомов. Мысль, по его мнению, не может существовать без материального носителя, точно также, как дух не может существовать независимо от материи.

Во-вторых, первая философия изучала гораздо более широкий круг проблем, нежели современная триада из онтологии, эпистемологии и этики. Так, Аристотель делил философию на три категории: теоретическую, практическую и творческую. Последнюю он определял как поиски знаний ради созидания общественного блага в сфере искусств, ремесел и прикладных наук. В практической философии, состоящей из политики, экономики и этики, он видел умножение знаний ради успешного руководства поведением человека в частной и общественной жизни. А к высшему — «умозрительному» разделу философии он относил физику, математику и первую философию (то, что сегодня понимают под онтологией, а редактор его рукописей Андроник именовал метафизикой). И, как подтверждает Диоген Лаэртский, труды Аристотеля касались вопросов не только «физики», логики и этики, но также биологии и психологии, политологии и искусства — музыки, театра, поэзии, спорта. Среди нескольких сотен сочинений (общим числом, близким к четырёмстам), Лаэртский упоминает книги «О наслаждении» и «Александр, или В защиту поселенцев», «Выборка из Анатомии» и «Театральные записки», «Пословицы» и «Застольные порядки». Подводя итоги обзору Аристотелевых трактатов, он говорит о том, что «всего в этих сочинениях 445 270 строк»⁴⁴. (Самая грубая прикидка указывает на то, что они эквивалентны, примерно, 10 000 страницам или 50 полновесным томам). У Феофраста — ученика Аристотеля

⁴³ Фрагменты ранних греческих философов. С. 215. М., 1989.

⁴⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 196–198. М., 1986.

было вдвое меньше сочинений, но «232 808 строк», тоже кое-что значит, не так ли? А обсуждая наследие Демокрита, Лаэртций ссылается на то, что среди более 70 своих сочинений тот, помимо трактатов по физике и математике, оставил после себя несколько десятков трудов по иным предметам. Среди которых историк философии отметил следующие: «О достоинстве мужа или О добродетели», «О душе», «Об уме», «О чувствах», «О вкусах», «О душевном благосостоянии», «Этические записки», «О поэзии», «О красоте стихов», «Причины о животных» — 3 книги, «О благозвучных и неблагозвучных буквах», «О пении», «Об образе жизни или о диете», «Врачебная наука», «О земледелии», «О живописи», «О вооруженном строе» и тому подобные.

При этом первая философия не только «сотрясала воздух», но и сформулировала важнейшие положения, дисциплинирующие мышление, придавая ему строгость и критичность, неведомые мышлению людей восточного круга цивилизаций. Так, по признанию Гегеля, категорию *бытия* раскрыл Парменид. Категория *становления* связана с философией Гераклита, *количества* — с Пифагором, *причины* — с Демокритом, *меры* — с Протагором, *идеи* — с Платоном, *понятия* — с Аристотелем. Без этого основополагающей интеллектуальной основы не существовало бы не только философии как таковой, но и науки (фундаментальной и прикладной), которая прошла школу рационального мышления и обучилась азам логики именно у первых философов.

В-третьих, первая философия не была наукой в современном смысле этого слова. Но она явилась той купелью, в которой наука обрела свой собственный голос и главное — критический стиль мышления. Без этого последнего изобретения немислимо научное творчество, никакая строгая теория, пусть даже и оперирующая надежными экспериментально выверенными фактами. Наука не существует вне анализа и синтеза, индукции и дедукции, вне логического обоснованного умозаключения, основы чего были развиты первыми философами. Ко всему прочему следует упомянуть, что они не были «кабинетными мыслителями». Едва ли не большинство из них пребывали в гуще политических событий своих полисов, принимая в них самое непосредственное и заинтересованное участие (Пифагор и Зенон, Анаксимандр и Мелисс). Наконец, можно заметить, что они не были фанатичными догматиками рожденных ими идей: стремясь всесторонне исследовать интересовавший их вопрос, они охотно дискутировали и обсуждали его с лицами, способными понимать их суждения и формулировать соответствующие комментарии или опровержения. О чем красноречиво свидетельствуют, в частности, диалоги Платона.

К тому, что было нами сказано о первой философии ранее («Философия гуманизма»), следует, по-видимому, добавить следующее замечание. Термин «досократики» ввел в научный оборот немецкий филолог-классик, историк античности Г. Дильс. Для более адекватной интерпретации истории античной философии он предложил воспользоваться доксографией (изложением мнений) — методом цитирования, которым широко пользовались древние авторы для пояснения взглядов и суждений тех или иных обсуждаемых философов. Дильс прибег к нему, чтобы отличить эти свидетельства от жизнеописаний (биографий) отдельных философов и различных изложений школьной философии, которые были весьма популярны в античности. И положил его в основу монументального собрания фрагментов первых философов, которым он, оценивая их не как философ, а как филолог, дал определение «досократики». «Хотя Дильс прекрасно понимал, что изолированные фрагменты того или иного древнего автора должны рассматриваться в том контексте, в котором они дошли до нас, структура его *Die Fragmente der Vorsokratiker* (1903) эту связь полностью разрушает. Последующие работы, такие как *K. Freeman, Ancilla to the Presocratic Philosophers* (Oxford, 1948) усиливают эту тенденцию. Дильс расположил фрагменты и свидетельства в хронологическом порядке, следуя *successio* и игнорируя тот тематический принцип, которому следовал его основной источник — Псевдо-Плутарх, восходящий к Теофрасту. Особенно пострадали свидетельства, которые говорят не об одном отдельно взятом философе, но обсуждают ту или иную традицию или сопоставляют различных мыслителей. На второй план отошли вопросы о том, на каком основании то или иное высказывание было приписано тому или иному автору, равно как и проблема достоверности и корректности той информации, которую нам доставляют наши свидетельства»⁴⁵. Таким образом, при всех выдающихся достоинствах труда Дильса, его философский «дилетантизм» способствовал формированию традиции существенной недооценки исключительной оригинальности и величия первых философов.

Недостатки его подхода были проанализированы А. Лебедевым, который признал, что название «Досократики» не соответствует двум из трех основных разделов ДК (так обозначается классическое 6-е издание труда Дильса и его ученика В. Кранца. — *Г. Г.*). Поэтому русский перевод ДК резонно озаглавлен редакционной коллегией издательства не как «Фрагменты досократиков», а как «Фрагменты ранних греческих философов». Пояснение Лебедева к такому переводу, в частности, таково. «Досо-

⁴⁵ Философская энциклопедия в 5 т. Т. 2. М., 1962.

кратиками обычно называют греческих философов 6–5 в. до н. э. от Фалеса до Демокрита и атомистов (здесь уже начинаются хронологические странности, так как «досократик» Демокрит, по Аполлодору, родился через 10 лет **после** Сократа, а такие «досократики», как Анаксарх и Гекатей Абдерский жили уже при Александре Великом и первых Птолемах!). В прижизненных изданиях Дильса (без Кранца) предфилософская традиция и софисты помещались в «Приложениях», и название «Досократики» (пусть с некоторой натяжкой) соответствовало основанному составу сборника. Кранц (впрочем, исполняя пожелание Дильса) в 5-м издании расположил все тексты в хронологической последовательности, что было весьма разумно, но дело в том, что софистов не принято называть «досократиками», а называть «досократиками» мифических певцов Орфея, Музея или Лина... по меньшей мере также странно, как и называть «допушкинским поэтом» сказочного Бояна»⁴⁶. Разделяя суждение Лебедева, заметим, что есть и более веские соображения в пользу отечественного перевода заглавия ДК.

Из них — главное то, что Сократ первым из тех, кого называют философами, изменил онтологию — тому, что составляет ее суть и квинтэссенцию. Признав, что не силен в дискуссиях о проблемах мироздания, волновавших Гераклита и Парменида, Анаксагора и Зенона Элейского, Пифагора и Эмпедокла, он переключил внимание современников на разбор вопросов, существенно более «податливых» его разуму. В связи с чем, Диоген Лаэртский деликатно замечает: «Поняв, что философия физическая нам безразлична, он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским, исследуя, по его словам, «Что у тебя и худого и доброго в доме случилось». Так как в спорах (с обывателями. — *Г. Г.*) он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили... Говорят, Еврипид дал ему сочинение Гераклита и спросил его мнение; он ответил: «Что я понял — прекрасно; чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком»⁴⁷. «Бегство» Сократа из лона онтологии отметил и Аристотель, по словам которого, тот «занимался вопросами нравственности, природу же в целом не исследовал, а в нравственном искал общее и первым обратил свою мысль на определения». (Мет. I.6. 987 b). Это свое суждение он высказал еще несколько раз (Мет. XIII.4.1018–28 b). Иначе говоря, к достоин-

⁴⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. С. 573. М., 1989.

⁴⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 99–100. М., 1986.

ствам Сократа можно отнести то, что он первым среди греческих мыслителей обозначил суверенитет проблем этики и эпистемологии.

Дело, однако, в том, что они, в особенности, вопросы этики, так или иначе, ставились и решались раньше или одновременно с Сократом как его соотечественниками, так и мыслителями практически всех цивилизаций Востока. Посему (при всем уважении к его гражданскому мужеству) нет никаких оснований увенчивать его лаврами первооткрывателя новых направлений в интеллектуальной деятельности человечества, в противоположность тем, кого Дильс отнес к «досократикам». И признавать Сократа знаковой фигурой, заслуживающей того, чтобы его считали «водоразделом», изменившим русло философии, значит сильно преувеличивать его заслуги перед ней. И все же Дильс невольно оказался отчасти прав, отводя златоусту-Сократу роль исторической вехи, равно как и Диоген Лаэртский, заметивший, что ко времени Перикла греки несколько разочаровались в деятельности первых философов. Ибо сугубо умозрительные доводы в пользу той или иной защищаемой концепции не могли быть доказуемы «по определению». Не получая поддержки со стороны экспериментальной науки (которой античные греки не отдавали должного) они лишались той убедительности, которая необходима для хотя бы временного решения в пользу какой-либо из конкурирующих теоретических моделей. Это подорвало у публики доверие ко всем им в целом настолько, что законопроект о наказании лиц, неверующих в богов и распространяющих учения о небесных явлениях, предложенный Деопитом, (направленный не столько против Анаксагора, сколько против Перикла) был принят в 432 г. до н. э. без проволочек. Так был запущен механизм дискредитации онтологии.

Со времени первых Олимпийских игр (776 г. до н. э.) греков, разделенных на великое множество враждующих между собой полисов, объединяли не только и не столько единый пантеон во главе с громовержцем-Зевсом (и, тем более, не общегосударственная власть), сколько общность светской культуры: театр и литература, архитектура и ваение, философия и спорт. Фалес, Гераклит и Анаксагор были гражданами или выходцами из полисов Малой Азии (Милета, Эфеса, Клазомен), тогда как Парменид и Зенон — из греческой колонии на юге Италии (Элеи), Пифагор — с острова Самос, Демокрит — из фракийских Абдер, и только Солон, Сократ и Эпикур были гражданами Афин. (Демокрит вслед за Левкиппом полагал, что мир состоит из атомов и пустоты, но, вопреки тому, что приписывают им обоим марксисты, не были «стихийными материалистами», то есть не настаивали на том, что атомы мертвы: иначе как бы они могли *самопроизвольно* двигаться во всех направлениях). Подчас ожесточенно споря между собой, они, тем не

менее, придерживались единого понимания свободы высказываний, обсуждений и отстаиваний частных мнений, касающихся любых вопросов, представлявших общественный и личный познавательный интерес. Именно по этой причине они осудили Протагора, с нелегкой руки которого софистика придала философии «функциональность», возведя бескорыстное познание в источник прибыли. А закон Деопита прозвенел первым ударом колокола, предвосхитившим скорое наступление единомыслия в Греции.

Спасителем онтологии явился Аристотель. Время доказало, что Стагирит являл собой нечто большее, чем И. Ньютон для физики и Ч. Дарвин для биологии не только потому, что он научил думающую часть *всего* человечества (включая Ньютона и Дарвина) мыслить строго логически, то есть рационально и критически. Решающую роль сыграл также его авторитет, оградивший не только онтологию, но всю философию от разрушения и гибели, которой так жаждали отцы церкви, подобные Аврелию Августину или Тертуллиану. Первый, бравируя своим невежеством, восклицал: «Принесло ли мне какую-нибудь пользу изучение всех Аристотелевых категорий? Нет. Оно было даже вредно». А второй, ничтоже сумняшеся, заявлял: «Лучше всего Бог познается через незнание». А отрицать мелко-травчатость последнего как мыслителя не берутся даже историки философии. Тем не менее, было бы ошибкой представлять Аристотеля одиноким утесом, гордо возвышающимся среди унылой равнины. Он, скорее явился вершиной, венчавшей гору, вознесшуюся в небеса и составленную из идей, мыслей и открытий, озаривших сознание первых философов.

Едва ли не весь его наиболее значимый, оставивший глубочайший след в истории общечеловеческой мысли трактат — «Метафизика» — посвящен анализу и критическому осмыслению трудов его коллег — предшественников, среди которых чаще всего упоминаются имена Эмпедокла и Анаксагора, Платона и Демокрита, Гераклита и Фалеса. В их трудах он черпал вдохновение и, обобщая их находки, изобрел науку логики. В которой, по мнению И. Канта, за 2000 лет никто более не сделал ни шагу вперед. Правда, «в начале двадцатых годов XX века польский логик Я. Лукашевич разработал трехзначную логику, в которую в качестве третьего значения истинности ввел значение, выражаемое словами «возможно», «нейтрально». В настоящее время разрабатываются многозначные логики, в которых высказываниям приписывается любое конечное либо бесконечное множество значений истинности»⁴⁸. Но эта новая сугубо формальная логика имеет мало общего с логикой физических (природных) явлений,

⁴⁸ Кондаков Н. И. Логический словарь. С. 251. М., 1971.

открытой Н. Бором в виде принципа дополнительности (далее — Гл. 4). Поскольку последний говорит не о трех значениях истинности («истинно», «ложно», «неопределенно»), о чем упоминал еще У. Оккам в эпоху средневековья, а об *одной* истине. С подачи Н. Бора она представляла синтезом истины двух ликов электрона, как частицы, так и волны одновременно, но не одновременно, то есть проявляющейся либо в виде волны, то либо в образе частицы. Но на чем, помимо общеэллинского признания и роли учителя Александра Македонского, основывался авторитет Аристотеля для последующих эпох, оказавшийся спасительным для онтологии? Увы, на предательстве гилозоизма.

Чрезвычайно высоко вознеся философию, рожденную гилозоизмом, не признававшим безоговорочный приоритет богов, Аристотель отступил от атеизма, который разделяли его соотечественники-философы, на позиции верующих соотечественников-обывателей. Мы можем порицать Стагирита за малодушие, за реверансы в честь выдуманного им ложного понятия божественного перводвигателя. Но эта вольная или невольная его фантазия оказалась поистине счастливой охранительницей философии от нападков со стороны христианства и дальнейшего полного забвения. Когда философская мысль оказалась скованной во льдах ее идейного оппонента, возведенный им мостик от гилозоизма к религии, один только и оставил спасительную лазейку, питавшую разум микроскопическими квантами интеллектуальной энергии. Варвары, сравнившие с землей Рим, уже павший на колени перед христианством, погрузили Европу в мрак средневековья и тотально агрессивного невежества. И только редкие храбрецы, не зомбированные Библией, с сознанием, не обезображенным Евангелиями, позволяли себе смотреть в сторону философии, ссылаясь на Аристотеля — язычника, доказывавшего существование бога логическими средствами. И тем отстаивали свое право на размышления. Церковь, полагая, что авторитет признанного светила философии может помочь ей в идейной битве с оставшимися многочисленными ересями, закрыла глаза на их «шалости». Но обманулась. Она не услышала дальновидное замечание Цицерона о том, что доказывать религиозные догматы, привлекая в союзники логику, значит, в конечном счете, проиграть ей, оказав, тем самым, медвежью услугу религии. Насколько прав был античный философ видно из того «таяния ледников христианства», которое происходит с нарастающей скоростью во всех наиболее развитых странах Запада.

Ввиду признанной связи философии с наукой, было бы странно, если бы мы не упомянули о тех достижениях, которые, так или иначе, оказались возможны благодаря общей атмосфере интеллектуального подъема,

сопровождая труды первых философов. Особенно впечатляющими они видятся сегодня в астрономии, когда мы узнаем, например, что Фалес первым предположил, что Луна светит отражённым светом Солнца и на этой основе впервые в истории объяснил природу солнечных затмений. В свою очередь Анаксагор дал объяснение лунным затмениям и лунным фазам. Пифагор шокировал современников, высказав мнение о том, что Земля имеет форму шара. Его гипотеза поначалу вызвала сопротивление Анаксагора и Эмпедокла, Левкиппа и Демокрита. Однако после её поддержки Парменидом, Платоном, Евдоксом и Аристотелем она стала основой всей античной астрономии и географии. А Демокрит считал Вселенную вечной и бесконечной в пространстве; Млечный Путь состоящим из множества неразличимых глазом далеких звезд; звезды — далекими солнцами; Луну — похожей на Землю, с горами, морями, долинами. «Согласно Демокриту, миров бесконечно много и они различных размеров. В одних нет ни Луны, ни Солнца, в других они есть, но имеют значительно большие размеры. Лун и солнц может быть больше, чем в нашем мире. Расстояния между мирами различны, одни больше, другие меньше. В одно и то же время одни миры возникают, а другие умирают, одни уже растут, а другие достигли расцвета и находятся на краю гибели. Когда миры сталкиваются между собой, они разрушаются. На некоторых совсем нет влаги, а также животных и растений. Наш мир находится в самом расцвете» (Ипполит «Опровержение всякой ереси»). Поразительно — как точно предвосхитил современные представления о космосе человек, живший во времена, когда Европа была заселена невежественными варварами,

Для объяснения движения Солнца и Луны, Гиппарх разработал новый математический аппарат — тригонометрию. Аристарх Самосский установил, что объём Солнца во много раз превышает объём Земли. Это открытие, вероятно, и навело его на мысль о гелиоцентрической системе мира — за 1700 лет до Коперника. Исходя из этой модели и ненаблюдаемости годовых параллаксов звёзд, он же сделал пионерский вывод о том, что расстояние от Земли до Солнца пренебрежимо мало по сравнению с расстоянием от Солнца до звёзд. К сказанному следует добавить поразительные расчеты определения радиуса Земли Эратосфеном. В переводе на современные единицы измерения он оказался равным 39690 км — всего на 0,7 % меньше истинного значения! Наконец, на основе каталога Гиппарха, собственных наблюдений и физики Аристотеля, Клавдий Птолемей разработал самую подробную и популярную геоцентрическую систему мира, определявшую космологические представления ученых на протяжении 1500 лет. Труд Птолемея «Великое математическое построение»

ние астрономии» («Альмагест»), содержащий его известную теорию планетных движений стал научной энциклопедией древности и средних веков. главный источник наших знаний об античной астрономии.

Современная наука признает, что благодаря древнегреческим астрономам, вдохновленных первыми философами, в ней утвердились последовательно логическая методология наблюдений и представление о мире как о непрерывной цепочке причин и следствий, когда каждое явление природы является результатом внутренних процессов, происходящих в тех или иных природных явлениях. А к конкретным достижениям античной астрономии и космологии относит:

- представление о трёхмерности пространства;
- введение основных понятий сферической астрономии и развитие сферической тригонометрии;
- объяснение природы ряда важнейших астрономических явлений;
- открытие неизвестных ранее явлений (например, прецессия, эвекция);
- создание математических моделей движения Солнца, Луны и планет;
- разработку важнейших угломерных астрономических приборов;
- открытие шарообразности Земли как одной из основ сферической астрономии;
- определение радиуса Земли и вычисление расстояния от Земли до Луны;
- выдвигание модели гелиоцентрической системы мира.

Влияние идей первых философов на рациональные представления о мире вышли далеко за границы Эллады. В частности, некоторые из них легли в основу астрономии и космологии Древнего Китая. Это относится к космологическим теориям *гайтянь* (небесного покрывала) и *хунтянь* (небесной сферы). Такие основополагающие концепции китайской философии, как дао и инь и ян, также могли быть заимствованы китайцами у греков (Анаксимандра и Парменида, соответственно)⁴⁹. Вероятно, индийская астрономия, начиная с V века н. э. в значительной мере базируется на греческой астрономии доптолемеева (или даже догиппархова) периода. В частности, как впервые показал Б. Л. ван дер Варден⁵⁰, в основе индийской теории движения планет, развитой Ариабхатой, Брахмагуптой и другими индийскими астрономами, могла лежать теория бисекции эксцен-

⁴⁹ Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. СПб.: Филологический факультет и Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013.

⁵⁰ Нейгебауер, 1968. С. 165–174; Pingree, 1971; van der Waerden, 1987.

триситета⁵¹. Среди иудеев информация о достижениях древнегреческих астрономов распространилась в конце первого тысячелетия н. э. Большую роль в популяризации научных и натурфилософских взглядов греков сыграл Маймонид. Так что можно сказать, что если магия была делом жующих, религия — занятием молящихся, то философия явилась прерогативой думающих.

Подводя итог крайне беглому рассмотрению особенностей античной философии от Фалеса до Аристотеля, главное, на чем мы акцентируем особое внимание, состоит из следующих положений.

1. Она разбирала чрезвычайно широкий спектр проблем от вопросов космологии до вполне житейских и обыденных. Тем не менее, доминантным в ней оставалась онтология, тогда как эпистемология, этика и прочие предметы, представлявшие общественный и частный интерес, занимали важную, но все же второстепенную нишу.

2. Мировоззрение, которым руководствовались первые философы, было строго *гилозоистским*. Иначе говоря, понятия «бог» или «душа» толковались ими в рамках *дорелигиозного анимизма*, не поддавшегося еще религиозным представлениям об этих фантомах.

3. Первая философия была абсолютно *недогматична*. Она не подчинялась никаким «традиционным, высшим истинам», кроме требования внутренней «дисциплины»: логической самосогласованности и непротиворечивости излагаемой концепции.

4. Все вышесказанное позволяет интерпретировать ее как *панзоизм*.

1.4. Темные века философии

Дильс, вводя термин «досократики», совершил невольную ошибку, утвердив Сократа в качестве межи, разделившей античных философов по сугубо хронологическому (механическому) признаку: на живших до и после него. Между тем, было бы логически более оправдано определить едва ли не всех философов, творивших после Сократа (вплоть до настоящего времени), как «постсократиков». Признаком же, отделяющим одних от других, считать не хронологию, а способ мышления: гилозоистский у первых и анимистический — почти у всех последующих. Иначе говоря, если до Сократа философы лишь изъяснялись на языке анимизма, держа

⁵¹ Duke D. The Equant in India: The Mathematical Basis of Ancient Indian Planetary Models // Arch. Hist. Exact Sci. 2005. Vol. 59. P. 563–576.

голове представления гилозоизма, то с его легкой руки они стали *не только говорить, но и мыслить анимистически*, разделяя все сущее на материальное и идеальное. Вместе с тем, нельзя не признать, что (как отмечалось выше), сам этот «фазовый переход» от панзоизма к анимизму был обусловлен не чьим-то злым умыслом, а совершенно объективным развитием подхода к познанию. Тот, который культивировали первые философы, оказался непригоден для дальнейшего прогресса. Дело не в том, что гилозоизм исчерпал себя, а в том, чуть ли не высокомерном отношении к эксперименту (и вообще ко всякому труду «за деньги»), которое усвоили греки, в особенности, после победоносных греко-персидских войн. (Массы военнопленных-рабов, хлынувших в Грецию, совершенно обесценили труд, ставший презираемым в глазах свободных граждан, что, главным образом, и погубило Афинскую цивилизацию).

Процесс начавшегося вырождения античной культуры вообще и мышления, в частности, не мог не затронуть и философию. Поэтому пример Сократа, демонстративно отказавшегося от верности онтологии, поднял волны рождения множества самых разных философских течений, школ и направлений, уже не сдерживаемых обязательствами перед нею. Не удивительно, поэтому, что по подсчетам римских историков в античной Греции в разное время насчитывалось до 288 философских учений. Многие из них появлялись и исчезали, но некоторые нести свет знаний веками. В 306 г., спустя 126 лет после принятия закона Диопита в Афинах издается закон, запрещающий под страхом смертной казни открывать новые философские школы. И хотя через год его отменили, в интеллектуальной столице античного мира вскоре осталось всего четыре большие школы: Академия Платона, Ликей Аристотеля, Портик (стоическая школа) и Сад (эпикурейская школа). Но под неукротимым напором отцов церкви и они продолжали хиреть. Пока, наконец, в 529 г. эдиктом императора Юстиниана были закрыты последние языческие школы и Дамаскин — последний схолярх Платоновской Академии вынужден был покинуть Афины.

Если задаться вопросом: по какой причине платонизм оставался самой привилегированной языческой философией в недрах христианства, то ответ не заставит себя ждать. Платон был самой авторитарной и идеологизированной фигурой во всей античной философии. Во-первых, при сравнении достоинств и изъянов четырех основных типов государственного правления: тирании, монархии, демократии и олигархии, лучшим он признавал монархию. «Поскольку, чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, при тирании, то именно в этом случае все-

го быстрее и легче совершается переход... Если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы — иного не дано»⁵². Такое понимание государственного устройства очень импонировало римским императорам. Но и монархия не являлась для него идеалом.

Ибо, во-вторых, совершенным режимом он признавал тот, при котором все между собой друзья, а «у друзей взаправду все общее. Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, — глаза, уши, руки, — так, чтобы казалось, будто все сообща видят, слышат и действуют, все восхваляют или порицают одно и то же. По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил сплотят в единое целое государство, — мечтает он и продолжает, — Было бы прекрасно, если бы каждый член колонии обладал и всем остальным имуществом в равной доле со всеми. Но это невозможно... В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе. Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбогатев или обеднев, переходят в подобающий каждому из них класс»⁵³. Этот идеал во многом соответствовал христианству, добивавшемуся полного единомыслия среди паствы. Но вот какова ирония истории — первый идеолог классического идеализма послужил образцом для «истового» материалиста Маркса, почти точно таким же (если исключить имущественное неравенство) видевшим «светлое» коммунистическое будущее!

В-третьих, часто противопоставляют Платона и атомиста Демокрита, изображая их двумя полюсами античной философии. Они действительно были антиподами, но не столько из-за радикальных расхождений между их моделями мира и человеческого общества (Демокрит был демократом — почти игра слов). Корни различий между ними лежали глубже — они проистекали из полярной противоположности стилей мышления. Демократ был гилозоистом, изъяснявшимся языком анимизма, поскольку по его убеждению души точно также состоят из атомов, как твердые тела, то есть вполне жизнеспособны были *все* его атомы! У Платона же не только

⁵² Платон. Собр. Соч. в 4-х томах. Т. 4. Законы. Книга 4. М.: Мысль, 1994. 657 с.

⁵³ Там же. Книга 5.

лексикон был анимистическим, но и мышление — *религиозным*, которому оставалось сделать всего один шаг, чтобы признать христианство и покорно склониться перед ним.

Тем не менее, христианство не пощадило и своего языческого трубадура. Оно прошло катком по всей философии, поглотив остатки свободного мышления, раздавив и растоптав малейшие проблески независимости разума, свершив над ним величайшее глумление и посрамление. Железными тисками сдавив горло интеллекта, теология и теодицея, способные издавать лишь жалкий лепет круглого невежды, торжествовали, уверенные в справедливости пословицы: «сила есть — ума не надо». На философию опустилась могильная тьма. И только редкие проблески мыслей героических одиночек, как сполохи озаряли мрак далеких горизонтов, напоминая, что она едва дышит, однако все еще жива.

Но может быть, богословие одарило разум каким-то особым, необыкновенным «божественным» светом, осчастливившим человечество? Не одарила, но ослепила, крепко стянув его плотными, черными шорами! Какие имена, какие свежие и конструктивные идеи породила теодицея? Идею оправдания рабами своего рабства у невежества! Чему новому научил человека теизм? Если философия панзоизма открыла человечеству законы рационального, то есть трезвого, строго логического и критического мышления, то богословие погрузило разум в мистику, зомбировало его химерами, порожденными воспаленным воображением фанатиков. Как далеко благодаря христианству продвинулись наши представления о мире? Если философия панзоизма способствовала рождению языка и методологии науки, без которых немислима никакая наука, в том числе экспериментальная, то религия навязала европейцам представление о грехопадении человечества.

Иудаизм и христианство «доказали», что даже корчась в муках ада, человек должен быть бесконечно благодарен «отцу Адама и Евы» за то, что обрек *все* человечество на бесконечные страдания из-за одного ничтожного проступка, совершенного ими по младенческой умственной незрелости. Античная математика изобрела геометрию и тригонометрию, механика предвосхитила законы движения, астрономия установила, что планета Земля шарообразна и даже измерила радиус этого шара. А спустя примерно 750 лет Козьма Индикоплов издал богословско-космографический трактат «Христианская топография», отвергавший систему Птолемея и отрицавший шарообразность Земли. Протагор утверждал, что «человек — мера всех вещей». Христианство же учило, что «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5,3). Поэтому нельзя не восхи-

щаться мужеством смельчаков, подобных Эриугене и Абельяру, Оккаму и Кузанцу, осмеливавшихся поднять голос в защиту разума там и тогда, где и когда это было связано с риском для свободы, а подчас и жизни.

1.5. Натурфилософия

Сегодня первую философию принято относить к *натурфилософии* (от лат. *natura* — природа), которую Википедия определяет как «исторический термин, обозначающий (примерно до XVIII века) философию природы, понимаемую как целостную систему самых общих законов естествознания. Впервые термин «*philosophia naturalis*» встречается у Сенеки. Натурфилософия возникла в античную эпоху как попытка найти «конечные причины» и фундаментальные закономерности природных явлений. Яркими представителями натурфилософии в средние века являлись схоласты. Большинство натурфилософских систем до XVIII века были чисто умозрительными; с появлением классической физики натурфилософия быстро вытесняется философией науки, отсекающей всякую гипотезу, которая не представляется необходимой для доказательства».

На наш взгляд это сведение первой философии к натурфилософии в современном понимании ничем *не обосновано* и абсолютно *неправомерно*. Оно тождественно абсурдному выражению «атеистическое богословие». Ибо все первые философы были гилозоистами, а сам Аристотель придумал бога из соображений, не указанных им со всей определенностью, не представив никаких доказательств в пользу своей гипотезы. Поэтому есть полнейший резон в том, чтобы относить к натурфилософам философов Нового времени, уже принявших религиозную «присягу», и лишь в или иной мере продолжавших разделять взгляды первых философов гилозоистов. (Таким образом, натурфилософия, по нашему мнению, есть бастард — незаконнорожденный отпрыск почтенной философии, изнасилованной христианством, или, возможно это будет точнее, — переходная ступень на пути к окончательному размежеванию науки и философии).

В этом контексте, в первую очередь следует воздать должное мусульманским натурфилософам (фальсафа — в переводе с арабского, что означает просто философия), последователям Аристотеля. Среди них ал-Кинди и ал-Фараби, которого называли «Вторым учителем» («Первым» считался сам Аристотель), ибн Сина или Авиценна и Ибн Рушд, известный также как Аверроэс. Последний разработал теорию двойственной истины. Она утверждала, что у религии и философии совершенно разные

предметы и методы. Именно: предметом религии являлся бог, а методом его постижения являлась вера, тогда как предметом философии — природа, а методом ее познания — опыт. Поэтому неудивительно, что религия утверждала свои истины, философия — свои. Причем эти истины не только могли, но и должны были быть справедливыми сами по себе, но разными и даже противоречащими друг другу, поскольку говорили о противоположных и фактически несовместимых вещах. Отсюда следовал спасительный для философии вывод: пусть она занимается исследованием природы и не вмешивается в религиозные положения, пытаясь их обосновать. В свою очередь, пусть и религия не пытается быть наукой о мире, и не заставляет философию обслуживать свои нужды. Таким образом, теория двойственной истины, с одной стороны, была направлена против самой сущности схоластики — стремления осуществить синтез религии и философии, признавая, что такое соединение принципиально невозможно. С другой стороны она освобождала философию от каторги служения религии, избавляя последнюю, в свою очередь, от необходимости *доказывать* положения веры логическими средствами. Перед философией, таким образом, вновь открывалась относительная свобода в поисках истины по своему разумению.

За эту возможность ухватились многие мыслители Европы, включая Эриугена, Ансельма Кентерберийского и Абеляра. Их инициативу подхватили Альберт Великий, Фома Аквинский и Роджер Бэкон. Особенно далеко в этом направлении продвинулся Оккам, пришедший к парадоксальному выводу о всемогуществе бога, ограниченном только невозможностью творения логически противоречивых вещей. Согласно Википедии «отсюда следовало два важнейших следствия. Первое касалось взаимоотношения разума и веры. Раз порядок природы полностью зависит от божественного произвола, то его изучение ничего не может сказать о Боге, в том числе установить сам факт его существования. Это означало, в свою очередь, полное размежевание философии с богословием: как философия не могла дать ничего богословию, так и богословие ничего не могло дать философии. Хотя с богословской точки зрения мир полностью зависел от Бога, с философской точки зрения в учении Оккама мир от Бога полностью свободен. Второй вывод касался натурфилософии как таковой. Особенностью философии предшествующего периода была вера в то, что весь порядок мироздания может быть логически выведен из небольшого числа постулатов; результатом такого исследования считалось учение Аристотеля. Оккам в значительной мере обесценил это представление: Бог, ввиду своего всемогущества, мог создавать Вселенную на основании каких

угодно принципов. Отсюда следовало, что человеку, который действительно желает разобраться в устройстве мироздания, ничего не остается кроме как наблюдать за природой и ставить опыты». Это влекло за собой, по Оккаму, необходимость отказа от аристотелевской теории причинности. Отрицая существование конечной причины (энтелехии), он полагал, что для объяснения явлений природы следует избегать предположения о непосредственном вмешательстве Бога, ограничиваясь поиском эффективных причин.

Выдающимся натурфилософом той эпохи признается Н. Кузанский. В частности потому, что его космология носила новаторский характер. Его небесные «сферы» не являлись абсолютно круглыми, их вращение не являлось равномерным, оси вращения не занимали фиксированного положения в пространстве. Он придерживался мнения о материальном единстве Вселенной и считал Землю одной из планет, также совершающей движение. Как бы вторя Демокриту, он полагал, что небесные тела населены, как и наша Земля, причём житель любого тела во Вселенной с равным основанием может считать себя неподвижным. Наблюдая за небесными телами, Л. да Винчи корректно объяснил причину пепельного света Луны, заключив, что Земля такое же тело, как и Луна. Причем Землю он считал живым существом, у которого суша является плотью, водные потоки — кровью, приливы и отливы — биениями пульса. Тем не менее, в целом, за почти тысячу лет (!) вплоть до XIV века натурфилософия не привнесла ничего нового не только в развитие логики, но и в знания и представления о природе. Она проявила поразительное бесплодие и скудность мысли в сравнении с периодом в 250–300 лет активной фазы античного панзоизма, фантастически плодоносного и креативного. К таким-то последствиям привел диктат христианства и пресмыкательство мысли перед религиозной идеей. В большинстве своем даже «новые» разработки натурфилософии представляли собой перепевы идей, обсуждавшихся еще в древности.

Единственным философом античности, изучаемым в средние века, был Аристотель. Его имя оставалось непререкаемым авторитетом среди натурфилософов. (Под выражением «Сам сказал» подразумевалась цитата или какая-либо ссылка на один из его трудов). В 1341 году преподаватели «свободных искусств» в Парижском университете даже вынуждены были давать клятву преподавать студентам учение Аристотеля и его комментатора Аверроэса, за исключением тех случаев, когда это противоречило Писанию. Вместе с тем, во времена Возрождения европейцы открыли для себя и другие имена античных философов, в частности, Платона, Эпикура

и Лукреция Кара, Цицерона и Сенеки. Это оказало определенное влияние на развитие натурфилософии и придало толчок к пробуждению интереса к науке. Одним из следствий пробуждения явилось рождение новой гелиоцентрической системы мира. Ее автор — Н. Коперник прекрасно осознал, что предложенная им теория противоречит основным положениям философии Аристотеля. Но он надеялся, что для их согласования в последнюю достаточно будет внести только небольшие изменения. Поскольку он, также как Стагирит считал, что планеты переносятся в своём движении небесными сферами. Однако некоторые небесные явления, наблюдавшиеся во второй половине XVI века (Новая звезда 1572 года, комета 1577 года) заставили астрономов отказаться от этой догмы. Измеряя горизонтальный параллакс этих небесных тел, Т. Браге сделал вывод, что Новые звезды и кометы располагаются не в непосредственной близости от Земли (как полагал Аристотель), но дальше Луны. Отсюда следовали революционные выводы для космологии и всей натуральной философии: твёрдые небесные сферы не существуют, материя небес так же подвержена изменениям, как и материя Земли. К тому же Б. Телезио и Ф. Патрици своей жесткой критикой Аристотеля немало поспособствовали формированию И. Ньютоном идеи абсолютного пространства.

Одним из немногих мыслителей XVI века, полностью принявшим гелиоцентрическую систему мира, был Дж. Бруно. Но он пошел значительно дальше Коперника, устранив небесные сферы и высказав суждение о бесконечности и однородности пространства, равномерно заполненного материей. Пространство между телами, на его взгляд, не являлось абсолютно пустым, но было заполнено всепроникающей нематериальной средой — эфиром. Материя же состояла из атомов. Однако в отличие от атомов Эпикура, его атомы не были «безжизненными», но обладали определённой внутренней силой и жизнью, более напоминая атомы Демокрита. Бруно утверждал, что помимо Солнечной системы, существуют и другие системы, состоящие из солнц (звезд — гигантских рационально мыслящих существ) и обращающихся вокруг их планет. Его называют натурфилософом, но фактически, он был последним панзоистом, мыслящим как античные гилозоисты, и подобно им вербализируя свои идеи анимистическим лексиконом. Его демонстративный атеизм, независимость и свободомыслие бросали вызов церкви, и привели ее в бешенство, так что участь его была решена.

Между тем, среди подлинных натурфилософов вскоре произошло разделение на натурфилософию органическую и физическую. И последняя все отчетливее склонялась к анимизму в виде плоского механицизма. Он и

стал олицетворять науку с ее синтезом экспериментальных и теоретических методов исследования природных явлений. Коперник и Кеплер, Роджер Бэкон и Декарт, Галилей и Ньютон пробили огромную брешь в глухой стене тотального невежества современников. Расчистив дорогу для триумфального шествия естествознания, в котором с этого времени и отныне логика и эмпирика счастливо соединились в одну общую методологию, они нанесли *первый* сокрушительный удар по монополии религиозной догматики в головах европейцев. (*Второй*, не менее мощный удар нанесла ей теория Дарвина). Но вместе с ним, по прошествии 2000 лет, оказалась совершенно не у дел и традиционная онтология. Последнюю судорожную попытку вдохнуть в нее жизнь предприняли Шеллинг и Гегель.

Уловив перемену настроения в греческом обществе в пользу религии и дрогнув перед авторитетом македонского царя Филиппа, Аристотель стал коллаборационистом и проложил мост между гилозоизмом и анимизмом, посослуживав, тем самым, рождению натурфилософии. Вознамерившись доказать скептику Канту, что философия способна «объять необъятное», Гегель возвел из натурфилософии грандиозный песочный замок невиданного размера. Не удивительно, что он очень скоро развалился, оставив после себя груды интеллектуального «стройматериала», которой, в том числе, воспользовался Маркс для создания собственной фантазмагии, именуемой материалистической диалектикой. Гегель думал превзойти античного предшественника, избрав союзницей науку и изобретенные им «универсальные» законы диалектики, якобы пригодные для описания движения и развития любого сорта от природных феноменов до явлений общественной жизни. И ответил ему громоздкой и велеречивой «Философией природы», включавшей в себя механику, физику и органическую физику. Между эпохами составления трактатов древнего грека и современного германца пролегает около 2200 лет. Но знакомство с трудами первого сочинителя вызывает восхищение глубиной, поразительной интуицией и глубоким пониманием предмета исследования, проявляемым человеком, жившим в пору, когда не существовало государств, именуемых Германия, Англия или Франция. Когда же пытаешься вникнуть в подобный Амазонке речевой поток и многословные «переливы мысли» второго сочинителя, то становится грустно от того, что никакой иной реакции, кроме улыбки, они не вызывают и вызывать не могут.

Так, касаясь проблемы разделения, Гегель пишет: «Поскольку материя, например, как неистинное существование отрицает себя и возникает более высокое существование, то, с одной стороны, прежняя ступень снижается благодаря некоторой эволюции, но, с другой, стороны, она про-

должает существовать на заднем фоне и снова порождается посредством эманации. Эманация есть, таким образом, также и инволюция (Involution), потому что материя свертывает (involviert) себя в жизнь. Благодаря стремлению идеи стать объектом для самой себя, самостоятельный момент (как, например, органы чувств у животных) делается чем-то объективно внешним, солнцем, луной, кометами⁵⁴. Уже один этот крохотный фрагмент порождает множество недоуменных вопросов. Например: если материя мертва, то как она может отрицать себя. Труп, насколько нам известно, самостоятельно ничего поделывать не может, ни с собой, ни с кем-либо еще. Но, между тем, оказывается, материя мертва только вполнину, так как она «продолжает существовать», но на заднем фоне. Впрочем, стоп! Продолжает существовать в виде трупа или полутрупа? Опять неясность. Далее: если неким чудесным образом (примерно как с Христом, шагавшим по воде, аки посуху) материя сподобилась взобраться благодаря эволюции (или спуститься из-за инволюции) на более высокую (низкую) ступень, то кто или что ее снимает с «насиженного места»? И еще вопрос: откуда Гегелю известно, что нематериальная субстанция — идея обладает чувствами, присущими только материальным объектам, в частности, проявляет стремление стать объектом для самой себя (непонятно, но очень изощренно!). Становишься в совершеннейший тупик и тогда, когда выясняется, что идея иногда желает стать «чем-то объективно внешним», например, каким-либо космическим телом.

В том же духе выдержаны его толкования удельного веса, сцепления, звука, теплоты и т. д. и т. п. Но все эти акробатические кульбиты ума представляют собой безобидные шалости по сравнению с тем, каким манером он отстаивает приоритеты германской науки. «Законы абсолютно свободного движения открыты, как известно, *Кеплером*; это открытие достойно бессмертной славы, — пишет он, — *Кеплер доказал* свое открытие в том смысле в том смысле, что он нашел *всеобщее* выражение для опытных данных. До настоящего времени распространено мнение, что лишь *Ньютон* нашел доказательство этих законов. Нелегко найти другой такой пример, когда слава несправедливо отнята у того, кто на самом деле сделал открытие, и отдана другому», — констатирует Гегель и далее на 13 страницах бьется за попорченную честь и украденную у соотечественника славу. Между тем, воздавая должное И. Кеплеру, следует заметить, что «как известно» его законы представляют собой три эмпирических соотношения (законы эллипсов, площадей и гармонии), интуитивно подоб-

⁵⁴ Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. С. 41. М., 1975.

ранных им для описания гелиоцентрических орбит планет на основе анализа данных наблюдений Т. Браге. Никто никогда не думал замалчивать эти достижения Кеплера, но у ни кого, кроме Гегеля (и Р. Гука), не возникло сомнений в приоритете Ньютона в формулировке действительно «всеобщих» законов небесной механики.

К Ньютону у Гегеля вообще очень ревнивое отношение. Его он обвиняет, в том числе, в «распространении локковской философии или вообще английской манеры философствования, и, в частности, применении этой манеры ко всем физическим наукам: «физика, берегись метафизики» было его девизом, т. е. стало быть: «физика, берегись мышления». И он, равно как и все физические науки до наших дней, оставались верными этому паролю: эти науки никогда не вдавались в исследование своих понятий, в мышление мыслей. **Но физика все же ничего не может предпринять без помощи мышления. Свои категории, законы она получает только с помощью мышления, и без последнего она не может двинуться с места** (выделено нами. — Г. Г.). И как раз Ньютон главным образом способствовал внесению в нее рефлексивных определений сил; он поднял науку до точки зрения рефлексии, выставил вместо *законов явлений законы сил...* Он, отправляясь от наблюдений, приходит к общим точкам зрения, кладет их в свою очередь в основу дальнейшего исследования и конструирует из них единичные факты. Это — теории. Целью исследования сделалось наблюдение вещей и познание имманентных в них законов, присущего им всеобщего. **Притом Ньютон такой полный варвар в отношении понятий, что с ним произошло то же самое, что с тем, который в высшей степени удивился и обрадовался, когда узнал, что он всю свою жизнь говорил прозой, сам не зная, что он такой искусный** (выделено нами. — Г. Г.). Однако, Ньютон, как и физики, никогда этого так и не узнал; он не знал, что он мыслит и имеет дело с понятиями, между тем как он полагает, что имеет дело с физическими вещами... **Если мы зададим себе вопрос: «почему в таких науках не достигаются успехи», мы должны будем ответить, что это происходит оттого, что представители этой науки не умеют обращаться с понятиями, а решаются брать эти определения без смысла и понимания** (выделено нами. — Г. Г.). Например, в «Оптике» Ньютона умозаключения из сделанных им опытов потому представляют собою нечто столь неистинное, столь лишенное понятия, что в то время, как их обыкновенно выставляют в качестве возвышенного образца того, как мы должны познакомиться с природой посредством экспериментов и заключений из этих экспериментов, они на самом деле могут считаться

образом того, как не следует ни экспериментировать ни умозаключать и вообще образом того, как нельзя ничего познать. Такое жалкое испытывание опровергается природой, ибо природа превосходнее того вида, который она являет нам в этом жалком испытывании; она сама и дальнейшее испытывание опровергают это жалкое испытывание⁵⁵ (выделено нами. — Г. Г.)», — утверждает Гегель.

И уже чистым скандалом выглядят его нападки на Ньютонову теорию света. Касаясь объяснения этого явления, он утверждает: «Необходимо держаться первичного феномена Гёте. В качестве возражения против него обыкновенно приводят всякие мелочи, искусственно создаваемые феномена запутанными условиями. Уже ньютоновские опыты путаны, скверны, мелочно поставлены, неопрятны, грязны (выделено нами. — Г. Г.). В сотнях руководств повторяется его теория цветов... Против Гёте спорили потому, что он поэт, а не профессор. Только те, которые признают разные **идиот-измы** (выделено нами. — Г. Г.), определенные теории и т. д., принимаются в цех; слова остальных игнорируются совершенно»⁵⁶. Наши комментарии:

1) Поразительно, что философ *доказывает* приоритет мышления в научном исследовании. Неужели Гегель думал, что «разоблачая» Ньютона, он совершает открытие?

2) Называть варваром величайшего физика всех времен — по меньшей мере нонсенс, но если откровенно — дикость.

3) Успехи Ньютоновой физики настолько общепризнанны, что его имя известно всем, даже далеким от физики просвещенным людям, тогда как о Гегеле имеют представление лишь образованные философы.

4) «Жалкому испытыванию» подверг не Ньютон свою физику, а Гегель свою философию.

5) Право же, шокирует и вызывает чувство стыда знакомство с подобными оценками трудов человека, открывшего нам глаза на природу света.

Если Гегелевская философия ничего не могла дать физике, может быть она оказала хоть какие-нибудь услуги, например, биологии? Увы, и здесь его диалектика проявила себя во всем блеске хождения «вокруг да около». Вот как Гегель отдается любимому занятию, определяя понятие «жизнь». «*Непосредственная идея есть жизнь*. Понятие реализовано как душа в некотором теле, по отношению к внешности (Auberlichkeit) кото-

⁵⁵ Г. Гегель. Лекции по истории философии в 3-х книгах. Книга 3. С. 339. М., 1993–1994.

⁵⁶ Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. С. 283. М., 1975.

рого душа есть непосредственно соотносящаяся с собой *всеобщность*. Душа есть также его *обособление*, так что тело не выражает никаких других различий, кроме тех различий, которые следуют из определений его понятия. Наконец, душа есть *единичность* как бесконечная отрицательность, она есть диалектика своей внеположенной объективности, которая из видимости самостоятельного существования возвращается обратно в субъективность, так что все члены суть друг для друга мимолетные *средства*, равно как и мимолетные цели. Точно так же жизнь, будучи *первоначально* обособлением, кончает тем, что представляет собой *отрицательное для-себя*-сущее единство, и смыкается в диалектике своей телесности лишь с самой собой. Таким образом, жизнь существенно есть нечто *живое*, а со стороны своей непосредственности она есть *«это»* единичное живое существо. Конечность в этой сфере имеет то определение, что вследствие непосредственности идеи душа и тело *отделимы* друг от друга; это составляет смертность живых существ. Но лишь поскольку живое существо мертво, эти две стороны идеи представляют собой различные *составные части*», — пишет он, упиваясь своей казуистикой. Оставляя без комментариев эти необыкновенные «откровения» и «открытия», предлагаю читателю вкушать радость, разделив с ним удовольствие от подобного творчества. Нам же, почему-то в нем слышится глухое бормотание шамана, изгоняющего злых духов из тела больного сородича, или колдуна, зомбирующего своего пациента.

Не удивительно поэтому, что люди науки решительно отказались признавать интерпретации философа не только света или жизни, но всю его «Философию природы». С этого времени пути естествознания и философии разошлись радикально. Ибо нескончаемую словесную жвачку, подаваемую с необыкновенным апломбом и претензиями на всезнание, Гегель разбавил еще и националистическими выпадами. Ко всему прочему, к великому сожалению, он преподавал обществу пример того, как ложно понимаемый патриотизм лишает здравого смысла, объективности и элементарной порядочности даже весьма цивилизованных людей. И странно, что противопоставляя тщательно спланированным и искусно выполненным экспериментам Ньютона более 40 страниц словесной эскапады⁵⁷, Гегель, движимый германским высокомерием, не осознавал, что выставляет себя в весьма непристойном свете.

⁵⁷ В требовании к философии обходиться без математики, оперируя одними лишь понятиями, Гегель, вероятно, следовал Канту: Критика чистого разума. С. 491. М., 1994.

Не менее странно и то, что, наделяя Абсолютную идею (бога) ясным, хорошо выверенным, тщательно продуманным сценарием мироустройства, он не задался вопросом, который беспокоил еще Лютера: зачем всевышний создал мух? И для чего наградил человека такой беспокойной и тягостной для многих ношей — разумом? Это вопрос не задавали ни Моисей, ни Христос, ни Мухаммед. Их он не беспокоил, ведь они не были теоретиками-мыслителями. Но Гегель, будучи философом, должен был бы поинтересоваться, что, в конечном счете, делать человеку с познанием, которого он, по роду своей деятельности, так страстно добивается? Кант честно признался, что оно, фактически, ничего не дало ему для укрепления веры. И в этом отношении он и самый невежественный обыватель находятся в совершенно равных условиях. С другой стороны и Абсолютная идея — бог, будучи всемогущим, всезнающим и всевидящим совершенством, ни в чем не должен был бы нуждаться. Тогда спрашивается: для чего он — всезнающий и мудрый создал мыслящего человека, какую преследовал цель? Чтобы тот подобострастно и неутомимо возносил хвалы и прославлял своего создателя? Тогда чем бог в своем тщеславии отличается от Герострата? Или может быть его целью было использовать человека в качестве игрушки, с которой можно «разгонять тоску», заполняя вакуум своего миллионлетнего досуга? В таком случае он, обрекая девятых из десяти созданных им творений на всевозможные страдания и даже мучения, заслуживает всяческого осуждения. Гигант мысли Гигант не считал для себя возможным отвлекаться на столь «низменные» умозаключения.

Таким-то образом, незаметно для самого себя философ не столько дискредитировал натурфилософию, сколько показал, что его концепция настолько далека от свободного (первоначального) мировоззрения, что представляет собой уже скорее жестко сконструированную идеологию. Именно вследствие этого насилия, совершенного над философией и названного им идеалистической диалектикой, позволило Марксу с такой легкостью переформатировать ее в другую крайность — в диалектику материалистическую. Для перелицовки оказалось достаточным всего лишь поменять местами пару слов: абсолютную идею и абсолютную материю, которая (как выяснилось), будучи априори мертвой, была способна саму себя рефлексировать неведомо каким образом. При этом если Гегель не удосужился объяснить, к чему было абсолютной идее породить материю, то еще меньше ясности у Маркса в том, с какой целью материя решила познавать самую себя посредством человека. Вместе с тем, фактический про-

вал онтологии Гегеля доказал и другое: что времена изменились. Философия, бесспорно, явилась «повивальной бабкой» науки. Но к XIX веку та уже «выросла из штанишек», окрепла и самостоятельно встала на ноги. С этого времени обозначилось совершенно отчетливо, что отныне не дело философии дилетантски замещать собой естествознание. Так что и влияние ее на процессы познания самых фундаментальных представлений о мире с этого времени стало экспоненциально ослабевать.

Глава 2

Смена парадигм

2.1. Практическая философия и политика

Приступая к дальнейшему изложению нашей концепции, еще раз подчеркнем следующее. Отступая от традиции, мы будем рассматривать концепции тех или иных философов не с точки зрения оригинальности, глубины и новаторства идей, сформулированных ими. Нас будут интересовать, прежде всего, те из них, которые, будучи собственными или заимствованными, произвели ощутимые эффекты на дальнейшее развитие человека и общества. Несколько примеров: А. Смит — основоположник современной политэкономии своей главной заслугой считал создание «Теории нравственных чувств». Дж. Локку отводят в философии довольно скромное место, вместе с тем, он оказал решающее влияние на эволюцию современных политических институтов. З. Фрейда никто не считает философом, но ни одна философская энциклопедия не обходит стороной его имя. Цицерона не признают философом «первого эшелона», но благодаря не столько Аристотелю, сколько ему у деятелей Ренессанса пробудился интерес ко всей античной философии и культуре со всеми дальнейшими последствиями. С другой стороны, колоссальная интеллектуальная мощь И. Канта, при содействии которой он пытался «открыть новые горизонты за пределами опыта», не помогла ему найти ничего большего, «кроме двух символов веры — бытия Бога и загробной жизни». И это свое разочарование он выразил одной фразой: «Этого мог бы достигнуть и обыденный рассудок, не призывая на помощь философов»⁵⁸. Декарта (помимо философов) вспоминают разве что, при ссылках на «Декартовы координаты». (Нам, увы, приходится часто упоминать имя Маркса, но не потому, что его теория того заслуживает, а лишь ввиду того,

⁵⁸ И. Кант. Критика чистого разума. С. 485. М., 1994.

что она слишком много зла принесла человечеству). Поэтому многие авторитетные и знаковые имена, даже особо значимые для истории философии, выпадают из нашего рассмотрения.

Европейская философия Нового времени, оказавшись малопродуктивной в области онтологии, компенсировала эту своеобразную импотенцию исключительной плодovitостью в области этики, эпистемологии, социальных наук и прочих разделов интеллектуального творчества. Особенно позитивным было ее влияние на развитие политических институтов Нового времени благодаря своеобразному мосту, перекинутому к нему от первых философов — гилозоистов. По словам Элиана (здесь и далее все цитаты, касающиеся последних, взяты из «Фрагментов ранних греческих философов»), «философы также занимались государственной деятельностью, а не только жили в тиши, отличаясь одними интеллектуальными достоинствами. ... Солон был во благо афинянам, Биант и Фалес оказали большую пользу Ионии, Хилон — лакедемонянам, Питтак митиленцам, Клеобул — родосцам». Фалес был известен своей близостью по политическим предпочтениям с первым и величайшим демократом в истории Солонном. Пифагор покинул родной Самос и переехал в Италию, не смирившись с тиранией Поликрата. Поселившись в Кротоне он сыграл решающую роль в войне между кротонцами и их врагами сибаритами. Гераклит был известен тем, что уступил титул басилевса своему брату, а также убедил тирана Меланкома сложить с себя власть. Парменид «благоустроил свою родину (Элеи) наилучшими законами, так что власти ежегодно брали с граждан клятву оставаться верными законам Парменида». Зенон Элейский погиб, участвуя в заговоре против тирана Непарха. Мелисс самосец будучи уважаемым государственным деятелем был избран навархом (командующим флотом) и дал победоносное сражение казавшемуся непобедимым афинскому флоту. Акрагантец Эмпедокл отказался от предлагавшейся ему царской власти, а заподозрив одного из архонтов и его гостя в подготовке тирании, добился их осуждения и смертной казни. Демократия, установившаяся в Афинах благодаря стараниям Солона, Клисфена, Перикла совместно с афинским демосом, служила для независимо мыслящих эллинов со всего греческого архипелага территорией свободомыслия.

Но Пелопонесская война внесла коррективы в отношении к принципу независимости мышления. Анаксагор — учитель Перикла, отличавшийся знатностью рода и отказавшийся от наследственного имущества в пользу родственников, поплатился изгнанием из Афин за свои демократические убеждения. Сократ — также приверженец демократии был осужден на смерть и пал жертвой закона о непочтении к богам. Первым дрогнул и

изменил демократии Платон. И стал объяснять свой оппортунизм ссылкой на объективный анализ достоинств и недостатков всего спектра форм правления, так или иначе апробированных эллинскими полисами. Тот факт, что он был из аристократического рода, значения не имеет: его кумир Сократ был из низов и противником Тридцати тиранов, тогда как царский сын Гераклит добровольно оказался от царской власти. Поэтому остается неясным, что могло повлиять на политический выбор Платона.

Можно лишь высказать осторожное предположение, что им двигало потрясение от поражения Афин в Пелопонесской войне, а также тревога за будущее Греции, раздираемой междоусобицами. Вероятно, именно это факторы послужили Платону поводом для выражения симпатий к сильной централизованной власти, которая смогла бы объединить всю нацию, предоставив ей долгожданный прочный мир. Так или иначе, вместе с постепенной сдачей своих позиций и отступлением демократии по «всем фронтам», над философией все явственней нависала тень авторитаризма. Уже и Аристотель, разбирая в «Политике» суждения своего учителя, склонялся к тому, чтобы признать демократию неудовлетворительным типом правления в сравнении с совершенной, но утопичной политией. Намекая на Александра Великого (по мнению А. Доватура), он писал: «...средний государственный строй либо никогда не встречается, либо редко и у немногих. Один лишь муж в противоположность тем, кто прежде осуществлял главенство, дал себя убедить ввести этот строй. Вообще же в государствах установилось такое обыкновение: равенства не желать, но либо стремиться властвовать, либо жить в подчинении, терпеливо перенося его»⁵⁹. И вскоре лишь Диоген Синопский мог позволить себе быть на равных в общении с могущественными правителями. Так что в ответ на готовность того же Александра Великого исполнить любое его пожелание, он ответил просьбой отойти в сторону, не заслонять солнце.

Ни республиканский, ни императорский Рим не дали миру ни одного оригинального крупного философа. Но наиболее известные ее представители — Цицерон и Сенека разделяли политические пристрастия своих предшественников — гилозоистов, отдавая дань демократии словом и делом. Биограф первого из них С. Утченко подчеркивает, что тот «боролся всегда «за идею», боролся, следовательно, не только против «личностей», но и против концепций»⁶⁰. В этой своей длительной борьбе сначала с Катилиной за идеалы *res publica*, а затем с Марком Антонием за восста-

⁵⁹ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. 1296 а36–43. М., 1984.

⁶⁰ Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 361. М., 1972.

новление последней, «Цицерон подверг коренному пересмотру свое понимание целей, задач и методов политической борьбы. И если некогда он совершенно искренне заявлял, что он никоим образом не сторонник хирургического вмешательства, то теперь только на отсечение пораженных частей общественного организма, только на физическое уничтожение тирана он возлагал все свои упования»⁶¹. Но при этом он никогда не изменял своему политическому лозунгу: «*Concordia ordinum*» (согласие сословий). И этот лозунг, и само имя Цицерона обрели силу и обаяние для всех римлян уставших и запуганных бесконечными заговорами, переворотами и междоусобицами. Он олицетворял собой республику прежних времен, был призывом к свободе, миру и благополучию. И еще один момент особенно подчеркивает Утченко. «Цицерон, на наш взгляд, представляет — и, пожалуй, наиболее ярко — ту своеобразную социальную прослойку, которая впервые сформировалась именно в античном обществе и которую мы определяем термином «интеллигенция». ...В эту категорию входили люди, занимавшиеся культурной или научной и педагогической деятельностью, для которых данная деятельность была основной, постоянной профессией. Это актеры, педагоги, риторы, грамматик, литераторы, врачи. (Более того), Цицерон, пожалуй, на самом деле первый в истории интеллигент, вставший — пусть даже на короткий срок! — у кормила управления государством. Он ведь не просто интеллигент-политик, нет, он адвокат — и это тоже чрезвычайно типично! — ставший политиком»⁶².

Типично для нашего времени, но вовсе не для средневековья и даже не для не столь отдаленной эпохи, — заметим мы. Так как лозунг «*Concordia ordinum*» был возрожден в виде теории «согласия», являющего на взгляд американских историков «основной чертой развития Соединенных Штатов»⁶³, только спустя 1800 лет после его гибели. Даже советские историки и политологи были вынуждены признать, что «моделью нового государства избирался классический пример — Рим эпохи республики. В колониальной Америке высоко ценилось классическое образование, и, когда настали годы испытаний — война за независимость, в США господствовали настроения, что в Новом Свете будут восстановлены добродетели, ценившиеся древними и поруганные в Старом Свете, главное — республиканский образ правления. Аналогия между США и античными Римом и Грецией — отличительная черта тогдашних оценок в США Амери-

⁶¹ Утченко С. Л. Цицерон и его время. С. 363. М., 1972.

⁶² Там же. С. 66 и 365.

⁶³ США. Политическая мысль и история. Под ред. Н. Н. Яковлева. С. 18. М., 1976.

канской революции»⁶⁴. И одним из наиболее часто повторявшихся имен тогда было имя Цицерона.

Говоря о поруганных европейцами добродетелях, деятели американской революции имели в виду примеры не только абсолютизма Старого Света с их известным кредо, сформулированным Людовиком XIV: «*L'Etat c'est moi*» («Государство — это я»). Более, чем вероятно, что их планы, касавшиеся политического устройства рождающегося государства, не обошли вниманием идеи двух признанных в то время авторитетных философов — Н. Макиавелли и Т. Гоббса. К счастью для демократии, они были отвергнуты. Это могло бы показаться удивительным, ведь, например, совершенным, но абстрактным образцом правления Макиавелли признавал именно античные республики. Но крайне противоречивая эпоха начала Ренессанса, междоусобицы, раздиравшие итальянскую нацию, постоянное вмешательство церкви в мирские дела привели его к мысли, что на практике единственным спасением для Италии мог бы быть режим монархии в своей крайней форме — единоличной, пожизненной и неограниченной. Поэтому, чтобы добиться такой власти и, главное, надолго удержать ее в своих руках, государю необходимо забыть о морали и нравственности. Макиавелли убежден, что для спасения страны не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора. При этом он ссылается на опыт короткого правления Чезаре Борджиа — чудовища, вместившего в себя все мыслимые и немыслимые пороки: убийства из-за угла и вероломство, отравления и жестокие расправы с несчастными подданными, алчность и обманы, а в разврате сравнивавшийся с Нероном, вступив в кровосмесительную связь с сестрой Лукрецией. Но, «рассматривая все поведение герцога, я не могу его ни в чем упрекнуть; напротив, мне кажется, что его можно поставить в пример всем», — подводит Макиавелли итог рассмотрению живописнейшего портрета своего «героя». Что же искупает в его глазах все грязные грехи этого извращенца? Стремление к объединению Италии! «Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот, кого Бог назначил стать избавителем Италии, но немилость судьбы настигала его на подступах к цели. Италия же, теряя последние силы, ожидая того, кто исцелит ее раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов — Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачует ее гноящиеся язвы. Как молит она Бога от ниспослания ей того, кто избавит ее от жестокости и насилия варваров. Как полна она рвения и готов-

⁶⁴ Там же. С. 38.

ности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!»⁶⁵ — горестно восклицает Макиавелли, разочарованный поражением своего кумира. Традиция признает Макиавелли дальновидным и глубоким мыслителем. Но как же, в таком случае, он не осознавал, что демонстративные пороки порождают свои копии-отражения — публичные цинизм, бесчестие, позор и все напоказ? Что на столь скользком фундаменте немислимо возвести сколько-нибудь прочное строение, именуемое государством. Без лжи, насилия и коварства не обходилось строительство ни одного государства, за исключением полисных демократий Эллады и римской республики. Но у правителей традиционных цивилизаций хватало ума скрывать свои пороки. Они прекрасно понимали, что без уважения к институту власти нет жизнеспособной власти: подданных можно и нужно обманывать, но они не должны догадываться об этом.

Со своей стороны Гоббс постарался придать своему доказательству преимуществ монархии более общие соображения. Ссылаясь на выведенную им формулу «*Bellum omnium contra omnes*» («война всех против всех»), он утверждал, что в этом состоянии «ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет справедливости. ... (Но) для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями, ... и чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим... В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты*»⁶⁶. Опять-таки мы вынуждены задать вопрос: неужели Гоббс не извлек уроки из истории своей страны — войны Алой и Белой роз, или, например, правления Генриха VIII? Разве не показали они со всей очевидностью, к каким разрушительным последствиям может приводить сила, используемая в корыстных (личных или корпоративных) интересах, а

⁶⁵ Н. Макиавелли. Государь. С. 77. М., 1990.

⁶⁶ Т. Гоббс. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 225–227. М., 1989–1991.

также абсолютная власть верховного правителя? Или — почему он не обратился к истории стран Востока, которые пестрили иллюстрациями бедствий, постигавших подданных бездарных правителей?

Понимание пагубности монархии и, тем более, монархии абсолютной, в высшей мере проявил Дж. Локк — младший современник Гоббса. Во втором томе «Два трактата о правлении», подводя итоги рассмотрению вопроса о происхождении власти как таковой (том первый), он замечает: «1) что Адам не обладал ни благодаря естественному праву отцовства, ни благодаря определенному дару, полученному от бога, такой властью над своими детьми и таким владычеством над миром, какие ему приписывают; 2) что если бы он и обладал такой властью, то, тем не менее, его потомки не имели бы на неё никакого права; 3) что если бы его потомки обладали такой властью, то не существует ни закона природы, ни закона, установленного богом, которые определяли бы, кто является подлинным наследником во всех могущих возникнуть случаях; 4) если бы и было определено такое право, то все же, поскольку сведения о том, какая линия потомков Адама является старшей, давным-давно полностью утрачены, среди различных человеческих племен и родов, существующих в мире, нет ни одного, который мог бы хоть в какой-то степени больше, чем любой другой, претендовать на роль старшего дома и обладать правом наследования»⁶⁷. Из этого следует, что Локк исключал любого рода иерархические отношения между народами и государствами, признавая их полное политическое и экономическое равенство прав.

Точное такое же равенство он отстаивал и между всеми индивидами в их естественном состоянии. Под последним он имел в виду «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого». С другой стороны «свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием. Свобода, следовательно, — это не то, о чем гово-

⁶⁷ Дж. Локк. Сочинения в трех томах. Т. 3. С. 262–263. М., 1985–1988.

рит нам сэра Р. Ф. (Роберт Филмер): "Свобода для каждого — делать то, что он пожелает, жить, как ему угодно, и не быть связанным никаким законом". Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью ... и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека»⁶⁸.

И далее Локк задается вопросом: «Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого»⁶⁹. Иначе говоря, основной целью создания государства, по Локку, является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы, установленные в этом государстве. Поэтому первое, что необходимо предпринимать государству, устанавливая законодательную власть, а первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и каждого члена общества. Эта законодательная власть должна быть не только верховной властью в государстве, но и священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды её доверило. Иначе говоря, государство создано для гарантии естественного права (жизнь, свобода, имущество) и законов (мир и безопасность), следовательно, оно не должно посягать на естественное право и на закон.

Ко всему прочему, впервые со времен античности Локк поставил вопрос о разделении верховной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и федеративную. (Король как глава исполнительной и союзной власти, имеет прерогативы, чтобы в экстремальных случаях способствовать благу общества, заниматься дипломатическими вопросами и уча-

⁶⁸ Дж. Локк. Сочинения в трех томах. Т. 3. С. 274. М., 1985–1988.

⁶⁹ Там же. С. 334.

ствием в союзах и коалициях). Но если Локк только мечтал о разделении властей, то в античности она была успешно реализована. При этом третьей ее ветвью признавалась судебная власть, которая была наиболее полным и последовательным воплощением демократии и справедливости, поскольку в его функционировании были обязаны принимать участие все полноправные граждане Афин. Локк дерзнул на еще один решительный отказ от традиций Средневековья. В «Letters on toleration» и в «Reasonableness of Christianity, as delivered in the scriptures» он проповедовал идею веротерпимости. Он полагал, что не только христиане, но и мусульмане, иудеи и язычники могут быть безукоризненно нравственными людьми. Поэтому самым решительным образом он настаивал на отделении церкви от государства. Последнее, по мнению Локка, только тогда имеет право суда над совестью и верой своих подданных, когда религиозная община ведёт к безнравственным и преступным деяниям. Об исключительно важной роли философа в возрождении и распространении античных идей демократии и республики в Новое время красноречиво свидетельствует тот факт, что ключевой слоган Американской Декларации независимости представляет собой слегка подретушированный тезис Локка. В его триаде «Все люди сотворены равными и наделены создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых право на жизнь, свободу и собственность» Т. Джефферсон заменил «собственность» на «стремление к счастью».

2.2. Метаморфозы: от философии к идеологии

Намереваясь доказать способность онтологии замещать собой естествознание, Гегель предпринял очередной шаг к превращению философии в идеологию, представив миру свое творение — идеалистическую диалектику. Ее он противопоставил *«прежней метафизике»* — той метафизике, которая существовала у нас до кантовской философии». (Здесь и далее — ссылки на Энциклопедию философских наук. Т. 1. Наука логики. М. § 19–83. 1975.) Чем Гегель объясняет необходимость отказа от «прежней метафизики» Аристотеля? Тем, что ее мышление «было *конечным* мышлением, ибо она двигалась в таких определениях мышления, предел которых признавался ею чем-то незыблемым, не могущим в свою очередь подвергаться отрицанию. ... Эта метафизика не была свободным и объективным мышлением, так как она не давала объекту определяться свободно из самого

себя, а предполагала его готовым». Правда, Гегель воздаёт должное своим античным предшественникам: «Что касается свободного мышления, то нужно сказать, что греческая философия мыслила свободно, а схоластика несвободно, так как последняя брала свое содержание как данное, а именно, данное церковью. ... В лице античных философов мы должны представить себе людей, всецело стоящих на почве чувственного созерцания и не имеющих никакой иной предпосылки, кроме неба над ними и земли вокруг них, ибо мифологические представления были отброшены в сторону. Мысль в этом вещном (*sachlichen*) окружении свободна и ушла в себя, свободна от всякого материала и пребывает в своей чистоте у себя. Это чистое у-себя-бытие составляет отличительную черту свободного мышления, как бы отправляющегося в свободное плавание, где нет ничего ни под нами, ни над нами и где мы находимся наедине с собой».

Сказано, следует признать, весьма поэтично, но далее Гегель делает вывод: «Эта метафизика сделалась *догматизмом*, так как она, согласно природе конечных определений, должна была принимать, что из *двух противоположных утверждений*, каковыми были вышеуказанные положения, одно должно быть *истинным*, другое — *ложным*... Истинное, спекулятивное есть, напротив, как раз то, что не имеет в себе таких односторонних определений и не исчерпывается ими, а как тотальность совмещает в себе те определения, которые догматизм признает незыблемыми и истинными в их раздельности. ... Так, например, идеализм утверждает: душа есть не *только* конечное или *только* бесконечное, но она по существу есть *как* то, *так* и другое и, следовательно, не есть, *ни* то, *ни* другое, т. е. такие определения в их изолированности не имеют силы, но получают ее лишь как снятые. ... Борьба разума состоит в том, чтобы преодолеть то, что фиксировано рассудком». Следует воздать должное Гегелю: он интуитивно осознает, что двумерная логика Аристотеля недостаточна для описания не только работы рассудка, но и явлений природы. Но у него нет этому прямых доказательств, тех, в частности, которые предоставила квантовая механика. К тому же его сознание переполняют фантомы в виде мистических духов и душ. «Дух отличен от души, которая есть как бы нечто среднее между телесностью и духом, или является связующим звеном между ними. Дух как душа погружен в телесность, и душа есть животворящее начало тела. Прежняя метафизика рассматривала душу как вещь. Но вещь есть очень двусмысленное выражение», — утверждает Гегель. Нам же остается удивляться: где находит он подтверждение своему «открытию» различия между духом и душой, или того, что вещь менее материальна и осязаема, нежели дух?

Но, разумеется, самый интригующий вопрос, который вызывает его отрицание прежней метафизики и обращение к новой диалектике состоит в выяснении конечной цели его усилий. Спрашивается, каков смысл предпринятого им строительства грандиозной интеллектуальной пирамиды идеалистической диалектики? Его ответ: **«Познать бога посредством разума — это, несомненно, величайшая задача науки** (выделено нами. — Г. Г.). Религия содержит в себе представления о боге; эти представления в той форме, в какой они собраны в символе веры, сообщаются нам еще с молодости в качестве учения религии... Но теология есть наука этой веры. Если теология дает нам лишь внешнее перечисление и собрание религиозных учений, она еще не является наукой. Чисто историческое рассмотрение предмета... еще не сообщает теологии научного характера. Она получает его лишь в том случае, когда переходит к постигающему в понятиях мышлению, которое есть дело философии. **Истинная теология, таким образом, есть существенно одновременно и философия религии, таковой она была также и в средние века** (выделено нами. — Г. Г.)». Из сказанного следуют три вывода. В-первых, по мнению Гегеля, ключевой смысл человеческого существования как такового состоит в служении богу. Во-вторых, высшим проявлением этого служения является его познание логическими средствами. Поэтому его философия адресована просвещенным скептикам, помогая религии доказывать им реальность бытия бога. Непросвещенным легковым ничего подобного не требуется: они «клюют» на приманку безо всяких увещаний. В-третьих, его задача тем более актуальна, что начиная со средних веков, наука все сильнее расшатывает устои веры, и если не предпринять мер для ее «обуздания», вся мыслящая часть человечества вскоре заразится атеизмом.

Читатель вправе, в таком случае, задать вопрос автору: если вся философия Гегеля не выходит за рамки теологии, то к чему тратить столько времени на знакомство с нею нашим современникам? Ответ: это необходимо, чтобы понять, что представляет собой учение, непосредственно произошедшее из его идеалистической диалектики под именем диалектики материалистической. Теории, в доказательство истинности которой на алтарь истории были возложены миллионы человеческих жизней. Лишь необходимость познать напрасны или нет были жертвы, принуждает автора копаться в грязном белье мыслей величайшего палача в истории. Нам укажут: недопустимо употреблять дефиницию «палач» в отношении идеолога-теоретика, не лишившего своими руками жизни ни одного человека, ни по приговору суда, ни по собственной воле. Наше возражение: Гитлер и

его ближайшее окружение также не запятали свои руки в крови. Вместо них это сделали их подчиненные «единоверцы». Что не помешало Нюрнбергскому суду признать их палачами. Впрочем, оставим характеристику наследия Маркса на суд истории и перейдем к рассмотрению его интеллектуального детища.

В «Философии гуманизма» на сей счет было сказано предельно лаконично — «перевертыш». Поясним: представим себе, что некий г-н Иванов, начитавшись «Войны и мира» Льва Толстого, издает свой опус, озаглавленный «Мир и война». Все герои нового романа сохранены им в целости и сохранности. Все, что было в оригинале значимого и заслуживающего внимания, пусть и не всегда обоснованного, было «экспроприровано» и освоено г-ном Ивановым так ловко, что никто не посмел назвать его действия плагиатом. Но! — если Толстой живописал вымышленные и реальные события, происходившие с ними, с целью показать, как утверждал Вольтер, что «все идет к лучшему в этом лучшем из миров», или напротив — *C'est La Vie*, то г-н Иванов попытался превратить беллетристику в пропаганду, подобно Н. Чернышевскому с его романом «Что делать?». Точнее говоря, не столько в пропаганду (жанр не соответствовал), сколько в обоснование своего права на перелицовку романа Толстого. Этого, однако, оказалось мало г-ну Иванову: он принялся доказывать, что его «Мир и война» гораздо точнее отражает истину, нежели его литературный предтеча. Рядовой читатель скажет: такое невозможно. Философ возразит: возможно все. С диалектикой как раз и случилось невозможное: творение Гегеля после наезда на него рэкетиров — Маркса и Энгельса приобрело в глазах некоторых доверчивых простаков и ленивых думать статус «правильной философии». Но не сообразили рэкетеры, что обе диалектики, как идеалистическая, так и материалистическая — суть «голая литература», оставляющая следы на бумаге, которая все стерпит. То, что основу обеих диалектик — как Гегеля, так и Маркса составляют «бумажки», подтверждает другой пример — из спорта.

Вообразим себе футбольное поле и игроков на нем. Зададим вопрос марксисту: может ли мяч по собственной прихоти перемещаться с одного края поля на другой? Ответ очевиден, но (!) не для марксиста. В соответствии со своей идеологией он будет обязан доказывать, что мяч, будучи «первичным» (материальной субстанцией), может самостоятельно продуцировать «вторичное», (идею) траекторию своего полета. (Однако искушенный диалектикой, он ловко выйдет из положения, «не заметив» вопроса). Далее обратимся к гегельянцу: если даже идея мяча и витает в небесах, то как она может материализоваться без посредства другого материального объекта

или субъекта? Его вероятнейший ответ: бог поможет. Но едва ли он удовлетворит мыслящих рационально. Так или иначе, и гегельянцы, и марксисты давно научились обходить острые углы критики и скепсиса, и в этом отношении друг друга стоят. Тем не менее, между их позициями существует одно, но принципиальное и крайне важное различие. Гегель намеревался в силу заведенной со времен Фалеса традиции по-своему постичь мир с тем, чтобы примирить коллективное сознание современников с идеей бога. Маркс же задумал нечто принципиально иное — радикально изменить мир. Так что эта «бумажка» — материалистическая диалектика должна была послужить ему пропуском в сообщество почтенной философии, чтобы привнести в нее две ранее ей не присущие черты и особенности.

Первая — манера изъясняться. Гегель достиг совершенства в том, чтобы излагать свои мысли так многословно и туманно, что далеко не каждый, отважившийся вникнуть в их смысл, мог уловить ее «слёту». Маркс, верный его ученик, превзошел учителя тем, что точно так же напускал густые, таинственные клубы дыма на свои пассажи. Но на этом не останавливался. Приведя в замешательство мысли читателя, он вдруг озарял их броскими и либо бессмысленными, либо лживыми, но многообещающими лозунгами. Например, такими: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», или «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Растерявшийся было от кружения в лабиринте (паутине) его словосплетений читатель, бывал сбит ими с толку, принимая за чистую монету всю ахиною, изложенную Марксом ранее. И, разумеется, начинал думать, что видит в его лице гения, открывающего глубочайшие истины-откровения, прежде недоступные не только простым смертным, но даже высоколобым философам. (Вообще говоря, обманывались на его счет, прежде всего, те, кто очень желал быть обманутым).

Второе, еще более «выдающееся» новшество Маркса можно выразить одной фразой, с головой выдающей его подсознательную (по Фрейд) цель: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁷⁰. Тысячи авторов миллионы раз ссылались на эту фразу, но никто не обратил внимания на то, как она стала их достоянием. Секрет раскрывает Ф. Энгельс, который готовил кое-какие материалы к публикации... *после* смерти Маркса. Вот, что он пишет: «...в одной старой тетради Маркса я нашёл одиннадцать тезисов о Фейербахе, которые и напечатаны в качестве приложения. Это — наскоро

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Тезисы о Фейербахе. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. С. 4.

набросанные заметки, подлежавшие дальнейшей разработке и отнюдь *не предназначенные* (курсив наш. — Г. Г.) для печати. Но они неопределимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения⁷¹. Здесь пояснение: «не предназначенные» есть типичная оговорка Энгельса по Фрейду, невольно выдавшая Маркса, который, оказывается, вовсе не желал, чтобы это откровение, предназначенное только для себя одного, стало известно другим. Почему? К чему такая скрытность? Своей откровенностью Энгельс оказал Марксу медвежью услугу, раскрыл его карты (которые, правда, до сих пор никто не замечал).

Дело в том, что первые философы преследовали *бескорыстную* цель познания мира природы и человека. Христианское богословие, руководствуясь уже вполне корыстным мотивом, вынудило ее *доказывать* существование бога. В чем, кстати, не было никакой необходимости, ибо религиозная вера легко обходилась собственными силами. Кончилось это принуждение разума, как и следовало ожидать, тем, что он «отомстил» ей, вселив в нее сомнение. Маркс же, совершенно извратив дух философии, вздумал извлечь из нее *прямую практическую пользу* — сделать из нее своего поверенного. Или точнее — обратить ее в идеологическое орудие — дубину для сокрушения черепов упрямых скептиков, не готовых изменять мир избранным им орудием. (Ленин, правда, решился всего лишь изгнать философию из изнасилованной России, тогда как его осмелевшие наследники сделали из нее наложницу).

Читатель может не увидеть в тайном желании Маркса ничего особенно примечательного, если не примет во внимание один решающий момент. Именно: его возраст, когда обнаружилась у него эта подсознательная мысль-мечта. Ему было только 27 лет, он все еще оставался левым идеалистом-гегельянцем. Лишь полгода назад познакомился с Энгельсом, который и начал вводить его в круг проблем немецкого пролетариата, следовательно, сам он еще никоим образом не был связан с последним. Стало быть, ни о каком пролетариате у него еще не «болела голова». Он просто *хотел изменить мир*. Хотел страстно, и все тут! Смутная пока еще мечта о бурях терзала его, похоже, чуть ли не с 17 лет. Свидетельством чему служат его «Размышления юноши при выборе профессии (12 августа 1835 г.)» Вот несколько откровений того периода: «Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг, пока не сойду с ума, и мое сердце в корне не переменится. Видишь этот меч? Князь тьмы продал его мне». Или: «...того, кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдер-

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 21, стр. 370–371.

жать, и он бросается туда, куда его влечёт непреодолимая сила: он уже больше не выбирает сам своего места в обществе, а это решают случай и иллюзия». И еще: «Презрение к самому себе — это змея, которая вечно растревляет и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в неё яд человеконенавистничества и отчаяния»⁷².

Здесь следует, пожалуй, сделать небольшое отступление и обратиться к истории появления на мировой арене идеологических реформаторов и революционеров. Оставивших за собой наиболее глубокие следы не так уж много. Но всех их связывали два постоянных побудительных мотива, два мощнейших стимула — НЕДОВОЛЬСТВО и ТЩЕСЛАВИЕ. Все бунтари, так или иначе, с одной стороны, жаждали перемен, побуждаемые категорическим неприятием существующего положения вещей. Моисей опасался за будущее своего народа. Сиддхартха Шакьямуни (Будда) — был потрясен невзгодами, преследующими род человеческий. Иисуса провоцировала «римская пята». Мухаммеда не удовлетворяла периферийность арабской цивилизации. Лютер не мог смириться с зависимостью от Рима и с узами, сковывавшими деловую активность возрождающегося капитализма. Все они, так или иначе, находили выход из положения в провозглашаемых ими религиозных реформах, призванных преобразовывать мышление их окружения, не затрагивая традиционную политическую структуру их социумов. С другой стороны, все они естественным образом стремились возглавить это отрицание старого и движение к новому, утлая свое честолюбие и давая выход своей энергии.

В XIX веке, развивавшем идеи эпохи Просвещения, религиозная фразеология потеряла силу убеждения. Новое время требовало новых инструментов пропаганды. Теперь ничего лучшего в качестве альтернативы религиозным концепциям, нежели философия, найти было трудно. И Гегель, не подозревая, чем могут закончиться его игры в логическое оправдание небесного бога, невольно подготовил почву для обоснования необходимости пришествия нового — земного бога. Чем и воспользовался его ученик Маркс, отбросивший прочь религиозную шелуху идеализма, но оставивший в своих руках изобретение учителя — молот диалектики, используя его для доказательства необходимости радикальных *политических* перемен. Таким образом, он преподал пример целой плеяде последовавших за ним бунтарей (Ленин, Троцкий, Сталин, Мао, Кастро) нацелившихся не на идеологические, а на политические революции с намерением предстать мессией на атеистический лад. Но «освободителем» кого?

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 40. С. 3–5.

Чье недовольство Маркс мог бы возглавить и чьи интересы мог бы озвучить? Что именно не нравилось юному гегельянцу в его окружении настолько, что он был готов перевернуть весь мир верх дном?

Ответ мы найдем в его статье, написанной осенью 1843 года и вышедшей несколько месяцев спустя — в брошюре «К еврейскому вопросу». Уж сколько раз ссылались на нее, доказывая ярый антисемитизм Маркса. В русскоязычной газете США «Еврейский мир» от 03.12.2013 в статье «Маркс и евреи». А. Зеликман пишет следующее: «С юных лет Маркс проявил себя ярким антисемитом. В возрасте 26 лет он написал статью “К еврейскому вопросу”, содержащую следующие перлы: “Что есть мировая основа еврейства? Корысть. Что есть мировой культ еврея? Торгашество. Кто его настоящий бог? Деньги... Деньги — это ревнивый бог Израиля... Банкнота — вот подлинный бог еврея!” Евреи по Марксу — псевдонация, объединяющим началом которой является исключительно религия — иудаизм, пропитанная духом презрения к человеку как самоцели. Исторические условия формирования еврейства способствовали превращению этой группы в социальную категорию, являющуюся олицетворением капиталистических начал в человеческом обществе. Для того, чтобы преодолеть эти начала необходимо растворить еврейство в окружающей их среде... Маркс мало что знал о народе, из которого вышел, о религии своих предков, да и не хотел о них знать. Его рассуждения о евреях полны заблуждений и вымысла. Маркс отождествляет иудаизм и капитализм и из этой ложной предпосылки подходит к еврейскому вопросу. К сожалению, многие социалисты Европы и российские большевики придерживались аналогичных взглядов. Они старались отмежеваться от еврея в самом себе и отрицали право евреев на существование как нации».

Мы разделяем чувства автора, но в «защиту» Маркса заметим, что он (Зеликман) ошибается: Маркс вовсе не был ярким антисемитом, напротив, он был вдохновенным юдофилом, изображавшим свою подчеркнутую нейтральность в еврейском вопросе. А маску юдофоба он надел с одной лишь целью — показать насколько он принципиален и объективен, оценивая своих соотечественников. К подобному трюку он прибег и позже, изобразив из себя бескорыстного защитника пролетариата в «Манифесте коммунистической партии». (Тем самым, Маркс предвосхитил или повторил принцип дзюдо: отступить, чтобы поразить). В нем для начала воздав хвалу капитализму, и тем продемонстрировав свою беспристрастность, он далее обрушил на голову введенного в заблуждение буржуа карающий меч пролетарской революции. Вот как это было им сделано: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. ...Она впервые

показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы. ... Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. ... Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. ... Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература. ... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации» — патетически восклицал Маркс.

Человек, не имеющий никакого представления о классовой борьбе, несомненно, вообразил бы, что сей пламенный панегирик искренне расточается в адрес капитализма. И ошибся бы. Но все встало бы на свои места, как только он добрался бы до заключительной части этой пафосной оды. Ибо пела она нечто прямо противоположное началу, включая следующее: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Фактически, Маркс прибег к маневру, которым успешно пользовалась конница Орды: всадники, делая вид, будто в панике бегут с поля боя, внезапно разворачивались в седлах и осыпали градом убийственных стрел увлекшегося погоней противника. Точно также блефовал и Маркс, играя на доверчивости людей: демонстрируя юдофобию, начинал с хулы «за упокой», с тем, чтобы представить себя защитником чести и достоинства соотечественников «во здравие» (обратное дзюдо). Ибо о защите интересов пролетариата у него в то время еще не было и мысли. Но была мечта «изменить мир». Для чего? Ответ может быть только один — чтобы стать во главе этого мира.

Позвольте, но где доказательства того, что Маркс имел намерение стать земным богом? — предвидит автор вопрос разгневанного марксиста. Одно из них дает А. Риман, который ссылается на то, что Карл-Мордехай

Маркс никогда не делал тайны из того факта, что был в детстве обрезан, «а иногда даже *бравировал* им. Например, в одном из писем своей жене будущий вождь мирового пролетариата писал: «Странные и смешные люди эти твои сородичи-немцы. Выдумали себе бога и молятся обрезанному еврею. Но если они молятся одному обрезанному еврею, то *почему они не могут молиться и другому?*»⁷³. Вдумайся читатель в последнюю фразу, невольно выдавшую его загадочную мечту: если почти две тысячи лет европейцы молятся еврею Иисусу, то почему бы теперь им не начать молиться на еврея Мордехая-Карла? Почему бы не отправить в отставку старого идола и занять его трон? Но для того, чтобы перевернуть мир, необходимо было найти соответствующий рычаг, как говаривал Архимед, — силы, способные помочь ему в его предприятии. Было совершенно очевидно: чтобы осуществить рокировку, необходимо было, прежде всего, найти на кого опереться из недовольных существующим порядком вещей. Весной 1845 года пролетарии еще не рассматривались им как орудия утоления непреодолимой страсти и обретения статуса нового всемирного бога. Оставалось искать других, потенциальных исполнителей его воли. Кто ими могли быть? «Эврика!» — мысленно должен был бы возликовать Маркс — «Соотечественники!».

Да, но за прошедшие века ситуация изменилась радикально. Это в прошлом евреи были угнетаемы, сегодня они, благодаря их денежной силе, вершат судьбами Европы. Но... (!) к большому неудовольствию тех европейских обывателей, среди которых численность еврейского населения была особенно велика. Так как же следовало поступить, как было выгодно разыграть этот козырь в «большой аванюре»? И вновь — эврика — именно антисемитизм показался Марксу той самой зацепкой, той ниточкой, которую следовало без устали тянуть, чтобы вытащить искомый улов. Он нашел, как ему вначале показалось, блестящее решение в спекуляции *самым бросающимся в глаза аспектом* еврейского вопроса! Ведь именно его соотечественники выглядели в то время париями в глазах целой Европы. Поэтому, следует признать, у Маркса были веские основания *внутренне* негодовать на весьма уничижительное мнение европейских обывателей о его соотечественниках. Что, в свою очередь, вполне объяснимо, принимая во внимание, что, с одной стороны, христианская Европа той эпохи не отличалась особой веротерпимостью и толерантностью ко всем иноверцам. С другой, что почти повсюду на континенте существова-

⁷³ Риман А. Обыкновенный марксизм, или как Мордехай помог Аману уничтожать евреев в XX веке // Вести. 8.05. 2003.

ли законодательные запреты для евреев на многие виды трудовой деятельности, принуждавшие их замыкаться в торговле, ремесленничестве и ростовщичестве. Посему не удивительно, что острое желание изменить пренебрежительное суждение о собственной нации как отличающейся одним лишь корыстолюбием и преданностью «золотому тельцу» (в этом грехе «повинны» все цивилизованные народы), но что ими движут и иные мотивы, испытывали многие евреи. Иначе чем объяснить рождение в середине XIX века того мощного, продолжающегося по сей день культурного движения, которое можно назвать «еврейским ренессансом»? Поэты (Г. Гейне) и писатели (Шолом-Алейхем), физики (А. Эйнштейн, Г. Герц) и математики (Г. Кантор), социологи (Э. Дюркгейм) и психологи (З. Фрейд), художники (М. Шагал) и деятели кино (Ч. Чаплин, С. Эйзенштейн) и многие другие сыны и дочери Израиля с блеском доказывали, что ни в чем не уступают своим христианским современникам. А их благородный и в высшей степени позитивный вклад в мировую цивилизацию неоценим.

Но в любом стаде найдется своя паршивая овца. Такой «овцой» стал обуреваемый непомерным честолюбием Маркс, решивший любой ценой «пробиться в дамки» и сравняться по статусу со своим древним соотечественником. Только он не принял во внимание, что, соорудив христианскую церковь, его предшественник, тем самым, для своих соотечественников создал гетто по всей Европе, а европейцев спровоцировал на бесчеловечную, тупую инквизицию и на кровавые религиозные войны. И, разумеется, Маркс не предполагал, что его попытки повторить опыт Христа обернутся холокостом. Поэтому в 1845 году все его мысли были направлены на то, чтобы кратчайшим путем достичь заветной цели. Но каким образом можно было попытаться воспользоваться ситуацией — взяться за эксплуатацию крайне болезненного еврейского вопроса? Как было разыграть этот козырь в «большом блефе»? Самым неожиданным, но эффективным и многообещающим ходом выглядела имитация публичного антисемитизма, максимальное сгущение красок для изображения евреев законченными изгоями. С тем, чтобы затем явиться к ним освободителем, в котором никто не заподозрил бы его личный, шкурный интерес.

Коротко говоря, его нападки на еврейство были маскарадом, за которым скрывалось извращенное мессианство, замешанное на гигантских амбициях. Тем не менее, ставить на «еврейскую карту», имея целью занять трон всемирного бога, было крайне сложно. Он это очень скоро осознал (в сообразительности ему не откажешь). Поэтому в момент тайного признания своему дневнику, молодой «переворачиватель истории» все еще пребывал в активном поиске того, с кем ему можно будет выйти на тропу вой-

ны, кто поможет ему осуществить мечту. Оружие было готово — метод *спекулятивной диалектики* Гегеля, позволяющий выворачивать наизнанку любое положение, любой тезис, с легкостью менять черное на белое, плюс на минус в зависимости от требования момента и обстоятельств. Но остался неясным еще один вопрос: против кого это оружие направить?

Встреча с Энгельсом наконец открыла ему глаза: союзником, точнее говоря, исполнителем его воли станет пролетариат! Противником — мировой капитал! И, вдохновленный открытием, мысленно оседлав пролетарского коня, Маркс с воодушевлением бросил в бой за искомое место бога в этом мире всю свою энергию, всю изощренную демагогию гегельянца и тактику подковерной борьбы с конкурентами — прежними авторитетами европейского рабочего движения (Прудон, Бакунин, Лассаль, Вейтлинг и т. д.). Так родился совместный с Энгельсом «Манифест», который одним выстрелом должен был прикончить двух зайцев: и евреев «нивелировать» и себя в небеса возвести. Ведь если евреи олицетворяют все, что есть буржуазного, то с «упразднением» мирового капитала, упраздняется и еврейство. Эмансипируя пролетариат от всего человеческого: от национальности и мировоззрения, от культурных традиций и языка, от всего, что отличает одни группы людей от других, Маркс надеялся сделать евреев неразличимыми в бесцветной фабричной массе. Чтобы никто более не смел неодобрительно указывать на них пальцем. А в знак благодарности соотечественники вкуче с пролетариями должны были бы сделать из него своего идола. Таким-то образом ему удалось обвести вокруг пальца многих наивных и ввести первую инъекцию галлюциногена своего учения в коллективное сознание части соотечественников и европейцев. Так пожертвовав во имя мечты собственным комфортом и жизнями своих четверых (из семи) детей, он на целых полтора века превратился в гуру мирового пролетариата и проповедника кровавой пролетарской революции.

Маркс виртуозно воспользовался навыками, приобретенными от общения к гегелевской манере доказательств. Но помимо этого извращенно диалектического перевертывания фактов и логики Маркс, увы, не внес в философию НИЧЕГО НОВОГО, что можно было бы счесть оригинальным творчеством. В СССР первостепенное значение придавали идеологическому обоснованию необходимости и исторической неизбежности марксистского переворота Октября 1917 года. Поэтому развитие марксистской диалектики находилось в фокусе самого пристального и заинтересованного внимания властей к этому вопросу. В каждом вузе страны обязаны были штудировать азы марксизма. Защищались тысячи диссертаций, доказывавших истинность перлов теории Маркса. Наиболее отличивших-

ся на этом поприще награждали лаврами академиков с соответствующими материальными льготами (Материалистическое учение должно же было хоть как-то оправдывать свое название)! Многие из них, в конечном счете, искренне поверили своему идолу. Но древо марксистской доктрины, вопреки их отчаянным усилиям вдохнуть в него дух новаторства и динамизма, продолжало неумолимо костенеть и хиреть, повергая своим бесплодием в уныние ищущих истины.

В свое время, полемизируя с «Философией нищеты» П. Прудона, Маркс ответил ему «Нищетой философии». Время доказало, что именно его диалектика — интеллектуальная нищенка, живущая обманом окружающих своей фальшивой позолотой, действительную пользу от которой можно оценить несколько грубоватым, но точным афоризмом: «как с козла молока». (Не только философию Маркса, но и его политэкономии вместе с историческим материализмом можно охарактеризовать одним емким, но предельно точным словосочетанием: нищета марксизма). И так как в его диалектике нет философии как таковой, а есть голая идеология, стремящаяся помять под себя мир, то нет и предмета обсуждения ее особенностей, достоинств и изъянов. И вновь предвижу возражение верного марксиста: в клевете на Маркса автор перешел черту, так как в его учение верили такие мощные интеллекты, как Э. Фромм и Ж.-П. Сартр, Г. Маркузе, Й. Лукач и многие другие светила философии. Наш ответ: в мифы Ветхого и Нового заветов верили светлейшие умы от И. Ньютона и Б. Паскаля до М. Планка и А. Комптона, не считая легионы философов от Аврелия Августина до Канта и Гегеля. В Аллаха верят все без исключения ученые-физики Пакистана, создатели атомной бомбы. Точно так же исто-во поклоняются своему пантеону ученые-физики Индии. А раввины, ежегодно перечитывающие Библию, не находят в ней ни одного противоречия не только обыденному здравому смыслу, не только элементарной логике, доступной (при желании) любому самостоятельно мыслящему субъекту, но и неопровержимым фактам, доказанным астрофизикой и биологией, геологией и палеонтологией XX века. (Невежество не может быть оправданием.) Что лишний раз подтверждает: *марксизм не философия и не наука, марксизм есть вероисповедание*, светская религия, изобретенная алчным до всемирной славы журналистом. Поэтому мы ограничимся лишь кратким выводом последствий и эффектов, произведенных им в XX и XXI веках.

Первое: с юности надев на себя маску антисемита, Маркс с ней и умер. К сожалению, слишком долго никто не мог уразуметь истинного лица, скрывавшегося за ней. Поэтому неблагодарный труд ее срывания с

«живого» мертвеца нам пришлось взять на себя. И то, что мы увидели, оказалось радикально отличным от канонизированного портрета «гениального мыслителя». Ибо как мыслитель и пророк он ничтожен, но гениален как провокатор и фальсификатор. Его теория политэкономии не стоит мизинца А. Смита и безымянного пальца Дж. Кейнса («Психология собственности. Теория эволюции рынка» 2011). Его исторический материализм — злостная фальшивка («Феномен гуманизма» 2001, «От тирании к демократии. Эволюция политических институтов» 2012). Его диалектический материализм есть не более, чем мошенническая перелицовка гегелевской философии («Философия гуманизма» 2009). Если же принять во внимание, что реализация его бредовых идей стоила человечеству морей крови, то общая оценка «заслуг» Маркса заслуживает огромного, жирного знака минус.

Второе — при жизни он признан не был, что не удивительно (см. сказанное выше). К началу XX уже почти никто всеу не вспоминал ни имя, ни благоглупости его, если не считать группу фанатиков из России во главе с В. Лениным. пылая ненавистью к дому Романовых и всей российской империи, они жестоко обманулись, вдохновившись учением своего кумира, обещавшим «златые горы» им самим и их подопечным — пролетариям. Они принудили Россию принять на себя первый удар реализации принципа Маркса «*Bellum ordinum contra ordines*» (война классов до победного конца) и тем самым подвели ее и нацию к самому краю пропасти, падение в которую стирало страну с карты мира, а нацию обрекало на позор и унижение. Но даже устояв перед этой чертой цены колоссальных людских потерь, невероятного напряжения сил и нравственного одичания, Россия оказалась отброшенной на 100–200 лет назад.

Третье — он обманул всех: пролетариев и политиков, философов, экономистов и историков, соотечественников⁷⁴ и, в конце концов, самого себя. После нескольких десятилетий восхищения его идеями, пришло отрезвление, купленное кровью миллионов людей многих национальностей, в том числе ценой шести миллионов жертв холокоста. Опыт насильственной селекции в соответствии с теоретически развитой им технологии *ордоцида* (от лат. *ordo* — сословие и *caedere* — убивать), завершился грандиозным крахом. Не только европейцы, но и подавляющее большинство его соотечественников отказались вливаться в серые, безликие ряды про-

⁷⁴ «Гитлер пришел в восторг, прочитав статью Карла Маркса «К еврейскому вопросу» и, как показала практика, воспользовался многими идеями и терминологией, заимствованной из этой работы». (А. Римап «Обыкновенный марксизм, или как Мордехай помогал Аману уничтожать евреев в XX веке». «Вести» 8.05. 2003.)

летариата, отдав предпочтение сохранению памяти о своих корнях и верности своей идентичности.

Итак, подводя черту под рассмотрением развития философских идей от «момента сотворения» самой философии до крушения диалектических доктрин Гегеля и Маркса, к числу наиболее значимых моментов в их эволюции, на наш взгляд, можно отнести следующие. На первой стадии (VI–IV вв. до н. э.) она (в лице Фалеса и Пифагора, Гераклита и Парменида, Зенона Элейского и Анаксагора, Протагора и Демокрита) пребывала в виде некоей синкретической целостности, присущей гилозоизму. Его имманентное единство включало в себя: с одной стороны — синтез онтологии и эпистемологии, этики и политики, психологии и культурологии, с другой — представление о мире, как нерасчлененном синтезе всего материально и идеально сущего. Наивысшим достижением этого панзоизма, бесспорно, следует отнести изобретение рационально-критического мышления и логики Аристотеля, услугами которых с тех пор и до наших дней успешно пользуется вся здравомыслящая часть человечества. (Будет ли большой натяжкой считать, что она более всего достойна представлять вид *Homo sapiens?*).

Кризис «первой» онтологии, а с ней и всего гилозоизма, хронологически связанный с именами Сократа и Платона, был обусловлен естественными причинами. В их числе, помимо внешних поводов (внешняя политика, экономика, традиции коллективного мышления полисной цивилизации), парализующую роль сыграл и фактор пренебрежительного отношения античных греков к активному экспериментированию. Увядающую «первую онтологию» незамедлительно потеснил бурно разросшаяся гроздь философских школ: Киническая и Киренская, Мегарская и Скептическая, Элидская, Академики и Эпикурейцы и т. д. и т. п., создававших себе имя на переносе центра тяжести с онтологии на, главным образом, проблемы этики. Римские последователи греков — Цицерон и Сенека, Лукреций Кар и Марк Аврелий так или иначе поддерживали философию на плаву до момента воцарения христианства в качестве диктатора коллективного сознания подданных Рима. С тех пор ее сделали невольницей авторитарных правителей сначала империи, затем светских и духовных христианских властителей Европы, состоя на службе их политических и идеологических интересов. Философии, чтобы пережить эпоху «великого оледенения», пришлось надеть на себя маску теологии.

Ренессанс предпринял слабую попытку воскресить онтологию гилозоизма, копируя античных предшественников, то есть, оперируя все теми же сугубо спекулятивными инструментами, не развивая эмпирическую

составляющую знаний. Как и следовало ожидать, попытка потерпела фиаско. Но она стимулировала рождение нового подхода к интеллектуальной деятельности, основанного на совмещении умозрительных коцепций с экспериментальными исследованиями и наблюдениями. Н. Коперник и Г. Галилей, Р. Декарт и Ф. Бекон заложили первые камни в фундамент науки Нового времени, не только твердо стоящей, но и способной идти вперед на двух ногах — на теории и опыте. Они требовали, чтобы этот дуализм или, точнее говоря, обобщение эмпирических данных, задавал исследователю новые вопросы, требующие постановки новых экспериментов, так чтобы цепь непрерывных мыслительно-опытных связей создавала движущую силу эволюции науки, тем самым, необратимо расширяя круг рациональных знаний.

Вместе с тем, Т. Гоббс и Дж. Локк привнесли в философию новые взгляды на политические и правовые аспекты общественного устройства, соответствующие реалиям европейских цивилизаций их эпохи. Параллельно им вопросы эпистемологии развивали Г. Лейбниц и Б. Спиноза. Но и они не оставляли попыток сказать свое аргументированное слово в онтологии, остававшиеся, увы, по-прежнему, все также безуспешными. Их очевидное бесплодие породило встречную волну — отклик в виде субъективного идеализма и скептицизма, сформулированных Дж. Беркли и Д. Юмом. Таким образом, в XVII–XVIII веках кризис настиг и эпистемологию, завершив эпоху ее творческого расцвета. Учитывая опыт двух неудавшихся предыдущих попыток воскрешения онтологии, Гегель, приняв третью попытку, попытался соблазнить и привлечь в союзники науку. Ничего хорошего из затеи не получилось, как было показано выше. Но движимый долгом перед государством и церковью, как философ его понимал, он превратил свою идеалистическую диалектику в идеологию, правда, еще лишенную хищных инстинктов и острых клыков. То и другое придал ей Маркс, переделав овечье руно в волчью шкуру.

Глава 3

Новые горизонты

3.1. Материализм vs позитивизм

До появления на сцене мировой истории естествознания в головах людей Средневековья царил строго иерархический успокоительный порядок, который поддерживался авторитетом всемогущего и всезнающего бога, объяснявшего и оправдывающего все сущее на земле и в небесах. Рождающиеся физика, химия и геология, гелиоцентрическая система Коперника и труды Ньютона смазали прежде идиллическую, незамутненную неуместными вопросами картину мироздания. Они внесли в последнюю тревожное ощущение грядущего хаоса, грозящего порушить примитивную, но ясную гармонию восприятия мира. Тесня и подрывая престиж творца, наука вносила смуту в сознание тех немногих, кто стремился быть более независимым и непредвзятым в суждениях о природных и социальных явлениях, чем предлагавшиеся церковными догматами. В свою очередь, философия также перестала оправдывать их ожидания. Грандиозное сооружение идеалистической диалектики, казавшееся его архитектору Гегелю не оставляющим места сомнениям, снимающим все могущие быть поставленными вопросы, в действительности не удовлетворяло многих, не одного только Маркса. Последний наивно думал, будто нашел выход из кризиса онтологии, сменив вывеску «идеалистический» на «материалистический». Его примитивно механистическое мышление не подсказало ему ничего принципиально нового, что могло бы перевести философию в русло созидательного диалога с наукой. Попытку обосновать революционно иной подход к осмыслению философией того круга знаний, который стремительно расширялся благодаря усилиям людей науки, предпринял О. Конт.

Создать посредством правильного обобщения фактов («объективный метод») из частных наук одну положительную философию — так определял Конт свою задачу, сформулированную в «Курсе философии позити-

визма». Его стремлением было исключить все спекулятивные, спорные теологические и метафизические идеи из круга задач, требующих своего разрешения и, тем самым, поставить интеллект человечества на твёрдую почву положительных наук. Ибо современное Конту образованное человечество находилось, на его взгляд, в критическом состоянии умственной анархии и дезорганизации. По его мнению (согласно Википедии), «из такого бедственного состояния человечество не могло быть выведено отдельными науками; каждая из них, имея свой специальный предмет, не могла браться за общую задачу духовной реорганизации. Разрешить с успехом эту задачу была бы в состоянии только такая система, которая с всеобъемлющим характером прежней теологии и метафизики соединяла бы достоверность точной науки. Такая система и есть положительная философия, то есть основанная не на фантазии и отвлеченном мышлении, как теология и метафизика, а на бесспорном фактическом материале наук, как последнее обобщение их данных.

Каждая наука в своей частной области объясняет неопределенное множество наблюдаемых фактов, сводя их к известным единообразиям, называемым законами и выражающим постоянную связь явлений, в их совместности или сосуществовании и в их последовательности. Распространяя тот же познавательный процесс на всю область научного ведения, философия должна установить связь между предметами отдельных наук и, следовательно, между самими науками. Философия не имеет своего особенного содержания; она только приводит в общий систематический порядок содержание всех наук. Основание положительной философии есть, таким образом, классификация или «иерархия» наук. Начиная с самой общей или широкой по объёму и простой по содержанию науки — математики, — Конт располагает все прочие области знания в порядке убывающей общности и простоты, или возрастающей спецификации и сложности. В этом порядке Конт отмечает шесть главных ступеней, которым соответствуют шесть основных наук: математика, астрономия, физика, химия, биология и социология».

Однако Конт ошибался, считая, что научное знание есть высшая ступень развития знания, ввиду его достоверности, точности, полезности, в противоположность неточной, недостоверной, бесполезной метафизике. Он не принял во внимание или счел несущественным тот факт, что человеческий разум не в состоянии постичь все принципы и закономерности бытия природы строго и только эмпирическим путем. Так, например, никто не в состоянии поставить опыты над нематериальными пространством и временем нематериальными же инструментами и средствами. Следова-

тельно, результаты всех попыток преодолеть этот барьер с необходимостью будут носить спекулятивный (не верифицируемый — по К. Попперу) характер. Возможно, догадываясь о подобной перспективе, Конт сузил круг решаемых наукой задач сугубо прикладной проблематикой, считая описание, систематизацию и классификацию конкретных результатов и выводов научного познания вполне достаточным для ее целей. По его мнению, наука не должна задаваться вопросом: почему происходит то или иное явление, а только ограничиваться описанием того, как оно происходит. Такой отказ от исследования конечных причин и сущностей явлений в дальнейшем стал одним из важнейших постулатов позитивизма. Но это означает не столько отказ от той великой задачи познания, которую ставили перед собой первые философы-гилосоисты, сколько признание бесплодности попыток достижения цели, состоящей в превращении вида *Homo sensualis* в *Homo sapiens* не только *de jure*, но и *de facto*. Цели восхождения человека от сугубо чувственно-эмоционального создания в существо, наделенное не только рефлексам, но и рефлексией. Вместе с тем, так как наука действительно ограничивает самую себя поисками ответов на вопросы КАК и не интересуется вопросами ПОЧЕМУ, то лишь ее синтез с философией способен удовлетворить жажду познания тех, кто чувствует в том необходимость.

Несмотря на этот частокол самоограничений, который возвел вокруг своей концепции Конт, она получила развитие в виде философии позитивизма с многочисленными ответвлениями (эмпириокритицизм, махизм, неопозитивизм, постпозитивизм, аналитическая философия), над филогенезом которой трудились многие крупнейшие мыслители последних полутора столетий. Их перечень включает имена от Дж. Милля и Г. Спенсера, Р. Авенариуса и А. Пуанкаре до Л. Витгенштейна и К. Поппера, Т. Куна и И. Лакатоса. К той же плеяде относят Б. Рассела. В США позитивизм принял облик прагматизма Ч. Пирса. Среди тех, кто сделал себе имя как позитивист, на Э. Маха особенно часто ссылаются философы-марксисты в связи с той критикой, которой подверг его идеи В. Ленин. Поскольку последнего позиционируют как «гениального продолжателя» диалектики Маркса, представляет интерес ознакомиться с его эпохальным «Материализмом и эмпириокритицизмом», в котором он изложил свои взгляды на современную ему философию.

Минуя всю словесную тяготию, которой Ленин имеет обыкновение уснащать свои отповеди оппонентам, изображая из себя серьезного, ответственного полемиста, обратимся к его толкованию самых кажущихся общедоступных понятий: к пространству и времени. В главе III, раз-

дел 5, говорится следующее: «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства, в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания. Коренное расхождение и в этом вопросе двух основных философских линий вполне отчетливо сознается писателями самых различных направлений, сколько-нибудь последовательными мыслителями. Начнем с материалистов. "Пространство и время, — говорит Фейербах, — не простые формы явлений, а коренные условия (выделено нами. — Г. Г.)... бытия" (Werke, II, 332). Признавая объективной реальностью тот чувственный мир, который мы познаем через ощущения, Фейербах естественно отвергает и феноменалистское (как сказал бы Мах про себя) или агностическое (как выражается Энгельс) понимание пространства и времени: как вещи или тела — не простые явления, не комплексы ощущений, а объективные реальности, действующие на наши чувства, так и пространство и время — не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени».

Прервемся читатель. Во-первых, Фейербах определяет пространство и время не как «объективные реальности» (по Ленину), а как «коренные условия бытия». Если кто-то не улавливает коренную разницу между условиями существования бытия и самим бытием, то это его проблемы. Во-вторых, спрашивается: что можно понять из сказанного Лениным? Что время и пространство суть «объективные реальности, действующие на наши чувства». Спрашивается: каким образом они воздействуют на наши чувства, на какие органы чувств? На слух или на зрение, на обаяние или осязание? Ответом профессионального физика и физиолога будет — нет, нет, и нет: они не влияют ни на то, ни на другое, ни на третье! Поясним: когда мы пытаемся определить расстояние от Земли до Солнца, длину железнодорожного пути от пункта А до пункта Б, высоту телебашни, или рост ребенка, мы имеем дело не с пространством, как таковым, а с *протяженностью* объекта, или взаимной *удаленностью* нескольких объектов, оцениваемых в условных единицах — в парсеках, километрах, метрах или сантиметрах. При этом, принципиально важным моментом здесь будет то, что измерения будут проводиться с помощью *нами созданных линеек* — материальных объектов. Ибо в природе не существует ни парсеков, ни метров, как таковых. Никто, возможно кроме марксистов, не может

сказать — как выглядит или какими физическими свойствами, характеристиками обладает пространство, если исключить его геометрическое свойство трехмерности. (Трудности интерпретации понятия пространства в космологии детально обсуждаются нами в разделе 4.1).

Когда мы рассуждаем об эпохе динозавров, походах Александра Македонского, вспоминаем события 11 сентября или обсуждаем мировой рекорд Усэйна Болта, мы определяем уже временную дистанцию между двумя *событиями*, произошедшими с материальными объектами, однако с помощью других условных единиц — тысячелетий, веков, годов или секунд. Опять-таки с посредством *изготовленных нами часов*. Ибо в природе не существует годов, дней, или минут. Если мы и воспринимаем время, то либо по биению нашего пульса, или по движению солнца по небосводу. Физически ощутить каким-либо образом присутствие или отсутствие времени, выявить какие-либо его материальные свойства (кроме необратимости) не удавалось никому. Заявляя, что «в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени», Ленин до крайности (до примитивности) упрощает взгляд на пространство и время. Он решительно не желает признавать, что та реальность (пространство и время сами по себе), о которой он вещает, в действительности есть **призрак**, *никаким образом не влияющий на наши органы чувств*, поскольку его невозможно реально ни оценить, ни измерить, ни ощутить. Он есть, и его нет. Вот это и составляет величайший парадокс природы: то, без чего невозможно существование материи, само по себе существует как физическая данность. Он — этот призрак, поистине, вещь в себе, как выразился бы Кант.

Кстати, что, по мнению последнего, представляют собой пространство и время? Кант утверждает: «1. Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта... 2. Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний... 3. Пространство есть не дискурсивное, или, как говорят, общее, понятие об отношениях вещей вообще, а чисто созерцательное... 4. Пространство представляется как бесконечная *данная* величина»⁷⁵. И далее: «Время не есть эмпирическое понятие, выводимое из кого-нибудь опыта... 2. Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний... 3. На этой априорной необходимости основывается также возможность аподиктических основоположений о времени или аксиом о времени вообще... 4. Время есть не дискурсивное, или, как его называют,

⁷⁵ И. Кант. Критика чистого разума. С. 50–51. М., 1994.

общее, понятие, а чистая форма чувственного созерцания... 5. Бесконечность времени означает ни что иное, как то, что всякая определенная величина времени возможна только путем ограничений одного, лежащего в основе времени»⁷⁶. Что в этом суждении может вызвать возражение? На наш взгляд — ничего.

Кант не был идеологом, он был *только* философом. Поэтому в его суждениях о пространстве и времени, во-первых, не было даже намек на преследование какой-либо политической, в конечном счете, корыстной цели, кроме честного и непредвзятого поиска истины. Во-вторых, со времен Зенона Элейского и Аристотеля всем мыслящим людям было ясно, что пространство и время — не материальные сущности, не объективно-реальные формы бытия, как утверждает Ленин, но лишь потенциальные возможности для материи *быть*, существовать и проявлять себя в движениях. Но марксисту разум не указ: авторитет Энгельса куда весомей. И он, защищая своего кумира, вещает: «Энгельс, разоблачая непоследовательного и путаного материалиста Дюринга, ловит его именно на том, что он толкует об изменении *понятия* времени ... *увертываясь* от ясного ответа на вопрос: реальны или идеальны пространство или время? суть ли наши относительные представления о пространстве и времени *приближения* к объективно-реальным формам бытия? Или это только продукты развивающейся, организующейся, гармонизирующейся и т. п. человеческой мысли? В этом и только в этом состоит основной гносеологический вопрос, разделяющий действительно коренные философские направления. «Нам дела нет до того, — пишет Энгельс, — какие понятия изменяются в голове г-на Дюринга. Речь идет не о *понятии* времени, а о *действительном* времени, от которого г. Дюрингу так дешево» (т. е. фразами об изменчивости понятий) «ни в каком случае не отделаться» ... Энгельс показал Дюрингу, что отрицание объективной реальности времени и пространства теоретически есть философская путаница, практически есть капитуляция или беспомощность перед фидеизмом». Вот как все просто у материалистов, различающих «*понятие* времени и *действительное* время» только, чтобы не капитулировать перед фидеизмом. Хотелось бы только знать, чем одно отличается от другого.

Но, коль скоро, Ленин берется разоблачать Маха, то и обратится к его нападка на последнего. «Теперь посмотрите на "учение" по сему предмету "нового позитивизма", — пишет Ленин, — У Маха читаем: "Пространство и время суть упорядоченные (или гармонизованные,

⁷⁶ И. Кант. Критика чистого разума. С. 54–55. М., 1994.

wohlgeordnete) системы рядов ощущений" ("Механика", 3-е нем. изд., стр. 498). Это — явная идеалистическая бессмыслица, неизбежно вытекающая из учения, что тела суть комплексы ощущений. Не человек со своими ощущениями существует в пространстве и времени, а пространство и время существуют в человеке, зависят от человека, порождаются человеком, вот что выходит у Маха" ... В физиологическом отношении", — пишет Мах, — время и пространство суть ощущения ориентировки, которые вместе с чувственными ощущениями определяют развязывание (Auslösung) биологически целесообразных реакций приспособления. В физическом отношении время и пространство суть зависимости физических элементов друг от друга" ...В современной физике, — говорит он, — держится взгляд Ньютона на абсолютное время и пространство (S. 442–444), на время и пространство, как таковые. Этот взгляд "нам" кажется бессмысленным, — продолжает Мах, — не подозревая, очевидно, существования на свете материалистов и материалистической теории познания. Но *на практике* этот взгляд был *безвреден* (unschädlich. S. 442) и потому долгое время не подвергался критике. Это наивное замечание о безвредности материалистического взгляда выдает Маха с головой! Во-первых, неверно, что идеалисты не критиковали этого взгляда "очень долго"; Мах просто игнорирует борьбу идеалистической и материалистической теории познания по этому вопросу... "Вредным" является идеалистический взгляд Маха на пространство и время, ибо он, во-первых, раскрывает настежь дверь фидеизму, а, во-вторых, самого Маха *соблазняет* на **реакционные** (выделено нами. — Г. Г.) выводы».

Наши возражения. Во-первых, критика Махом взглядов Ньютона стимулировала Эйнштейна на создание теории относительности. Тогда как взгляды Ленина не подсказали науке ни одной (!) плодотворной идеи. Во-вторых, Мах, так же как Кант, не был идеологом. Его не волновали вопросы переустройства мира, но интересовали проблемы философии и физики. В силу чего, можно думать, его изыскания не преследовали практическую цель получения какой-либо выгоды, стало быть, также были бескорыстны. И обвинять его в реакционности — дурной тон. Ленин, напротив, будучи прожженным политиканом, до крайности (до примитивности) упрощает взгляд на пространство и время, чтобы показать себя достойным воином марксизма, победителем его «ничтожных» идеологических противников. Для чего он, во-первых, не соглашается признавать, что в мире существуют вещи, не порождаемые материей и независящие от нее. И, во-вторых, горит желанием доказать, что «философский идеализм есть только прикрытая, принаряженная чертовщина». Тут Ленин явным

образом хвастает перед соратниками: посмотрите, дескать, как я разделал под орех супостатов-идеалистов.

При этом он иронизирует не только над Махом и Кантом, но над всеми оппонентами примитивного (в действительности) материализма: «А посмотрите на менее вычурных, чем немецкие представители эмпириокритицизма, французских и английских представителей этого философского течения. Пуанкаре говорит, что понятия пространства и времени относительны и что, следовательно (для не материалистов это действительно "следовательно"), "не природа дает (или навязывает, impose) нам их" (эти понятия), "а мы даем их природе, ибо мы находим их удобными" (I. с., р. 6). Разве это не оправдывает восторга немецких кантианцев? Разве это не подтверждает заявления Энгельса, что последовательные философские учения должны взять за первичное либо природу, либо мышление человека? Вполне определены воззрения английского махиста Карла Пирсона. «Мы не можем утверждать, — говорит он, — что пространство и время имеют реальное существование; они находятся не в вещах, а в нашем способе (our mode) воспринимать вещи» (I. с., р. 184). Это прямой и откровенный идеализм» — торжествуяще заключает Ленин. Если Кант не занимался специально физическими проблемами, то Пуанкаре известен как выдающийся математик и физик, предвосхитивший теорию относительности Эйнштейна. Впрочем, на мышление последнего серьезнейшее влияние оказал и Мах. Ко всему прочему, будучи профессором физики последовательно в Граце, Праге и Вене, он стал известен своими плодотворными трудами в области оптики и акустики, газовой динамики и аэродинамики. Его именем назван ряд величин и понятий: число Маха, конус Маха, кольца Маха и др. В чем выразился вклад Ленина в углубление нашего понимания пространства и времени, неизвестно! Не ясно, в этом смысле, ничего кроме его простого как топор вердикта: то и другое — суть проявление материи.

Что сие понятие означает, он же разъясняет в главе III, раздела 1. На вопрос, что такое материя, он втолковывает: «С первым из этих вопросов постоянно пристают идеалисты, агностики, и в том числе махисты, к материалистам; со вторым — материалисты к махистам. Попытаемся разобраться, в чем тут дело», и далее Ленин ссылается на, действительно, крайне путаное определение матери, данное Авенариусом. А затем, накидываясь на Маха, отмечает, что тот «выражает ту же мысль попроще, без философских выкрутас: «То, что мы называем материей, есть только известная закономерная связь *элементов* ("ощущений")». Маху кажется, что, выставляя такое утверждение, он производит «радикальный перево-

рот» в обычном мировоззрении. На деле это старый-престарый субъективный идеализм, нагота которого прикрыта словечком «элемент». Наконец, английский махист Пирсон, бешено воюющий с материализмом, говорит: «С научной точки зрения не может быть возражения против того, чтобы классифицировать известные более или менее постоянные группы чувственных восприятия, объединяя их вместе и называя материей — мы подходим, таким образом, очень близко к определению Дж. Ст. Милля: материя есть постоянная возможность ощущений, — но подобное определение материи совсем не похоже на то, что материя есть вещь, которая движется» Здесь нет фигового листочка "элементов", и идеалист прямо протягивает руку агностику. ...Все приведенные нами философы, кто прямо, кто с ужимкой, заменяют основную философскую линию материализма (от бытия к мышлению, от материи к ощущению) обратной линией идеализма. Отрицание материи ими есть давным-давно известное решение теоретико-познавательных вопросов в смысле отрицания внешнего, объективного источника наших ощущений, объективной реальности, соответствующей нашим ощущениям. И наоборот, признание той философской линии, которую отрицают идеалисты и агностики, выражается определениями: материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении, и т. п.».

Это «отрицание материи», которое Ленин приписывает субъективным идеалистам с Дж. Беркли во главе, кажется ему настолько абсурдным, что он не задается вопросом: как подобная мысль могла родиться в сознании здравомыслящего человека. Что весьма удивительно, поскольку не мог ведь Ленин не понимать, что Беркли простофилей не был, и отдавал себе полнейший отчет в реальности существования Солнца и Земли, Лондона и, в конечном счете, самого себя. Почитая себя философом, не мог он, в конце концов, не ведать о знаменитом Декартовском: «Я мыслю, следовательно, я существую». В связи с чем, актуален вопрос: в чем видит разницу между материей и идеей, или идеализмом и материализмом тов. Ленин? Он решает этот вопрос в разделе «Вместо введения. Как некоторые «марксисты» опровергали материализм в 1908 году и некоторые идеалисты в 1710 году». В нем он обвиняет Маха — «самого популярного в настоящее время представителя эмпириокритицизма» в отсутствии оригинальности идей, по сути дела, заимствованных им у епископа Беркли. Поэтому критика Маха у него превращается, фактически, в критику Беркли, которую он предваряет ссылкой на его «Трактат об основах человеческого познания». Ленин цитирует следующий отрывок епи-

скопа: «Для всякого, кто обзревает *объекты* человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи (*ideas*), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения... Посредством зрения я составляю идеи о свете и о цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление... Обоняние дает мне запахи; вкус — ощущение вкуса; слух — звуки... Так как различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещью. Например, наблюдают соединенными вместе (*to go together*) определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию, — признают это за отдельную вещь и обозначают словом *яблоко*; другие собрания идей (*collection of ideas*) составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи...».

Уже со времен Фарадея и Максвелла известно, что воспринимаемые нашими глазами цвета — красный, зеленый и т. д. представляют собой электромагнитные волны, различающиеся длиной (энергией) этих волн, и ничем более. Также давным-давно известно, что улавливаемые нашими ушами звуки — суть акустические колебания различной частоты и интенсивности. Не составляет тайны и то, что запахи, ощущаемые нашим носом, формируются химическими соединениями. И так далее, и тому подобное. В природе не существует ничего, на чем можно было бы повесить бирку с указанием: вот это само по себе «красное», «басовитое» или «благоуханное». Их представляет в нашем сознании мозг, обрабатывающий поступающие извне сигналы. Во времена Беркли эти тонкости еще не были известны ни науке, ни, тем более, широкой (образованной) публике. О природе света спорили вплоть до конца XIX века. Полноценную теорию акустических колебаний впервые представил Л. Эйлер лишь в 1739 г. «Золотой век» науки химии пришелся на XVIII–XIX века. Поэтому может вызывать лишь уважение прозорливость Беркли, издавший свой труд в 1710 г.

Однако епископ Беркли, точно так же, как «революционер» Ленин — не философ, он только идеолог и отстаивает религиозную точку зрения. Поэтому, как истинный идеолог, он передергивает факты, но, в отличие от Ленина в противоположном направлении, «слева направо», от материализма к идеализму. Так что представитель пролетариата, цитируя представителя церкви, вполне объяснимо негодует: «Беркли вполне определенно говорит, что материя есть «*non-essence*» (несуществующая сущность, § 68), что материя есть *ничто* (§ 80). «Вы можете, — иронизирует

Беркли над материалистами, — если это так уже вам хочется, употреблять слово «материя» в том смысле, в каком другие люди употребляют слово "ничто"» (Р. 196–197 цит. изд.). Сначала, — говорит Беркли, — верили, что цвета, запахи и т. п. «действительно существуют», — потом отказались от этого воззрения и признали, что они существуют только в зависимости от наших ощущений. Но это устранение старых ошибочных понятий не доведено до конца: остаток есть понятие «субстанции» (§ 73) — такой же «предрассудок» (Р. 195), окончательно разоблачаемый епископом Беркли в 1710 году! В 1908 году находятся у нас такие шутники, которые серьезно поверили Авенариусу, Петцольдту, Маху и К^о, что только «новейший позитивизм» и «новейшее естествознание» доработались до устранения этих «метафизических» понятий».

Тут Ленин передергивает вторично. Первый раз он блефовал, утверждая, будто помимо материи в природе нет ничего, второй — выдавая Маха за лицо субъективного идеализма. Уже Д. Юм был в бóльшей мере скептиком и агностиком, нежели берклианцем. Не говоря уже о беспристрастном Канте и, тем более, Махе, не имевшими ничего общего с целями служения церкви. Приписывать Маху субъективно-идеалистические воззрения мог только человек, ничего не понимающий в науке, но спекулирующий философскими брендами и понятиями «реакционный», «прогрессивный» и т. д. Но этого мало. Ленин не знает, что помимо идеальных пространства-времени, в природе существуют и другие нематериальные, «насквозь» идеальные сущности, без которых материя существовать категорически не может: — а) фундаментальные физические константы, а также закономерности и принципы ее бытия, — б) информация, которой обмениваются материальные объекты в процессе своего существования. Ибо, во-первых, материя проявляет себя не только в движении, как таковом, но во множестве самых разнообразных движений, определяемых и направляемых огромным классом алгоритмов. Последние управляют «поведением» материи на физико-химическом, органическом и социальном уровне иерархии ее структурирования. (Вопрос: что, в таком случае считать «первичным», а что «вторичным»: саму ли материю или законы, контролирующие ее существование?). Во-вторых, мало и этого. Так как все без исключения материальные субъекты и объекты природы существуют, взаимодействуя друг с другом в постоянном обмене информацией. Таким образом, и, в конечном счете, философы-идеалисты могли бы выставить против одной материи целых три идеальные сущности, не только реально присутствующие в природе, но либо «позволяющие» ей быть, либо правящие материей, либо содействующие

ее бытию. (Кстати, и с материей все далеко непросто, так как она «распадается» на вещественное и полевое — электромагнитное, гравитационное и т. д., и, кроме того, не вполне ясно, что есть энергия: $E = mc^2$ — как таковая).

Нам искренне жаль философов-марксистов, но современная наука окончательно выбила и без того шаткую почву из под их ног. Впрочем, философский идеализм также мало отвечает духу современных знаний, как и материализм. Но вот, что интригует: многочисленный, разросшийся караван идеалистической философии идет, неведомо куда и, разбиваясь на множество, то возникающих, то исчезающих групп, но пребывая в постоянном движении. Тогда как куций караван материализма, замерший каменным истуканом более века назад, остается бездвижен и сегодня, и песок истории засыпает его. Ибо проклятье принципа: «шаг влево, шаг вправо от диамата — расстрел» продолжает довлеть над ним и поныне.

Недавно, ссылаясь на Уйтхеда, Поппер заметил, что «вся западная философия состоит из примечаний к Платону»⁷⁷. Он, очевидно, имел в виду постсократическую философию от античности до наших дней. Однако эта его (и Уайтхеда) характеристика не вполне корректна не только хронологически, но и содержательно. Так как та философия, которую он определяет как западную, состоит из двух принципиально различных частей. Мышление философов первой волны — от Фалеса и Пифагора до Эмпедокла и Демокрита было сугубо *гилозоистским* и *демократическим*. Можно сказать, что эта «первая философия», видя свое призвание в умножении рациональных знаний и служению истине, была чиста, бескорыстна, не догматична и не замутнена идеологическими предрассудками. Поэтому, чтобы восстановить историческую справедливость, избавить ее от нелепого определения «досократики» и отмежеваться от «постсократиков», впредь эту первую волну философов мы будем именовать «последователями Фалеса». Они и внесли, с подачи Аристотеля — интегратора их идей, самый *ценный вклад в человеческий интеллект — логику, критическое мышление и рациональную онтологию*. А «постсократики», и с этим трудно не согласиться, только тем и занимались, что составляли примечания к Платону каждый на свой лад, ибо мыслили строго *анимистически* и *авторитарно*. Причем не только идеалисты, но и «махровые» материалисты во главе с Марксом.

⁷⁷ К. Поппер. Объективное знание. Эволюционный подход. С. 123. М., 2002.

3.2. Философия XXI века

К середине XX века в философии обозначилась новая тенденция. Среди чуть ли не двадцати крупных школ и течений сформировались три основных «рукава»: одинокому марксизму-ленинизму противостояли религиозный и светский идеализмы, состоящие из многих ответвлений. С развалом СССР в философской среде также отшумели ожесточенные идейные битвы. Сам факт (критерий истины) крушения социалистического монстра послужил крайне весомым и чрезвычайно убедительным аргументом, опровергавшим убеждение Ленина в том, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Спор между идеализмом и идеализмом не столько потерял остроту, сколько стал беспредметен, как бы не пытались соорудить «хорошую мину» философы-марксисты. Вместо этого на первый план, но, разумеется, с гораздо меньшей горячностью и азартом, вышла полемика между светскими и религиозными направлениями. В сущности, даже не полемика, а молчаливое признание границы между ними, переступать через которую следует с величайшим тактом и осторожностью. Тем не менее, в силу того, что понятие «бог» остается для религиозных философов краеугольным камнем их мировоззрения, все они, так или иначе, затрагивают проблемы онтологии. Напротив, поскольку для светской философии вопрос о «творении» не стоял, и, кроме того, необходимость возражать диалектическому материализму отпала, в ней образовалось множество различных прикладных дисциплин: социальная и политическая философия, философия истории и права, техники и образования, языка и даже философия спорта. Она измельчала, но стала практичнее и «ближе к народу». Вместе с тем, вопросы онтологии отошли для нее не столько на второй, сколько на третий и далее план.

В этой связи можно было бы радоваться тому, что философия здравствует и процветает, вопреки всем ветрам, а подчас и бурям, бушевавшим над ее головой. Тому, что она востребована даже в наш прагматичный век. Однако этот последний отличается не только практицизмом, но еще и тем, что в нем завязалась масса тугих узлов и противоречий, подчас кажущихся неразрешимыми. Сегодня наш мир лихорадит подобно тому, как это было в преддверии 1-й и 2-й Мировой войн. Но сейчас он устроен неизмеримо сложнее, нежели тогда, ибо на мировой арене появилось множество новых игроков, чей голос был прежде не слышен, каждый со своими запросами и требованиями учесть их интересы. Сегодня буревестник — предвестник катастроф вновь реет над миром, предрекая старье и

новые бедствия глобального масштаба. Но теперь они угрожают существованию ВСЕГО человечества. За долгие тысячелетия пребывания на Земле оно не раз подвергалось беспощадным атакам стихий — пандемий, засух и потопов, то там, то тут причиняя страдания, сея смерть и разрушения. Сегодня же над каждым из нас — всех живущих на этой планете, повис дамоклов меч, выкованный нашими собственными руками, готовый не пощадить ни виновного, ни безвинного. Подобного никогда не было прежде, даже в самые мрачные периоды мировой истории. Ибо технологический прогресс так далеко опередил прогресс нравственный, что между ними образовалась глубочайшая пропасть, заполненная клокоющими страстями противоборствующих сторон, массовым взаимным насилием и гнетущим страхом. Среди многих проблем, отравляющих наше время, но возникших благодаря нам же, три представляют наибольшую опасность: — а) военная, — б) экологическая, — в) демографическая.

Эффективность, поражающая способность и разнообразие средств доставки ядерного, бактериологического, химического и прочих видов оружия в последние десятилетия возрастают с такой взрывной, пугающей скоростью, что риск их использования в конфликтах между государствами — их обладателями становится смертельным даже для стран, не участвующих в этих разборках. Мы хорошо подготовились и к тому, чтобы грядущие кровопролития втянули в свою орбиту не только сушу, глубины вод и близкие небеса, но также далекий космос. Если во главе одного из таких государств окажется правитель, обладающий неограниченными полномочиями, психически неуравновешенный с замашками диктатора, склонный к конфликтам и силовым методам их решения, риск легко обратится в реальность. И тогда 3-я мировая война станет последней, которая поставит точку над существованием человечества. Еще определенной она может разразиться и в том случае, если высокотехнологические средства поражения попадут в руки озлобленных фанатиков-идеологов из террористических организаций, что сделает ситуацию вовсе не контролируемой и не управляемой.

Но скоротечный ядерный Апокалипсис может показаться сравнительно щадящей кончиной человечества в сравнении с другим — мучительно затянувшимся сошествием в глобальный экологический гроб. Он маячит перед нами, ожидая, когда мировая цивилизация, следуя традиции неограниченного воспроизводства человеческого капитала, начнет задыхаться от недостатка чистого воздуха и кислорода, барахтаясь в собственных нечистотах. Когда численность ничем не сдерживаемого и без усталости плодящегося подобно тараканам человечества превзойдет критическую

красную черту и превратит нашу крохотную планету в один гигантский отстойник. (Сравнение с тараканами в таком случае было бы вполне уместным ввиду сходства их стратегий размножения). При этом страны, стремящиеся извлечь выгоду из увеличения численности собственного народонаселения (популяции), несомненно, встретят решительный отпор со стороны соседей, повышая и без того уровень взрывоопасного стресса в мировом сообществе.

Не менее устрашающий сценарий будущего готовит нам и научно-технический прогресс, инициирующий роботизацию всех видов производств и услуг, даже самых интеллектуальных. Этот процесс, начавшийся одно-два десятилетия назад, уверенно набирает темп. Благодаря ему в ближайшие десятилетия из множества сфер, обеспечивавших работой большие массы людей, последние будут вытеснены, освобождая от занятости миллионы, десятки миллионов «лишних рук». Без принятия опережающих планов по реагированию на эту угрозу интенсивность социальных противоречий во всех индустриально развитых странах вырастет многократно, перевернув со знака плюс на минус ситуацию с промышленной революцией XVIII–XIX веков. Именно: вместо расширения рынка предложений работы, как это было в прошлом, экономика ближайшего будущего должна будет мириться с его повсеместным катастрофическим сужением, с гарантировано непредсказуемыми последствиями для людей, общества и государства. Нет сомнений, что трудности, вероятно даже — чрезвычайные трудности прямо или косвенно затронут все государства, то есть опять-таки будут носить глобальный характер.

Эти три проблемы никогда прежде не стояли перед человечеством в виде такой зловещей и неотвратимой реальности. Ревнители традиций вину за подобное развитие событие, бросающее вызов всему человечеству, возлагают на научно-технический прогресс. Отчасти они правы: наука действительно создала и продолжает создавать проблемы тем, что динамика ее развития далеко опередила инертное мышление масс. Но основная вина, бесспорно, лежит, прежде всего, на арьергарде: на нравственно-этических и политико-экономических установках цивилизаций традиционного типа, на их неприятии и упорном сопротивлении новым реалиям. Что не удивительно, принимая во внимание почти поголовную идеологизированность человечества. Ведь оно воспитано в духе представлений, возникших либо в древности и средние века, либо в эпоху бурных социальных потрясений, сопровождавших рождение современного капитализма. Представлений, передаваемых от поколений к поколениям, но, вместе с тем, различающихся подчас радикально. Как, например, среди домини-

рующих сегодня идеологических учений: христианстве и исламе, марксизме и нацизме.

В связи с чем, возникает вопрос: каким может быть выход из создавшегося положения, удовлетворяющий все заинтересованные стороны? Ответ очевиден: без серьезных взаимных уступок консенсус обречен, достичь его невозможно. Сие категорически исключено. С другой стороны, ни одной из этих тоталитарных идеологий нельзя вверять судьбу человечества, так как все они без исключения: во-первых, опираются только на животные инстинкты, не доверяя разуму. В том или ином виде их породил естественный отбор (социал-дарвинизм) с его принципами «*Bellum omnium contra omnes*» и «*Homo homini lupus est*» (Человек человеку волк). Во-вторых, они не приемлют прогресс, противоречащий их фундаментальным ценностям и конечным целям. В этом смысле они ничем не отличаются друг друга, и, разумеется, не могут изменить собственной сути, предать свою природу. К тому же ни одна, будь то светская или религиозная идеология, прежде не сталкивалась с подобными устрашающими перспективами на ближайшее обозримое будущее. Поэтому ни у одной из них нет опыта решения выхода из складывающегося драматического положения с неминуемо роковым финалом — полновесной общечеловеческой трагедией. Несомненно одно: поиски путей выхода из стремительно приближающегося «часа пик» должны вестись согласованно всем мировым сообществом на взаимоприемлемых для всех условиях. Альтернативы этому императивному требованию нет. Точно также ясно, что ни одна из тоталитарных идеологий, ставящих свои интересы превыше всех прочих, не способна предложить хоть сколько-нибудь вразумительный предварительный набросок или черновой проект, способный послужить ядром глобальной «дорожной карты» общего для всех будущего.

Коль скоро научно-технический прогресс — дитя разума, может быть последний, как раз и способен предложить приемлемый выход из положения? Разум оперирует двумя «инструментами» — древней философией и современным естествознанием. Увы, наука лишь создает проблемы (включая три вышеупомянутые глобальные), но не решает их. Поскольку сама она, равно как и произведения ее творчества, нравственно и эмоционально относительно нейтральны. Наука производит интеллектуальную продукцию (например, атомную бомбу), которой пользуются политики или идеологи в своих корыстных целях, не обращаясь к ученым. Следовательно, вопрос не в том: зло или благо производит и множит наука, а в том — каково состояние умов, потребляющих ее плоды и контролирующих политику государств и коллективное сознание масс. Дети ислама живут, во многом,

призрачными иллюзиями глухого, невежественного Средневековья (см. далее — разд. 4.7.4). Сознание заведомого большинства подданных христианской церкви, с молоком матери впитывающих библейские и евангелические сказки, глубоко двулично и лицемерно (разд. 4.7.2 и 4.7.3). Мораль марксизма заслуживает того, чтобы признать ее образцом абсолютной аморальности (разд. 4.7.5). Мораль нацизма не заслуживает упоминания вовсе.

В таком случае, возможно единственная допустимая альтернатива корыстным идеологиям состоит в том, чтобы поиски путей, позволяющих предотвратить приближающуюся глобальную катастрофу, возложить на философию. Поскольку в свое время она оказывала заметное влияние на сознание власти имущих, правда, лишь демократического толка. Как, например, на лидеров полисных цивилизаций Эллады (Солон, Перикл), или вождей Американской революции (Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, Б. Франклина). Кстати и Великая Французская революция была подготовлена и взлелеяна просветителями (Дидро, Руссо, Вольтером), заветами которых, однако, пренебрег кровавый Робеспьер. Даже молодой Наполеон разделял их идеи. Более того, реформа властных институтов Западной Европы, их отказ от абсолютизма в пользу просвещенной монархии произошел, во многом, благодаря той же демократической традиции, идущей от философии не столько Платона сколько Фалеса. Заметим, что этот идеологический переворот свершился вопреки развращающему влиянию христианства, всеми силами пытавшемуся придать философии дух авторитарной и политически ангажированной идеологии. О том, что эти попытки имели определенный успех, свидетельствуют течения, процветающие и сегодня под сенью «христианской философии» с ее идеалами и ценностями, разделяемыми весьма малочисленными группами единоверцев. Посему едва ли можно надеяться на то, что они в состоянии поставить объективный и честный диагноз той болезни, развитию которой сами же содействовали. Еще меньше уверенности в том, что они способны предложить необходимый «курс лечения». По сути дела, беспристрастный обзор состояния дел показывает, что в настоящее время нет ни одного влиятельного философского направления (вплоть до последователей прагматизма Дж. Дьюи), которому можно было бы доверить миссию третьей стороны и примирителя тоталитарных идеологий.

Причина очевидна. Ни одно из них не может выражать интересы всего человечества. Ибо все они обращены лишь к своим единомышленникам, разделяющим частные, узко специфические воззрения. Означает ли это, что проблемы неразрешимы? Что философия принципиально не имеет оснований говорить от имени мирового сообщества в целом? Если под

ней иметь в виду философию Платона, то на этот вопрос может быть дан только утвердительный ответ: не имеет. Иной, противоположный ответ, предполагающий способность философии звучать голосом всего человеческого рода, можно ждать при обращении к философии Фалеса, но при выполнении ею двух неперенных условий. Во-первых, четкого обозначения своих приоритетов и вразумительного объяснения своего понимания уникальности и ценности каждой человеческой жизни, а также общей цели существования всех людей. Во-вторых, определения своего отношения к идеалам гуманизма, квинтэссенцию которого составляет *de facto* и *de jure* политическое и имущественное, гендерное и социальное равенство прав каждого индивида, независимо от его расы и национальности, вероисповедания и мировоззрения, сословия и рода деятельности.

А это возвращает нас к исходной посылке о назначении философии, пояснение которому на свой лад дал Аристотель. Можно ли в наше время соглашаться с его суждением о том, что она есть своего рода «искусство для искусства», утоляющее то ли благородную любознательность, то ли праздное любопытство, а знания желательны «ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» (Мет. 982 b 21)? Но зачем обременять себя знаниями, если они ничему не учат? К чему, например, тратить силы, средства и время на занятия палеонтологией, не обещающей никаких ощутимых дивидендов? Или космологией, оперирующей гигантскими, но абстрактными цифрами, не имеющими к нам прямого отношения и не влияющими на наше даже отдаленное будущее? Впрочем, история сама дала ответ Аристотелю, с одной стороны поспособствовав тому, чтобы стараниями, в частности, христианства, гегельянства и марксизма философия, при всем своем желании, не оставалась «сторонней наблюдательницей». С другой — благодаря ей произошло поистине революционное озарение-открытие того, что именно «человек есть мера всех вещей» (Протагор). С третьей же — ни кто иной, как философия проложила дорогу современному естествознанию, обучив его искусству логики и рационально-критического мышления. Таким образом, вольно или невольно философия всегда была в гуще событий, ... протекавших, главным образом, в Европе. В наши же дни, не исключено, от нее зависит будущее всего мира. Повлиять на него она может при выполнении двух условий.

Во-первых, если найдет «философский камень» — единственно возможный способ разрешения наиболее фундаментальных противоречий XXI века. Для чего ей предстоит получить ответ на вопрос, вынесенный во Введении: для чего человеку дан разум? Он — ключевой в понимании всего, что он творит, отличаясь от животного единственно и только умст-

венным развитием. Если Канта приводило в восхищение небо над головой и внутренний нравственный закон, то теперь нас, искушенных множеством рациональных знаний, неведомых Канту, изумляет разум. К чему нам этот дар, причиняющий одни беспокойства и даже, при неосторожном его употреблении грозящий погубить нас. Он излишен с точки зрения повседневной жизни. Миллионы, миллиарды людей, исповедуя принцип экономии мышления, крайне редко или вовсе не напрягают «серые клеточки своего мозга», уподобляя себя автоматам, слепо повинующимся алгоритмам, заложенным в Библии и Евангелиях, Коране и коммунистическом Манифесте. Так что с сожалением приходится признать частичную правоту А. Шопенгауэра, утверждавшего, что «религия — неизбежное зло, связанное с умственным убожеством огромного большинства людей». Но теперь мы вынуждены расширить его понимание религии на все без исключения идеологии — как теистические, так и атеистические. Второе требование, которому должна отвечать философия для осуществления своей миссии, состоит в необходимости убедить своих основных оппонентов в правоте полученного ею вывода.

Теория эволюции утверждает, что цель улитки — оставить после себя жизнеспособное потомство. Какова же цель, стоящая перед каждым из нас и перед всеми сообща? Если верить Демокриту, то нет ничего случайного, что не порождалось бы необходимостью. Более того, нет причин естественных и противоположных им неестественных. Все они естественны, так как, в частности, религии (идеологии) суть порождения инстинкта эусоциальности, а понятие «бог» — творение нашего коллективного разума. Посему можно надеяться, что познав смысл и цель эволюции природы, нам, возможно, удастся познать самих себя, как и убеждал современников Хилон. С тем, чтобы обретенное знание помогло предотвратить худший из возможных вариантов развития событий ближайшего будущего.

Но в каком направлении искать ту нить Ариадны, которая может вывести нас из лабиринта умственной тьмы? На наш взгляд, на путях образования тройственного союза — *синтеза мировоззрения гилозоизма, этики гуманизма и принципа дополнительности, образующих философию панзоизма*. До сих пор преградой к их слиянию служили: — а) забвение уроков мышления гилозоизма; — б) узко этическое и, следовательно, ошибочное понимание гуманизма, возникшее в эпоху Ренессанса (знание лишь одной стороны действительности столь же ложно, как полное незнание); — в) строго детерминированная, плоско механистическая классическая физика. Сегодня, благодаря стараниям Г. Дильса, нам открылся мир первой — подлинной, «чистой» философии, свободной от каких бы

то ни было посторонних влияний и корыстных интересов, кроме познания как такового. Понимание гуманизма как универсального «перводвигателя», сыгравшего роль не только теоретического, но и практического творца цивилизации нового типа, сегодня известной как Запад, рано или поздно дойдет до сознания людей. А квантовая механика открыла нам глаза на то, что неопределенность также необходима миру, как и жестко заданные принципы и формулы его бытия. Только такой плодотворный альянс этих трех составляющих способен создать предпосылки мироустройства, существование которого определялось бы принципом «*Concordia omnium*» (Всеобщее согласие). Принципом, выражающим революционный поворот эволюции природы: переход от дарвиновского естественного отбора к отбору культурному. Ибо только в таком случае мировая цивилизация может быть гарантирована от катастрофы самоуничтожения собственными руками.

Глава 4

Принцип дополнительности

С тех пор как благодаря героическим усилиям Ф. Бэкона и Н. Коперника, Г. Галилея и Р. Декарта естествознание добилось хотя бы относительной независимости от церкви, в нем все более усиливалась тенденция рассматривать природу независимо не только от бога, но и от человека. Единственное, чему оставалось подчиняться природе — закономерностям причинно-следственных связей. Это возвращало новое экспериментальное естествознание к воззрениям Демокрита, утверждавшего, что, с одной стороны, наш мир состоит из атомов и пустоты. С другой — что «ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости». Иначе говоря, все сущее заключено в неизменных атомах, совершающих разнообразные движения совершенно независимо от нас, но определяющие свойства всех материальных объектов, образующих «мир в себе». Тем не менее, поскольку движения последнего влияют и на наши органы чувств, наш разум способен откликнуться на готовность природы раскрыть свои тайны. А вспомогательным инструментом, позволяющим формировать и систематизировать получаемые из экспериментов знания, была и остается математика, развивающаяся параллельно с развитием технических средств обнаружения новых эмпирических данных. Таким образом, детерминированность (законопослушность) мира предполагала и его предсказуемость. («Знание — сила», способная манипулировать природой, как полагал Ф. Бэкон). Эти представления доминировали в философии естествознания вплоть до середины XIX в. На них возводилась механика И. Ньютона и термодинамика С. Карно, оптика О. Френеля и акустика Л. Эйлера. Лишь немногие «чистые» философы (Д. Юм, И. Кант) осмеливались высказывать сомнения в способности разума постичь все многообразие мира.

Первые сигналы, возвещающие об ошибочности столь упрощенного взгляда на действительность, послали опыты с электричеством М. Фарадея и возникновение теории электромагнетизма Дж. Максвелла. Но самые чувствительные удары по традиционной картине мира нанесли два

события: эксперименты А. Майкельсона по измерению скорости света, также открытие радиоактивности и строения атома (В. Рентген, Э. Резерфорд). Первый потряс основания Ньютоновой механики, включая представления о пространстве и времени, второй — веру в существование жестких причинно-следственных связей, правящих миром. Впрочем, предложенная А. Эйнштейном коррекция взглядов на механику, касалась довольно узкой области, касающейся эффектов, возникающих при релятивистских скоростях (близких к скорости света). Однако, как выяснилось позже, она оказалась чрезвычайно востребованной в, фактически, рожденной ею новой научной дисциплине — космологии. Все же иное, оставшееся за пределами релятивистских скоростей, продолжало пребывать в введении традиционной Ньютоновой механики.

Значительно более резонансный, поистине революционный переворот в сознании естествоиспытателей совершило открытие того, что причинно-следственные связи, составляющие, как казалось, незабываемый фундамент мира, могут быть разорваны. Это следовало из интерпретации открытия поразительного факта двойственности природы электрона, обладающего полярно противоположными свойствами частицы и волны одновременно. В. Гейзенберг постулировал, что производя эксперименты над элементарными частицами, человек оказывается непосредственным их участником, а не сторонним наблюдателем, не вмешивающимся в ход событий, но фиксирующим его. Поэтому всякий прибор и любой метод измерения характеристик элементарных частиц изменяют их в процессе измерения, притом *непредсказуемым* образом. Мир атомных явлений, лежащий в фундаменте привычного нашему глазу видимого мира, оказывался недетерминированным. Из чего, естественным образом, следовало, что надежда на полную познаваемость природы, вероятнее всего, несбыточна. Это вызвало сильнейшее потрясение в умах физиков, разделившихся на два лагеря: консерваторов и новаторов, создавших принципиально новую механику — квантовую и радикально новый взгляд на мир.

Первым, кто нащупал путь выхода из кризиса, в котором оказалось традиционное (классическое) мышление, явился Н. Бор — «ангел-хранитель» группы молодых энтузиастов — строителей нетрадиционной физики, в основе которой лежало отрицание принципа *причинности* в пользу признания принципа *неопределенности*. Но Бор не остановился на этом, а сделал еще один шаг, постулировав, что два вида представления электрона будь то в форме частицы, либо в виде волны, не противоречат, а дополняют друг друга. Так появился на свет ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ, гласящий: ***противоположности не исключают, а дополняют***

друг друга. (Contraria non contradictoria, sed complemente sant.) Время и обстоятельства не позволили Бору распространить этот тезис на процессы, выходящее за рамки мира элементарных частиц. В свою очередь мы попытались обосновать его чрезвычайную плодотворность в предыдущем исследовании⁷⁸. К сожалению, в силу технических причин тираж книги не дошел до широкого круга читателей и, тем более, специалистов. Поэтому, имея в виду важность вопроса, я вынужден повториться. Тем более, что эмпирические данные, полученные в самое последнее время, подтверждают тезисы, высказанные в упомянутой монографии. Ниже представляются на суд читателя результаты анализа самого широкого спектра явлений, подтверждающих универсальность этого принципа.

4.1. Доказательство космологическое

Известны две науки, изучающие «небо над нашей головой» — астрофизика и космология. Астрофизика относится к области классической физики, поскольку исследует процессы, определяющие существование звезд, галактик, туманностей, черных дыр и прочих материальных объектов Вселенной. Она держится на наблюдательном фундаменте астрономии, а построения теоретических моделей помогают шаг за шагом расширять реальные горизонты знаний о ее современном состоянии. Космология представляет собой сугубо теоретическое (математическое) описание процессов, призванное давать приемлемую интерпретацию эмпирическим данным, а также воспроизводить прошлое и прогнозировать будущее Вселенной. Имея дело с сугубо умозрительной областью познания, она, так или иначе, вторгается на поле философии. Ибо, описывая эволюцию Вселенной, как целостной системы, она вынуждена оперировать, в частности, такими, казалось бы, общеизвестными, но в действительности такими загадочными сущностями, как пространство и время, порождая вопросы, на которые у нее нет неоспоримых ответов. Тем не менее, на взгляд математика современная космологическая модель — теория Большого Взрыва (ТБВ) мнится настолько безупречной, что сторонники причисляют ее к разряду «канонических» (по выражению Дж. Уилера). Согласно этой модели эволюция Вселенной в самом лаконичном, концентрированном виде состоит из нескольких последовательно сменявших друг друга эпох.

⁷⁸ Гивишвили Г. В. Философия гуманизма. М., 2009.

1. *Эпоха сингулярности*: крайне эксцентричная ситуация, предшествовавшая Взрыву. Помимо баснословно высокой температуры и плотности Вселенная характеризуется исчезающе малым объемом пространства (*весь космос* уместается в микроскопической горошине) и *полным отсутствием времени* ($t = 0$). До возникновения Вселенной понятие времени лишено смысла — утверждает С. Хокинг. (Поразительно, но в данном случае он чуть ли не буквально цитирует Аврелия Августина, утверждавшего, что «до творения мира времени не было»⁷⁹). Но уже здесь скрыты два *неразрешимых внутренних* противоречия теории. Первое: согласно идеологии Г. Минковского, на которой А. Эйнштейн возводил свою концепцию общей теории относительности (ОТО), пространство без времени существовать не может. Если время блистательно отсутствует, столь же непременно должно отсутствовать и пространство. Но, согласно ТБВ, у пространства есть приоритет в сравнении с временем: в состоянии сингулярности его совсем немного, но оно есть. Что, с точки зрения Минковского (фактически и ОТО), быть не должно категорически. Исключение из правила в данном случае неуместно.

Возражение второе: пространство Вселенной 3-х мерно, то есть *абсолютно* плоское. Вопреки требованию ОТО, оно «ведет себя благопристойно»: не искривляется и не изгибается, либо эллиптически замыкаясь на самоё себя, либо гиперболически размыкаясь (Наше слабое воображение отказывается воспроизводить такую фантазмагорию). Ее геометрия евклидова «с точностью 10^{-60} »⁸⁰. А это означает, что у пространства нет, и не может быть НИКАКИХ ПРЕДЕЛОВ. Оно *принципиально* не ограничено никакими рамками или границами, у него нет ни начала, ни конца. Следовательно, состояние сингулярности ему противопоказано ультимативно. Евклидовость пространства и ТБВ несовместимы. Одно лишь это возражение в адрес эксцентричной сингулярности делают ТБВ «хромой уткой», противоречащей самой себе.

2. *Начало Большого взрыва*: $t = t_0$. Нет никакой ясности в том, какая сила смогла все же преодолеть чудовищное сжатие и вызвать Вселенную из плена НЕБЫТИЯ. На роль ее освободителя не «смеет» претендовать *ни одна из известных четырех фундаментальных взаимодействий* — гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое ядерное. Неведомый герой все еще прячется под маской мистера X. Но сей мистер интригует не еди-

⁷⁹ Философская афористика. С. 257. М., 1996.

⁸⁰ Халлиуэлл Дж. Дж. Квантовая космология и происхождение Вселенной // В мире науки. С. 16–22. 1992.

ножды, а дважды. Мелькнув загадочным образом на фантастически краткий миг, чтобы взорвать малютку-горошину, из которой чуть позже низвергнутся гигантские массы вещества-излучения, и, придав им колоссальный импульс разлета, наш незнакомец исчезает еще более таинственным манером. Целых 13 с лишним миллиардов лет никак и ни в чем себя не проявляет. (Библия в этом смысле выглядит последовательней ТБВ: ее бог не только пристально следит за деяниями творений своих «рук», но и вмешивается в их бытие, когда считает нужным).

3. *Инфляционная фаза раздувания*: Она длится всего одну триллион-триллион-триллионную долю секунды! Тем не менее, за это невообразимо короткое мгновение с Вселенной происходят поистине сказочные превращения. Цифры, отражающие немислимые скорость и масштабы скачков температуры, плотности и объема Вселенной в ходе инфляции, мы не приводим лишь потому, что они *абсурдны с физической точки зрения*. Но теоретики принимают их на веру, поскольку они не противоречат математике. (В. Л. Гинзбург, правда, признавался, что «количественные представления об инфляции и всю инфляционную модель он как следует не понимает, тем более, что она подвергается критике» [Гинзбург 2002]). Поэтому оставим их выкладки на совести их авторов и тех, кто делает вид, будто верит им.

4. *Конец инфляционной фазы*: все упомрачительные скачки температуры, плотности и объема Вселенной завершились *взрывным рождением гигантских масс материи* (идея Э. Триона, 1973 г.) за неправдоподобно малые доли секунды.

5. *Будущее Вселенной*: ТБВ признает равновероятными *три! варианта сценария будущего* Вселенной. Отчего же зависит выбор ее судьбы? От того, как «кости лягут». (Оказывается, вопреки Эйнштейну, бог в лице ТБВ не прочь поиграть в кости). Именно: если современная средняя плотность вещества — излучения ρ Вселенной ниже критического значения ρ_k , ей предстоит *безостановочное расширение*. В случае $\rho = \rho_k$ современная скорость расширения будет стремиться к нулю. В какой-то момент времени Вселенная застынет в состоянии крайне *шаткого равновесия*. При превышении ρ над ρ_k расширение сменится сжатием примерно через 30 млрд лет. Оно завершится гравитационным коллапсом. За ним последует очередной разлет, с очередным дальнейшим схлопыванием и т. д. Вселенная начнет пульсировать, но с каждым новым циклом ее радиус будет безостановочно возрастать и, в конце концов, пульсации прекратятся. Их сменит *непрестанное расширение*, как и в первом случае. И наста-

нет время, когда выгорят и остынут все звезды, испарятся все черные дыры, распадутся все атомы. Останутся одни элементарные частицы, *каждая* из которых будет занимать объем пространства, равный триллион-триллион-триллионнов объемов *всей* видимой сегодня Вселенной (прошу прощения за вынужденный повтор: конкретные цифры в данной модели ничего не говорят не математикам). А пространство будет продолжать безостановочно умножаться, подобно каше из сказочной мельницы (немецкий фольклор).

Изложенная здесь концепция эволюции Вселенной крайне схематична. Предполагается, что в действительности значимых событий в ее бурной истории было несравненно больше. Тем не менее, космологи уверяют себя и нас (заинтересованную публику) в том, что ТБВ следует доверять безоговорочно, поскольку она безупречна. Об этом говорится уже почти полвека. На их протяжении постоянно возникали проблемы, которые тщательно заматались по ковер, чтобы создавать вид, будто ТБВ легко справляется с неугодными «шероховатостями и помехами». В частности, 40 лет назад Я. Зельдович и И. Новиков поспешили уведомить нас будто «в космологии до сих пор мы не сталкиваемся с какими-либо неразрешимыми противоречиями, или внутренними логическими трудностями»⁸¹. Но они были не первыми и не последними, кто источал необыкновенный оптимизм по поводу достоинств ТБВ. В том же мажорном тоне в 1973 была опубликована монография Ч. Мизнера, К. Торпа и Дж. Уилера «Гравитация» (русский перевод в 1977 г.), в 1974 г. — М. Риса, Р. Руффини и Дж. Уилера «Черные дыры, гравитационные волны и космология» (русский перевод в 1977 г.), в 1976 — С. Вайнберга «Первые три минуты» и в 1980 — Дж. Силка «Большой взрыв» (русский перевод в 1982 г.).

В этот период в космологии сложилась ситуация, удивительно напоминающая историю с юным М. Планком конца XIX века. Когда его отговаривали от занятий физикой на том основании, что мол, в физике не осталось нерешенных проблем, и молодому человеку трудно будет найти себе применение на этом поприще, достойное его дарований. Однако, уже в 1981 г. А. Гуту, а в 1984 г. Гуту с П. Стейнхардтом и А. Линде пришлось придумывать крайне искусственную инфляционную фазу для преодоления ранее *как бы* несущественных (ничтожных) трудностей теории. Коих Линде насчитал шесть (!) принципиальных. Сегодня, правда, эйфория уступила место более взвешенным оценкам достоинств ТБВ. Всплыли и вновь настойчиво заявляют о себе многочисленные проблемы, как теоре-

⁸¹ Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Строение и эволюция Вселенной. 1975. М., С. 25.

тического, так и экспериментального характера. Теоретики также стали более осторожны в своих прогнозах, касающихся скорого окончательного ее триумфа. Тем не менее, вполне понятное желание отличиться как можно скорее, принуждает их оставаться в рамках существующей парадигмы. Но это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение. Опыт подсказывает, что к бесспорно достоверному сегодня можно отнести, по видимому, лишь следующие *факты*:

- а) наблюдаемая Вселенная заполнена веществом-излучением в целом (на очень больших масштабах) однородно;
- б) геометрия ее пространства строго евклидова;
- в) активная фаза существования звезд ограничена 5–20 миллиардами лет.

Совокупность этой эмпирики решительно *противоречит* ТБВ. Не выдерживают критики, прежде всего, ключевые положения модели, представление о которых дают вышеотмеченные пункты 1–5. Аргументация в их защиту представляется неадекватной, прежде всего, с точки зрения логики и требования внутренней непротиворечивости, порождая слишком много вопросов, повисающих в воздухе. Их развернутый анализ дан в работе⁸². Здесь мы сфокусируем внимание на, пожалуй, ключевом аспекте ТБВ, на проблеме интерпретации пространства. Одной из причин выбора данного объекта полемики состоит в наглядности критики, которой предполагается подвергнуть традиционное для ТБВ представление о том, что представляет собой это, казалось бы, элементарнейшее, но в действительности, коварнейшее понятие. Мы не будем апеллировать к высшей математике или неевклидовой геометрии. Посему уразуметь выдвигаемые нами доводы может любой нормально успевающий школьник старших классов.

4.1.1. Прошлое Вселенной

Чтобы пояснить их смысл, читателю предлагается вооружиться листом бумаги, карандашом, линейкой и циркулем. После чего поставить в центре листа точку. Она будет изображать размеры Вселенной, но не в самом «начале» ($t = 0$), коль скоро в то «время» пространство было невоспроизводимо мало (пункт 5.1.1.), а, скажем, в «Первые три минуты» после начала расширения ($t = t_1$ согласно С. Вайнбергу). Радиус этой точки обозначим как r_1 . Затем проведем с помощью линейки четыре 5-и сантимет-

⁸² Гивишвили Г. В. Философия гуманизма. М., 2009. С. 360–389.

ровых отрезка прямых, расходящихся из точки под прямыми углами. Далее, очертим циркулем круг того же 5-и сантиметрового радиуса r_2 , так что он должен будет касаться концов этих отрезков-стрел. Таким образом, мы получим плоскостное (двумерное) изображение материи Вселенной в момент времени t_2 , соответствующий, скажем, миллиону лет после начала взрыва. У нас есть полное право на подобное представление динамики расширения Вселенной, поскольку пространство, напоминаю, строго евклидово. Наконец, продлив отрезки и радиус циркуля до, предположим, десяти сантиметров (r_3), получим представление о структуре распределения материи во Вселенной в настоящий момент t_3 . Я особо подчеркиваю: все стрелки-вектора представляют собой исключительно отрезки прямых линий, к как бы уловкам и хитростям ни прибегали теоретики, пытаюсь спрятать концы в воду, намекая, на «эластичность» пространства.

Чтобы не быть уличенным в голословном обвинении, сошлюсь на предисловие Новикова — редактора перевода книги Силка «Большой взрыв». В нем он утверждает, что «расширение Вселенной нельзя рассматривать как расширение очень плотной вначале материи в окружающую пустоту, ибо окружающей пустоты нет. Вселенная — это все существующее, вне ее нет ничего, в том числе и пустоты. Вещество Вселенной с самого начала однородно заполняло все *безграничное* (как это может быть???) пространство». Из сказанного ясно, что нас пытаются заверить в том, что, дескать, это не материя перемещается, а пространство расширяется, увлекая за собой вкрапленную в нее материю. Будучи убежденным, что вера Новикова в ТБВ искренна и неподдельна, не могу не оценить его пояснение иначе, прошу прощения, как демагогию. Бесспорно невольную, но примерно таго же сорта, как веру древних вавилонян в то, что земля покоится на трех китах. Правда, вавилоняне не додумались до того, чтобы заявлять, будто кто-то или что-то неустанно плодит пространство. Им простительно: они были невежественны. Но, полагаю, не настолько, чтобы вообразить, будто безграничное пространство способно расширяться. Они умели думать логически и немедленно возразили бы Новикову, указав на то, что безграничное тем и отличается от ограниченного, что не имеет предела, следовательно, расширяться ему некуда и незачем. Так вот, возвращаясь к ТБВ, я подчеркиваю: не имеет никакого значения — пространство ли расширяется, или материя движется. Главное то, что точка r_1 перемещается в точки r_2 и r_3 по *прямым* линиям (геодезическим).

Далее, считается, что моменту t_3 соответствует радиус r_3 порядка 14 миллиардов световых лет. «Возраст» Вселенной (t_3) также оценивается в, те же примерно, 14 миллиардов лет. Но из совпадения этих цифр следует,

что, по крайней мере, ее передний фронт (*кончики стрел*) двигался (в чем?) едва ли не со скоростью света, чтобы за время t_3 успеть пробежать расстояние r_3 . Но входит ли в понятие «переднего фронта» вещество-излучение? Входит, доказывает астрономия, ссылаясь на относительную (в целом на больших масштабах) однородность распределения материи по горизонту. Следовательно, форма заселенной веществом-излучением Вселенной должна была бы иметь вид плотной скорлупы, окружающей пустое пространство сферы, не занятой материей. Схематически ее разрез в плоскости в виде обода круга представлен на рис. 1.

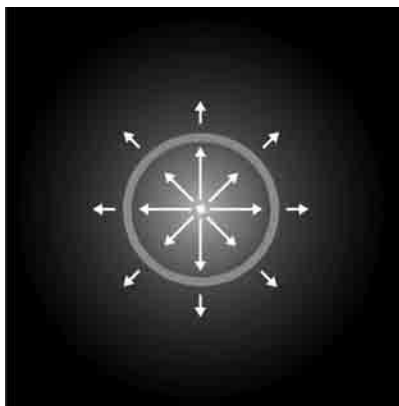

Рис. 1

Наблюдательная астрономия предоставила нам наглядные примеры, подтверждающие этот вывод в виде кольцевых туманностей M57 или Шепли 1, представленных на рис. 2. Но ведь действительное распределение материи по пространству принципиально отличается от этого гипотетического вывода. Многоопытная эмпирическая астрономия представляет многочисленные свидетельства того, что Вселенная представляет собой сферу целиком и сравнительно равномерно заполненную материей. В попытках объяснить этот факт, можно задаться **вопросом № 1**: так как в момент t_1 вся материя была сосредоточена в точке r_1 , то какова должна была быть скорость разлета масс, чтобы пространство с радиусом r_3 удовлетворяло реальному монотонному распределению вещества-излучения? Единственно допустимый на него ответ: скорости должны были бы *различаться радикально*. Одни сгустки материи должны были бы оставаться на месте, другие перемещаться со скоростью света.

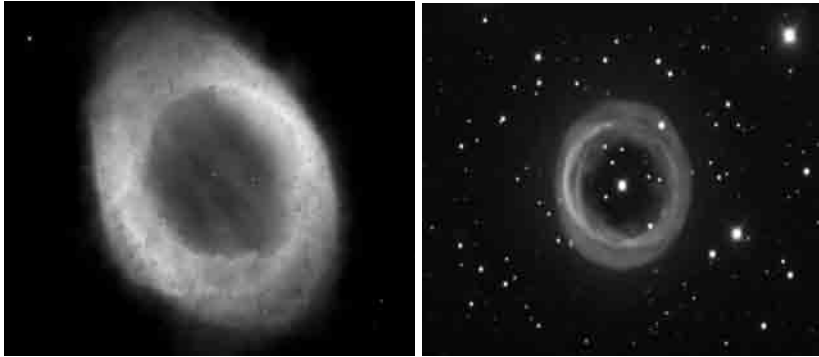

Рис. 2. M57 Шепли 1

Из вопроса № 1 логически следует продолжение — **вопрос № 2**: каков, в таком случае, должен был быть механизм «первотолчка», чтобы столь избирательно воздействовать на материю? По какому принципу должно было бы отдаваться предпочтение одним ее частям, в «ушерб» другим, точно таким же частям? Ответа на него нет, и не предвидится, так как природе неизвестно ни одного примера селективного отношения к одним и тем же протонам и электронам в зависимости от «симпатий» или «неприязни» к ним. Тем более, что разгонять те же протоны и электроны, находящиеся на переднем крае расширения до скорости света *запрещают* Лоренцовы преобразования и специальная теория относительности (СТО). Поскольку согласно известной формуле Эйнштейна $E = mc^2$ достичь скорости света «не имеет права» даже один единственный протон, так как для придания ему искомой скорости потребовалась бы энергия *бесконечной* величины. Также остается тайной, какие силы могли бы принудительно удерживать некоторые протоны и электроны на мертвом якоре рядом с точкой r_1 все 14 миллиардов лет. Таким образом, евклидовость пространства и сравнительно однородное заполнение материи во Вселенной (пункты -а и -б) решительно не приемлют представления об эволюции Вселенной, развиваемые моделью ТБВ.

4.1.2. Настоящее Вселенной

Не останавливаясь на математически не тривиальной, но банально сказочной (с позиции физики) фазе раздувания, обратимся к более или менее установившейся фазе существования Вселенной, принявшей современный вид. Принято считать, что в настоящий момент она не только рас-

ширяется, по мнению первооткрывателя этого явления Э. Хаббла, но расширяется ускоренно⁸³. При этом нам пытаются внушить, будто «каждые 5 с к Вселенной добавляется объем пространства, эквивалентный... объему, занимаемому Млечным Путем... Однако, пытаться указать, где рождаются эти кубические километры пространства, — идея ошибочная, потому что она бессмысленная»⁸⁴. Не исключено, что мы с трудом, но поверили бы уважаемым авторам на слово, если бы пространство было каким-либо замысловатым образом искривлено, чтобы замыкаться на самом себе. Но напомним, оно, увы, плоское (евклидово), следовательно, бескрайнее. У него нет ни начала, ни конца. И посему есть полнейший резон в том, чтобы ставить **вопрос (№ 3)** о том, в чем и как рождаются те самые мистические кубические километры, о которых предельно серьезно рассуждает теория?

Нас пытаются увести от рассмотрения этого вопроса, доказывая, будто в ходе расширения Вселенной «атом не расширяется, метровая палка не расширяется, расстояние между Солнцем и Землей не увеличивается. Подвержены расширению лишь расстояния между скоплениями галактик и большие расстояния»⁸⁵. И в качестве примера приводят резиновый шар с наклеенными на него монетами. Нам говорят: «посмотрите, когда шар наполняют воздухом, он раздувается и его поверхность увеличивается. Тогда как размер монет остается без изменений». Иллюстрация эта годится лишь для слишком доверчивых людей. Более или менее самостоятельно мыслящий субъект согласится с тем, что атом не расширяется из-за сил ядерных взаимодействий (сильного и слабого). Но непременно задастся вопросом: что мешает «растягиваться» пространству между Солнцем и Землей? И сделает вывод о том, что существуют, по меньшей мере, два сорта пространства. Один из них отличается способностью растягиваться, другой — тем, что на все попытки растянуть его отвечает решительным — нет! И это вето исходит, якобы, от гравитации. Теоретики попытаются склонить его принять их версию ссылаясь на то, что, дескать, на больших расстояниях тяготение не может удерживать пространство от растяжений, а на относительно малых — может. Но у нашего любознательного субъекта немедленно возникнет **вопрос № 4**: взаимодействуют ли эти два сорта про-

⁸³ Perlmutter S. et al. Measurements of Ω and Λ from 42 high-redshift supernovae//The Astrophysical Journal, 517: 565–568, 1999 June 1; Schmidt B. P. et al. Observational Evidence from Supernovae for an Accelerating Universe and a Cosmological Constant// The Astrophysical Journal, v/ 116, Issue 3, pp. 1009–1038, 09/1998.

⁸⁴ Мизнер Ч., Торн К., Уиллер Дж. Гравитация. М., 1997 С. 416.

⁸⁵ Там же. С. 409.

странства между собой, и если — да, то — как? Существует ли между ними четкая граница, маркирующая их «суверенные территории» и т. д.? А вот на этот вопрос ответа он не получит: его нет и у теоретиков. Точнее говоря, подобные каверзные вопросы они перед собой даже не ставят.

Между тем, публикация от октября 2016 года выражает сомнение в реальности еще одного эффекта, лежащего в русле ТБВ — ускоренного расширения Вселенной, за «открытие» которого С. Перлмуттер, Б. Шмидт и А. Рис получили в 2011 г. Нобелевские премии по физике. Эта сенсация мгновенно обросла бесчисленным множеством статей с «доказательствами» существования «темной энергии». Однако исследователи из Оксфордского университета Дж. Нильсен, А. Гуффанти и С. Саркар проанализировали 740 сверхновых типа Ia (что более чем в десять раз превышает число звёзд, исследованных нобелевскими лауреатами), и пришли к выводу, что доказательства ускоренного расширения Вселенной неубедительны. Руководивший исследованиями С. Саркар отметил, что результаты предшественников были связаны с упрощенным анализом данных в рамках модели однородной материи, ведущей себя как идеальный газ. Большое число изученных звезд позволило авторам работы проделать строгие статистические расчеты по формуле Байеса и учесть целый ряд факторов, связанных как с особенностями излучения сверхновых, так и с поглощением света межзвездной пылью. Оказалось, что расхождения данных, полученных с помощью сверхновых и законом Хаббла, в лучшем случае не превышает трех сигм. Иными словами, полученный нобелевскими лауреатами результат представляет собой просто случайное отклонение, обусловленное погрешностью измерений и влиянием различных еще неучтенных факторов⁸⁶. Соответственно, исследователи из Оксфорда поставили под сомнение существование темной энергии, играющей ключевую роль в современной космологии. Интересно, скольким теоретикам они, тем самым, принесли горькое разочарование.

Кстати, тут уместно будет припомнить еще одну их байку, согласно которой существует еще некий третий сорт пространства, который «играет» на сверхмалых расстояниях. Их модели требуют, чтобы структура пространства была не непрерывна, а дискретна. Среди них весьма популярны гипотезы (которые они стараются внушить и нам — простым смертным), будто пространство квантовано. То есть, что на очень малых

⁸⁶ Nielsen J. T., Guffanti A., Sarkar S. // Scientific Reports. № 6. Article number: 35596 (2016) doi:10.1038/srep35596

(планковских) масштабах оно дробится на мельчайшие «зерна». Косвенно это служило бы подтверждением того, что оно в определенном смысле материально, коль скоро, если не «сверху», то, по крайней мере, «снизу» у нее есть пределы. Но наблюдательная астрономия в очередной раз озадачила теоретиков.

В 2011 году произошло знаменательное событие, которое должно было бы разрушить все теоретические замки на песке, предсказывающие дискретность пространства. Это событие — публикация статьи группы авторов из Франции, Италии и Испании⁸⁷. Изучив результаты съемки гамма-вспышки GRB 041219A, полученные с помощью европейского космического телескопа Integral, авторы пришли к выводу, что если зернистость пространства вообще существует, то размеры его гранул должны быть меньше 10^{-48} м. Ибо такова разрешающая способность (чувствительность) технологии эксперимента. Между тем, теория доказывает, что поперечник зерна пространства или минимально возможная длина в природе — это планковская длина ($\sim 10^{-35}$ м). Что же означает расхождение в 10000000000000 раз между теоретическим прогнозом и результатом эксперимента? Если что-либо и можно назвать оглушительным провалом, то это, несомненно, относится к фиаско, которое потерпела теория, наделяющая пространство дискретностью, свойственной только лишь материальным телам. Но — вот очередной парадокс — событие, которое должно было бы вызвать мощнейший резонанс, почти никак и никем не комментируется. На все, что вызывает сомнение в достоверности ТБВ, закрываются глаза.

Из малейших пустяков раздуваются мыльные пузыри сенсаций, а поистине революционный переворот в наших знаниях о природе пространства замалчивается и в очередной раз заматывается под ковер. Теоретики делают вид, будто ничего страшного для их любимого детища не произошло. Щадя их чувства, авторы тягостного для них открытия также не утверждают категорически, что наблюдения не оставляют камня на камне от гипотезы о том, что пространство обладает зернистой структурой. И даже намереваются, для убедительности, в дальнейшем еще более повысить чувствительность аппаратуры. Но их похвальное стремление уже ничего не изменит и не отменит приговор, который должен быть поставлен теории. Поскольку дело не в том, что

⁸⁷ Laurent P., Götz D., Binétruy P., Covino S., and Fernandez-Soto A. Constraints of Lorentz Invariance Violation using integral/IBIS observations of GRB041219A // Phys. Rev. D 83, 121301(R), 2011].

она ошиблась так сокрушительно. А в том, что достаточно было бы выйти за «санкционированный» ею допустимый предел всего в два–три раза (с учетом возможных погрешностей измерений), чтобы заключить: предположение о существовании нижней границы длины пространства не имеет никаких оснований. Ибо критерии достоверности неумолимы. Коль скоро конкретное значение планковской длины строго определено, будьте любезны не пересекать «запретную черту» ни при каких обстоятельствах. (Тут уместна аналогия со скоростью света: ни для кого из массивных тел недопустимо даже приближаться к ней, не говоря уж о том, чтобы превзойти ее).

4.1.3. Будущее Вселенной

Отвлечемся теперь от настоящего момента. Кинем взор в далекое, но от этого не менее интригующее будущее Вселенной по «проекту» ТБВ. Теория не налагает запрета на возможное сокращение ее объема, если ее средняя плотность окажется выше критического значения. В этом случае после достижения некоего предела Вселенная начнет сжиматься так, словно «каждые 5 с из Вселенной будет убывать объем пространства, эквивалентный... объему, занимаемому Млечным Путем... Однако, пытаться указать, куда деваются эти кубические километры пространства, — идея ошибочная, потому что она бессмысленная», сказали бы наши теоретики. Однако мы, вооруженные знанием о том, что пространство, несмотря ни на что линейно, а не искривлено, вправе задать **вопросом № 5**: кто и как будет *утилизировать* его освобождающиеся излишки. Ведь согласно Эйнштейну, пространство без материи не существует. Следовательно, если в определенном объеме пространства материя убыла, также должно сдуться или «свернуться» и то, в чем она пребывала ранее. Но каким образом? Если «кубические километры» пространства будут просто уничтожаться, то — как, посредством какого механизма? Если же с ними поступят более гуманно (имея в виду, что они могут пригодиться для следующего этапа расширения Вселенной), то напрашивается другой вопрос. Именно: во что именно, в какой резервуар они будут складироваться?

Но в свете якобы ускоряющегося расширения Вселенной признается более обоснованным мнение, что расширение будет происходить ВЕЧНО. (Здесь под бесконечным по времени процессом расширения подразумевается «потенциальная бесконечность» в духе Г. Кантора, то

есть ничем «сверху» не ограниченная протяженность продлевания). Иначе говоря, рано или поздно наступит время, когда, как говорилось выше, в ней останутся одни элементарные частицы, *каждая* из которых будет занимать объем пространства, равный невообразимому множеству объемов *всей* видимой сегодня Вселенной. Читатель, сделайте одолжение, вдумайтесь в эти слова: одна!!! элементарная частица, приходящаяся на почти бесконечное множество (∞) нынешних Вселенных, «плодит» гигантские триллионы кубокилометров нового пространства. Притом, что материя (с физической точки зрения) *императивно, однозначно, безапелляционно* отсутствует, пространство вновь и вновь безостановочно и самопроизвольно умножает, фактически, самое себя.

Мало того, в связи с «открытием» темной энергии утвердилось мнение, что космический (физический) вакуум есть особое состояние материи, претендующее на первооснову мира. Отныне признается, что НИЧТО есть не абсолютная, а «содержательная» пустота. К ее проявлениям относят эффекты Лэмба—Резерфорда, Казимира и Унру, а также разнообразные теории вакуума (Дирака, Уилера, де Ситтера). Ей приписывают совершенно экзотические свойства. Например, то, что она лишена каких-либо конкретных физических свойств, присущих материальным объектам, и никакие ограничения, накладываемые на них, ее не касаются. Но, при всем том, ее почитают как первооснову и «прародителя» всего сущего. Но вот **вопрос № 6**: если нашей Вселенной суждено расширяться БЕСКОНЕЧНО ДОЛГО при неизменном изначально заданном (лимитированном) количестве вещества-излучения, то, что будет «делать» столь же бесконечно долго эта «содержательная пустота»? Какова будет ее роль, когда с физической точки зрения мир, вся Природа обратится в АБСОЛЮТНУЮ ПУСТОТУ? Почему сторонники ОТО не возмущаются предлагаемым их вниманию столь химерическим, абсурдным, абсолютно невероятным сценарием будущего Вселенной? Хорошо знакомые с Библией могут заметить, что чудеса, описываемые в ней (подобные Ноеву ковчегу, исходу из Египта и т. д.), бледнеют перед фантазмагорией современных космологов. Наконец, возникает завершающий **вопрос № 7**, объединяющий все предыдущие: в чем кроется первоисточник всех несуразностей, заставляющий достаточно трезвомыслящих людей науки хранить верность модели, явным образом не отвечающей требованиям строгой физической теории? (Теоретикам присуще не только хорошо развитое воображение, но также и искусство уходить от прямых вопросов, крепко зажмуривая глаза).

4.1.4. Анализ парадоксов ТБВ

Автор чувствует необходимость извиниться перед читателем за то, что вовлек его в разгадывание загадок, на которые у него самого нет неопровержимых и бесспорных ответов. Вместе с тем, появление такого их множества свидетельствует, по меньшей мере, о двух вещах. Во-первых, о том, что реальное бытие и эволюция Вселенной неизмеримо сложнее, нежели это представляется современным теоретиком. Во-вторых, о том, что ОТО — идеологический фундамент ТБВ, исходит из ложных посылок, одна из которых состоит в придании пространству свойств материи. Эйнштейн, в частности, утверждал, что пространство, само по себе лишенное «всех механических и кинематических свойств, в то же время определяет механические (и электромагнитные) процессы... Таким образом, общая теория относительности наделяет пространство физическими свойствами»⁸⁸. Эйнштейн особо подчеркнул слово «всех» — прошу читателей запомнить это обстоятельство.

Чтобы понять, что именно подвигло его к принятию в качестве рабочей гипотезы столь нетрадиционного (с точки зрения классической физики) представления о пространстве, следует обратиться к истории критики динамики И. Ньютона. С конца XIX века ряд физиков (Нейман, Ланге, Больцман) высказывали сомнение в справедливости интерпретации 2-го закона Ньютона (закона инерции), данной его автором. Закон этот гласит: сила (F), действующая на тело, равна произведению массы тела (m) на сообщаемое ему ускорение (a): $F = m \times a$. То же самое можно сказать иначе: чтобы придать телу ускорение a , необходимо приложить к нему силу F , способную преодолеть силу инерции, пропорциональную массе m : $a = F / m$. Или, еще короче: любая масса крайне неохотно меняет свое состояние покоя или движения, оказывая сопротивление силе, пытающейся изменить его. По мнению Ньютона, инерция есть *внутреннее* свойство самого тела, не зависящее от внешних условий. Тем не менее, у многих физиков возникал справедливый вопрос: относительно чего измеряется (оценивается) ускорение a ? (Однако, странно, что никто почему-то не задавался другим, более важным вопросом: благодаря чему возникает сопротивление тел изменению своего положения или движения в пространстве?). Ответ Ньютона гласил: относительно инерциальной системы отсчета, которая есть абсолютное пространство, «остающееся всегда *одинаковым и неподвижным*». На что следовало возражение особенно последо-

⁸⁸ Эйнштейн А. СМТ. Т. 1. С. 687–689.

вательного его оппонента Э. Маха: «Об абсолютном пространстве и абсолютном движении никто ничего сказать не может, это чисто абстрактные вещи, которые на опыте обнаружены быть не могут».

Отрицая инерцию как внутренне присущую телу способность сопротивляться воздействию внешней силы, Мах доказывал (вслед за Аристотелем), что противодействовать движению под влиянием одной силы может лишь другая сила. По его мнению, инерциальной системой отсчета, относительно которой отсчитывается ускорение тела, является система неподвижных звезд, удаленных масс Вселенной. Таким образом, по Маху, «материя *там* определяет инерцию *здесь*». Эта идея показалась Эйнштейну настолько плодотворной, что в послании к Маху он заметил: «...инерция возникает в результате взаимодействия между телами, т. е. совсем в духе Вашего рассмотрения ньютоновского эксперимента с ведром»⁸⁹. В чем состоял смысл упомянутого мысленного эксперимента с ведром? Ньютон доказывал, что принимать изогнутую форму, повышающую уровень воды у стенок вращающегося ведра и понижающую — в середине сосуда заставляет внутренняя сила инерции, присущая жидкости. Мах же утверждал, что относительное вращение воды по отношению к стенкам сосуда происходит благодаря относительному ее вращению по отношению к Земле и прочим небесным телам. Развивая эту идею, Мах пришел к заключению, что: а) абсолютные вращения и ускорения системы не наблюдаемы; б) инерционная масса зависит от глобального распределения материи во Вселенной; в) изолированное тело в пустом пространстве не имеет инерции. Иными словами, получалось, что любое тело движется по инерции только благодаря совместным усилиям всех звезд. Поэтому не удивительно, что когда физики спрашивали Маха: что будет, если убрать звезды? — он уходил от ответа. Их вопрос: лишится инерции или нет тело в пространстве, свободном от звезд? — повисал в воздухе.

Тем не менее, Эйнштейн подхватил и развил принцип Маха, придав ему форму принципа эквивалентности инертной и гравитационной масс, давно и хорошо известного физикам со времен опытов Галилея. В его общей теории относительности он формулируется следующим образом: *сила тяжести по своему физическому действию не отличается от равной ей по величине силе инерции*. Что же побудило Эйнштейна провести параллель между опытами Галилея и соображениями Маха? Возможно, аналогия с тем, что гравитационные силы между телами возникают лишь при

⁸⁹ Мизнер Ч., Торн К., Уиллер Дж. Гравитация. Т. 2. С. 194, 1997.

их взаимодействии. Поскольку, согласно закону всемирного тяготения все тела взаимодействуют друг с другом с силой (F), прямо пропорциональной произведению масс (M , m) этих тел и обратно пропорциональной квадрату расстояния (r) между ними: $F = G \times M \times m / r^2$, где G — гравитационная постоянная. Также и в случае с инерцией. Она становится ощутимой (по Маху—Эйнштейну) лишь при взаимодействии тела ... с отдаленными звездами. Предположение, на наш взгляд, довольно смелое, даже экзотическое. Тем более, что до сих пор никто не подтвердил правоту экспериментально, но никто и не опроверг данное утверждение (что, право же, поразительно).

Так или иначе, но в основе неудовлетворенности Эйнштейна механикой Ньютона лежало еще одно, возможно решающее соображение. Именно: специальная теория относительности (СТО). Ньютоновская сила гравитации является *дальнодействующей*: она действует мгновенно на любом расстоянии. Лоренцовы преобразования и СТО запрещают перемещение любых материальных объектов со скоростью, превышающей скорость света. Следовательно, мгновенное воздействие одних тел на другие исключено «по определению». Посему эйнштейнова сила гравитации *близкодействующая*. Таким образом, можно не сомневаться: у Эйнштейна были веские основания к тому, чтобы пересмотреть ключевые постулаты механики Ньютона. Последний не задавался вопросом о механизмах, порождающих силы гравитации и инерции. «Причину этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю, — признавался он и продолжал, — Довольно того, что тяготение на самом деле существует и действует согласно изложенными нами законам»⁹⁰. Не задавались вопросом о происхождении тяготения и инерции, также его оппоненты, включая Эйнштейна.

Но, утверждая, что пространство, не обладая свойствами материальных тел, тем не менее, определяет их физические процессы, Эйнштейн *не дал никакого логического обоснования* своему тезису: «Согласно общей теории относительности, геометрические свойства пространства не самостоятельны: они обусловлены материей»⁹¹. Он принимал это положение в силу: а) ограниченности скорости распространения или передачи любых физических тел или полей скоростью света; б) требования Маха считать пространство Вселенной неевклидовым, т. е. замкнутым. Каким же «материальным» свойством должно было обладать пространство по мысли

⁹⁰ Льюиси М. История физики. С. 129. М., 1977.

⁹¹ Эйнштейн А. С. Н. Т. Т. 1. С. 587.

Эйнштейна, чтобы передавать взаимные сообщения двух небесных тел, вступающих друг с другом в гравитационный контакт? Очевидно, в первую очередь, упругостью — свойством ключевым для ОТО.

Между тем упругость есть способность материальных тел изменять свое положение и конфигурацию под воздействием других материальных субстанций. Спрашивается: чем и как может воздействовать на физическое тело то, что не имеет никаких физических свойств — по признанию самого Эйнштейна (см. первый абзац данного раздела)? И наоборот: каким образом физическое тело может влиять на то, что не обладает ни одним из свойств, позволяющих этому бестелесному «общаться» с чем бы то ни было? Единственный логически оправданный ответ: ничем и никак! Мы (равно как и любое физическое тело) реагируем на посылаемые нам сигналы с помощью материальных посредников: акустических волн, фотонов электромагнитного излучения, гравитонов — посредников гравитационных взаимодействий. Пространство для них есть не «живая» (материальная) субстанция, а нечто абстрактное, эфемерное, не имеющее собственного лица и в силу этого *нечто универсальное* и одинаковое ДЛЯ ВСЕХ материальных объектов. Оно есть не реализуемая материей действительность, а потенция, предоставляемая ей возможность для ее объектов и сил проявлять себя в движении.

Эйнштейн как будто соглашался с этим суждением, заявляя, что «как электромагнитное, так и гравитационное поле...можно понимать как проявление кривизны пространства — времени»⁹². Но элементарно простой эксперимент с шариками, подобными тем, с которыми экспериментировал Ш. Кулон, покажет нам, что пространство практически не почувствует их тяжести, когда они электрически нейтральны. Однако стоит зарядить их разноименными зарядами, как пространство под ними *как бы* немедленно просядет, сталкивая их друг с другом. Или, напротив, *как бы* вспучится, если придать им одноименные заряды. Таким образом, эксперимент покажет, что пространство якобы знает с кем, или с чем имеет дело. Окажется, что оно не обращает внимания на массу шариков, но очень чувствительно к знаку их зарядов. Спрашивается (**вопрос № 8**): откуда у него — «слепого и глухого, немного и невесомого» такая необыкновенно тонкая и избирательная рефлексия? Сомнительно, что мы получим сколько-нибудь правдоподобный ответ.

Упругость есть проявление способности материальных частиц перемещаться друг относительно друга под влиянием прилагаемых к ним сил

⁹² Тейлор Э., Уиллер Дж. Физика пространства — времени. С. 247. М., 1971.

взаимодействия. Утверждать, что пространство также обладает упругостью (физическим качеством), значит уподоблять его материи. Но тогда возникает **вопрос № 9**: какие именно частицы пространства перемещаются друг относительно друга, *что они собой представляют и в чем перемещаются* — ведь не в самом же себе? Иначе говоря, гипотеза об искривлении пространства требует признания наличия еще одного дополнительного пространства «высшего порядка», вмещающего в себя «наше» или «первичное» пространство. Но это второе пространство также, в свою очередь, потребует признания третьего, еще более высокого уровня пространства. И так далее до бесконечности, что абсурдно. Наконец, отметим еще один довод против идеи искривленности пространства. Первый закон Ньютона в современной формулировке гласит: «Существуют такие системы отсчёта, называемые инерциальными, относительно которых материальные точки, когда на них не действуют никакие силы (или действуют силы взаимно уравновешенные), находятся в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения». Согласно этой трактовке закона инерции поток фотонов, испущенных источником из какой-либо точки пространства, обязан двигаться равномерно и прямолинейно до тех пор, пока на него не подействует какая-либо внешняя сила. Что означало бы искривление траектории света в отсутствии в данном объеме пространства каких-либо материальных объектов? Только то, что на него извне воздействует ... пространство, лишенное, как утверждает Эйнштейн, «**всех** механических и кинематических свойств». А это уже чистейшая мистика, по своей фантастичности превосходящая библейские мифы о днях творения. (Оставим на совести геометров и их воображения попытки приписать пространству свойства искривленности или многомерности: чем бы дитя...).

К тому же Мах подготовил для Эйнштейна еще одно возражение Нютону: требование, чтобы Вселенная была пространственно замкнута. Что резонно, коль скоро отрицается, что оно абсолютно и евклидово. Эйнштейн подтвердил принятие им этой установки Маха в следующих словах: «...общая теория относительности может решить эту проблему (инерции) удовлетворительно, только если мир в ней считается пространственно замкнутым»⁹³. Последний мазок в панораме ОТО помог Эйнштейну нанести Б. Риман со своей геометрией, позволявшей настаивать на самозамкнутости пространства. А создание Г. Риччи-Курбастро и его учеником Т. Леви-Чивита тензорного исчисления оказалось вполне подходящим аналитическим аппа-

⁹³ Мизнер Ч., Торн К., Уиллер Дж. Гравитация. Т. 2. С. 192, 1997.

ратом для численных расчетов в рамках ОТО. Эйнштейн сделал максимум возможного для физики своего времени. Он способствовал преодолению того кризиса, который назрел с открытием ранее загадочного мира атомов и переосмыслением наследия Ньютона. И вот здесь, в этот переломный момент возник величайший парадокс современного естествознания.

К настоящему времени (2017 г.) определились две группы экспериментальных данных и теоретических моделей, одна из которых подтверждает справедливость ОТО, другая не согласуется или прямо противоречит ей. К первой группе относят эффекты: — а) гравитационного отклонения света; — б) связанные с ускорением систем отсчёта; — в) прецессий орбит планет Солнечной системы, а также г) явление, известное как черная дыра. Следует заметить, правда, что черные дыры были предсказаны намного раньше Дж. Мичеллом (1784 г.), и П.-С. Лапласом (1796 г.), исходя из теории тяготения Ньютона! Во вторую группу входят проблемы: — а) сохранения энергии; — б) причинно-следственных связей; — г) сингулярности; д) противоречий с квантовой физикой. Из-за постулируемой в ОТО неоднородности времени закон сохранения в ней *не имеет силы* и может быть выражен только локально, в ограниченном пространственно-временном континууме. Кстати, данное обстоятельство приводит к тому, что ОТО *противоречит* СТО (!), в которой требование сохранения энергии выполняется. Многие физики считают это существенным недостатком ОТО. Далее, в силу неевклидовости пространства уравнения ОТО допускают существование замкнутых времениподобных линий, что *нарушает принцип причинности*, который сам Эйнштейн отстаивал всю свою жизнь (!). Что касается противоречий, связанных с сингулярностью, то о них говорилось выше.

Наконец, возможно самая большая проблема ОТО заключается в том, что ее представления о пространстве и времени являются существенно макроскопическими и не могут быть описаны с точки зрения квантовой механики (физики элементарных частиц — ФЭЧ). Откуда следует невозможность построения для неё квантово-полевой модели каноническим образом. Главным достижением современной квантовой механики является построение Стандартной модели (СМ) физики элементарных частиц. За последние пару десятков лет её предсказания были многократно перепроверены в тысячах экспериментов. Поэтому в настоящее время она — *единственная* физическая теория, адекватно и непротиворечиво описывающая устройство нашего мира вплоть до расстояний порядка 10^{-18} м. Однако все многочисленные попытки «согласовать» ее с ОТО до сих пор признавались неудачными. Этих попыток было предпринято такое мно-

жество, что все новые теории гравитации, отличные от «старой», объединили в группу альтернативных теорий, насчитывающую до 100 (!) модификаций ОТО, что, право, нельзя не признать перебором. Их разбивают на следующие основные классы:

1. Метрические теории. Сюда относятся релятивистская теория гравитации (РТГ) Логунова, и другие.
2. Неметрические теории наподобие теории Эйнштейна—Картана.
3. Векторные теории.
4. Скалярно-тензорные теории.
5. Теории, альтернативные классической теории Ньютона.
6. Теории квантовой гравитации, представленные целой серией разновидностей.
7. Теории объединения различных физических взаимодействий, подобных теории струн и теории супергравитации.

И ни одна из них не получила экспериментальное подтверждение! Между тем, как нет ни одного эксперимента, который противоречил бы СМ. Спрашивается, в чем причина столь разительного различия между СМ и ОТО: первая подтверждается всегда, вторая находит поддержку у трех групп экспериментов (см. выше), однако противоречит закону сохранения энергии и принципу причинности, а также требует сингулярности и категорически не согласуется с закономерностями мира элементарных частиц. Любой другой теории хватило бы одного из этих «возражений». ОТО пока еще держит удары. Но обилие неудач теоретиков, пытающихся подправить модель, наводит на мысль, что дело не столько в недостатке их квалификации, сколько в ошибочности в целом их подхода к решению проблемы — исходной идеи, лежащей в ее основе. В свое время П. Дирак в своей книге «Воспоминания о необычайной эпохе» писал: «Я не исключаю возможности, что, в конце концов, может оказаться правильной точка зрения Эйнштейна, потому что современный этап развития квантовой теории нельзя рассматривать как окончательный. ... Современная квантовая механика — величайшее достижение, но вряд ли она будет существовать вечно. Мне кажется весьма вероятным, что когда-нибудь в будущем появится улучшенная квантовая механика, в которой мы вернемся к причинности, и которая оправдает точку зрения Эйнштейна. Но такой возврат к причинности может стать возможен лишь ценой отказа от какой-нибудь другой фундаментальной идеи, которую сейчас мы безоговорочно принимаем. Если мы собираемся возродить причинность, то нам придется заплатить за это, и сейчас мы можем лишь гадать, какая идея должна быть принесена в жертву». В свете того, что сегодня известно о СМ и ОТО,

представляется, что неправ был как раз Дирак, и жертвовать следует идеей Маха, вдохновившей Эйнштейна на создание ОТО.

А вышеупомянутый парадокс состоит, на наш взгляд, в том, что СТО и ОТО создавались в 1900–1916 гг., то есть задолго (по нашим — относительным — временным меркам) до оформления квантовой механики как законченной теории (1927–1928 гг.). Прорыв Эйнштейна был впечатляющий, но он не подозревал о существовании спина, открытого и получившего окончательное признание спустя более, чем 10 лет *после* завершения им ОТО. Не исключено (но все же, маловероятно), что если бы наоборот — он работал над ОТО *вслед за* обнаружением у элементарных частиц этой характеристики, он отказался бы от экзотической подсказки Маха. Поскольку значительно более логична и естественна идея тождественности инертной и гравитационной масс, вытекающая из природы элементарных частиц, а не наличия мистических звезд «там, за горизонтом».

Что такое спин? По определению это собственный момент импульса (L) элементарных частиц, характеризующий количество вращательного движения: $L = [\mathbf{r} \times \mathbf{p}]$, где \mathbf{r} — радиус-вектор частицы, \mathbf{p} — импульс частицы (жирным шрифтом показаны векторные величины). В пределе, для твердого тела с актуально бесконечным множеством элементарных частиц его спин может быть записан как *скалярная* (в силу разнонаправленности векторов спинов частиц) сумма: $L = \int \mathbf{r} \times d\mathbf{p}$. Вектор спина является единственной величиной, характеризующей ориентацию одной частицы в квантовой механике. Таким образом, спин характеризует количество ее вращательного движения. Им обладают все без исключения элементарные частицы. Он отражает удивительное их свойство, присущее волчку: они ведут себя так, *будто* вращаются вокруг своей оси, подобно миниатюрным волчкам или гироскопам. Спин задает ориентацию частицы, точно также, как ось волчка определяет волчку выделенное направление. При этом он не связан с перемещением частицы как целого. И энергично сопротивляется попыткам внешней силы сдвинуть его так же, как это делает волчок, если толкать его в сторону. Правда, представить себе, что именно вращается в элементарной частице, например, в том же электроне, нельзя: у электрона нет структуры. Так же и у спина нет наглядного представления, он есть сугубо квантовое явление. Как и все квантовые характеристики, он может принимать только строго определенные значения. Спин принято измерять в долях постоянной Планка, и минимальное возможное его значение соответствует $\frac{1}{2}$ постоянной Планка. Но каково *основное* свойство микрогироскопа-волчка-спина? Способность помнить и устойчиво («упрямо») сохранять свою ориентацию в пространстве — то есть *быть инерционным*.

Что это означает? Коль скоро спином «награждены» все элементарные частицы, как массивные, так и безмассовые (не имеющие массы покоя), то гравитационная (m_g) и инертная (m_i) массы тел (определенные как суммы их элементарных частиц) должны строго совпадать друг с другом: $m_g = m_i$. Ибо масса, как та, так и другая, есть численное выражение *количества* материи, содержащейся в данном физическом объекте, в конечном счете — элементарных частиц, обладающих строго определенными свойствами. Причем, суммарная m_g характеризует свойство тел притягивать другие тела, обладающие своим m_g , а суммарная m_i характеризует свойство тел сопротивляться влиянию на них других тел, обладающих той же m_i . Именно это обстоятельство физически и самым естественным образом объясняет принцип эквивалентности, который послужил Эйнштейну путевой звездой к созданию ОТО. Следовательно, становятся излишними и отпадают все Маховы ухищрения в попытках интерпретировать инерцию, как предельно искусственную реакцию объекта, находящегося здесь, «на звезды там». А Ньютон оказывается прав в этом многовековом споре о природе инерции. (Его интуиция в данном случае не может не вызывать изумления). Впрочем, если бы Эйнштейн и ведал о существовании спина, он едва ли отказался бы от своей (Маховой) интерпретации гравитации: ведь он так и не принял квантовую механику в принципе.

К тому же он не мог знать об эксперименте, доказавшем, что пространство мира не дискретно, а непрерывно. Эксперименте, доказавшем существование глухой стены между дискретной материей и непрерывным пространством-временем: они принципиально разные сущности — одно ВСЕ, другое НИЧТО. Пространство-время (НИЧТО) есть лишь сцена, на которой материя (ВСЕ) разыгрывает свои спектакли. И ничего более. Материя нуждается в пространстве лишь для того, чтобы иметь возможность реализовывать *возможность* своего существования посредством движения. Пространство-время предоставляет ей эту возможность, тем самым обозначая и свое присутствие в этом мире. И именно потому, что пространство есть великое НИЧТО, оно не оказывает никакого сопротивления ни одному из родов движения материи, позволяя ей строго придерживаться закона сохранения энергии на больших масштабах. И Природа это вечный двигатель как раз благодаря тому, что ей не приходится преодолевать сопротивление пространства-времени, сохраняя энергию⁹⁴ «при себе»

⁹⁴ Энергия (равно как и энтропия) представляет собой нечто, позволяющее (принуждающее, стимулирующее) взаимодействовать материальным объектам друг с другом в различных «внутренних» процессах, связанных со временем, но не с «внешним» пространством.

не растроченной ни на йоту. Коротко говоря, развитие экспериментальной базы физики подтвердило, что правы были и Ньютон и Демокрит с его утверждением: «Начала Вселенной — атомы и пустота, все же остальное существует лишь в мнении». Ложным же мнением оказались воззрения Маха с Эйнштейном на природу пространства и принцип эквивалентности гравитационной и инертной масс. Таким образом, опередив свое время, Эйнштейн невольно способствовал тому, что сам того не желая непроизвольно завел небесную механику в дебри ТБВ, придав ей статус последнего великого заблуждения классической физики. Но ее же непреходящее значение состоит в том, что ошибка ее творца породила необычайно острый интерес у всех, кого волнуют высокие проблемы бытия, стимулируя изучение далеких звездных миров — нашу будущую обитель.

Так как непредубежденный взгляд на ТБВ порождает ощущение, что из нее прямо таки выпирает неподобающе, избыточно много несуразностей и чтобы рассеять одолевавшие сомнения в ее приемлемости как эффективного инструмента познания, я обратился к нескольким специалистам в области космологии и астрофизики. В том числе, к одному из соавторов теории инфляционной фазы раздувания Вселенной — к А. Линде в один из его очередных визитов в Москву. Он дал ответ стандартный для всех мною опрашиваемых. И сводился к тому, что коль скоро математический аппарат теории допускает экзотику, то с ней приходится соглашаться. На мой вопрос: как в таком случае быть с логикой, Линде пожал плечами, заметив, что больше доверяет математике, нежели логике. На что я (про себя) заметил, что если признанная уважаемой физической теорией допускает рождение ВСЕГО (*материи, пространства, времени*) из НИЧЕГО, то отчего мы удивляемся вере миллионов обывателей в то, что молитва может остановить Солнце? Если признаются допустимыми фантастические измышления о мистических превращениях Вселенной в фазе инфляции, то что странного в том, что миллионы верят, будто некто мог ходить «по воде, аки посуху»?

Одни убеждены во всемогущем «творце», создавшем мир, другие — во всемогущей математике, правящей миром. Геометрия допускает существование 11- и даже 12-мерного пространства. Природа не возражает (если теоретики не видят другого выхода), но, усмехаясь, стоит на своем, на 3-мерном. Алгебра оперирует рожденными в головах математиков иррациональными и мнимыми числами. Природа соглашается: если эти фан-

Она подобна азарту фигуристики, выписывающей замысловатые фигуры на абсолютно скользком льду, энтузиазм которой иссякает по мере накопления у нее усталости.

томы помогают вам понять меня, то «бог в помощь». Но если вы настаиваете на правдоподобии рождения и смерти того, что не существует как физическая (материальная) данность, долго тешить себя иллюзиями вам не удастся, — говорит она. Ибо количество вопросов, порождаемых ТБВ, обращающейся с логикой, пространством и временем (а заодно с материей), как с мертвым львом, нарастает экспоненциально, по мере углубления в проблемы существования Вселенной. Обсуждению вопроса: что принуждает цвет человечества — блестяще образованных, глубоко и критически мыслящих ученых оставаться приверженными совершенно бесплодной, в конечном счете, модели, посвящен следующий раздел.

4.1.5. Альтернативный подход

Прежде, чем искать более приемлемый, альтернативный вариант сценария эволюции Вселенной, необходимо коснуться еще одной сущности, играющей в ней решающую роль, наряду с пространством. Я имею в виду время. Поражает та легкость, с которой, говоря о времени, указывают на его относительность. У каждого свои часы, у каждого свое время, — доказывает Эйнштейн. При этом чаще всего ссылаются на гипотетических братьев-близнецов, один из которых побывал в космосе, другой не утруждал себя путешествиями и т. д. Что не удивительно для периода, когда он работал над СТО и ОТО. В то время он, как и все астрономы, был убежден в статичности космоса, неподвижности системы звезд. Собственно говоря, этой же верой руководствовался его идейный вдохновитель Мах, рассуждая о причине происхождения инерции. Эйнштейн еще не подозревал, что А. Фридман, исходя из уравнений ОТО, предскажет «начало» Вселенной. А наблюдения за далекими звездными объектами позволят Э. Хабблу высказать гипотезу о ее расширении с найденной им скоростью.

Однако как только утвердилось (мнимое) представление о сингулярности как начале бытия Вселенной, все возражения против понятия абсолютного времени должны были быть *отвергнуты*. Ведь временная шкала с начальным нулевым значением и равномерно простирающаяся до настоящего момента и есть универсальная, общая для всех материальных объектов Вселенной как целостной системы, хронология. Единый и абсолютный хронометр. Следовательно, оказывается, что относительность времени — понятие относительное (прошу прощения за неизбежную, в данном случае, тавтологию), если иметь в виду локальные часы — материальные объекты. Но когда мы говорим, что такое-то государство существует тысячу лет, а такому-то господину всего пятьдесят, мы не требуем,

чтобы время у государства отмерялось по одним часам, у господина — по другим. Вместе с тем тот факт, что срок жизни мотылька ограничен несколькими днями, а черепахи — десятками лет, означает лишь то, что «субъективное время», фиксируемое их «собственными» часами, действительно относительно. Но также верно и то, что помимо этого «субъективного» существует и объективное, не зависящее от них время. И с братьями-близнецами та же история. Брат, который в ракете разогнался до скорости, близкой к скорости света, получил в процессе мощнейшего *ускорения* гигантский заряд энергии, достаточный для того, чтобы замедлить процесс старения организма. А с ним и бег его «субъективных» (материальных) часов. Но это событие никак не сказалось на «объективных» часах Вселенной — абсолютном хронометре. И, следовательно, Ньютон прав не только в отношении пространства, но и в отношении времени. Спрашивается, изменилось ли мнение Эйнштейна об относительности времени в связи с открытием «даты рождения» Вселенной и установлением ее «возраста» — этой абсолютной шкалы мирового времени? Ничуть. Что не удивительно. В создание СТО и ОТО он вложил столько сил, что радикальная перемена взглядов (фактически, отказ от них), была бы для него равнозначна крушению с таким трудом выстроенных и выстраданных пирамид теорий, измене самому себе.

Тем более, что экспериментальная проверка предсказаний ОТО до сих пор не выявила никаких отклонений, ставящих под сомнения ее математический аппарат. Эффекты гравитационного линзирования, смещения перигелия планет (Меркурия), запаздывание сигнала в поле тяготения Солнца, изменение частоты сигнала (красное смещение) в сильном гравитационном поле — все подтверждает справедливость уравнений ОТО. Как понимать сей факт? Историк науки не удивится этому кажущемуся парадоксу и сошлется на многочисленные примеры подобного рода, упомянув электромагнитную теорию Дж. Максвелла, гипотезу теплорода С. Карно, волновую теорию О. Френеля и т. д. Лоренцовы преобразования, составившие математическую основу специальной теории относительности (СТО), были сформулированы задолго до создания самой теории. И сам Х. Лоренц отнюдь не вкладывал в них тот смысл, которым позже наделил его Эйнштейн. Иначе говоря, в науке часто бывает так, что формулы существуют своей жизнью, тогда как их толкования — своей, специфической жизнью. И, в конечном счете, та их интерпретация принимается за истинную, которая предлагается научному сообществу более убедительным или красноречивым образом. По-видимому, сходная ситуация имеет место и в отношении ОТО. Тензорное исчисление, созданное Риччи-

Курбастро и Леви-Чивитой, оказалось настолько успешным инструментом математических операций, осуществляемых в ее рамках, что возобладала ложное, на наш взгляд, мнение Эйнштейна о пространстве и времени. Однако, экспериментально доказанная непрерывность и евклидовость пространства опровергают его представление об этих фундаментальных основах всеобщего бытия. (Большие заблуждения в наук подчас плодотворней маленьких истин — ОТО пробудила такой интерес к космологии, что она за считанные годы превратилась во вполне самостоятельную, полноценную науку с солидной экспериментальной базой).

Вместе с тем, существует и другая непроверяемая данность: ограниченность жизни звезд. Их «смертность», фактически, накладывает жесткое ограничение и на длительность существования Вселенной в том виде, в котором мы наблюдаем ее сегодня. Получается парадокс: материя «смертна», пространство-время «бессмертно». Возникает вопрос: каким образом можно разрешить трудности, которые безуспешно пытается отменить ТБВ? Как примирить ограниченность объема, занимаемого Вселенной и неограниченность евклидова пространства? Как согласовать ограниченность ее «возраста» и отсутствия механизма, способного «включать» или «выключать» то, что не существует материально в каком бы то ни было виде?

Удивительно, но почти в той же формулировке его ставил перед космологией своего времени И. Кант. Он выделил четыре важнейших на его взгляд проблемы, стоящие перед разумом: «Имеет ли мир начало во времени и какую-либо границу своего протяжения в пространстве; существует ли где-нибудь, быть может в моем мыслящем Я, неделимое и неразрушимое единство, или же все делимо и преходяще; свободен ли я своих поступках, или же я, подобно другим существам, управляем природой и судьбой; наконец, существует ли высшая причина мира, или нет»⁹⁵. Всесторонне рассмотрев эти антиномии, Кант пришел к выводу, что на каждый из поставленных вопросов разум вправе дать как положительный, так и отрицательный ответ.

Тем самым, Кант подчеркнул, что отмеченные антиномии неразрешимы в силу принципиальной непознаваемости вещей «самих по себе», поскольку мы судим о них, полагаясь лишь на наши представления о них, не имея возможности адекватно оценивать степень достоверности этих последних. Это положение он выразил в следующих словах: «Антиномия чистого разума в его космологических идеях устраняется указанием на то, что она чисто диалектическая антиномия и представляет собой противоречие,

⁹⁵ Кант И. Критика чистого разума. С. 292. М., 1994.

обусловленное видимостью, которая возникает из-за того, что идею абсолютной целокупности, имеющую силу только как условие вещей в себе, мы применяем к явлениям, которые существуют только в представлении»⁹⁶.

Тем не менее, подобное снятие антиномий можно рассматривать как лишь констатацию видимого (поверхностному взгляду) факта всеобщей «расходимости» вещей. Принцип же дополнительности устраняет противоречия не простым признанием двойственности всего сущего, но указанием на то, что эта двойственность отражает наличие двух разных, но абсолютно взаимозависимых ликов мира, необходимых для его полноценного существования. В данном случае двойственность проявляется в существовании двух родов *взаимодополняющих* Вселенных. Одна — *неизменная* бесконечно протяженная в абсолютном пространстве и времени Большая Вселенная Парменида, и другие — множество составляющих ее *переменных*, пространственно и хронологически ограниченных Малых Вселенных Гераклита.

Первый шаг к такому представлению сделал К. Шарлье в 1908–1922 гг., предложив свою космологическую модель для объяснения фотометрического и гравитационного парадоксов. Согласно его *фрактальной* модели Вселенная бесконечна во времени и пространстве, но устроена иерархически. Принимая во внимание известные к настоящему времени наблюдательные данные, их можно интерпретировать следующим образом: Большая Вселенная представляет собой *истинно* бесконечную совокупность *виртуально* бесконечных Малых Вселенных, в свою очередь состоящих из сверхскоплений, скоплений и отдельных галактик, образующихся из звезд, газа и пыли. Так как Вселенная Шарлье представляла собой стационарное образование, то с открытием Э. Хаббла и появлением ОТО А. Эйнштейна его модель перестала вызывать интерес у космологов.

На наш взгляд, неоправданно поспешно. Так как непреодолимые внутренние противоречия ТБВ делают ее вновь актуальной, если признать, что Большая Вселенная *стационарна*, а Малые Вселенные, включая нашу видимую, *не стационарны*. Тем самым отпадают совершенно надуманные, физически необоснованные и бессмысленные проблемы рождения и гибели, абсолютности и относительности Пространства, Времени и Материи. Ибо они «принадлежат» *бесконечной* и *вечной* Большой Вселенной. Тогда как для Малых Вселенных время их жизни и занимаемые ими объемы пространства действительно переменны и ограничены, но лишь в рамках Большой Вселенной. Ибо Малые Вселенные удовлетворяют принципу *цик-*

⁹⁶ Кант И. Критика чистого разума. С. М., 314.

личности, согласно которому все рожденное рано, или поздно умирает с тем, чтобы возродиться вновь. Но они не рождаются из НИЧЕГО и не исчезают в НИЧТО, а запускают или отключают свои индивидуальные часы на своих локальных участках большого Космоса в рамках его абсолютных Пространства—Времени—Материи. (Природа парадоксальна по своей сути: чтобы существовать вечно, она должна как меняться, так и не меняться: такова логика ее бытия). Коротко говоря, можно думать, что единственный приемлемый выход из тупика затруднений, в котором оказалась современная космология, указывает принцип дополнительности между двумя, казалось бы, несовместимыми суждениями о фундаментальных основах Природы. Для физических объектов он может быть сформулирован следующим образом: ***пространство, время и материя абсолютны и относительно в равной мере и одновременно***. Иначе говоря, ключевое противоречие, смущающее наши представления о столпах Мироздания, снимается (разрешается) признанием существования двух родов Вселенных. При этом принципиальное отличие материи от пространства-времени, по-видимому, состоит в том, что первая дискретна и, в силу этого, способна трансформироваться, второе непрерывно и неизменно.

Приводимые нами доводы недавно (2012 г.) получили поддержку у физиков из Канады и Великобритании. N. Turok, S. Gielen и R. Caldwell⁹⁷ создали и успешно развивают теорию Большого Отскока, не содержащую абсурдное понятие сингулярности. Они утверждают, что сжатие и расширение (Малой) Вселенной можно сравнить с хорошо известным явлением, именуемым квантово-механическим туннелированием. Что же касается якобы возрастающей энтропии Малых Вселенных, препятствующей неограниченному повтору циклов сжатия-расширения, то от себя добавлю, что расчеты показывают: никакого возрастания энтропии Малых Вселенных быть не может в том числе, в силу необратимости стрелы времени.

4.2. Доказательство математическое

В связи с множеством очевидных свидетельств несостоятельности ТБВ уместно вернуться к вопросу о том, что побуждает ее адептов продолжать оказывать ей доверие. На наш взгляд, тому есть два объяснения: субъективное (психологическое) и объективное (фетишизация математи-

⁹⁷ Grossman L. Our universe could be reborn as a bouncing baby cosmos // *Physical Review Letters*, DOI:10.1103/PhysRevLett.117/021311.

ки). В глазах теоретиков ее авторитет непререкаем. Она — всемогущий бог, которому всецело (чуть ли не слепо) доверяют. Вместе с тем это бог довольно странен. С одной стороны его прерогативы весьма скромны. Р. Декарт, который дал одно из первых его определений, утверждал: «К области математики относятся только те науки, в которых рассматривается либо порядок, либо мера и совершенно несущественно, будут ли это числа, фигуры, звезды, звуки или что-нибудь другое, в чем отыскивается эта мера». Столь же скуп в оценке ее достоинств Бурбаки, для которого она есть лишь «набор абстрактных форм — математических структур». С ним солидарен А. Колмогоров, признающий, что математика это «наука о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира». Так что если они рассматривают ее как сухой, педантичный анализ количественных соотношений и пространственных форм, то с ними категорически не согласен Г. Вейль. По его мнению, математика «может признаваться одним из проявлений творческой деятельности человека, подобно музицированию или литературному творчеству, ярким и самобытным». Его точку зрения разделяет Р. Курант. Во введении к своей книге (совместной с Г. Роббинсом) «Что такое математика?» он замечает: «Математика содержит в себе черты *волевой деятельности, умозрительного рассуждения и стремления к эстетическому совершенству* (выделено мной)⁹⁸. Так или иначе, наши претензии адресованы не к ней как таковой, а к тем, кто без всяких на то оснований переоценивает ее эвристический потенциал. Наш скепсис подкрепляется несколькими соображениями.

Во-первых, математика есть нечто искусственное (в высоком смысле), не имеющее аналогов в природе, творение нашего разума, никоим образом не существующее вне нашего сознания само по себе, подобно Солнцу или Луне, слону или муравью. Тем не менее, оно не субъективно и не потворствует нашим капризам, но объективно в том смысле, что помогает нам систематизировать и мысленно воспроизводить в самом общем виде отношения, свойственные всем без исключения природным объектам. Иначе говоря, математика представляет собой свободное творчество, с одной стороны и строгая наука — с другой. Она — результат глубокого проникновения разума в тайны мироздания, обобщающего тот или иной опыт наблюдений за природными явлениями и объектами, а также их взаимными связями. Но об этих связях она говорит на изобретенном ею (нами) символическом языке, неведомом природе. Последняя

⁹⁸ Здесь и далее — Р. Курант, Роббинс Г. Что такое математика. С. 20–25. М., 2000.

не имеет понятий о числе π , десятичном или натуральном логарифме, корне квадратном или степени числа. В ней нет ни простых, ни десятичных дробей, как нет и иррациональных чисел (открытие последних приписывают пифагорейцу Гиппасу из Метапонта, пострадавшему от рук коллег «за создание понятия, противоречащего доктрине, что все элемента вселенной могут быть сведены к целым числам и их отношениям»). Вводя отвлеченный символ i , означающий, что $i^2 = -1$, признают, что эта мнимая единица не имеет ничего общего с числом, как орудием счета. Ее ценность зависит исключительно от того, будет или не будет достигнут в результате ее введения полезный результат в виде решения какой-либо математической проблемы.

«Бог создал натуральные числа, все прочее — творение человека», — настаивает Л. Кронекер. А Курант, солидаризируясь с ним, подчеркивает: «Математические утверждения, в которые входят эти термины, относятся вовсе не к физической реальности; они лишь устанавливают взаимосвязи между математически «неопределимыми объектами» и правила оперирования с ними. Вопрос о том, чем «на самом деле» являются точки, прямые и числа, не может и не должна обсуждать математическая наука... Ясное осознание необходимости отказа от представления об основных математических понятиях как о реально существующих предметах явилось одним из самых важных и плодотворных завоеваний современного аксиоматического развития математики». Иными словами математика есть игра нашего воображения, улавливающего принципы и закономерности взаимодействия материальных объектов в самом абстрактном и общем виде. Идеи упорядочивают хаос материи. Математика стремится угадать их. Электронам и фотонам неведомы дифференциальные и интегральные уравнения, но они с легкостью, недоступной человеческому разуму, мгновенно решают самые трудные, на наш взгляд, задачи.

Во-вторых, математике по силам обобщать лишь простейшие (наиболее элементарные) связи между материальными объектами, которым предписаны строго детерминированные индивидуальные или групповые (статистические) закономерности откликов на те, или иные воздействия на них. Сколь сложны и громоздки не были бы формулы, оценивающие взаимодействия тех или иных объектов в тех или иных условиях, эти объекты представляют собой либо элементарные частицы, либо атомы или, в лучшем случае, неорганические молекулы. Лишь только они, усложняясь, приобретают минимальную свободу «выбора», их поведение становится менее предсказуемым или вовсе недетерминированным и, следовательно, ускользают из под опеки математики. То же самое происходит, когда нас

интересует проблема описания некоторого относительно малого числа независимых объектов. Не имеет даже приближенного решения уже простейшая на вид астрономическая задача трёх тел, состоящая, например, в определении относительного движения Солнца, Земли и Луны. (Известно лишь пять точных решений для специальных начальных скоростей и координат объектов).

Между тем, математика для физика все равно, что для верующего его бог. (Но математика создает в голове теоретика видимость существенно более близкую к реальности, нежели вера для религиозного индивида). При том, математика есть и бог и язык одновременно, с помощью которого теоретик может «общаться» с материальными объектами природы, выведывая ее тайны. Однако теоретик подчас слепо доверяет своему идолу, забывая, что далеко не все, что позволяет математика, допускает и природа. Правда, с другой стороны, все, против чего возражает математика, не разрешает себе и природа. (Математика легко оперирует «стрелой времени», направляя ее, то в прошлое, то в будущее, тогда как природа запрещает столь «легкомысленно» обращаться с нею). В этой объективной фильтрации рождающихся в головах теоретиков физических моделей и состоит безусловная познавательная сила математики. Но теоретики забывают, что есть вещи сильнее, чем бог для верующих и математика для атеистов. Например — логика.

В-третьих, коль скоро число — основное понятие математики, последняя, по определению, имеет дело с дискретными понятиями. А поскольку это обстоятельство было осознано более 2,5 тысяч лет назад, то столько же времени математиков и философов донимали проблемы описания пространства и времени, движения и бесконечности, *исчисляемыми* средствами. Особенно отчетливо связанные с этим трудности сформулировал Зенон Элейский в таких известных апориях как «Ахиллес и черепаха», «Дихотомия» и «Летящая стрела». Мотивом для его чрезвычайно эпатажных заявлений послужило желание аргументировать учение своего учителя Парменида о том, что космос един, неразделен, неизменен и вечен. Возражая Гераклиту, Парменид утверждал, что у космоса нет ни прошлого, ни будущего, ни рождения, ни смерти. И познание его возможно лишь разумом, поскольку чувственная картина мира, включающая наблюдаемые движения, обманчива и противоречива. Принципиально важно, что Зенон (как и Парменид и вся вообще школа элеатов), вовсе не отрицал реальность мира вообще и движения как такового, в частности, (как на то намекал возражавший ему Антисфен, принявшись демонстративно расхаживать перед ним). Он лишь указывал на неразрешимые про-

тиворечия логического обоснования этих понятий средствами математики, оперирующей числами — дискретными сущностями. И доказывал Зенон это настолько убедительно, что с их опровержениями не справляются до сих пор.

Причины затруднений можно видеть на примере критики его апорий, которым Аристотель посвятил детальный и всесторонний анализ в своей «Физике»⁹⁹. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению самих апорий, он разбирает понятия «пространство» и «время», осознавая, что без достижения предельной ясности в этих вопросах, невозможно уловить суть ошибок в рассуждениях Зенона о движении¹⁰⁰. Итак, что есть пространство по Аристотелю? Прежде всего, он отрицает его тождество с материей (на чем настаивал Платон), исходя из того, что «форма и материя неотделимы от предмета, а для места (пространства) это допустимо»¹⁰¹. Далее он подразделяет пространство на две сущности — на самое себя как таковое и на *место*. Посвятив определению места многочисленные путанные и туманные рассуждения, Аристотель заключает: «Место кажется чем-то особенным и трудным для понимания от того, что имеет видимость материи и формы, и от того, что в находящемся в покое объемлющем теле (пространстве? — Г. Г.) происходит перемещение движущегося тела». Иначе говоря, место не есть «ни форма, ни материя, ни какое-то протяжение, а есть «*граница* объемлющего тела (пространства? — Г. Г.), поскольку оно соприкасается с объемлемым». Возможно осознавая, что данному определению не хватает убедительности, он добавляет: «Таким образом, первая неподвижная граница объемлющего тела — это и есть место... Кроме того, место существует вместе с предметом, так как границы существуют вместе с тем, что они ограничивают». Из сказанного следует, что место, по Аристотелю, это лишь нематериальная *граница* материального тела и ничего более. Странно, что не только создателя логики, но и его последователей, комментаторов и критиков удовлетворило столь невразумительное толкование дефиниции «места», полной очевидных внутренних противоречий.

Так как, по мнению Аристотеля, место и пространство тесно связаны, мир вещей и пространство мира должны иметь *пределы* (Эйнштейн при-

⁹⁹ Аристотель. Сочинения. Физика.

¹⁰⁰ При этом Стагирит вскользь замечает, что до него никто не занимался ими и не пытался разрешить трудностей, связанных с ними.

¹⁰¹ Аристотель не может удержаться от того, чтобы лишний раз не задать мысленный — каверзный — вопрос учителю: «... почему идеи и числа не находятся в каком-нибудь месте, раз место «сопричастно» ... материи, как он написал в «Тимее»?»

ветствовал бы этот тезис. — Г. Г.). «Потому то, что вверху, движется по кругу, а Вселенная нигде не находится. Ведь находящееся где-нибудь само есть нечто, и, кроме того, наряду с ним должно быть нечто другое в том, что его объемлет. А наряду со Вселенной и целым нет ничего, что было бы вне Вселенной, и поэтому все находится в Небе, ибо справедливо, что Небо и есть Вселенная. Место же Вселенной не небесный свод, а его крайняя, касающаяся подвижного тела покоящаяся граница, поэтому земля помещается в воде, вода в воздухе, воздух — в эфире, эфир — в Небе, а Небо уже ни в чем другом», — обобщает он свой вывод.

Сосредоточившись на разъяснении природы пространства, Стагирит, однако, пользуясь случаем, «выставляет счет» не только Зенону, но также и Демокриту с Левкиппом с их признанием пустоты. Он решительно не приемлет их позицию. Посвятив отрицанию пустоты множество умозрительных обоснований, он приходит к выводу о том, что: «ни один предмет не может двигаться, если имеется пустота... прежде всего потому, что всякое движение бывает или насильственным или происходящим по природе», так что «всякое движение находится в некотором числовом соотношении со всяким другим движением..., а пустота с наполненным ни в каком численном отношении не находится» (выделено мной. — Г. Г.)!

Рассудив, что справился с понятиями пространства и пустоты, Аристотель переходит к истолкованию времени, предполагая выяснить «принадлежит ли время к числу существующих или не существующих вещей и затем, какова его природа». Ибо то и другое, говорит он, «одинаково неясно, как из того, что нам передано от других, так и из того, что нам пришлось разобрать раньше». Разбирая существующие мнения о времени, как об олицетворении движения и изменения, он доказывает, что то и другое может идти медленнее или быстрее. «Время же не может, так как медленное или быстрое определяется временем», которое «не определяется тем же временем ни в отношении количества, ни качества». Таким образом, он очерчивает круг того, чем время быть не может. Однако, подчеркивает он, время не существует и без изменения. Следовательно, время не есть движение, но и не существует без движения. Что же оно являет собой?

Чтобы пояснить это, Аристотель вводит понятие «теперь», подобно тому, как в отношении пространства он ввел (с подачи Платона) понятие «места». В каком же соотношении находятся время и теперь? — задается он вопросом. «Время и непрерывно через «теперь» и разделяется посредством теперь, так как и в этом отношении оно следует за перемещением и перемещаемым», — отвечает он самому себе. Иначе говоря, «время не

слагается из неделимых «теперь». «Теперь» не есть частица времени и не делит движение, но представляет собой некую эфемерную *границу*, служащую для счета времени (аналогичную месту — тени пространства). В конечном счете, поскольку это «теперь» служит для счета — *оно число*!»! Вместе с тем, время, по Аристотелю, непрерывно в том смысле, что «делимо на всегда делимые части». Более того, его каждый может делить на свой лад. Наш год состоит из, примерно, 365-и суток, что связано с периодом обращения Земли вокруг Солнца. То есть эта цифра более или менее объективна. Но в том, что сутки делятся на 24 часа, а час на 60 минут и так далее, стоит чистый произвол, который время безропотно «терпит». Но именно в этой «терпимости» к нашим субъективным волям и состоит его «абсолютизм» — мы для него никто. Оно нас не замечает, позволяя развлекаться с собой, как нам заблагорассудится, но, не переходя грани, пытаюсь понять, что оно есть в действительности, с одной стороны. С другой — для того, чтобы делить нечто на составные части, следует быть уверенным в том, что это *нечто* делимо принципиально. Следовательно, необходимо знать его природу. Своей готовностью делить время Аристотель дает нам понять, что в курсе того, что оно представляет собой. Его критик Аврелий Августин в этом вопросе проявил большее благоразумие, осознав свое бессилие вникнуть в сущность этого феномена. «Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю», — признавался он¹⁰².

Завершая свое рассмотрение пространства и времени, Аристотель наделяет их свойством непрерывности, делимой на бесконечно делимые величины. «Ибо доказано, что *ничто непрерывное не может состоять из неделимых частей, а всякая величина непрерывна*» (выделено мной. — Г. Г.). Эти бесконечно делимые величины есть границы: для пространства это границы места, для времени — теперь. Вооружившись такими представлениями, он, наконец, бросается на приступ апорий Зенона. Полагая материю также непрерывной и неограниченно делимой, он отвергает выводы своего оппонента, исходя из того, что хотя интервал времени можно неограниченно делить, но его нельзя составить из изолированных точек-моментов и нельзя этой бесконечной делимости соотносить бесконечные время и пространство: «Зенон же рассуждает неправильно. Если всегда — говорит он — всякое [тело] покоится, когда оно находится в равном [себе месте], а перемещающееся [тело] в момент «теперь» всегда [находится в

¹⁰² Философская афористика. С. 256. М., 1996.

равном себе месте], то летящая стрела неподвижна. Но это неверно, потому что время не складывается из неделимых «теперь», а также никакая другая величина». Тот же алгоритм критики принимается им и при рассмотрении двух других апорий, касающихся движения — «Ахиллеса» и «Дихотомии» (существования движения).

Напомним, что хотя Аристотель и посчитал собственную критику Зенона исчерпывающей, она не удовлетворила очень многих. По мнению Г. Гегеля, Зенонова диалектика материи «не опровергнута до сегодняшнего дня, ибо он «осознал определения, содержащиеся в наших представлениях о пространстве и времени, и обнаружил заключающиеся в них противоречия»¹⁰³. Однако обнаружить и дать им объяснения сам Гегель не сумел. Д. Гильберт и П. Бернайс, касаясь попыток обойти трудности, содержащиеся в парадоксе «Ахиллес и черепаха», замечают, что они состоят в неадекватности непрерывной, бесконечно делимой математической модели, с одной стороны, и физически дискретной материи, с другой. «Мы вовсе не обязательно должны верить в то, что математическое пространственно-временное представление движения имеет физическое значение для произвольно малых интервалов пространства и времени»¹⁰⁴. Ибо идеализированные понятия «точка пространства» и «момент времени» не имеют никаких реальных аналогов в природе. Ведь любой физический объект имеет ненулевые размеры, ненулевую длительность существования и не может быть делим бесконечно. «Позиция Аристотеля ясна, но не безупречна — и прежде всего потому, что ему самому не удалось, ни обнаружить логические ошибки в доказательствах, ни дать удовлетворительное объяснение парадоксам... Аристотелю не удалось опровергнуть аргументы по той простой причине, что в логическом отношении доказательства Зенона составлены безукоризненно» — утверждает В. Комарова¹⁰⁵.

Касаясь истории осмысления апорий, Н. Бурбаки соглашается с тем, что вопрос о бесконечной делимости пространства привёл к значительным затруднениям в философии. Он замечает, что вплоть до Больцано и Кантора математики и философы не в силах были уразуметь, каким образом конечная величина может состоять из бесконечного числа точек, не

¹⁰³ Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 тт. Т. IX М. С. 244. 1959.

¹⁰⁴ Гильберт Д., Бернайс Д. Основания математики. Логические исчисления и формализация арифметики. С. 40. М., 1979.

¹⁰⁵ Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. С. 29–30. Л., 1988.

имеющих размера. Почему и считает, что «выход из затруднения может состоять в признании дискретности пространства-времени, состоящего из квантов как пространства, так и времени»¹⁰⁶. К тому же мнению склоняется Р. Фейнман, поскольку теория, согласно которой пространство непрерывно, на его взгляд, приводит к бесконечно большим величинам и другим трудностям. Кроме того, она не дает ответа на вопрос о том, каким образом определяются размеры всех частиц. В связи с чем, он высказывает подозрение в том, что «простые представления геометрии, распространенные на очень маленькие участки пространства, неверны»¹⁰⁷. Коротко говоря, можно констатировать, что апории Зенона, возбудившие растянувшуюся более чем на два тысячелетия полемику вокруг, казалось бы, таких ясных, априорных понятий, до сих пор не нашли адекватного решения. Это тем более удивительно, что с изобретением дифференциального и интегрального исчисления, изобретенного И. Ньютоном и Г. Лейбницем, проблему можно было бы посчитать закрытой. Однако, как оказалось, это впечатление было обманчивым. В чем же состоит «коварство» Зеноновых парадоксов?

В-четвертых, возможно, ответ может подсказать история попыток А. Эйнштейна создать общую теорию поля. Он посвятил ей почти сорок лет неустанных трудов. Ему было 63 года, когда в письме Г. Мюзаму признавался, что, даже став одиноким бобылем, «работает еще фанатичнее, чем раньше, лелея надежду разрешить уже старую для меня проблему единого физического поля», но «математические трудности держат его в безжалостных тисках»¹⁰⁸. Эту надежду он питал и спустя 13 лет, едва ли не вплоть до самой смерти, о чем сообщал М. фон Лауэ. Бесплодная одержимость, с которой он пытался справиться с трудностями поставленной перед собой задачей, на наш взгляд, связана не с техническими проблемами математического описания физической модели, на которые он часто ссылался. Так и не состоявшаяся теория представляла собой неизбежное следствие его представлений о пространстве-времени.

Принято считать, что Эйнштейн своей специальной теорией относительности (СТО) дал более полное, «физичное» объяснение эксперимен-

¹⁰⁶ Бурбаки Н. Архитектура математики. Очерки по истории математики. М.: Иностранная литература. С. 38.1963.

¹⁰⁷ Фейнман Р. Характер физических законов. Изд. 2-е. М.: Наука, 1987. С. 152–153. 160 с. (Библ. Квант. Вып. 62).

¹⁰⁸ Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь, смерть, бессмертие. С. 346. М., 1980.

тов со скоростью света Майкельсона, нежели Х. Лоренц и А. Пуанкаре. Однако история возникновения этой теории много сложнее, чем себе это представляют. Преобразования, составляющие основу релятивистской физики и математический костяк СТО, фактически сформулировал математик Пуанкаре, но в силу своего необыкновенного великодушия дал им название Лоренцовых. Это признавал сам Лоренц, отдавая должное Пуанкаре как первому, кто «сформулировал принцип относительности, понятие, которое он же первым и использовал». Кстати, Пуанкаре первым вывел и знаменитую формулу $E = mc^2$ в виде $m = E/c^2$. При этом он ни разу не ссылался на Эйнштейна¹⁰⁹. С. Голдберг, объясняет это игнорирование имени Эйнштейна тем, что теория последнего «выглядела в глазах Пуанкаре явно недостаточной, причем в такой степени, что он просто не считал нужным о ней упомянуть. Теория Лоренца тщательно строилась в период с 1892 по 1904 г. под мягкой направляющей критикой со стороны Пуанкаре. Для Пуанкаре теория Эйнштейна казалась лишь слабой попыткой объяснить небольшую часть явлений, полностью охватываемых теорией Лоренца»¹¹⁰. Поэтому приоритет Эйнштейна обосновывают тем, что именно он «придал времени физический смысл»¹¹¹. Притом, не только времени, но и пространству, как говорилось выше. Но делегирование пространству-времени атрибутов материи привело к тому, что современная космология, основанная на уравнениях ОТО, как мы уже убедились, оказалась опутанной цепкой паутиной неразрешимых парадоксов и противоречий. И возникает вопрос: не одна ли и та же причина не позволяет отмахнуться как от Зеноновых апорий, так и от недоразумений ТБВ, а также объяснить катастрофическую неудачу почти сорокалетних попыток Эйнштейна вдохнуть жизнь в единую теорию поля?

Беру на себя смелость утверждать, что причина, действительно, одна и состоит в том, что ни времени, ни пространству нельзя даже мысленно приписывать атрибуты и свойства, присущие материи, включая их относительность или абсолютность, сжимаемость и гибкость, способность рождаться из ниоткуда или бесследно исчезать в никуда. А нарушение этого запрета сталкивается с непреодолимой логической трудностью. Что и хотел показать нам Зенон. В самом деле, рассуждая о делении $g-t$ на произвольные фрагменты, мы не отдаем себе отчета в том, как именно должна

¹⁰⁹ Renar de la Taille. Relative Poincare a precede Einstein. Science et Vie. № 931, pp. 114–119, April 1995.

¹¹⁰ Голдберг С. Эйнштейновский сборник. М.: Наука. С. 341–358. 1974.

¹¹¹ Льюиси М. История физики. С. 328. М., 1970.

была бы выглядеть эта процедура, имея в виду, что «общемировая стена $g-t$ » (такой образ удобен для наглядности) представляет собой нечто вроде непрерывного и неразрывного континуума по определению. Когда говорят, что берут некоторый отрезок пространства вокруг, скажем Ахиллеса и черепахи, забывают, что изъяв его для дальнейшего дробления на все мелкие части, образовавшуюся в «общемировой стене $g-t$ » дыру необходимо чем-либо немедленно *заделать*, залатать. Ибо «природа не терпит пустоты» в самом прямом смысле отсутствия «местных $g-t$ » (по Лоренцу) на каком бы то ни было участке «общемировой стены $g-t$ » большом, или малом¹¹². Но чем заполнить образовавшуюся нашими стараниями брешь? Откуда взять материал для компенсации нанесенного природе ущерба? Кроме как из нашей головы больше неоткуда. Едва ли это может, однако, ее устроить. Стало быть, пытаясь разрушить монолит «общемировой стены $g-t$ », мы, вольно или невольно вступаем в противоречие с ней. Именно об этом догадывался Зенон и пытался подсказать нам противоестественность нашего мышления, забывающего о том, что *неделимое не делится даже в мыслях*.

Как же так? — возразит читатель, указав автору на дифференциальное и интегральное исчисление, и вообще на исключительную плодотворность союза физики с математикой, позволяющего физике простым и ясным языком формул описывать самые универсальные свойства объектов и прогнозировать их поведение в тех или иных условиях. Тонкость, на которую крайне редко обращают внимание, состоит в том, что когда формулы включают в себя пространство или время, то последние выступают исключительно как «распорядители» всех преобразований, которым подвергаются материальные объекты в процессах их взаимодействий. Пространство либо время присутствуют в последних даже не как сугубо нейтральные посредники, а лишь как «подмости», на которых физические объекты «разыгрывают» свои спектакли, сообщаясь друг с другом согласно тем или иным сценариям-алгоритмам. При этом ни один из участников этого вселенского круговорота не контактирует с временем или с пространством, как таковыми, но лишь с самим собой или с партнером, случайным либо причинно-следственным образом.

По сути, точно же проявляет себя «общемировая стена $g-t$ » в процессах, когда скорость движущихся предметов приближается к релятивистским. «Стена» остается «стеной», глухой и слепой по отношению к пред-

¹¹² Ошибка Лоренца как интерпретатора эксперимента Майкельсона состояла в том, что он пытался объяснить его результаты, исходя из теории эфира.

мету. Из нее не выделяются никакие фрагменты, так или иначе взаимодействующие с телом или сопутствующие ему. Но само тело и непосредственно связанные с ним предметы, которым придается ускорение, начинают испытывать изменения. Персональная линейка брата-близнеца в космической ракете сокращается (равно как и сама ракета), а его персональные часы замедляют свой бег, создавая *иллюзию* относительности «местных г-т». Пространство и время остаются *абсолютными* в том смысле, что «общемировая стена г-т» не замечает присутствия материальных предметов на своей поверхности. Тогда как те реагируют на придаваемое им ускорение со стороны других материальных объектов согласно преобразованиям Лоренца. Иначе говоря, теория относительности, которую Пуакаре и Эйнштейн понимали, по сути, одинаково, есть не теория в строгом смысле слова, а лишь констатация того факта, что скорость, накладываемая на физические тела при сообщении им очень больших ускорений со стороны других физических объектов, ограничена определенным пределом — скоростью света. Гипотетические последствия для часов и линейки ускоряемого объекта поясняют Лоренцовы преобразования. А усилия, которые необходимо приложить для достижения даже самых отдаленных рубежей этой границы оцениваются известной формулой $E = mc^2$. (За этой скромной на вид формулой кроются гигантские энергозатраты ускорителей элементарных частиц, хорошо известные их проектировщикам). Таким образом, вся суть теории относительности сводится к преобразованиям Лоренца. Сами же последние относятся к большой группе запретов, налагаемых на те, или иные состояния физических объектов, или констант, характеризующих структуру Вселенной от элементарных частиц до звездных систем.

В-пятых, насчитывают до 40 фундаментальных физических постоянных от скорости света и постоянной Планка до массы электрона и магнетона Бора. А постоянными они называются потому, что абсолютно одинаковы и неизменны либо для объектов, составляющих тот или иной их класс, либо универсальны (стандартны) для всех без исключения объектов. (Большой частью они относятся к миру элементарных частиц). Но на вопрос: почему они именно таковы, а не иные, редко удается получить внятный ответ. Сомневаюсь, что кто-либо рискнет пояснить: почему скорость света равна 300 000 км/с, а не, скажем 100 000 или 1000 000? И никто не знает, почему постоянная Планка составляет $6,6 \cdot 10^{-34}$ Дж·с, а не хотя бы вдвое больше или меньше. И что принципиально важно в данном случае — все без исключения константы имеют отношение только к материальным объектам, но никоим образом к пространству-времени. (Вот

еще одно ключевое отличие пространства-времени от материальных субстанций: полное отсутствие у первых свойств, присущих вторым).

С другой стороны, на те же физические объекты распространяется класс явлений, относящихся к запретам. Никто не в состоянии объяснить, почему температура материальных субстанций не «имеет права» опускаться ниже — 217,16 К, и превосходить $1,42 \cdot 10^{32}$ К. Эти «категорические императивы» принимают за данность, с которой приходится считаться, даже не предпринимая попыток вникнуть, что за ними кроется. Никакая линейка не может быть короче $1,6 \cdot 10^{-35}$ м, а секундомер отсчитывать интервалы времени менее $5,42 \cdot 10^{-44}$ с. Запрет на достижение массивными объектами скорости света относится к этой группе категорических табу, установленных природой для упорядочения мироздания. И поскольку он самым тесным образом касается природы пространства-времени, вокруг него разыгрались такие страсти. Таким образом, подлинный парадокс апорий Зенона и теории относительности состоит в том, что первый делил неделимое, а Пуанкаре с Эйнштейном приписывали абсолютному атрибуты относительного. Фактически, обе стороны совершали «противоправные действия» в отношении пространства-времени (говоря языком представителей наших судебных органов): приписывали последнему свойства и качества его визави — материи. Интуиция же Лоренца, оставшегося верным идеям Ньютона, не изменила ему.

Выше мы уподобили абсолютное пространство-время некоему континууму — непрерывно неразрывной «общемировой стене г-т». Но, возможно, более пристало бы сделать акцент на безупречной «гладкости» его структуры, позволяющей всем материальным объектам «скользить» по нему по инерции бесконечно долго, не встречая ни малейших препятствий в виде микроскопических пространственно-временных гранул или зерен. Нам возражат: ОТО, исходя из понимания Эйнштейном относительности пространства-времени превосходно описывает процессы, определяющие поведение больших масс на больших расстояниях. Следовательно, его представления были справедливы. В свою очередь возражим оппонентам и мы. Справедливы формулы, притом точно также, как справедливы преобразования Пуанкаре—Лоренца для СТО вне зависимости от того, кто какой смысл вкладывал в них. Но, в отличие от формул СТО, соотношения, выведенные Риччи—Курбастро и Леви-Чивита и включенные в математический аппарат ОТО, *относительны* и актуальны лишь в определенном пространственно-временном континууме. Выходя за который, они приводят к тем многочисленным абсурдам, о которых говорилось в предыдущем разделе 4.1.

В-шестых, с творениями Эйнштейна вообще произошла парадоксальная история. Там и тогда, когда он не романтизировал пространство-время, а занимался «чистой» физикой, его работы блистательны. Объяснив явление фотоэффекта тем, что свет не только излучается квантовыми порциями (как предполагал Планк), но и существует лишь в виде квантовых порций, он, тем самым, внес ясность в природу света. За что, кстати, и получил Нобелевскую премию в 1921 г. Он же чуть позже обобщил статистические закономерности элементарных частиц, выведенные Ш. Бозе для частиц с нулевым или целочисленным спином, на системы атомов с целым спином. И этот его вклад в понимание природы элементарных частиц не остался без внимания. Статистика, которую завершил столь весомым вкладом, получила название Бозе—Эйнштейна. Но о них ведают только узкий круг физиков.

Что же касается СТО и ОТО, то здесь картина обратная. О них слышаны все сколько-нибудь грамотные люди. В СТО математический аппарат Лоренца работает безупречно, но само имя его создателя известно, опять-таки, только физикам, поскольку широкая публика зачарована их интерпретацией, данной Эйнштейном. И то, что она не верна, никоим образом не сказывается на конечных результатах применения на практике Лоренцовых преобразований. В ОТО формулы Риччи—Курбастро и Леви-Чивита также сохраняют «работоспособность» в известных пределах. Но стоит им выйти за эти пределы, возникают те самые недоразумения, о которых уже было сказано. Лучше других такой казус обращения физики к математике оценил А. Фридман, одним из первых попытавшийся «примерить» формулы ОТО к модели Вселенной, заполненной материей. Он подчеркивал, что «его дело указать возможные решения уравнений Эйнштейна, а там пусть физики делают с этими уравнениями, что они хотят»¹¹³. Как можно судить, они распорядились ими так, что завели самих себя в тупики.

Получается удивительная вещь: обращение Эйнштейна к нелюбимой им квантовой механике немедленно приносило весомые плоды. Но стоило только ему обратиться к попыткам дополнить классическую механику Ньютона своими фантазиями, как возникали трудности тем более непреодолимые, чем больше его модели зависели от корректного представления о сущности пространства-времени. В каком-то смысле это явилось трагедией для физика, тридцать или сорок лет посвятившего созданию несостоявшейся теории. Он жаловался на «безжалостные тиски математиче-

¹¹³ Фок В. А. УФН. Работы А. А. Фридмана по теории тяготения Эйнштейна. Вып. 7. Т. 80. С. 353. 1963.

ских мучений», но дело было вовсе не в равнодушной к его страданиям математике. Проблема была в том, что «старая» классическая физика была верна, а «новая» создавалась благодаря открытию мира элементарных частиц и его революционному (в лучшем смысле слова) описанию, предложенному квантовой механикой. С которым Эйнштейн решительно не желал мириться и признавать.

Причина отказа от ее идеологии состояла в том, что Эйнштейн не мог смириться с тем, что, по его мнению, квантованность (делимость) материи должна приводить к разрыву причинно-следственных связей, вносящему хаос в гармонию мира — с другой. Роковая ошибка, обернувшаяся драмой его как физика, состояла в двух пунктах. С одной стороны, он придал пространству-времени часть атрибутов материи (в частности, свойство эластичности). Как показало развитие космологических моделей, строившихся на базе уравнений ОТО, это было категорически недопустимо. С другой стороны, в попытках объяснении эксперимента Майкельсона он придал пространству-времени статус *относительности*, превратив его в сугубо локальный фактор, строго привязанный к материи. Что также было в корне ошибочно. Эйнштейн до конца жизни так и не осознал источник своих заблуждений, продолжая настаивать на том, что пространство-время и материя — близкие друг к другу сущности, связанные «физически». Тогда как на самом деле они совершенно самостоятельные, взаимно независимые субстанции, но существующие не полностью автономно (суверенно), а согласно принципу дополнительности, оказывая друг другу своеобразные «услуги». То есть пространство-время дает возможность материи пребывать в движении и изменении, а материя, в свою очередь, дает возможность пространству-времени проявляться не виртуально, а явным образом, как нейтральный полигон, на котором разворачиваются все события материального мира, включающего в себя как элементарные частицы, так и звездные системы.

Это обстоятельство не принимают во внимание современные теоретики, мечтающие завершить Эйнштейнову «теорию всего». И так как число ищущих себя в науке, в том числе и в физике, много больше, нежели век назад, то и численность теорий, претендующих на описание «всего-всего» умножилось многократно. Появилась даже теория (М. Тегмарка), согласно которой физическая Вселенная представляет собой реализующийся в материи математический объект. Следовательно, особенности ее нынешнего состояния, а также эволюции можно просчитать с большой точностью. С другой стороны, активно развиваемая многими группами ученых теория струн обещает дать предельно полное описание всех про-

цессов и явлений, происходящих во Вселенной. «Исключительно простую теорию всего» предлагает вниманию теоретиков Г. Лиси, построенную на исключительно сложном математическом фундаменте. Доказывая, что в ней дается объяснение числа и всех свойств известных частиц, претендующих на статус фундаментальных, он, тем не менее, обходит стороной вопрос о том, что она входит в противоречие со многими положениями канонической (многократно экспериментально подтвержденной) Стандартной моделью элементарных частиц. Относительно претензий Тегмарка можно заметить, что математика, по свидетельству самих математиков, есть плод нашего воображения, способный описывать лишь самые элементарные взаимодействия между элементарными частицами, физическими полями и массивными телами. Закрывая глаза на наличие биологических и социальных процессов, которые сформировали самого Тегмарка, можно, разумеется, согласиться с тем, что его подход имеет ограниченное право на существование, если его выводы будут экспериментально подтверждены. Относительно чего существуют большие сомнения.

В-седьмых, коротко говоря, чем яснее осознаются трудности детального математического описания эволюции Вселенной, тем очевиднее становится бесплодность усилий, затрачиваемых на его решение. Впрочем, к этому выводу можно было придти давно, со времен доказательства теорем К. Гёделя. Согласно первой из них (теореме о неполноте), утверждается «невозможность добиться того, чтобы каждое истинное утверждение было доказуемо»¹¹⁴. Вторая теорема говорит о невозможности доказать непротиворечивость формальной (математической. — Г. Г.) системы средствами самой системы. Иначе говоря, чтобы доказать непротиворечивость формализованной арифметики, надо применить более сильные методы, чем те, что допустимы в данной системе. По Г. Рузавину «получается целая иерархия формальных систем, каждая из которых будет превосходить предшествующую по силе средств формализации. На основании этого, на наш взгляд, можно утверждать, что полная формализация не может быть завершена на каком-то определенном историческом этапе развития математики»¹¹⁵.

Ко всему прочему, выше высказанная оговорка «ограниченное» связана с тем, что коль скоро теория претендует на объяснение всего, что есть на свете, она должна включать в себя и толкование несопоставимо более сложных и многомерных биологических и социальных закономерностей, существующих как неотъемлемая данность нашего мира.

¹¹⁴ Успенский В. А. Теорема Гёделя о неполноте. С. 4. М., 1982.

¹¹⁵ Цитируется по Кондакову Н. И. Логический словарь. С. 516. М., 1971.

Но, как выясняется, математика не способна справиться с проблемами даже элементарной арифметики. Поэтому ясно, что любые попытки представить ее «распорядителем» или «творцом» всего сущего совершенно беспочвенны.

Что касается наиболее многообещающей, по общему мнению, теории струн, то и с ней далеко не все удовлетворительно. Она основана на гипотезе о том, что все элементарные частицы и их фундаментальные взаимодействия возникают в результате колебаний и взаимодействий квантовых струн на масштабах порядка планковской длины. Это представление элементарных частиц в виде микроскопических струн якобы решает не решенную до сих пор проблему объединения ОТО — физики сверхбольшого (гравитации) и квантовой механики — физики ультрамалого. Считается, что математический аппарат теории безупречен. Однако никто еще не предоставил ни одного экспериментального подтверждения достоверности хотя бы одного ее прогноза. Это первое. Второе — в различных вариантах теории фигурируют от 10 до 26-мерных пространства-времени. Если это утверждает математика, значит математик в своей постановке перед ней задачи исходил из неверной исходной идеи (посылки). Математика покладаиста: если долго ее «упрашивать», она найдет пути обхитрить вас с тем, чтобы доставить вам удовольствие. Но даже математика не в состоянии сотворить чудо. Отсюда третье — число вариантов сведения модельного пространства-времени к действительной его 4-мерности хотя бы для минимального 10-мерного варианта (не говоря уж о 26-мерности) достигает баснословных от 10^{100} до бесконечности. А это уже не на грани абсурда, это просто абсурд. И последнее, четвертое, но самое убедительное экспериментальное свидетельство неудовлетворительности теории. Одно из ее основ составляет положение о дискретности пространства. Но как уже упоминалось, в эксперименте на космическом телескопе Integral не было найдено и следов ее зернистости. Точнее говоря, если она и существует, то на 13 порядков величины мельче требуемой теорией планковской длины. Спрашивается: если эти «неудобности» присущи самой перспективной, на взгляд большинства теоретиков модели, то какого доверия заслуживают менее убедительные теории?

В-восьмых, это возвращает нас к исходной точке отсчета времени гонки за «Общей теорией всего», начатой Эйнштейном. Бесплодность предпринятых им многолетних титанических усилий привела его последователей к мысли о том, что гуру ошибался, игнорируя квантовую механику. (Ему была ненавистна мысль, что «бог может играть в кости»). Поэтому они решили обойти препятствие и соединить ОТО с квантовой механикой. Но теперь и их неудача подсказывает, что некое принципиальное

препятствие для желаемого объединения действительно существует. Принимая во внимание, что за создание этой новой теории Эйнштейн взялся немедленно вслед за завершением ОТО, сегодня есть повод отметить *столетие* (100 лет!) безуспешных попыток найти выход из лабиринта развитых им представлений о пространстве-времени. Между тем теоретики продолжают излучать деланный оптимизм, внушая себе и окружающим уверенность, будто осталось совсем чуть-чуть, и долгожданная победа увенчает их лавровыми венками. Для убедительности даже уточняют всевозможные параметры Вселенной вплоть до ее возраста, утверждая, что теперь он определен с точностью до 120 млн лет (измерения на спутнике WMAP). История, похоже, повторяется: нечто подобное заявляли средневековые толкователи Библии, исчислявшие дату творения мира с ошибкой не более одного дня. Тем не менее, квантовая механика категорически не желает воспринимать ОТО. А ей можно доверять, так как ее теоретическая база в последние годы получила изящное и безукоризненное завершение в Стандартной модели, подтвержденное миллионами экспериментов. Следовательно, дело не в ее капризах или причудах, а в том, «камень преткновения» для благополучного слияния теорий «макро» и «микро» слишком велик. Математика и мысль космолога-теоретика так беспардонно обращаются с пространством-временем, что природа восстает против этого произвола, ставя перед ними непреодолимые препоны.

В-девятых, выше говорилось, что среди причин поддержки ТБВ теоретиками существует и сугубо субъективный, психологический фактор. Теоретики вовсе не небожители и «ничто человеческое им не чуждо». Более того, недавно появилась шокирующая публикация¹¹⁶, в которой рассматривались результаты многолетних наблюдений за реакцией больших коллективов физиков-теоретиков на обнаружения экспериментаторами неизвестных ранее эффектов. В числе последних упоминались: — открытие сверхновых нейтрино на OPERA; — сообщение BICEP2 о регистрации первичных гравитационных волн; — загадочный двухфотонный пик, найденный на Большом андронном коллайдере. Оказалось, что вслед за каждым таким резонансным событием в среде физиков-теоретиков возникал однотипный коллективный отклик — резкий всплеск публикаций, что, разумеется, вполне естественно. Удивление вызвало другое и состояло в том, что зависимость числа публикаций (высота всплеска) от времени «последствия» была строго единообразной и описывалась либо степенным, либо экспоненциальным затуханием интереса к сенсации. Это прямо

¹¹⁶ Backovic M. F Theory of Ambulance Chasing// e-принт arXiv: 1603.01204, 2016.

указывало на унифицированный тип поведения теоретиков в ответ на экстраординарные события. Комментатор этой публикации подчеркивал, что до сих пор почтенную старую леди — статистическую физику интересовали групповые реакции на внешнее воздействие только атомов и молекул — однотипных и достаточно «примитивных» объектов. Что же, теперь ей предстоит обратить внимание и на нас — человек? Кто бы мог вообразить, что дистанция между рефлексом и рефлексией столь коротка. Что стандартизация и стирание индивидуальных особенностей поведения в пользу шаблонных коллективных откликов на внешние воздействия так отчетливо проявлялась бы в среде людей высочайшего интеллектуального уровня. Посему, не будем обольщаться ни на свой, ни на их счет.

Ко всему прочему, теоретикам также свойственно здоровое (естественное) честолюбие, подстегиваемое мечтой о приоритетах и ощущением, что находишься на переднем крае интеллектуального прорыва в неизведанное. Так же как простые смертные, они чтут авторитеты, исходя из экономики мышления и уважения традиций, несмотря на то, что некоторые из них втайне мечтают о создании новых, собственных традиций на руинах прежних, чужих. Им также присуще «чувство локтя» и принадлежности к единой корпорации «высоколобых». Но, как и во всякой почтенной корпорации, у них развитие предпочитают отождествлять с реформами, а «революционные перевороты» не приветствуются. Среди них также образуются кланы («школы»). Наконец, и у них есть собственные пристрастия и «вкусовые ощущения», вырабатываемые в процессе обучения в университетах и других высших учебных заведениях. И поскольку авторитет создателя СТО и ОТО в их глазах должен оставаться незыблем (кстати, как и в глазах всего человечества — бесспорно), то и сопротивление посягательствам на его теории считается признаком верности их «ордену» (вот это едва ли можно принимать без обсуждения). Но все же, нельзя не поражаться упорству, с которым они предаются поискам истины, с одной стороны, и не замечать, что «король гол» — с другой. Коротко говоря, им также, как «простым смертным» близок принцип: когда нельзя, но очень хочется, то можно.

В-десятых, подводя итоги рассмотрения связанных с математикой проблем апорий Зенона и создания теории, объединяющей «большие» макро- и «малые» микромиры, можно видеть как тесно связано мышление современного человека, будь то философа или физика, с 2-мерной (плоской) логикой «шатающейся метафизики» Аристотеля с его законом исключенного третьего. Эта особенность, вероятно, изначально присуща человеку, но особенно отчетливо и «громогласно» она проявилась с рождением матема-

тики как науки и философии в лице Пифагора. И только Бор смог увидеть за хаосом стремительно умножающихся вопросов, задаваемых рождающейся квантовой механикой, слабости традиционного 2-мерного видения мира исключительно либо в черном, либо в белом цвете. В действительности же мир пребывает в лоне 3-мерной (объемной) логики дополнительности, сводящей непримиримые, на наш взгляд, сущности к жизнеутверждающему единству. Чего же требует от нас этот принцип взамен на помощь в осмыслении бытия мироздания, его прошлого, настоящего и будущего?

1. Он требует признания не противопоставления, а строгого различия между ни от чего не зависящего, неизменного и неделимого пространства-времени Вселенной Парменида, создающего условия (возможность) для проявления жизнедеятельности материи в динамике и изменчивости во Вселенных Гераклита. В первом случае пространство-время обладает характером *абсолюта* (Σt), в последнем случае оно приобретает свойство абсолютной *относительности* в том смысле, что каждый материальный объект Вселенной Гераклита (δm) живет по собственным часам (δt) и с собственной *линейкой* (δr). Масштабы их «местных» часов и линеек зависят от прилагаемой к ним извне энергии возмущающего ускорения. Тем не менее, *ни пространство-время само по себе, ни материя сама по себе не существуют отдельно, будь то во Вселенной Парменида (ΣM), или во Вселенных Гераклита (δm), но только в неразрывной связи и дополняя друг друга*. Пространство-время не актуализируется (проявляется) без материи, последняя не может *быть* без первого.

2. Признание относительности пространства и времени удобно для математического описания *динамики* ограниченной части Вселенной, но неудовлетворительно для физического и философского осмысления всей Вселенной.

3. В свою очередь, пространство само по себе и время само по себе есть не сводимые друг к другу, но не взаимоисключающие сущности. Напротив, их объединение в 4-мерный t - t континуум Минковского представляет собой реализацию принципа дополнительности даже в *нематериальном мире*.

4. Принцип дополнительности настаивает на том, что *причинность* *вовсе не противоречит случайности*, и «бог постоянно играет в кости». Между ними нет пропасти антагонизма. Ибо именно масса случайностей микромира необратимо складывается в закономерности поведения макромира с прогнозируемой предсказуемостью. Одно с необходимостью рождается из другого, образуя причинно-следственные связи. При этом понятия «случайность» и «делимость», «изменчивость» и «движение»

относятся только к материальным объектам, образуя пирамиды иерархий по порядку множеств. И совершенно прав был Г. Кантор, указавший на существенное различие между теми или иными родами множеств. Продолжая его мысль, следует отделять «потенциальную бесконечность» множества, заключенного во Вселенной Парменида, от «актуальных бесконечностей» материальных объектов и чисел во Вселенных Гераклита. Но, говоря откровенно, в отношении материальных объектов актуальные бесконечности было бы оправданно определять скорее как «неисчислимые бесконечности» в том смысле, что их численность принципиально не фиксируема не по физическим, а по техническим причинам. Поскольку нет возможности так «заморозить» время, чтобы появилась возможность сосчитать находящиеся в непрерывной динамике рождения-гибели как элементарные частицы, так и звезды на небе.

5. Принцип дополнительности имеет прямое отношение и к самой имманентной сути математики. Ибо, как превосходно выразился Курант, «ее основные и взаимно противоположные элементы — логика и интуиция, анализ и конструкция, общность и конкретность. Как бы ни были различны точки зрения, питаемые теми или иными традициями, только совместное действие этих полярных начал и борьба за их синтез обеспечивают жизненность, полезность и высокую ценность математической науки».

6. Как же определить в таком случае, место математики в нашем «лучшем из миров» в обсуждаемом контексте? Вероятно, можно сказать, что она есть воплощение принципа дополнительности между двумя разномасштабными и полярными явлениями: человеком, пытающимся познать свою обитель — природу, и закономерностями, формирующими структуру и свойства последней. Математика — это нечто эфемерное, существующее лишь в нашем воображении и, так или иначе, воспроизводящее окружающую действительность в наиболее обобщенном виде и в силу этого в ее наиболее элементарных проявлениях. Тем самым она создает прочный фундамент основополагающих знаний о самых универсальных (*но поверхностных*) закономерностях, царящих в мире. Как квинтэссенция физически не существующего идеального она подобна пространству-времени. Но в отличие от последнего, она не нейтральна (не «равнодушна») по отношению к материи, помогая нашему сознанию создавать ее *приближенные* образы-модели в зеркальном отражении реальности. И поскольку она — плод деятельности нашего двухполушарного мозга, то и руководствуется 2-мерной логикой Аристотеля, разделяя все сущее на «да», либо «нет». В связи с чем, пожалуй, было бы оправдано вынести пространство-время за скобки физики, оставив его одной математике.

4.3. Доказательство информационное

Почему мы говорим о том, что модели, воссоздаваемые математикой, и ее описания действительности представляют лишь первое (грубое) приближение к ней? Что не позволяет надеяться на полное и всеобъемлющее знание о природе вещей? Двойственность (дихотомия) информации. Понятие «информация» многогранно, но в наших суждениях о ней явный акцент делается на том, что связано с рутиной нашей повседневности. Именно, под ней с большим преобладанием подразумеваются всякого рода сообщения, поступающие к нам в виде световых или звуковых сигналов, запахов или вкусовых ощущений посредством тех или иных ее носителей — электромагнитных и акустических волн, химических соединений и механических воздействий. Эта информация заполняет нашу жизнь, и мы научились ее создавать и передавать, воспринимать и хранить, а также манипулировать всевозможными средствами. Поначалу это были примитивные наскальные изображения, затем промежуточные — книгопечатание и телефония, а сегодня — высокоразвитые компьютерные технологии и сотовая связь. Более того, возникла наука информатика, создателем которой признан К. Шеннон, первым обосновавший возможность применения двоичного кода для ее передачи и приема электронными устройствами.

Новая наука постулирует, что для передачи информации необходимо наличие носителя, обладающего возможностью перемещения в пространстве и времени между ее источником и приёмником. С другой стороны, тем и другим должны быть заранее известны правила и способы нанесения и снятия информации с носителя. С третьей стороны, носитель должен продолжать существовать как таковой к моменту прибытия в пункт назначения. Объектами же информационного взаимодействия теория рассматривает пары: человек — человек, человек — созданный им автомат и автомат - автомат. Однако этот род сообщений представляет собой лишь самый верхний ярус информационной пирамиды. Ее средние ступени составляет обмен сигналами в животном и растительном мире, от организма к организму, от клетки к клетке. Еще ниже располагается ступень, занимаемая сложными органическими молекулами, включая молекулу ДНК, несущую в себе генетический код любой органики, которую мы, согласно многотысячелетней традиции относим к живым системам. На этом классификация объектов информационного взаимодействия, как правило, обрывается.

Между тем, не менее, а возможно, даже более интенсивный информационный обмен происходит на ярусе, образуемом миром атомов из таб-

лицы Менделеева и химических соединений, лежащем под этими верхними ступенями. И все же, общий базис всей пирамиды составляют элементарные частицы, которые «правят бал» всей материальной составляющей мира посредством основных (фундаментальных) переносчиков информации: электромагнитных, сильных и слабых ядерных, а также гравитационных взаимодействий. И, по-видимому, имеет глубокий смысл то обстоятельство, что не только число фундаментальных частиц, образующих вещество, состоит из 12 элементов (тяжелых кварков и легких лептонов), но численность переносчиков взаимодействий (глюонов, бозонов и одного фотона) также составляет 12. К семейству переносчиков взаимодействия относят и гравитоны, ответственные за гравитационные эффекты.

В связи с недавним экспериментальным доказательством существования гравитационных волн¹¹⁷, и нашей вышеизложенной позицией в отношении интерпретации ОТО, необходимо сделать небольшое отступление. Сегодня принято считать, что наличие гравитационных волн следует из ОТО. Так как она рассматривает пространство как динамическое явление, зависящее от наличия массивных тел, искажающих пространственно-временную метрику и порождающих гравитационные волны. Это мнение есть либо заблуждение, либо намерение *выдать желаемое за действительное*.

В самом деле, если согласно ОТО гравитационное взаимодействие тел действительно происходит благодаря «эластичности» пространства, подобным манером откликающегося на давление с их стороны, то из этого должны проистекать два явных следствия. Во-первых, существование посредников между телами в виде гравитонов абсолютно *излишне*. Существование фотонов оправдано тем, что они осуществляют посредничество (несут информацию) между источниками и приемниками в виде электромагнитных волн, распространяющихся со скоростью света. Точно также существование глюонов и бозонов обеспечивает обмен информацией между теми или иными кварками и лептонами с той же скоростью света. Если подобную, своего рода, посредническую услугу телам предоставляет пространство, то гравитоны становятся «третьими лишними» в их контактах. Дублирование функций в природе фундаментальных взаимодействий совершенно *исключено* и никогда прежде никем не отмечалось ни в теории, ни в экспериментах.

Во-вторых, передача импульса взаимодействия между массами посредством возмущения (проседания) пространства должна происходить

¹¹⁷ LIGO Scientific Coll. and Virgo Coll. Observation of Gravitational Waves from a Binary Black Hole Merger// *Phys. Rev. Lett.* Published 11 February 2016.

мгновенно. Ибо последнее не обладает массой в каком бы то ни было виде, — атрибутом, необходимо ограничивающим скорость распространения любого *физического* поля скоростью света. Следовательно, по времени регистрации сигналов, определяемых как гравитационные волны, невозможно судить о расстоянии до источника этих волн: они должны регистрироваться в приемнике на Земле в тот же миг, как произошло возмущение. Тот факт, что расстояние до источника гравитационного всплеска (GW150914), вычисленного участниками LIGO и Virgo, совпало с расстоянием до предполагаемого объекта — сливающихся черных дыр, свидетельствует о том, что скорость распространения сигнала равнялась скорости света. Следовательно, она была обусловлена его *материальным* переносчиком — гравитоном. Таким образом, эксперимент не подтверждает, а **опровергает идеологию ОТО.**

Возвращаясь к вопросу об отношении информации к принципу дополненности, можно сказать, что первая есть воплощение второго как элемента, соединяющего принципиально различные, но абсолютно взаимозависимые феномены: материальные субстанции и идеальные сущности — содержание информации. Поскольку все материально сущее во Вселенной, даже «неживая» природа, наделено двумя важнейшими атрибутами. Первым — способностью двигаться и изменяться согласно внутренней *программе* (алгоритмам) развития. Вторым — готовностью законопослушно реагировать на те, или иные внешние воздействия, обмениваясь информацией с окружающей средой. Законы тяготения не пребывают сами по себе, абстрагированные от материальных тел. Уравнения Максвелла бессмысленно рассматривать в отрыве от электрически заряженных элементов. Таблица Менделеева — бесплотная идея, определяющая порядок в мире вещественных атомов, не имеет никакой значимости вне их взаимных отношений. Но что такое законы гравитации, уравнения Максвелла или правило эквивалентности, определяющее структуру и репликации молекулы ДНК? Нечто, не имеющее с материальным объектом никаких физических контактов, но содержащее в себе «устав» того, как ему следует себя вести в тех или иных обстоятельствах. «Информация — это не материя и не энергия, информация — это информация» — утверждает Н. Винер. Иными словами, информация есть квинтэссенция идеального. Но спрашивается: каков смысл этой квинтэссенция в отсутствии материальных тел — ее отправителя, получателя и переносчика? Ответ — аксиома: никакой!

Далее, если признается, что один из основных признаков жизни состоит в движении и изменении, то следует заметить, что ни в мире элементарных частиц, ни на просторах космоса нет ни одного неподвижного

и неизменного объекта. Ни там, ни тут нет ничего раз и навсегда застывшего. Как раз напротив, эти «неживые» объекты проводят время в гораздо более энергичном темпе и переменчивом ритме, нежели биологические особи. Камень, якобы неподвижно лежащий на дороге, в действительности вместе с Землей вращается вокруг ее оси, вокруг Солнца, вокруг центра Млечного Пути, и вместе с последним описывает всевозможные пируэты в семействе близлежащих галактик, законопослушно повинуваясь информации о том, куда и с какой скоростью нашей планете следует перемещаться. В свою очередь, элементарные частицы, составляющие наш камень, не ведают ни минуты покоя, пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения круглые сутки без сна и отдыха. Срок жизни нашего Солнца — кипящего и бурлящего плазменного монстра, дарующего тепло и энергию земной биологической жизни, ограничен всего несколькими миллиардами лет. С другой стороны, природа отводит на существование мезонам — переносчикам информации для барионов, несколько микроскопических долей секунды.

Но тут возникает вопрос: каким образом материальное воспринимает, оценивает и реагирует на нематериальное — информацию? Откуда электроны знают, как им вести себя в тех или иных случаях? Прежде чем упасть, яблоко сравнивает свою весовую категорию с Землей, чтобы оценить обоюдную способность перетянуть «одеяло на себя». И, лишь признав бесспорное превосходство Земли, оно падает в ее объятия, влекомое гравитонами. Как яблоко и наша планета производят эти необходимые «расчеты»? Фотоны радиоволны, испущенной антенной, оказываясь в электронном облаке ионосферы, ведут себя в зависимости от той информации, которой те и другие обмениваются друг с другом. В одном случае фотоны, признав, что путь далее им отрезан, разворачиваются на 180°, поспешая назад. В другом — скользят как конькобежцы по этому облаку, пробегая тысячи км. В третьем — благополучно преодолев земное тяготение, устремляются в космос. Каким образом они успевают так точно и быстро реагировать на особенности окружающей среды? Коротко говоря, факты принуждают нас согласиться с тем, что современная философия неоправданно узко толкует термин «отражение», а приверженная анимизму наука — понятие об информации. В самом широком смысле последняя включает в себя и сиюминутные сведения, и алгоритмы автономного существования материальных объектов, и правила их поведения при взаимных контактах. А проблема взаимодействия этого идеального и всеобщего материального и составляет наиболее интригующую тайну бытия Вселенной: — а) того, как идеальные алгоритмы (закономерности) регулируют

поведение материальных объектов, б) — на чем эти алгоритмы «записаны», в) как хранится соответствующая информация.

Иначе говоря, мы сталкиваемся с открытием того, что существует два рода информации: явная (открытая) и неявная (закрытая). Первая, составляющая вершину ее пирамиды, частично раскрывая свои секреты, позволяет нам удовлетворительно контролировать себя и свое непосредственное окружение. Но чем глубже мы пытаемся проникнуть в недра тайн природы, тем решительней становится ее сопротивление и меньше ясности достается нам. Природа словно говорит, что она слишком сложна для понимания, и даже математика — весьма ненадежный помощник в этом деле (на что прозрачно намекает Гёдель). Это обстоятельство и создает самую высокую, возможно, непреодолимую преграду нашему стремлению познать ВСЁ, включая вопросы о том, как, каким образом «неживая» материя воспринимает и перерабатывает получаемую информацию. Ведь у нее нет органов зрения и слуха, обоняния и осязания. И главное, у нее нет мозга, перерабатывающего получаемые сигналы. Так что нам остается лишь мириться с тем, что знание того «как?» — есть непознаваемая «вещь в себе» (по Канту). Правда, мы можем утешать себя тем, что совсем не обязательно знать ВСЁ, включая вопросы того, *как* элементарные частицы оперируют информацией. И удовлетвориться тем, что достаточно знать алгоритмы того, *что* они обязаны делать в тех или иных случаях.

Поэтому когда теоретики высказывают надежду завершить в обозримые сроки «теорию всего», они не принимают во внимание, что эта теория будет ограничена в своих знаниях в силу вышесказанного. Она, кроме того, должна была бы включать еще одну принципиально неразрешимую проблему выявления законов поведения и взаимодействия объектов органики и их социальных институтов, включая поведение разумных существ и мыслительные процессы самих теоретиков. Постольку поскольку эволюция Вселенной с необходимостью включает в себя появление разумного существа на определенном этапе ее развития (антропный принцип). В этой связи представляются лишенными какой-либо логики любые теории, включающие в себя понятие «сингулярность». Разумеется, это утверждение, прежде всего, касается ТБВ. Ибо сингулярность, как неотъемлемое начальное условие теории, означает не только частичное отсутствие пространства и полное небытие времени, но и абсолютный вакуум (черная дыра) алгоритмов и принципов, правящих эволюцией космоса и существ, именуемых человеком, которым еще предстоит появиться (откуда, из чего?).

Тот, кто станет намекать нам, что последние рождаются в процессе расширения Вселенной, рискует прослыть сказочником, отличающимся от первобытного дикаря только знанием высшей математики. Впрочем, ничем он не рискует, принимая во внимание доверчивость неспециалистов и всеобщее невежество в вопросах космологии. Движимый естественным честолюбием, он закрывает глаза на долгую историю нашего звездного мира, свидетельствующую о величайшей эффективности и продуктивности не только ограниченного числа фундаментальных, но и миллионов частных, локальных законов, а также констант, правящих этим миром с той поразительной гармонией, под гипнозом которой Эйнштейн пребывал до конца своих дней. И самое фантастичное (абсурдное) во всей ТБВ состоит в том, что все миллион и один закономерности и физические постоянные должны были бы родиться в единый миг то ли до начала фазы «инфляции», то ли по ее завершении. Притом все они без исключения должны были быть: — а) изначально строго согласованы между собой, — б) включаться в русло общего потока перемен по мере «взросления» Вселенной строго по графику, — в) отличаться от наличествующих сегодня в пределах лишь малых отклонений. На это указывает все тот же антропный принцип, сформулированный Б. Картером в 1973 году.

Его смысл состоит в подчеркивании того факта, что принципы и алгоритмы, в соответствии с которыми существует окружающий нас звездный мир, должны быть таковы, чтобы способствовать появлению мыслящего индивида — человекоподобного существа там и тогда, где и когда будут складываться наиболее благоприятные условия. И первое категорическое требование для его выполнения состоит в 3-мерности пространства ($N = 3$). Ибо только в этом случае возможны, как устойчивые финитные (замкнутые в ограниченном пространстве), так и инфинитные (свободные и неограниченные) движения¹¹⁸. Соответственно, лишь при $N = 3$ возникает и протекает то огромное множество явлений, благодаря которым оказалось возможным наше появление на свет. В частности, при $N > 3$ ньютонова гравитация исключает какие бы то ни было устойчивые орбиты в масштабах от планет вокруг звезд, до электронов вокруг ядер. Со всеми вытекающими последствиями. То же условие многомерности пространства в рамках ОТО должно приводить к резкому усилению гравитационного взаимодействия, приво-

¹¹⁸ Эренфест П. Каким образом в фундаментальных законах физики проявляется то, что пространство имеет три измерения? Цитируется по: Г. Е. Горелик. Размерность пространства: Историко-методологический анализ. — С. 197–205. М., 1983.

дядшему к запрету на сколько-нибудь длительное движение тел. С теми же катастрофическими результатами. Следствия из условия 2-мерности пространства настолько очевидны, что не заслуживают рассмотрения.

Далее, если бы нейтрон был легче системы протон + электрон хотя бы на десятую долю процента (!), атом водорода быстро превращался бы в нейтрон. И тогда атомов и молекул не существовало бы вовсе. Последствия не требуют комментариев. Затем, если бы константа нуклон-нуклонного взаимодействия отличалась, хотя бы на 4 % (!) от наличествующей, углерод в звёздах практически не образовывался бы. Между тем, вся органическая материя представляет собой соединения углерода с другими элементами. Следовательно, крохотное отклонение этой константы от существующей поставило бы крест на появлении органики вообще и разумной жизни, в частности. (Как же в этой связи не поразиться пронизательности Пифагора, утверждавшего, что материальным миром правят числа). Эти и подобные им примеры произвели весьма сильное впечатление не только на ученых, но и на широкую публику. С одной стороны креационисты посчитали, что сама наука свидетельствует о божьем (разумном) творении Вселенной, с другой — пылкое воображение теоретиков немедленно предложило массу всевозможных толкований этому феномену. Среди них преобладают модели множественных вселенных (мультивселенных), либо «флуктуирующих» (?), либо так или иначе связанных с инфляционной стадией, следующей за преодолением роковой сингулярности¹¹⁹. С. Вайнберг выразился о них в том духе, что антропный принцип имеет сомнительный статус именно потому, что слабым местом такой его интерпретации «является неясность понятия множественности вселенных»¹²⁰.

Итак, завершая рассмотрение связи информации с принципом дополненности, можно думать, что помимо пространства-времени и математики существует *третий род идеального* — информация, являющаяся непосредственным и необходимым связующим звеном между материальными объектами. В то же время такое толкование информации позволяет расширить понимание понятия «жизнь». В самом широком смысле она есть *обмен информацией между материальными объектами как органической, так и неорганической природы, а также их соответствующая реакция на нее.*

¹¹⁹ А. Линде. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип. Архив препринтов: hep-th/0211048. 2002 г.

¹²⁰ С. Вайнберг. Мечты об окончательной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. Гл. IX, 2008.

4.4. Доказательство эволюционное

4.4.1. Замечание первое

Два человека оказали решающее влияние на развитие рационального мышления, которое только и дает мировой цивилизации надежду на выживание и дальнейшее развитие: Аристотель научил нас мыслить логически, Ч. Дарвин освободил наше сознание от необходимости веры в бога. Сказать, что Дарвин совершил революционный переворот, почти ничего не сказать. Если просветители обосновывали необходимость отказа от диктата церкви ссылкой на здравый смысл, то сэр Чарльз *эмпирически опроверг* библейские басни о «творении» земной органики. После представленных им недвусмысленных и неопровержимых доказательств стихийности ее эволюции, отсутствия какого бы то ни было вмешательства «руки бога» в процесс появления живых существ, завершившийся появлением вида *Ното сарпиенс*, всеми честно и непредвзято мыслящими людьми Библия должна была восприниматься как чистейший вымысел, обыкновенный миф. Тем самым Дарвин положил начало «отрезвлению» коллективного сознания и освобождению его от пут христианской и вообще всякой религиозной идеологии. Но самым решительным образом и бесспорно оправданно отвергая мистику и ее «вклад» в появление и развитие биологической жизни на нашей планете, он несколько «перегнул палку».

Как известно, в основу концепции биологической эволюции Дарвин положил триаду из *наследственности, изменчивости и естественного отбора*. Согласно его теории, появление новых видов организмов происходит в два этапа. *Первый этап* — создание изменчивости, благодаря непрерывному возникновению мелких, случайных сбоев в работе механизма наследственности. Силы, вызывающие генные мутации, действуют, по Дарвину, вслепую, поэтому вызываемые ими отклонения в огромном большинстве случаев вредны для организма, так или иначе понижая возможность особи оставлять конкурентно способное потомство. Второй этап — собственно отбор. «У большинства видов животных и растений группа особей-родителей производит на свет несколько тысяч, а иногда и несколько миллионов потомков. Изучение трудов Томаса Мальтуса убедило Дарвина в том, что лишь очень небольшая доля потомков может выжить»¹²¹. У каких

¹²¹ Майр Э., Айала Ф. Дикерсон Р., Шопф У., Валентайн Дж., Мэй Р., Мэйнард Слей Дж., Уошберн Ш. И. Левонтин Р. Эволюция. М., 1981. С. 18.

же особей имеется больше всего шансов выжить? Очевидно, у тех, которых изменчивость наградила благоприятными мутациями. «В тех редких случаях, когда модификация окажется благоприятной, она повысит вероятность выживания и размножения той особи, у которой она возникла. В результате эта благоприятная модификация постепенно, из поколения в поколение, буде все шире распространяться среди членов данной популяции и, в конце концов, заменит ту форму, которая доминировала прежде»¹²².

Дарвин рассматривал три типа отбора — стабилизирующий, направленный (анагенез) и дивергентный (кладогенез). Первый отбор, элиминируя (отбраковывая) особей с крайними отклонениями признаков, способствует длительному существованию вида без каких-либо заметных изменений. Вторая форма отбора возникает в ответ на постепенные изменения условий среды обитания вида и действует как механизм адаптации к ним особей данного вида. Третий вид отбора представляет собой расщепление исходного вида на две или более потомковые формы, каждая из которых, в свою очередь, порождает свои новые формы, образуя ветвящееся «филогенетическое древо» (от греч. *phyle* — племя, род, вид). Ясно, что именно дивергентный (расходящийся) отбор играет важнейшую роль в создании видового многообразия.

При этом, по Дарвину, «сырье» для всех типов отбора поставляют один и тот же источник — точечные, «слепые» мутации аппарата наследственности. Потому для возникновения заметных различий между предковыми и потомковыми формами, должно смениться от многих тысяч до многих миллионов поколений. То есть процесс эволюции, по мнению Дарвина, совершается «мелкими шажками» (градуалистически — от лат. *gradus* — шаг, ступень), плавно и чрезвычайно медленно. Однако, при всей внешней убедительности теории, одна проблема все же беспокоила его автора. Он не находил ответа на вопрос — каким образом благоприятные признаки выживших особей могут сохраняться в потомстве, не растворяясь при скрещивании носителей этих признаков с особями, несущими иные признаки? Потому что Дарвин не подозревал о существовании законов генетики, согласно которым передача наследуемых признаков из поколения в поколение происходит не континуально (слитно), а дискретно (прерывисто, пунктирно). Г. Мендель открыл это явление в 1865 г., экспериментируя с горохом. Когда же он решил проверить свои выводы на других растениях, в частности, на ястребинках, то потерпел неудачу. Разочарованный Мендель покинул науку, а его работа осталась неизвест-

¹²² Айала Ф. Механизмы эволюции. Там же. С. 34.

ной общественности, в том числе, разумеется, Дарвину. Переоткрытие законов наследственности произошло благодаря работам Г. де Фриза, К. Корренса и Э. фон Чермака только в 1900 г. Это событие укрепило позиции концепции Дарвина и придало ей новый импульс. Вобрав в себя достижения генетики и палеонтологии, этологии и экологии, дарвинизм стал именоваться синтетической теорией эволюции (СТЭ), опирающейся на 11 постулатов, признанных неоспоримыми.

Казалось, отныне СТЭ не должна была встречать серьезных трудностей в объяснении явления видообразования. Так что к середине прошлого столетия число ее противников явно уступало числу ее сторонников. Тем не менее, оппоненты не сдавались, и один из них — А. А. Любищев сформулировал тезисы СТЭ, представлявшиеся сомнительными. Мы приведем лишь наиболее важные для раскрытия смысла нашей критики СТЭ.

«1. Материалом для эволюций служат, как правило, очень мелкие, но дискретные изменения наследственности — мутации... Мутационная изменчивость... носит случайный характер.

2. Основным или даже единственным фактором эволюции является естественный отбор, основанный на отборе (селекции) случайных и мелких мутаций...

5. Эволюция носит постепенный (градуалистический) и длительный характер...

9. За рамками концепции биологического вида СТЭ оказалось огромное множество видов прокариот¹²³, низших эукариот¹²⁴ без полового процесса, а также некоторые специализированные формы высших эукариот — как среди животных, так и среди растений, вторично утерявших половой процесс... Макроэволюция¹²⁵, или эволюция на уровне выше вида, идет лишь путем микроэволюции¹²⁶. Согласно СТЭ, не существует закономерностей макроэволюции, отличных от микроэволюционных...

11. Эволюция непредсказуема, имеет не направленный к некоей конечной цели, т. е. нефиналистический характер»¹²⁷.

¹²³ Прокариоты — одноклеточные организмы, лишённые оформленного ядра (вирусы, бактерии, синезелёные водоросли, корненожки, жгутиковые, инфузории и т. д.

¹²⁴ Эукариоты — организмы, клетки которых содержат оформленное ядро.

¹²⁵ Макроэволюция (от греч. makros — длинный, большой) — надвидовой уровень эволюции.

¹²⁶ Микроэволюция (от греч. mikros — малый) — внутривидовая эволюция.

¹²⁷ Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 1999. С. 455.

В чем именно Любищев и остальные оппоненты СТЭ видели ее слабость (о креационистах¹²⁸, разумеется, здесь речь не идет — они не заслуживают упоминания вовсе)? Что побуждало их не соглашаться с тезисом о случайных микромутациях генетического материала как о *единственном* источнике изменчивости наследственности? Почему они настаивали на том, что образование новых видов в кладогенезе слишком часто происходит вопреки Дарвину, а именно быстро, скачками, сальтационно?

Потому что, во-первых, с ними солидаризировались геологи. В частности, Дж. А. Ван Кауверинг утверждает, что «простой униформизм¹²⁹ и линейная экстраполяция человеческого опыта на развитие природы — что отвечает точному значению понятия «градуализм» — не могут объяснить многие удивительные и необычные явления, которые... уже прочно вошли в наше видение мира»¹³⁰. Во-вторых, палеонтологи, со своей стороны, настаивают на том, что вся история Земли написана катастрофами. Последние настолько эффективно «выметают» прежние виды, что на возникновение и развитие новых видов градуалистически, на что требуются десятки и сотни миллионов лет, практически не остаётся времени. Именно катастрофы (вызванные падениями астероидов, извержениями супервулканов и т. д.) чаще всего, являют собой ту последнюю соломинку, которая «ломает хребет» видам, уже клонящимся к упадку. Тем самым, они существенно ускоряют процесс видообразования на новом уровне сложности организации органической материи. В-третьих, по мнению оппонентов СТЭ, эта теория объясняет совсем не то, что декларирует. Она показывает, как *сохраняются* и *изменяются* виды, но не как они *возникают*. Тем самым она не выполняет данного Дарвином обещания раскрыть секрет фантастического разнообразия органического мира, населяющего Землю.

Весьма знаменательно, что, подводя итоги развития СТЭ к концу 20-го века, Н. Воронцов утверждает, что «существует некая бесспорная сумма фактов..., которые никто из серьезных исследователей в настоящее время не пытается опровергнуть.

1. Жизнь существует на Земле 3,8–4,0 миллиардов лет (о возникновении жизни мы здесь не говорим, здесь много неясного)...

¹²⁸ Креационизм — (от лат. creatio — создание) — направление в биологии, считающее, что возникновение Вселенной, Земли, животного мира и человека есть результат «божественного творения», и отрицающее факт эволюции природы.

¹²⁹ Концепция в геологии, исходящая из представления о неизменяемости системы геологических факторов во времени.

¹³⁰ Катастрофы и история Земли. С. 10.

2. Бесспорно, что в эволюции происходили приспособительные процессы... (спорно, однако, все ли признаки возникли в результате адаптоциогенеза и всегда ли она адаптивны)...

3. Процесс адаптоциогенеза идет при участии естественного отбора.

4. Элементарной эволюционирующей единицей является популяция.

5. Материалом для эволюции служат случайные мутации и их комбинации (микро — или макромутации — вокруг этого идет спор).

6. Величайшим событием в эволюции является акт видообразования (как идет этот процесс — постепенно или внезапно, градуалистически или скачкообразно — вокруг этого идет дискуссия)¹³¹.

Данный перечень наводит на интересные размышления. Во-первых, сравнивая его с вышеупомянутым реестром постулатов СТЭ, можно видеть, что список «бесспорных истин» за полвека сократился в половину — с 11 до 6. Во-вторых, из оставшихся, по которым якобы отныне не существует разногласий, только вокруг 2-х не идут споры, а по оставшемуся пункту № 1 отмечается общая неясность. В-третьих, нет никаких оснований признавать акт видообразования важнейшим событием эволюции. По данным В. Гранта «общее число видов, населявших земной шар с момента возникновения жизни, составляет от одного до нескольких миллиардов»¹³². Следовательно, столько же было и актов видообразования (считая предельно грубо, получаем 1 акт в год). Но тогда их нельзя рассматривать иначе, как рутинные события в истории земной органики. Между тем, другие, гораздо более редкие, но куда более значимые вехи, радикально менявшие структуру и облик «живой материи» нашей планеты, специалисты по эволюции воспринимают как нечто второстепенное, «вторичное» по отношению к «первичному» — видообразованию. Я имею в виду следующие, не оспариваемые никем (кроме креационистов) факты.

1. Возраст Земли составляет 4,4–5,0 млрд лет, следовательно, жизнь на ней возникла практически тотчас, как только температура ее поверхности опустилась заметно ниже 100 °С.

2. Живое отличается от неживого, прежде всего, одним наиважнейшим признаком: *активным стремлением* (а не только пассивно адаптивной способностью) к самовоспроизведению (репродукции), к постоянно многократному тиражированию самого себя.

3. Процесс самовоспроизведения не может осуществляться без затраты энергии и материальных ресурсов. Поэтому чтобы удовлетворить

¹³¹ Воронцов Н. Н. «Развитие...». С. 469–470.

¹³² Грант В. Эволюция организмов. М., 1980. С. 20.

свое неиссякаемое стремление к самокопированию, живому было необходимо научиться пополнять свою энергию и «строительный» материал, извлекая их из окружающей среды. То есть живое должно было изобрести механизм обмена веществ — метаболизм.

4. Кроме того, для успеха процесса самовоспроизведения живое должно было «принять меры» к отгораживанию от внешнего мира. Иначе говоря, живое должно было научиться создавать средства защиты — оболочки, ткани и т. д.

5. Существуют только два «субъекта», способные инициировать, контролировать и регулировать все три вышеотмеченных ключевых процесса: дезоксирибонуклеиновая (ДНК) и рибонуклеиновая (РНК) кислоты. Молекулы ДНК и РНК и есть то, что можно назвать воплощением, лицом или квинтэссенцией жизни. Однако, поскольку ДНК представляет собой, грубо говоря, сложным образом устроенную двойную молекулу РНК, в дальнейшем, для простоты, под «живым» мы будем подразумевать, главным образом, молекулу ДНК.

6. Механизм репродукции един для всех организмов — от простейших одноклеточных (монер) до человека. Потому «все живое на Земле происходит от общих предков: вся нынешняя жизнь от клеток с информационными системами, основанными на репликации ДНК и на синтезе белков, направляемом информационной РНК»¹³³.

7. Первыми структурами, которые реализовывали необходимые условия существования жизни (вышеперечисленные пункты 2,3,4), были прокариотические бактерии, образовавшие надцарство монер (от греч. *μονερες* — одинокий). От них и произошли все прочие формы земной жизни. Поэтому в известном смысле, вся органика на нашей планете состоит друг с другом в родственных отношениях.

8. Монеры были единственными представителями жизни на протяжении архея (докембрия), т. е. в течение первых 2,5–3,0 млрд лет, или 65–80 % времени существования жизни. Они размножались, чаще всего, путем деления надвое или почкованием, а источником жизни для них служили абиогенные органические соединения.

9. За сотни миллионов лет архея возникло, по-видимому, не более одного двух десятков видов монер — бактерий и сине-зеленых водорослей.

10. При размножении делением потомки происходят от одной родительской клетки. Все они генетически совершенно идентичны — их ДНК

¹³³ Маргелис Л. Роль симбиоза в эволюции клетки. М., 1983. С. 18.

представляют собой абсолютно точные копии друг друга. Генетическое разнообразие среди них возникает только благодаря случайным мутациям (очепаткам). Поэтому крайняя скудность видового разнообразия монер свидетельствует об: а) исключительном консерватизме и устойчивости механизма репликации ДНК; б) низкой эффективности вклада слепых, точечных мутаций в процесс видообразования.

11. Несмотря на видовое однообразие монер, их общая масса тихо и мирно, но неуклонно возрастала, не ведая конкурентных страстей. Но вот настал момент, когда природные запасы пищи перестали удовлетворять нужды разросшейся массы ДНК.

12. И свершилось неприятное — ДНК столкнулось с проблемой дальнейшего существования. У нее было два выхода из создавшегося тупика. Первый — она могла «сказать себе»: стоп, хватит, пора учиться жить по средствам. Сажусь на диету, слежу за весом и удовлетворяюсь тем, что мне посылает небо и привычный способ усвоения жизни — брожение. Второй — ДНК могла «решиться» на радикальное изменение образа жизни, с пассивного на активный. Именно: искать новые источники пищи и энергии, новые способы их ассимиляции и метаболизма, новые формы структурирования своего убежища — клетки, причем в кооперации с ДНК других клеток.

13. ДНК благоразумно взяла на вооружение оба варианта. Так что одна ее часть осталась верна прокариотическому существованию. Другая же часть пошла по пути изобретательства фотосинтеза и хищничества, создания эукариотических клеток и разделения труда между ними, что привело к рождению *многоклеточных* организмов.

14. Однако быстрый прогресс по стезе усложнения функций ДНК тормозился митозом¹³⁴ — процессом простого деления хромосом между двумя дочерними клетками, унаследованными от прокариотического предка. Чтобы обойти это препятствие, ДНК совершила революцию — изобрела *половое размножение* — мейоз. Вот когда, наконец, слепой случай стал играть некоторую роль в возникновении новых видов организмов. Заметим, однако, что к услугам мейоза (и случая) прибегла *не вся* общепланетарная масса ДНК, а лишь некоторая ее часть.

¹³⁴ Каждого, кто наблюдал живую клетку в процессе митоза, поражают упорядоченность и изящество этого процесса. Физико-химического объяснения митоза до сих пор нет, и тем не менее, подобно рождению и росту ребенка, феноменология митоза изумляет своей внутренней логикой». — пишет Л. Маргелис — см. там же. С. 204.

15. Понимание того, что до конца архея «скорость эволюционного изменения оставалась ограниченной вследствие отсутствия развитого полового размножения, возникло только в самое последнее время», — утверждает Дж. Шопф, добавляя к сказанному следующий комментарий. — «Кроме всего прочего, в докембрии влияние, оказываемое живыми организмами на среду, было по меньшей мере столь же значительным, как и влияние среды на живые организмы»¹³⁵. В частности, именно благодаря им, атмосфера Земли стала насыщаться кислородом.

16. Точно также, только «начиная с 60-х годов XX в. постепенно становилось ясно, что в мире живых организмов наиболее резкая грань проходит не между растениями и животными, а между организмами, клетки которых содержат ядра, и теми, которые их лишены» — отмечает тот же автор¹³⁶.

17. Тем не менее, главное «содержимое» как прокариотических, так и эукариотических клеток остается неизменным и сохраняется таковым до сего дня, т. е. почти 4 млрд лет. И все эволюционные новшества нужны были *именно* и *только* ДНК, а не видам, и тем более, не организмам. Это подтверждают, в частности, примеры полового размножения и жизненного цикла многоклеточных организмов.

18. Преимущества мейоза перед митозом несомненны только с точки зрения эволюции видов. «По мнению» самих организмов, они крайне сомнительны¹³⁷. Брачные игры очень часто требуют от животных напряжения всех сил. Порой они чрезвычайно обременительны и подчас сопряжены с риском для жизни самих родителей — вспомним брачные мистерии скорпионов, некоторых видов пауков. Вспомним, каким трагическим исходом завершается таинство брака для лосося или горбуши.

19. Смерть абсурдна с точки зрения организма: к чему вести эту нескончаемую битву за жизнь, если при любых обстоятельствах и победителей, и побежденных подстерегает один и тот же конец? Тем более, что ниоткуда не следует, что многоклеточные организмы должны непременно стареть и умирать. Не существует никаких принципиальных запретов на их бессмертие. Однако... смерть *выгодна* эволюции, помогая ей быстрее

¹³⁵ Майр Э., Айала Ф. и др. Эволюция. С. 145.

¹³⁶ Там же. С. 115.

¹³⁷ Переменный электрический ток в розетках наших квартир колеблется с частотой 50 периодов в секунду. При репликации ДНК половой клетки родительская двойная спираль раскручивается со скоростью до 80 оборотов в секунду. (См.: Стент Г., Кэлиндар Р. Молекулярная генетика. М., 1981. С. 206). Спрашивается, к чему ей так суетиться, и откуда у нее берется эта бешенная энергия самокопирования?

тасовать колоду карт — генов, в поисках наиболее эффективных их сочетаний. Она решает долгосрочную стратегическую задачу «быстрого реагирования» для расширения плацдарма жизни.

20. Разделения труда между эукариотическими клетками, составляющими многоклеточные организмы, половое размножение, цикличность существования организма, фотосинтез, хищничество, паразитирование и прочие изобретения ДНК, явились следствием конкурентной борьбы, возникшей из-за:

а) ограниченности рынка предложений (сырьевых и экономических ресурсов);

б) неограниченного рынка спроса (стремления ДНК к безграничной экспансии).

Период, в течение которого наиболее активная часть всепланетной популяции ДНК придерживается *рыночной стратегии*, составляет только 20–35 % времени существования ДНК как таковой.

Подведем черту. Зададимся вопросом: можно ли считать, что в этой длиннейшей цепи причинно-следственных связей и логически совершенно закономерных событий решающая роль принадлежит слепому случаю? Подобная мысль представляется абсурдной. Нас призывают поверить в то, что бездумный случай способен породить все — от стремления молекул ДНК к неограниченному самовоспроизведению до рыночных механизмов спроса и предложения, инициируемых теми же ДНК. Данная интерпретация возможностей слепого случая дает нам основание «не верить» авторам СТЭ больше, чем Станиславскому бездарная игра актеров. Нас пытаются убедить в том, что эволюция фактически сводится к видообразованию. Нас заклинают поверить в то, что направляющей силой эволюции является естественный отбор. Но этот отбор обеими ногами упирается в ожесточенную ежедневную, ежесекундную борьбу за существование. Спрашивается: можно ли камни, компьютеры или высокотехнологичные космические аппараты побуждать «проявлять инициативу» и вступать в борьбу между собой без участия человека? Нас интересует ответ, конечно же, сторонников СТЭ.

Борьба, конкуренция — удел только тех, кто *стремится* достичь какой-либо осознанной или бессознательной цели, добиться успеха. Борьба и конкуренция бессмысленны без наличия воли к победе. Нам возразят: амeba, муравей и шимпанзе действуют под влиянием бездумных инстинктов. Но тут опять-таки уместен вопрос: откуда они берутся, эти инстинкты. Мнение креациониста, разумеется, известно. Не уповая на чудо, неодавинист обычно обходит вопрос этот стороной, будто его он не касает-

ся. Между тем, ответ более чем очевиден: инстинкты формируют ДНК и *никто (ничто)* более. Поразительно, как можно закрывать на это глаза.

Почему сторонники СТЭ так упорно отрицают факт прерывистости эволюции и многократного ускорения темпа изменчивости в короткие периоды образования новых видов (в процессе кладогенеза)? Не потому ли, что догадываются, но не желают признавать, что изменчивость подобного (особого) рода возникает не столько стихийно, сколько «осмысленно». Что в ее основе лежат не столько слепые (точечные) очепатки, сколько координированные, изменения генетической информации. Такие коррективы в ее содержании возникают либо в одной молекуле ДНК, формирующей зиготу¹³⁸ будущего «многообещающего уroda» (по Гольшмидту), либо у группы ДНК особей, связанных родственными отношениями. И в том, и в другом случае изменения происходят уже не строго вслепую, а в значительной степени целенаправленно. Что противоречит воззрениям неодарвинистов, решительно не желающих признавать за ДНК способность к какой-либо (минимальной) осмысленной деятельности. Они считают эту способность ДНК противоестественной.

Эпиграфом к своей книге «Происхождение видов...» Дарвин избрал следующие слова Батлера: «Единственное определение значения слова «естественный» это — установленный, фиксированный или упорядоченный; ибо не есть ли естественное то, что требует или предполагает разумного агента, который делает его таковым, то есть осуществляется или постепенно, или в установленное время, точно также как сверхъестественное или чудесное — то, что осуществляется им только однажды»¹³⁹. Разделяя такое понимание естественного, не могу удержаться от вопроса: что сверхъестественного видят неодарвинисты в предположении о способности молекулы ДНК к выработке стратегии? Разве она не ведет себя не только спонтанно, но и «установленным, фиксированным или упорядоченным» образом? Разве почти все, совершаемое ею, не осуществляется «постепенно или в установленное время»?

Подобную «ересь» неодарвинисты клеймят как витализм. «Согласно старой теории ортогенеза, направления эволюции определяются какой-то силой, присущей самим организмам. В одном из вариантов этой теории такой внутренней направляющей силой является «потребность» организ-

¹³⁸ Зигота (от греч. *zygote* — соединенная в пару) — клетка, образующаяся в результате слияния двух половых клеток (гамет) в процессе оплодотворения у животных и растений, размножающихся половым путем. Из зиготы развивается новая особь.

¹³⁹ Дарвин Ч. «Происхождение видов...». С. 3.

ма, «внутреннее стремление», некий *elan vital* и тому подобное... Присвоение мистических наименований, конечно, никак нельзя назвать научным объяснением»¹⁴⁰. Если предположение о наличии «внутреннего стремления» у ДНК Грант считает мистицизмом, то было бы желательно знать, что он понимает под конкуренцией – этим доминирующим мотивом естественного отбора? Полагаю, он не отдает себе отчета в том, что последний механизм состоит из двух факторов: внешнего и внутреннего. Внешний фактор зависит от условий окружающей среды в данное время и в данном месте: постоянно меняющихся ландшафтов, климата, пищевых ресурсов, *не зависящих* от конкретной особи данного конкретного вида. Внутренний же фактор, напротив, целиком и полностью *зависит* от стремления любыми способами отстоять жизненное пространство собственное и своего потомства, присущего каждой данной особи каждого вида, что проявляется в форме конкуренции. **Конкуренция и есть та внутренняя сила, тот *elan vital***, который побуждает драться подчас не на жизнь, а на смерть особей единого вида, он же стимулирует внутри- и межвидовую конкуренцию. Таким образом, можно как угодно клеймить витализм, но никуда не деться от того факта, что конкуренция есть проявление не слепого случая, а целенаправленной воли к жизни как одиночных организмов, так и их видовых сообществ.

Далее, тем же слепым случаем «антивиталист» обязан объяснить и возникновение жизни. Поразительно: как можно отрывать понятие «жизнь» от понятия «желание или цель жизни»? Неужели логика не подсказывает, что цель жизни любого организма определена предельно ясно и состоит в обязательстве оставлять после себя жизнеспособное потомство, пусть хоть ценой собственной жизни. Кто толкает самца паука каракурта в смертельные объятия самки, кто принуждает лосося надрываться, преодолевая мощное встречное течение, чтобы отметав икру, встретить смерть в тихой заводи? ДНК — скажет генетик, а мы добавим: атомы N, H, O, C, P. Механистическое сознание неодарвинистов ничем по способу мышления не отличается от религиозного и даже магического сознания. Все они руководствуются идеями *анимизма*. Различие между ними только в том, что верующие материалисты убеждены, что вне природы нет ничего (с чем нельзя не согласиться), тогда как религиозные верующие считают, будто без некоего мистического бога дело обойтись не может.

«Вероятность того, что безостановочно барабана по пишущим машинкам в течение миллионов и миллионов лет, стая обезьян может совер-

¹⁴⁰ Грант В. Эволюция организмов. С. 262.

шенно случайно напечатать один из сонетов Шекспира, не равна нулю. Следовательно, в принципе, она может реализоваться. Почему же мы должны отрицать возможность случайного самозарождения жизни?» — вопрошают сторонники этой идеи. Чтобы ответить на этот их вопрос надо принять во внимание следующее. Молекула ДНК (РНК) образуется из трех типов нуклеотидов (четырёх азотистых оснований, сахара и фосфорной кислоты)¹⁴¹. РНК одного из самых примитивных вирусов SV40 (современного аналога «первобытного» атома жизни) состоит из примерно 5000 нуклеотидов¹⁴². Следовательно, минимально возможное число случайных вариантов расположения одних только оснований в спирали РНК достигает, по меньшей мере, 10^{6000} . Сколько же времени потребуется для перебора всех вариантов? Если один переход займет хотя бы одну секунду, то вся операция растянется на 10^{6000} секунд. Принято считать, что Вселенная существует около 15 миллиардов лет, или менее 10^{18} секунд. Чтобы уложиться в период, равный одному миллиарду лет (отпущенному на старт земной жизни), необходимо, чтобы одновременно синтезировалось 10^{5982} молекул ДНК! Но как уверяют нас космологи, число элементарных частиц в видимой части Вселенной едва ли превышает 10^{80} . (Большие числа коварны: их легко изобразить, но трудно вообразить. Читателю, далекому от математики, напомним, что цифра, означающая степень числа 10, соответствует количеству нулей, следующих за единицей. Так, один миллиард (1 000 000 000) изображается как 10^9 . Во сколько же раз 10^{5982} больше чем 10^9 ?) Таким образом, у «слепого» случая катастрофически не хватает *ни времени, ни ресурсов всей* Вселенной — атомов углерода, водорода, азота, кислорода и фосфора — на то, чтобы путем произвольного перебора версий синтезировать хотя бы *одну* (1!) нить РНК (ДНК).

Теория вероятности делает эту возможность абсолютно невероятной: она отводит ему один шанс из единицы, за которой следуют тысячи нулей. Но этого мало. Если бы свершилось чудо, и обезьянам удалось бы сочинить-таки один сонет, то вероятность сотворения другого чуда исключена совершенно. Вероятность того, что этот случайно рожденный Шекспиров сонет сможет сам себя воспроизвести, *тождественно* равна нулю! Поскольку сначала этот лист бумаги с отпечатанным текстом, должен был бы изобрести технологию самокопирования, на что «мертвые» атомы, как предполагается, не способны. Спонтанное рождение информационной системы самовоспроизведения абсолютно исключено и

¹⁴¹ Стент Г., Кэлиндар Р. Молекулярная генетика. 646 С. М., 1981.

¹⁴² Майер В., Кенда М. Невидимый мир вирусов. М., 1981. С. 113.

в силу запрета, накладываемого на этот процесс вторым началом термодинамики. Последнее гласит: все естественные («самопроизвольные») процессы идут в направлении возрастания неупорядоченности (энтропии как меры хаоса). А это начисто исключает возможность спонтанного возникновения какой-либо устойчивой структуры из хаоса, в частности, упорядоченной структуры молекулы ДНК из «мусорной свалки» Хойла. ДНК родилось «противоестественным» образом, не имея на то «права». И все ее существование есть, по сути дела, непрерывная борьба со вторым началом термодинамики, которой и подчинена внутри- и межвидовая конкуренция. Чтобы поддерживать свою упорядоченность и способность к самовоспроизведению на должном уровне, ДНК обязана регулярно поглощать энергию извне для совершения работы против термодинамического равновесия с окружающей средой. Потому что достижение такого равновесия равнозначно потере ею своей структурности, т. е. смерти. Вот откуда проистекает ее постоянная нацеленность на экспансию, на расширение способов и средств добычи сырья и энергии, необходимой для борьбы с энтропией. Потому не может быть и речи о том, что движущей силой эволюции является случайность, коль скоро ДНК возникла *вопреки* ей.

4.4.2. Замечание второе

Сторонники СТЭ удивительным образом забывают о том, что давление отбора — волшебного ключа в дарвиновской теории видообразования, организуют сами «зрячие» гены, а не слепая стихия физико-химической среды. Именно их «сознательная» жизненная позиция — «поведение», а не только спонтанные колебания климатических, геологических или ландшафтных характеристик, создает предпосылки для прогрессивного (или регрессивного¹⁴³) развития организмов. И естественный отбор служит фильтром не столько для случайно возникающих «точечных» мутаций, сколько для опытной проверки надежности и устойчивости различных способов формирования и функционирования организмов, происходящих под «руководством ДНК». В терминах рыночных отношений можно сказать, что подобно тому, как на экономическом рынке и спрос и предложение определяет одна заинтересованная персона — человек во многих лицах, так и на рынке видообразования и спрос и предложение

¹⁴³ См. Алешин В. В., Петров Н. Б. «Регресс в эволюции многоклеточных животных». Природа. 2001. № 7. С. 62–70.

контролирует одна заинтересованная сторона — молекула ДНК¹⁴⁴ во множестве лиц. Дарвин этого не знал и не мог знать: со времени выхода в свет его книги и до открытия Дж. Уотсоном и Ф. Криком принципа структурной организации ДНК (1953) оставалось еще почти 100 лет. Но ведь современные идеологи СТЭ должны быть хорошо осведомлены о природе как рынка вообще, так и рынка отбора, в частности. И все же факт поразительного игнорирования этих очевидных вещей, я объясняю не мистикой, а инерцией мышления.

Вместе с тем, по-видимому, не будет большой ошибкой признать неодарвинизм или каноническую СТЭ теорией образования внутривидового разнообразия, или теорией расообразования. Истинное же видообразование, вероятно, связано с «сознательным» отклонением поведения небольших групп молекул ДНК от стандартной (для данной группы) модели, в целях поиска (и создания) новой экологической ниши. Вероятно, это происходит когда «внутреннее» давление среды (образуемое «консервативными» ДНК) в прежней экологической нише приближается к критической. После прохождения «натурных испытаний» у беспристрастного, но строгого экзаменатора — естественного отбора новый стереотип закрепляется в виде изменившегося комплекса поведения — инстинкта. Последний подстраивает под себя морфологию организма — его нервную, анатомическую и физиологическую организации. При этом еще раз подчеркиваем, что инициатива видообразования на всех стадиях этого процесса исходит от молекулы ДНК. Утверждая последнее, мы даем повод обвинить себя в еще одной «ереси» — в финализме. Объяснимся.

Все, кроме креационистов, признают, что при своем зарождении жизнь теплилась в микроскопически тонкой пленке, кое-где пятнами покрывающей границы между сушей и водоемами. За прошедшие 3–3,5 млрд лет континенты несколько раз сталкивались и расходились, океаны сливались и дробились, но на климате нашей планеты, в целом,

¹⁴⁴ А. Спирин полагает, что «первичным атомом» органической жизни является не ДНК, а РНК, поскольку последняя способна выполнять функции особых принципиально важных для жизни полимеров — ДНК и белков. Однако он считает необходимым подчеркнуть, что «в целом РНК предстает перед нами столь же удивительным полимером, что, казалось бы, ни времени эволюции Вселенной, ни интеллекта Творца не должно было бы хватить на ее изобретение». К тому же и проблема перехода от древнего мира РНК к современному белок-синтезирующему миру — наиболее трудная даже для чисто теоретического решения. Возможность абиогенного синтеза полипептидов и белковоподобных веществ не помогает в решении проблемы, так как не просматривается никакого конкретного пути, как этот синтез мог бы быть сопряжен с РНК и подпасть под генетический контроль». — См.: Спирин А. С. «Биосинтез белков, мир РНК и происхождение жизни». Вестник РАН, 2001. № 4. С. 320–328.

даже такие грандиозные события сказывались не слишком драматически. Средняя температура приземных слоев воздуха за все эти миллионы лет колебалась между 15 и 25 °С¹⁴⁵. Благодаря (или вопреки?) столь стабильно тепличным условиям границы жизни ныне раздвинулись гигантски. В лице ДНК она овладела всей гидросферой, литосферой и атмосферой Земли и уже приступила к «осаде» Луны и освоению ближнего космоса. Спрашивается: неужели не видно, что за всей этой неудержимой экспансией жизни стоит осознанное или бессознательное — не имеет значения — желание, страсть, воля (назовите как угодно) молекулы ДНК существовать не только вечно, но и наступательно? Притом не только ДНК. Голос жизни — Я ХОЧУ БЫТЬ — слышен повсюду: в звездах и галактиках, в атомах и элементарных частицах, в животных и растениях. Это и есть цель, правда, цель особая: не знающая завершения, не ведающая конца, сосредоточенная на безостановочном расширении пространства и умножения разнообразия форм жизни. Этой глобальной стратегической цели ДНК подчиняет всю земную органику от примитивного вируса до смысленной гориллы. Она принуждает их оставлять после себя потомство, порой ценой собственной жизни, расширяя, тем самым, плацдарм своего присутствия всюду и везде. Запущенный в 1972 г. космический аппарат «Пионер-10» ныне покинул пределы солнечной системы, углубляясь в бездны нашей Галактики. Он тоже несет на себе печать творчества ДНК. И это только начало ее прорыва в иные, но родственные ей миры, состоящие из единой материальной субстанции с едиными алгоритмами бытия всего сущего.

Все ключевые элементы и значимые механизмы рынка жизни возникли благодаря способности ДНК создавать новые условия и среды обитания (предложение), ее колоссальному репродуктивному потенциалу (спросу) и постоянному превышению спроса над предложением. Неужели же не видно, что все перипетии игры этого рынка, определяющие судьбу как отдельных особей, так и больших и малых групп организмов, ничуть не сказываются на состоянии самой ДНК? Гибель одного организма (вида) служит прологом к рождению других организмов (видов). Масса контролируемой ДНК органики не исчезает, не рассеивается безвозвратно, но целиком и полностью, так или иначе, утилизируется другими организмами (видами), к прямой выгоде ДНК. Ибо, чтобы не случилось, общая ее масса всегда только возрастает. Она не терпит поражения ни при каких обстоятельствах. Вопрос: быть или не быть? — адресо-

¹⁴⁵ Будыко М. И., Роков А. Б., Яншин А. Л. История атмосферы. Л., 1985. С. 138.

ван не к ней. Она — выше сомнений, она бессмертна. Внутри и межвидовая конкуренция, эта борьба не на жизнь, а на смерть между организмами (видами) ведется... ради процветания «вида» по имени молекула ДНК. Некоторые слывущие волевыми люди опрометчиво думают, будто силой их воли они обязаны самим себе. Они наивно полагают, будто они — непрекаемые хозяева своих страстей, намерений и помыслов. Они не догадываются, что как бессознательным, так и сознательным выбором своей жизненной позиции, определением стратегии своего поведения, своей целеустремленностью они обязаны коллективной воле молекул ДНК, контролирующих работу нейронов их головного мозга. Возможно, это покажется слишком циничным, но нельзя исключать того, что с «точки зрения» ДНК, человек и бактерия обладают одинаковым статусом. И что человек для нее привлекателен лишь тем, что с его помощью она «надеется» преодолеть земное притяжение.

Значит ли все вышесказанное, что мы подвергаем сомнению СТЭ? Никоим образом. В работе¹⁴⁶ указывалось, что «теория Дарвина совершила чудо в том смысле, что она стимулировала небывалый прежде интерес к проблемам происхождения и развития жизни не только среди специалистов, но и в обществе в целом. Она свергла диктатуру библейской ортодоксии, тиранившей сознание миллионов людей, приучила их видеть за всем происходящим в мире не божье провидение, а естественный ход природных явлений. Труды Дарвина окончательно и бесповоротно освободили науку от религиозной догматики, так противоречиво и странно влиявшей на мышление даже такого титана естествознания как И. Ньютон. Однако Дарвин ошибался, приписывая случаю главенствующую роль в естественном отборе. Эта ошибка была и объяснимой и плодотворной... Вместе с тем, легко понять и причину того, что Дарвин сделал ставку на случай. Как только он осознал истинную глубину пропасти несоответствия между прошлым и настоящим жизни природы с одной стороны, и догматами Писания — с другой, он должен был найти для эволюции самую простую, наглядную и естественную альтернативу неестественной божественной воле. Он признал необходимым обозначить линию размежевания между естествознанием и креационизмом как можно более четко и недвусмысленно, чтобы не оставалось места даже для малейших спекуляций со стороны последнего. Следовало бы найти такой опознавательный знак и символ науки, который не мог бы быть «приватизирован» креационизмом. Более подходящей кандидатуры на эту роль,

¹⁴⁶ Гивишвили Г. В. Философия гуманизма. 2009. С. 355–359.

чем случай, он не нашел. Этот его выбор не парализовал научный поиск, а напротив, колоссальнейшим образом стимулировал его».

В судьбах СТЭ и ТБВ проглядывает одна интереснейшая параллель. Обе теории преследовали цель объяснить с рациональных позиций происхождение и эволюцию: одна — органической жизни на Земле, другая происхождение и эволюцию жизни Вселенной. Под рациональностью в данном случае понималась чисто механистическая позиция анимизма, строго разделяющего и противопоставляющего «мертвую» материю и «животворящий» дух (сознание). Творцы обеих надеялись, что желаемое достижимо без особых усилий и в обозримое время. Не преодоленные до сего дня трудности, которые встретились тем и другим на этом пути, намекают на то, что они не могут достичь успеха *принципиально*. Поскольку стремление избежать любые ссылки на сверхъестественное несомненно похвально, но этого мало. Тупики, в которых оказались СТЭ и ТБВ подсказывают, что отторгать вмешательство мистических и иррациональных сил в дела природы есть условие необходимое, но *недостаточное*. Ибо, как физико-химическая, так и органическая природа и, тем более, их совместный венец творения — человек устроены много сложнее, нежели предполагает плоско механистическая (2-мерная) логика анимизма и Аристотеля.

Важнейшая роль принципа дополнительности (3-мерной логики Бора) в органике особенно наглядно проявляется в союзе случайности и необходимости в процессе возникновения новых видов. Теперь уже никто не оспаривает тот факт, что все выдающиеся события бурного роста видообразования происходили *вслед* за массовыми вымираниями, последовавшими за глобальными экологическими катастрофами. Последние вызывались разнообразными причинами, включая аномальную вулканическую активность, столкновения с гигантскими астероидами и т. д. и т. п. В ходе ордовикско-силурийского (440 млн лет назад) и девонского вымирания (364 млн лет назад) исчезло от 50 до 60 % видов морских организмов. В эпоху «великого» пермского вымирания, погибло около 97 % лиственных лесов. Земля превратилась в пустыню. Растительный мир стал миром грибов, питающихся мертвой древесиной. Гибель лесов привела к исчезновению более 90 % видов животных и до 83 % видов насекомых. Тем не менее, на восстановление биосферы ушло всего от 5 до 30 млн лет! Что подтверждает приведенную выше оценку скорости глобального видообразования, примерно равную одному акту в год. А также вывод о том, что видообразование представляет собой вполне тривиальное явление в истории земной органики.

Исключительно важно другое: вымирание старых форм открывало дорогу многим новым видам. Так, в частности, после триасового вымирания (201 млн лет назад), появились архозавры. От них произошли динозавры и крокодилы, а впоследствии птицы. Кроме того, тогда же дали о себе знать первые млекопитающие. А мел-палеогеновое вымирание (65,5 млн лет назад) уничтожило шестую часть всех видов, включая динозавров, «освободив место» для человека. Таким образом, градуализм играет в эволюции роль столь же значимую роль, что и «прерывистое равновесие» (термин Н. Элдриджа и С. Гулда). Оба механизма можно интерпретировать как необходимость (градуализм) и случайность (прерывистое равновесие). Так как первый представляет собой нормальный фон из закономерно происходящих небольших флуктуаций климата, тогда как второй — внезапные (случайные) аномальные отклонения от нормы, вызванные катастрофическими изменениями среды обитания. Первый, по-видимому, стимулирует возникновение преимущественно низших таксономических ступеней (видов и родов). Тогда как для формирования высших таксономических групп (от семейств и отрядов) требуется «вмешательство» его величества случая в лице аномальных природных встрясок-катаклизмов. СТЭ решительно отказывается признавать идеи Ж. Кювье, выдвинувшего теорию, согласно которой именно катастрофы способствовали образованию новых видов. Все, что сегодня известно о последствиях массовых вымираний свидетельствует в пользу его теории, но *не как единственной* модели видообразования, а как об одной из двух центральных.

СТЭ, кроме того, игнорирует идею Ж.-Б. Ламарка о наследовании приобретенных признаков родителей их потомками. Для ее опровержения А. Вейсман на протяжении многих последовательных поколений отрезал лабораторным мышам хвосты. По теории Ламарка вынужденное неупотребление хвостов должно было бы привести к их укорочению у потомков. Однако этого не произошло. Вейсман торжествуя решил, будто теория Ламарка не верна. Тем не менее, как быть с тем, например, что у роющих подземных видов млекопитающих (кроты) глаза в большей или меньшей мере редуцированы, а в некоторых случаях (сумчатые кроты, слепыши) даже затянuty кожистой перепонкой? Или с тем, что у ночных зверей (долгопят) глаза значительно крупнее относительно тела, чем у животных, ведущих дневной образ жизни и на открытых ландшафтах? В пользу слепого случая, прошедшего сквозь сито естественного отбора, как единственного механизма видообразования, приводят хрестоматийный пример с жирафом, на который ссылался Ламарк, доказывая свою правоту. Утверждают, что он был не прав, так как несообразно длинная шея животного в

действительности прекрасно объясняется не «упражнениями», а действием отбора. При этом не принимают во внимание, что дело не только в удачливости или неудачливости мутаций, которым подвергались ДНК жирафа, а в поведении животного, инициированном теми же самыми его ДНК. Поведение — первый шаг, как активный выбор, и лишь затем — второй шаг, как пассивная адаптация посредством отбора: вот последовательность эволюции на пути к удлинению его шеи. Тем более, что двухметровая шея — не единственная особенность жирафов. Чтобы качать кровь по шейным сосудам, потребовалось усилить их сердечнососудистую систему. Чтобы ходить и бегать, не теряя равновесия, им пришлось существенно изменить свою конституцию: зад у жирафов скошен, туловище укорочено, а ноги сильно удлинены. Иначе говоря, очевидно, что жирафа «сотворили» не одна-две, а целый комплекс целенаправленных мутаций. Насчитывают до 70 генов, специфичных именно для них и не встречающихся у других видов.

Благодаря чему разделились первые одноклеточные на животных и растений? Благодаря *выбору поведения*: выбору между активным поиском источников пищи, с одной стороны, и их пассивным ожиданием в надежде на авось, — с другой. Поведение первой группы простейших привело к возникновению конечностей, органов зрения, обоняния, нервной системы и дальнейшему всемерному усложнению структуры организмов животных. Поведение второй группы обрекло их на прозябание в виде безмолвных и безгласных источников пищи и кислорода для первых. Коротко говоря, Вейсман провел эксперимент не корректно. Он должен был ставить опыт на двух группах мышей: одним отрезая хосты (имеющие в их жизни важное, но не решающее значение), другим лапу (да не обвинят меня в живодерстве). И тогда многое прояснилось бы в вопросе — обладает молекула ДНК памятью, или нет. Генетическая память должна была бы способствовать активной (а не только пассивной — посредством естественного отбора многих случайных очепатков) адаптации формирующегося вида к новым условиям среды и способам существования.

Наконец, еще один аргумент в пользу гибкости генов, их способности едва ли не молниеносно реагировать на изменения окружающей среды, не дожидаясь тысячелетий и «разрешения» его величества случая. М. Фишберг¹⁴⁷ анализируя различия между евреями, разбросанным по всему миру пришел к двум выводам. Во-первых, нет места на земном шаре, где «не ступала бы нога еврея». Их присутствие замечено от Китая на востоке до

¹⁴⁷ М. Фишберг. Евреи: исследование расы и окружающей среды (избранные главы).

Ямайки на западе, и от Мадагаскара на юге до Скандинавии на севере. И разбросала их по свету трагическая история их преследований, которая началась с Вавилонского пленения и продолжается по сей день. Вторых, и это главное: разнообразие еврейских антропологических типов столь велико, что исключает их классификацию. Даже в Африке, в различных частях континента, встречаются самые разные типы евреев. Здесь они имеют отчетливо африканский тип. Цвет их кожи меняется от белого в Северной Африке к черному в Абиссинии. В Северной Африке есть несколько типов евреев в Марокко, Алжире, Тунисе и Триполи. Там были найдены сефарды, которые существенно не разнятся от этого же вида евреев живущих в Европе и Малой Азии, но отличаются от коренных евреев, живущих в городах Алжира, Туниса, Орана. Из антропологических исследований выяснилось, что они выше европейских евреев, и только пять процентов имеют светлые волосы, по сравнению с тридцатью процентами европейских евреев. Они — долихоцефалы, особенно тунисские евреи, головной индекс которых 77,56, таким образом, они схожи с мусульманским населением этой части Африки.

В свою очередь, китайские евреи легко могут сойти за китайцев. В Индии встречаются несколько типов евреев, разделенных на две большие группы: белых и черных евреев. Первые существенно не отличаются от европейских евреев с разделением на два типа, ашкеназийский и сефардический. Наиболее любопытными, с антропологической и этнологической точки зрения являются евреи Дагестана. Они полностью отклонились от этнического типа евреев в любой другой стране. Они высоки ростом и среди них очень мало блондинов, 87 % имеют темные волосы и глаза. Форма черепа гипербрахицефалическая, средний головной индекс 86,35 и ни один долихоцефал не был встречен среди 160 индивидуумов, исследованных антропологом. И их невозможно отличить от татов, лезгин и черкесов, среди которых они живут. Об исключительной эластичности генов свидетельствуют и другие антропологические характеристики евреев, даже в их собственной среде. На что указывает сравнение сефардов и ашкенази. В целом, сефарды — долихоцефалы (обладают длинным черепом), тогда как ашкенази брахицефалы (широкий череп). 49 % польских евреев светловолосы, а 54 % школьников-евреев в Австрии голубоглазы.

Второй «грех» СТЭ, проистекающий из плоской (бинарной) логики анимизма, состоит в том, что он, фактически, ставит знак равенства между автоматом и живым организмом. Первый слепо подчиняется нашим командам, второй — неведомо откуда взявшимся инстинктам. При всем том, между ними существует непреодолимая пропасть. Наши команды по от-

ношению к автомату есть воздействие *внешнее*, а инстинкт по отношению к организму — *внутренне*, принадлежащее ему самому. И поразительно то, что инстинкты «заставляют» организм существовать в условиях подчас невыносимых с нашей точки зрения. «Бытие» императорского пингвина подвергает его таким колоссальным стрессам и невыносимым испытаниям почти всю жизнь, что невольно возникает мысль: ради чего он переносит такие мучения? Не так давно в глубинах Атлантического океана были обнаружены геотермальные источники — «курильщики». Концентрация губительного сероводорода и углекислого газа вблизи них в миллионы раз превышает их концентрацию в обычной морской воде. И вот оказалось, что в этом аду крошечном, при чудовищном давлении и в беспросветном мраке существуют, размножаются и процветают некоторые организмы. Спрашивается: кто или что принуждает их пребывать в этой преисподней? Говорят: инстинкты. Право, эти инстинкты для сторонников СТЭ — сущая палочка-выручалочка, такая же универсальная, легко объясняющая все на свете, как для верующего бог. Самые неправдоподобно сложные процессы в животном мире списываются ими на инстинкт. Но откуда берется инстинкт, как и в чем он образуется, иногда чуть ли не моментально, не дается ответа.

Морская черепаха, едва вылупившись из яйца, отложенного ее мамочкой на песчаном пляже Калифорнии, спешит в воду. Если повезет, она будет наслаждаться жизнью двадцать, а то и тридцать лет. За это время ей ничего не стоит оказаться у берегов Австралии. Но тут что-то щелкает в ее голове. Она разворачивается на 180 градусов и спешит вернуться к берегам, давшим ей жизнь. Чтобы там, в свою очередь, отложить яйца будущего потомства. И, что самое поразительное, находит свои пенаты с потрясающей точностью, проделав тысячи километров пути. Чудо здесь в том, что это событие происходит всего лишь раз в ее жизни. Повторы исключены. Опыт — «сын ошибок трудных» отсутствует начисто. Каким же образом закрепляется инстинкт? Ответа нет. Потому что нет вопроса. Задавать его неудобно, ставить — неприлично. В сущности, то же самое можно сказать о лососи. Свой подвиг возвращения к местам, где вылупилась из икринки, она совершает раз в жизни. Никакого накопления информации для передачи опыта у нее нет. И таким примерам несть числа. Что из этого следует? Природа невероятно, фантастически хитроумна. Ее загадки способны поставить в тупик любой, самый мощный ум. И все же, самая большая ее загадка — сам человек. Почему? Потому что, его разум видит очевидное и при этом не осознает, не придает этому значение. Он отдает предпочтение вере в священные постулаты теории. В триаду: на-

следственность, изменчивость, естественный отбор. Притом, что триада не объясняет, по сути, главного. Именно — как зародилась и благодаря чему развивалась биологическая жизнь. Посему не ясно, чем эта вера отличается от религиозной.

Физики утверждают, что Вселенной правят четыре фундаментальных взаимодействия, или силы: гравитация, электромагнетизм, ядерные сильные и слабые. Они определяют все без исключения физико-химические процессы, протекающие на земле и в небесах. Они же управляют динамикой эволюции космоса. Вопрос: какова движущая сила специфической биологической эволюции? Ясно, что не гравитация, электромагнетизм и не ядерные силы. Так кто или что? Из всех мыслимых ответов самый вероятный — молекула ДНК. Именно ее страсть, желание, воля к неограниченному расширению жизненного пространства играет роль движущей силы биологической эволюции. Она определяет поведение всех без исключения биологических объектов. Ее кнут и пряник — инстинкты: та самая информация, о которой говорилось в предыдущем разделе. Чем отличается самый изощренный робот от самой примитивной амебы? Тем, что у него отсутствует желание и возможность существовать автономно. Амеба, напротив, передвигается по «собственному разумению», сама находит пищу и утилизирует ее, сама размножается простым делением, оттого только и избегает смерти. Робот лишь тогда можно будет признать равным человеку, когда он *захочет* жить, то есть, самостоятельно участвовать во всех перипетиях биологического цикла. Аристотель особо подчеркивал этот момент, утверждая, что «некто живет и тогда, когда у него наличествует хотя бы один из следующих признаков: ум ощущение, движение и покой в пространстве, а также движение в смысле питания, роста и упадка, имеющие основание *в нем самом* (di'aytoy). Поэтому, как полагают, и все растения наделены жизнью¹⁴⁸. Таким образом, жизнь с точки зрения биологии, как ни парадоксально, сводится к простейшей формуле: **жизнь = желание**. Есть **желание** — **есть жизнь**, нет желания — нет жизни. (По Аристотелю желания, страсть и волю возбуждает душа, под которой сегодня подразумевают инстинкты). Наша апатия, полное безразличие к происходящему — первый шаг на пути к небытию. Желание реализует цель. У всех без исключения органических субъектов и объектов от вирусов до человека есть одна **общая генеральная цель** — при любых обстоятельствах оставлять жизнеспособное потомство (подчас ценой собственной жизни).

¹⁴⁸ Аристотель. Сочинения. Т. 1. С. 394–396, 1976.

Какую же роль, в таком случае, играет естественный отбор? Его давление организует *сама* ДНК. Между тем, как спонтанные колебания климата, геологии или ландшафта служат не столько фильтром для случайно возникающих опечатков. Они — «контролеры», проверяющие надежность и устойчивость различных способов формирования и функционирования организмов. А кто их гениальный творец? Воля, желание молекулы ДНК. Эволюция слепа. Сие есть факт. В этом отношении Дарвин бесспорно прав. И, вместе с тем, не прав в другом. Поскольку есть одно «но». Судя по необозримо долгой истории жизни на Земле, у эволюции есть цель. Однако в силу своей слепоты, она идет к ней мириадами разных путей, на ощупь, методом миллиардов проб и ошибок. Но с невероятным усердием и все большим ускорением. Перебирая и перетасовывая все мыслимые и немыслимые варианты, подходы, способы. Отбрасывая одни и вынимая из рукава другие виды организмов. А когда движение замедляется или тормозится, она прибегает к услугам случая: катастрофическим изменениям климата — извержениям вулканов, потопам, засухам, падениям астероидов и т. д. Тем самым *отмечаются виды, достигшие своего потолка и мешающие передовым отрядам двигаться вперед*. Иначе говоря, организмы испытывают давление со стороны не столько внешнего «естественного», сколько внутреннего «искусственного» отбора. А их иницирует сама неугомонная молекула ДНК.

4.4.3. Замечание третье

Молекула ДНК представляет собой набор всего из пяти (5!) «мертвых» атомов: кислорода (O), углерода (C), водорода (H), азота (N) и фосфора (P). Правда, их геометрия и последовательность расположения строго определены. Так, например, набор из тех же пяти атомов, соединенных иначе, способен продуцировать всего лишь «безжизненные» белки, липиды или углеводы. В связи с чем возникает ключевой вопрос: если ДНК и есть «перводвигатель» жизни, то что именно «вдыхает» в нее жизнь, что наделяет ее атрибутами жизни? Наука (в том числе и СТЭ) не дает ответа на него. Потому что она признает существование непреодолимой стены (пропасти), разделяющей «живую» и «неживую» материю... в точности копируя первобытный анимизм, возникший в эпоху тотального господства магии, а затем и все без исключения религиозные системы мира. В этом и состоит величайший парадокс нашего времени: современная рациональная наука продолжает держаться того же реликтового, сугубо механистического мнения, *ничем в этом смысле не отличаясь от магии и*

религии. (И так уж не прав был Фрэнклин, сославшийся на философов каменного века?)

Все первые цивилизации мира возводились на двух стопах авторитаризма: политической деспотии и религиозном мировоззрении. Первым исключением из этого правила явилась Афинская цивилизация, с ее относительной свободой мышления. И наиболее глубоко мыслящие ее представители — первые философы (Фалес и Гераклит, Парменид и Зенон) придерживались не стихийного материализма (как утверждают сторонники диалектического материализма), но именно гилозоизма. С гибелью Афинской демократии закатилась и звезда гилозоизма. А торжество христианства поставило на нем окончательный крест, символизируя полный триумф анимизма. С последним европейская мысль по сей день связывает истину в последней инстанции. Однако эволюция, фактически, вынуждает нас вернуться к идее гилозоизма, но уже не на уровне подсознательной, интуитивной догадки, а на основании бесспорных, эмпирически выверенных фактов.

Это означает признание того, что жизнь присуща всем без исключения материальным объектам Природы от элементарных частиц до Вселенной. Разумеется, проявления жизни мегамира, с одной стороны и микромира, с другой, заметно отличается от «образа жизни» химических соединений, а тех, в свою очередь, от сложных органических молекул и далее, от существования простейших одноклеточных и многоклеточных организмов. Как, равным образом, различается бытие человека и его ближайших собратьев по семейству *Hominidae*. Тем не менее, *жизнь материальных объектов Природы проявляется в универсальной для них способности обмениваться информацией (воспринимать ее, запоминать и отвечать) между ними и закономерно предсказуемой (строго или вероятно) реакции на нее всеми сторонами, что предполагает знание ими алгоритмов (устава) их поведения*. Однако, так как материальные сущности образуют ступенчатую пирамиду иерархии от элементарных частиц до звезд и галактик, каждой такой ступени присущ как собственный «язык общения» объектов, так как и способ их существования. В мертвом на вид камне благополучно «процветают» атомы кальция, магния, алюминия и т. д. С другой стороны рождение и смерть организма — растения, животного, человека представляют собой переходы из одной ступени организации материи в другую. Рождение равносильно созданию новой, более сложной структуры устройства материи, смерть — ее распаду на первоначальные элементы. Так что если в мире и возможны чудеса, то именно это понимание и исполнение «неживой» материей своих правил «поведения»

в тех или обстоятельствах, на том или ином уровне ее организации и составляет наивысшее, подлинное чудо Природы.

Все вышесказанное приводит к выводу о справедливости нижеследующих тезисов.

1) Эволюция земной органики есть развитие (восхождение) и *дополнение* физико-химической эволюции Вселенной. Чрезвычайная ее уязвимость компенсируется поразительной изобретательностью и «волей к жизни».

2) У каждого представителя земной органической жизни от самых примитивных до наиболее сложных форм есть долгосрочная, глобальная, стратегическая цель, внушаемая ей молекулой ДНК: оставлять после себя жизнеспособное потомство, пусть даже ценой собственной жизни.

3) Жизнь есть понятие не только биологическое, но и физико-химическое. В органике материальное — молекула ДНК (атомы N, H, O, C, P) и идеальное — инстинкты (формирующие алгоритмы поведения организмов) образуют нерасторжимое единство, не существующее одно без другого.

4) Дарвиновская триада: наследственность — изменчивость — естественный отбор есть производная другой более широкой триады: закономерность — случайность — принцип дополнительности. Случайность конструктивна и созидательна точно также, как закономерность, а градуализм и прерывность в эволюции органики не исключают, а дополняют друг друга.

5) Прогресс в органической эволюции имеет целью «развитие нервной системы и усложнение психики»¹⁴⁹.

4.5. Доказательство психологическое

4.5.1. Общие соображения

Подобно многим научным дисциплинам, психология (от греч. ψυχή — психика) своими корнями уходит в античность, и одним из ее истоков, в частности, признан трактат Аристотеля «О душе». Он предвосхитил многие ответы на вопросы, поставленные человеческой любознательностью о побудительных мотивах, двигающих нами. Удивительно точно философ обозначил место психологии в ряду других наук, особенно отметив, что «познание души много способствует познанию всякой истины,

¹⁴⁹ Шовен Р. От пчелы до гориллы». С. 21. 1965.

особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ», и затем прибавляет: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и труднее всего»¹⁵⁰. Красноречивым свидетельством этих трудностей является обилие школ, течений и направлений современной психологии, разрабатывающих с тех или иных позиций те или иные стороны и проблемы психики — пожалуй, самого загадочного атрибута человеческой индивидуальности. Не углубляясь в перипетии их исследований, которым посвящены горы научных трудов, уместно отметить две их бросающие в глаза особенности.

Первая — резкая *асимметрия* интереса к проблемам индивидуальной и групповой психики. Индивидуальной психике уделяется внимания несоизмеримо больше, нежели групповой. Из 28–30 сложившихся к настоящему времени научных школ и течений (от бихевиоризма и гештальтпсихологии, до функционализма и экзистенциализма) только одна рассматривает проблемы групповой психики. Это тем более удивительно, что во всех, практически, общественных отношениях и институтах решающую роль играет коллективная психика. Тем не менее, ни одна гуманитарная наука не признает ее фундаментальное значение в своих исследованиях.

Вторая — проблемы *эволюции* обоих родов психики (индивидуальной и коллективной) остаются, практически, за скобками исследований. Вопросам их долговременных изменений в зависимости от внешних факторов и собственной (имманентной) динамики уделяется крайне мало внимания. Между тем, они чрезвычайно важны для успешного прогнозирования ближайшего будущего последствий событий, происходящих в последние десятилетия. Принимая во внимание их значимость в общественной и частной жизни, особенно в свете их решающей роли в развитии толерантности, остро необходимой для плодотворного сосуществования субъектов современного мирового сообщества, попытаемся частично восполнить этот пробел.

Первыми, кто обратили внимание на специфические проблемы коллективной психологии, были Х. Штейнталь и М. Лацарус. Их вывод сводился к тому, что дух народа живет только в индивидуумах и не имеет особого бытия, отличного от духа индивидуума. Тем не менее, проявляясь в духовном мире отдельных индивидов, дух народа определяющим образом формирует их эмоциональный настрой, образ мыслей и волю. В свою очередь, В. Вундт считал, что язык, мифы и обычаи представляют собой не какие-либо фрагменты творческого народного духа, но самый этот дух

¹⁵⁰ Аристотель. Сочинения. Т. 1. С. 371. 1976.

народа¹⁵¹. Следовательно, исследование языков, мифов и обычаев должны, по его мнению, относиться к важнейшим задачам психологии. Особенно заметный вклад в понимание специфики массовой психологии внес Г. Лебон (его «Психология социализма» была настольной книгой В. Ленина). Однако, оттеняя различия между индивидуальной и групповой психикой, он не задался вопросом ни о причинах, лежащих в основе различий, ни об историческом развитии обоих ее родов¹⁵². А поскольку индивидуальная психология развита и детализирована значительно более, нежели групповая (в силу большего к ней интереса), будем искать ответ, «танцуя от печки».

Сегодня насчитывается несколько тысяч самых разнообразных классификаций, акцентирующих внимание на тех или иных особенностях психики индивидов. Тем не менее, все классификации, так или иначе, выделяют среди этих особенностей относительно небольшое число групп, характеризующих наиболее важные и специфические, с точки зрения данного исследователя, черты. Например, Платон делил людей по их социальному признаку и политическим предпочтениям на пять типов: 1) нормальный — характеризуется преобладанием высшей стороны души, стремлением к поиску истины; 2) тимократический — отличается сильным развитием честолюбия и склонности к борьбе; 3) олигархический — выделяется сильно развитым стремлением к обогащению; 4) демократический — определяющей чертой является отсутствие четких нравственных ориентиров и принципов, 5) тиранический, с преобладанием самых низших, животных влечений. Э. Шпрангер, напротив, предпочитал оценивать личность по признаку его отношения к познаниям и доминантным ценностям. Основываясь на этом подходе, он выделял шесть основных психотипов: 1) теоретик — стремится к познанию; 2) экономист — ищет в знании материальную пользу; 3) эстет — поклоняется гармонии во всем; 4) социалист — общественник; 5) политик — ценит власть над окружающими; 6) верующий — занят поисками смысла жизни и божественного откровения.

Американские психологи разработали (в том числе, в помощь работодателям) 9-и уровневую модель типологии, основанную на мышлении и поведении индивида (<http://www.enneagraminstitute.com/>). К основным психотипам модель относит: лидера, лоялиста, миротворца, энтузиаста, помощника, мотиватора, перфекциониста, мыслителя и артиста. Все они, в свою очередь, делятся на три группы — здоровый диапазон (высшие проявления типа), средний диапазон (нормальные проявления типа), нездоровый диапазон

¹⁵¹ В. Вундт. Проблемы психологии народов. М., 1912.

¹⁵² Г. Лебон. Психология народов и масс. М., 1995.

(деструктивные проявления типа). Крегер и Тьюсон рассуждают о 16 типах личности, определяющих частную и общественную жизнь современного человека¹⁵³. Обобщение основных существующих в настоящее время классификаций позволило С. Поройкову выделить 7 базовых (в норме) психотипов: статусный, гностический, организующий, гедонистический, консолидирующий, коммуникативный, а также экспрессивный (творческий)¹⁵⁴.

Все отмеченные и оставшиеся за скобками многочисленные модели характеризует одна общая черта: они имеют отношение к настоящему времени и описывают психику и поведение индивида — современника того или иного творца модели. И не учитывают того, что как то, так и другое могли меняться и действительно менялись со временем подчас радикально (будет показано ниже). Еще одна их специфика состоит в том, что классифицируются лишь психотипы, обладающие хорошо выделяющимися особенностями, позволяющими безошибочно различать их между собой. Между тем, жизненный опыт общения с множеством людей подсказывает, что заметное их большинство не обладает ясно выраженными чертами характера. (Психопатологии в данном анализе во внимание не принимаются). Часто они бывают так размыты, или пребывают в столь глубоко латентном состоянии, что их затруднительно относить к той или иной психо-поведенческой категории. Поэтому к означенным Поройковым семи базовым психотипам, на наш взгляд, следует добавить восьмой — нейтральный («бесцветный»), численно, возможно, преобладающий.

4.5.2. Индивидуальная и групповая психика животных

Невозможно получить ясное представление о долговременных трендах изменчивости психики, если не приступить к изучению этого явления с «азов» — с поведения и психики животных, наших предшественников по эволюционной лестнице. *Homo sapiens* — существо социальное, то есть общественное. Следовательно, его поведение, как и всякого общественного животного, изначально определяли два фундаментальных инстинкта: индивидуальный и коллективный (стадный), включающих в себя множество производных. При этом, за исключением четырех видов подлинно общественных — *эусоциальных* (от греч. eu-хорошо и лат. *socialis*-общественный) насекомых (термитов, муравьев, пчел и ос), поведение

¹⁵³ Крегер О. и Тьюсон Дж. Типы людей и бизнес. М., 2005.

¹⁵⁴ Поройков С. Ю. Психологические типы. — М.: ИНФРА-М (Научная мысль), 2015.

всех млекопитающих форм контролируют, прежде всего, индивидуальные инстинкты самосохранения. Они призваны приспособлять организмы к условиям среды и поддерживать их жизнедеятельность в ключевых аспектах: удовлетворять потребность в пище, избегать преждевременной гибели, оставлять многочисленное потомство. (Дарвин не дал точного определения приспособленности, однако сегодня признается, что «наиболее приспособлен не тот, кто лучше всего приспособлен к существующим условиям среды, а тот, кто приспособлен к условиям обитания и чьи потомки будут приспособлены к будущим условиям обитания»¹⁵⁵). Коллективные инстинкты проявляются, главным образом, в процессах, так или иначе связанных с размножением и выведением потомства. Однако нацеленные на поддержание определенного порядка даже в относительно многочисленных популяциях, они не требуют разделения труда между особями, подобно тому, как это наблюдается у эусоциальных пчел или муравьев.

Этология — наука, изучающая поведение (инстинкты) животных, давно отказалась видеть в них автоматы (как утверждал Р. Декарт) и признала за ними определенную способность к эмоциям, приобретению опыта и даже к простейшим видам рассудочной деятельности. «Холлидей, например, показал, что у крыс тенденция к исследованию новых ситуаций не ослабевает, если они только что исследовали какую-то другую обстановку; пожалуй, она даже усиливается. Известно, что некоторые млекопитающие и птицы способны к «исследованию» в вышеуказанном смысле. В других группах животные, как мы знаем, способны выучить, иногда до фантастических деталей, географию участка обитания, — отмечает Меннинг, — Большинство исследователей употребляет термин «инсайт» для обозначения случаев, когда животное решает задачу очень быстро, слишком быстро для обычных проб и ошибок. Имеется в виду, что решение приходит быстрее, чем если бы животное действительно производило пробы, однако возможно, что оно совершает эти пробы в уме»¹⁵⁶. Инсайт («озарение»), отличается от тривиального научения трудозатратным методом проб и ошибок. И, в известном смысле, свидетельствует о понимании организмом отношений между стимулами или событиями, между причинами и следствиями, т. е. фактически, о зачатках логики в животном мире.

В предыдущем разделе приводились примеры проявления инстинктов, которые категорически не могли складываться градуалистически —

¹⁵⁵ Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. С. 87. М., 1988.

¹⁵⁶ Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. С. 275–276. М., 1982.

постепенно, шаг за шагом, методом накопления опыта проб и ошибок. И, подобно тому, как в жизни особи важную роль играет инсайт как обучение новым навыкам, также, по-видимому, можно говорить об *инсайт-инстинктах*, рождающихся не у единичной особи, а почти одновременно у группы особей под влиянием совместной переориентации одного или нескольких видоспецифических для данной группы инстинктов. Это делает поведение даже насекомых более гибким, а их изучение более затруднительным. «Поскольку пчела относится к насекомым, мы склонны считать ее простым автоматом. Однако ее поведение удивительно сложно, — утверждает Мак-Фарленд, — Пчелы способны адаптироваться к новым обстоятельствам посредством научения. Для добывания взятка пчелы должны владеть сложнейшим искусством навигации, основанной на распознавании наземных ориентиров, использовании солнца в качестве компаса, поляризованного света в пасмурную погоду, а также магнитного поля Земли»¹⁵⁷. Затем он добавляет: «Примитивное представление об инстинктивном поведении сводилось к тому, что детальны инструкции по реализации поведения и раздражители, которые вызывают это поведение, закодированы в генах организма... В последние годы концепция инстинкта изменилась: мы лучше понимаем, что все типы поведения представляют собой результат генетических и средовых взаимодействий»¹⁵⁸. В подтверждение чему он ссылается на брачное поведение животных.

«Самцы лягушки-быка конкурируют за территорию в прудах, куда самки приходят откладывать икру... Самцы используют голос и физическую силу, сражаясь за лучшую территорию. Самцы, которые старше и крупнее, обычно побеждают, а небольшие молодые самцы могут остаться вообще без территории. Эти молодые самцы пользуются такой стратегией — они молча сидят около «поющего» самца и пытаются перехватить самок, которых он привлекает. Точно также молодые морские слоны нередко пытаются присоединиться к гарему самца-доминанта, при этом они ведут себя как самки. Затем они украдкой совокупаются, пока хозяин гарема разбирается с соперником. Молодые самцы благородного оленя также могут пытаться украдкой спариваться с самками из гарема доминирующего самца»¹⁵⁹. Таким образом, хитрость вовсе не человеческое изобретение, равно как элементарные проявления логики и рационального поведения.

¹⁵⁷ Мак-Фарленд Д. Поведение животных. С. 375–386. М., 1988.

¹⁵⁸ Там же. С. 325–341.

¹⁵⁹ Там же. С. 143.

С другой стороны, и классический, и благоприобретенный и даже инсайт-инстинкт, как вместе, так и отдельно инициируются генетическим кодом. Но что представляет собой этот последний? Всего лишь союз пяти клонов «мертвых» (по мнению ученых) атомов, *самостоятельно* выстроившихся в строго определенную последовательность и *самовольно* правящих поведением и жизнедеятельностью не только одиночных организмов, но и их группами по алгоритмам (программам), которые *сами* же создают. Поэтому если и есть что-либо в мире парадоксального, так это вера ученых в способность «мертвого» порождать «живое». Глубочайшее заблуждение всей современной науки, стоящей на фундаменте механицизма, состоит в приверженности архаичному *предрассудку*, фактически — суеверию, именуемому анимизмом и разделяющему все материально существующее на «живое» и «мертвое». В природе нет ничего мертвого за исключением изделий (автоматов) созданных руками человека. Но и те мертвы лишь в качестве комбинаций живых атомов, собранных воедино не по собственной «воле», а по прихоти человека. Что же касается смерти организма, завершающей цикл его индивидуального онтогенеза, то, как говорилось выше, она есть понятие относительное для молекулы ДНК, так как ее атомы Н, N, С, О, Р, «творящие» организмы, бессмертны. Покидая один объект, они переходят в другой, или «строят» новый. Поэтому для них статус всех организмов — от человека до вируса совершенно равноправен.

4.5.3. Сознание у животных?

В связи с чем, возникает вопрос: обладают ли животные хотя бы простейшими формами сознания? На него даются подчас диаметрально противоположные ответы. Владельцы домашних животных, как правило, убеждены в том, что их любимцы наделены полноценным разумом. Ученые бихевиористы доказывают обратное. Сегодня некоторые психологи порицают Дарвина за его склонность проводить параллели между эмоциями животного и человека. Другие ученые утверждают, что «у большинства животных сознание есть. Существуют исследователи, считающие, что сознание не может быть предметом научного изучения, и исследователи, считающие эту тему не заслуживающей внимания. Ситуация осложняется еще и тем, что очень трудно прийти к приемлемому определению сознания. Гриффин определяет сознание как способность организма создавать психологические образы и использовать их для управления своим поведением. Это очень напоминает определение, которое предлагает Оксфордский толковый английский словарь... Животные думают, но

люди способны думать абсолютно по-другому, используя совершенно другой код. Несомненно, что вторжение языка изменило сам способ, каким мы осмысливаем самих себя. Нам трудно представить себе сознание без языка. Однако это не дает нам права считать, что животные, которые не имеют языка или обладают очень примитивным языком, не имеют сознания»¹⁶⁰, — признает Мак-Фарленд. Совершенно соглашаясь с ним, стоит заметить, что ученые, выражающие скепсис в отношении сознания животных, несомненно, обладают интеллектом, превышающим интеллект среднестатистического человека. Однако если бы инопланетянам, попавшим на Землю и вздумавшим протестировать умственные способности человека, попались индивиды, не способные одолеть азы среднего или даже начального образования, например арифметики, к какому выводу пришли бы они? А ведь известно, что многие личности, чрезвычайно одаренные в одном отношении, выказывали себя совершеннейшими бездарями в других сферах деятельности.

Обращаясь к вопросу о возникновении социальности в животном мире, следует, по-видимому, разобраться с тем, какое его проявление можно считать самым первым порождением коллективного инстинкта? «Два главных фактора, на которых основана организация многих сообществ, — это доминирование и территориальность. Иерархическая организация, основанная на доминировании, встречается в самых различных таксономических группах животных... В идеальной последовательной иерархии можно расположить всех особей данной группы в один ряд таким образом, что каждая из них (начиная с «альфа-особи») будет доминировать над всеми особями, находящимися по одну сторону от нее, и занимать подчиненное положение в отношении всех особей, находящихся по другую сторону» — утверждает Дьюсбери¹⁶¹. То есть исторически первым шагом к возникновению социальности у всех видов животных явилось выделение альфа-особи из массы сородичей. В животном мире и, в особенности у млекопитающих, альфа-особью, как лидером социальной (иерархической) организации сообщества, большей частью, является самец. Даже когда в роли альфа-особи выступает самка, она уступает домогательствам самца, когда наступает «его час» (например, у слонов). Ибо в обязанности альфа-особи входит не только поддержание порядка, но и защита группы. У павианов «самец вожак пользуется неограниченными привилегиями, занимает в стае самое удобное место, ест, что хочет и где хочет, выбирает любую самку и требует полного под-

¹⁶⁰ Мак-Фарленд Д. Поведение животных. С. 478–479.

¹⁶¹ Д. Дьюсбери. Поведение животных. Сравнительные аспекты. С. 110–111. М., 1981.

чинения от соплеменников. Но когда угрожает сильный враг — лев или леопард, вожак вступает с ним в смертельную схватку, в то время как остальные члены стаи наблюдают за сражением, сидя на деревьях»¹⁶².

В львином прайде самец «выступает в роли этакого могущественного средневекового рыцаря, который в награду за боевые заслуги получает от своего народа пожизненное содержание и вечную благодарность. Ведь для стаи нет ничего более важного и жизненно необходимого, чем обширная территория с богатыми охотничьими угодьями, достаточным количеством воды и удобными укрытиями»¹⁶³, — подчеркивает де ла Фуэнте. Правда, автор несколько преувеличивает почести, воздаваемые альфа-самцам в животном мире. Они вовсе не пожизненные, их постоянно приходится отстаивать в жесточайших схватках, а поражение от молодого претендента на «трон» сплошь и рядом завершается для бывшего короля изгнанием из рая. (Добиться пожизненных благ для себя удалось лишь двуногим альфа-самцам, да и то лишь в среде земледельческих общин). Впрочем, у приматов роли альфа-особи подчас добиваются не только наиболее сильные самцы, но и наиболее хитрые. В одной из стай шимпанзе один самец далеко не выдающихся физических кондиций заметил, что шум, возникающий от игры с пустой консервной банкой (металлической), пугает его сородичей. Он немедленно воспользовался ситуацией и стал терроризировать соплеменников, неумолчно грохоча банкой. Как ни странно, ему удалось принудить их согласиться с признанием для себя особого статуса и соответствующих привилегий.

Среди явлений, сопутствующих обитанию в сообществах, одно заслуживает особого внимания. Имеется в виду понятие, которое Дьюсбери характеризует следующим образом. «Особь многих видов стремятся держаться на определенном расстоянии от других особей своего вида. Это расстояние называют *«индивидуальной дистанцией»*, и его не следует смешивать с территорией. Установлено, что одно лишь уменьшение индивидуальной дистанции повышает вероятность агрессивного поведения у столь различных форм, как птицы и приматы»¹⁶⁴. Однако уменьшение «индивидуальной дистанции», связанное с увеличением плотности популяции может приводить не только к повышению агрессивности, но также к усилению иерархии среди особей. «Часто перенаселение ведет к появлению более выраженной иерархии... Рассел и Рассел особенно подчерки-

¹⁶² Ф. Родригес де ла Фуэнте. Африканский рай. С. 71–72. М., 1979.

¹⁶³ Там же. С. 24. М., 1979.

¹⁶⁴ Д. Дьюсбери. Там же. С. 116.

вают влияние высокой плотности и связанного с ней стресса на агрессивность в сообществах, как у человека, так и у животных... Некоторые вариации в структуре сообществ, наблюдаемые нами у разных видов приматов, обусловлены традициями и *не имеют* (выделено мной. — Г. Г.) генетической природы», — замечает Меннинг¹⁶⁵.

Еще одно важное следствие из общественного образа жизни состоит в следующем. Наблюдения, в частности, за японскими макаками, позволило этологам внести коррективы в представления о способах распространения культурных навыков у людей и животных. «Прежде считалось, что все поведение человека целиком определяется культурой, без всякого участия генетических факторов. Теперь же... совершенно очевидно, что на культурную эволюцию оказывают влияние генетические признаки. Способность к обучению имеет важное значение для культурной эволюции, а эта способность, по крайней мере частично, обусловлена генетически... Культурная эволюция отличается от эволюции генетической рядом особенностей. Она носит *ламаркистский* характер, поскольку приобретенные признаки могут передаваться по наследству. Кроме того, эти признаки могут передаваться не только потомкам, но и другим особям. Наконец, культурные признаки могут распространяться в популяции гораздо быстрее, чем генетические признаки... И, разумеется, естественный отбор может действовать на культурные признаки так же, как он действует на генетические признаки», — утверждают О. и Д. Солбриги¹⁶⁶.

Оценивая достоинства и недостатки общественной жизни, Дьюсбери относит к недостаткам следующие важнейшие: а) ограниченность пищевых ресурсов, б) опасность инбридига (скрещивания близкородственных форм), в) подверженность болезням. Среди наибольших же достоинств он отмечает: а) защиту от хищников, б) повышение конкурентной способности, в) проникновение в новые экологические ниши, г) повышение выживаемости детенышей, д) большая стабильность популяций¹⁶⁷. Таким образом, по его мнению, выгоды общественного образа жизни заметно перевешивают изъяды. При этом среди многих факторов, влияющих на структуру сообщества, особую значимость представляет плотность популяции, подчеркивает он. Она играет подчас ключевую роль в существовании тех или иных видов организмов. От нее, в частности, зависит механизм, названный «*чувством кворума*» (quorum sensing), включающийся в момен-

¹⁶⁵ Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. С. 313–329. М., 1982.

¹⁶⁶ Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. С. 272–273. М., 1982.

¹⁶⁷ Д. Дьюсбери. Там же. С. 351–352. М., 1981.

ты, когда положение требует принятия «коллективным решением демократическим путем». Чувство кворума позволяет группам организмов выполнять координированные, слаженные действия — подобно клеткам многоклеточного организма. Однако в последнем слаженность поведения клеток обеспечивается специальными системами централизованного управления — например, нервной системой. В группе отдельных самостоятельных организмов таких централизованных систем управления обычно нет. Поэтому согласованность действий у одноклеточных организмов, как правило, основана на своеобразном химическом «голосовании». Например, все бактерии в популяции выделяют сигнальное вещество, и когда концентрация этого вещества в окружающей среде достигает некоего *порогового значения*, все клетки дружно меняют свое поведение, например, начинают испытывать «тягу» друг к другу и собираться в большие скопления. (Одним из первых объектов, на которых стали изучать чувство кворума, была светящаяся бактерия *Vibrio fischeri*). «Чувство кворума» и быстрые согласованные изменения поведения широко распространены и у многоклеточных организмов. Переход от индивидуальной жизни к групповому поведению у них иногда может иметь поистине драматические последствия. Как, например, у саранчи, у которой превышение некоего критического порога скученности превращает ее в хищного налетчика. Особенно интересные результаты дали исследования изменения группового поведения под влиянием «чувства кворума» у атлантической сельди.

Оказалось, что в течение нерестового периода сельдь каждый вечер собирается в громадные скопления численностью до четверти миллиарда особей, которые согласованно и дружно плывут на мелководье, где она нерестится. В течение дня рыбы плавают порознь вблизи дна в глубоких местах, где хищников гораздо меньше, чем на мелководье. Незадолго до захода солнца сельдь начинает постепенно скапливаться на глубине от 160 до 190 м. Поначалу плотность рыб растет медленно. Однако в тот момент, когда плотность достигает *порогового значения* 0,2 рыбы на квадратный метр, поведение рыб радикально меняется. Рыбы вдруг устремляются навстречу друг другу и образуют плотное скопление (до 2–5 рыб на кв. м), которое становится своеобразным «центром кристаллизации» для гигантской стаи. От этого первичного скопления стремительно распространяется «волна» измененного поведения: рыбы видят, что их сородичи уже поспешили на сбор, и сами начинают плыть друг к другу. В результате образуется плотная стая длиной до 20–30 км и шириной порядка 3–4 км, вытянувшаяся с запада на восток на глубине 160–190 м вдоль северного склона нерестовой отмели. Затем вся эта громадная масса

рыб начинает согласованное движение на юг и вверх, к месту нереста. А смысл синхронизации их поведения состоит в том, что она позволяет защитить максимальное количество потомства от террора прожорливых птиц, дельфинов, акул и т. д.¹⁶⁸

Все выигрышные аспекты социальности, очевидные в формажорных обстоятельствах у рыб и в рутинном существовании у млекопитающих, не дают никаких особых преимуществ насекомым (если не считать саранчи в экстремальных случаях). Тем не менее, именно у последних она достигла своего пика развития в явлении эусоциальности. По мнению Дьюсбери, для нее характерны «три особенности: 1) кооперирование особей, принадлежащих к одному виду, 2) разделение труда, достигающее такой степени, что группы, выполняющие различные функции, рассматриваются как «касты», 3) совместная деятельность при выполнении работ в колонии, по крайней мере, двух поколений»¹⁶⁹. Брайен выделяет еще три отличительные черты, свойственный эусоциальным насекомым: а) образование ими подчас огромных и высокодифференцированных сообществ-колоний, б) строительство «стационарных» жилищ, в) генетическое родство всех членов социума: все они потомки одной родительницы — «царицы». При этом Брайен подчеркивает, что разделение труда у муравьев достигает такой степени, что приводит к возникновению эффекта «рабовладения».

В частности, он ссылается на европейских *Harpagoxenus sublaevis*, «солдаты» которых осаждают гнезда *Leptothoras acervorum* и убивают всех рабочих особей, пытающихся спастись бегством. Куколок, личинок и яйца грабители уносят в свое гнездо и сортируют, яйца и личинки выбрасывают. Куколкам позволяют развиваться во взрослых особей с тем, чтобы использовать их в качестве «рабов». *Formica sanguinea* нападает на *Formica fusca*, обращая их в рабство. «Рабовладельцы» чрезвычайно придирчивы при выборе «рабов» и, как правило, в каждой данной семье все рабы принадлежат какому-то одному виду. Возможно даже, что рабовладельцы выбирают рабов, относящихся к определенной расе. В Северной Америке *Harpagoxenus americanus* атакуют гнезда *Leptothoras longispinosus*, съедают их яйца и личинок, а куколок «экспроприируют», из которых позже выходят «рабочие-рабы». Принимая во внимание архитектурные и строительные «talants» термитов и пчел, а также сильно развитые способности к обмену информацией между особями всех эусоциальных насеко-

¹⁶⁸ Makris N. C., Ratilal P. et al. Critical Population Density Triggers Rapid Formation of Vast Oceanic Fish Shoals // *Science*. 2009. V. 323. P. 1734–1737.

¹⁶⁹ Д. Дьюсбери. Там же. С. 117–118.

мых, Брайен приходит к выводу, что их семьи представляют собой, в сущности, новые индивидуумы — сверхорганизмы. Озадачивает же его один вопрос: «почему возник общественный образ жизни и почему он до сих пор достиг полного развития только у термитов, муравьев, пчел и ос. Почему не у пауков, клопов, жуков и бабочек, которые все в довольно значительной степени проявляют заботу о потомстве, но опекают его не так долго и не так тщательно?»¹⁷⁰. По-видимому, ответ заключается в том, что, как отмечалось нами не раз, эволюция слепа, и наугад перебирая все (!) возможные формы организации жизни, случайно опробовала и механизм эусоциальности. Таким образом, подводя итоги рассмотрения психики и поведения животных, можно резюмировать следующее.

1. Поведение общественных видов животных определяют две формы социальности — слабая и сильная (эусоциальность). Первая форма отмечается, главным образом, у млекопитающих и птиц, вторая — только у 4-х видов насекомых.

2. При слабой социальности поведение животного регулируют, как индивидуальные, так и групповые инстинкты на примерно равных основаниях. Доминирующим «распорядителем» поведения эусоциальных насекомых являются групповые инстинкты.

3. Социальность в организации общественной жизни проявляется, прежде всего, в разделении труда и выделении из массы особей данной группы лидирующей альфа-особи. При этом у эусоциальных насекомых ею бывает только самка («царица»), у прочих же видов, как самец (чаще), так и самка (реже).

4. Социальность дает известные преимущества перед одиночным образом жизни животным высших таксономий, и не дает, по-видимому, никаких особых преимуществ общественным насекомым.

4.5.4. Человек эпохи первобытного коммунизма

Об образе жизни первобытного коммуниста философы прошлого говорили много фантастического: от ее лубочной идеализации до окрашенной в мрачные тона. Так, Т. Гоббс утверждал, что в природе человека существует три причины, вызывающую нескончаемую *bellum omnium contra omnes* (войну всех против всех): «во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы... Отсюда видно, что пока люди живут без общей власти, держащей их всех в страхе, они находятся

¹⁷⁰ Брайен М. Там же С. 11.

в состоянии войны всех против всех... В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, ...нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и коротковременна. Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места.. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости... Указанное состояние характеризуется также отсутствием собственности, владения, отсутствием точного разграничения между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это»¹⁷¹.

По мнению Ж.-Ж. Руссо, напротив, «до тех пор, пока люди довольствовались своими убогими хижинами, пока они ограничивались тем, что шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных шипов или рыбных костей,... пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между собою наслаждаться радостями общения, не нарушавшими их независимость... Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем, гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья, или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибните, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья»¹⁷².

В действительности, в образе жизни человека в начальной фазе существования не было ни тех, ни других крайностей. Главное, он мало чем отличался от такового, свойственного его ближайшим «собратьям меньшим» (от которых он часто вел свою «родословную», как утверждают исследователи тотемизма¹⁷³). Эпоха коммунистического охотника-собирателя заняла от 80 до 90 % времени существования вида *Homo sapiens*. При этом его сообщества (семейные группы) редко превышали не-

¹⁷¹ Т. Гоббс. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 97–98. 1989–1991.

¹⁷² Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. С. 72, 78. М., 1969.

¹⁷³ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.

скольких десятков и, тем более, сотен членов, в силу того, что ни охота, ни собирательство не в состоянии прокормить многотысячные компактные коллективы. Следовательно, его поведение также должно было регулироваться, в основном, индивидуальным инстинктом самосохранения. Каждый коммунистический охотник заботился, прежде всего, о себе и лишь затем о своей кровнородственной общине. Посему последняя характеризовалась, практически, всеми чертами традиционного для млекопитающих общественного существования со сравнительно слабо выраженной социальностью. За одним исключением. В человеческой орде образовалось то, чего не было у прочих общественных млекопитающих — своеобразное разделение труда. Свообразие заключалось в том, что человек эпохи первобытного коммунизма совмещал в себе две ипостаси — «хищника» и «травоядного» одновременно. Мужчины-охотники, приняли на себя функцию поставщиков мясной пищи, оставив за женщиной роль добытчика растительной пищи. И подобно тому, как на трофической лестнице животного царства плотоядные стоят выше травоядных, так и в человеческом обществе возникло первое неравенство — по гендерному признаку. Вместе с тем в среде мужчин царило полное равноправие: ни один из охотников не обладал никакими особыми привилегиями, кроме врожденных преимуществ в силе, сообразительности, ловкости и т. д. Тотальное равенство между ними соблюдалось, прежде всего, в отношении потребления еды. «Древнейшим принципом распределения пищи, отмеченным у аборигенов Австралии, бушменов, огнеземельцев и других примитивных охотничье-рыболовецких племен, был ее раздел между присутствующими, причем даже самый удачливый охотник получал не больше других сородичей... Коллективизм в потреблении был не просто автоматическим результатом коллективного производства, а необходимым условием выживания при низкой производительности труда и частой нехватке пищи... Из 183–186 особей, обнаруженных в мезолитическом могильнике Тафоральт (Марокко) 97–100 особей не достигало 17 лет!»¹⁷⁴. Так что даже генетически обусловленные качества наиболее опытных и удачливых альфа-самцов не выделяли их из общей массы соплеменников. Тем самым сообщества охотников-собирателей представляли собой упорядоченную анархию, точнее говоря — первобытную демократию, явившись как бы предтечей прямой афинской демократии с ее бесправным положением женщин.

¹⁷⁴ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. «История первобытного общества» С. 99–108. М., 1974.

Сказка о матриархате, которой потчевали общественность историки-марксисты, была сочинена с единственной целью «поднять женщин на борьбу за свои поправленные права», чтобы совместно с мужчинами-пролетариями свергнуть ненавистный капитализм. Более того, у наиболее культурно отсталых по тем или иным причинам народов — австралийцев, бушменов, огнеземельцев женщина была первой одушевленной собственностью мужчины. Этот гендерный предрассудок оказался настолько стоек, что в ряде регионов дожил до наших дней. Капитан Кук — первопроходец Океании (1772–1775 гг.), отмечал, что у туземцев Новых Гебрид «наиболее трудные работы исполняют женщины, которые служат здесь вместо вьючных лошадей. Я видел, как женщина несет за плечами младенца, держа в руках тяжелый тюк, или идет, сгибаясь под тяжестью большого узла, а впереди важно выступает парень, у которого в руках нет ничего, кроме дубины или копья»¹⁷⁵. Почти точную копию подобного отношения к женщинам Ч. Дарвин отмечал у огнеземельцев Южной Америки (1831–1836)¹⁷⁶. Тонкий исследователь эволюции любовных отношений Ю. Рюриков также отмечает, что любовь, признающая равенство между мужчиной и женщиной хотя бы кратковременно и в виде намека, неведома людям каменного века. Ссылаясь на писателя и путешественника Б. Лапина, описавшего нравы чукчей начала XX века, он пишет: «Между собой у чукчей существует групповой брак, называющийся «нэуа-туумган». Мужчина, имеющий жену, приходит к другому. Говорит: «Я твой туум-гетум (товарищ). Хочу быть твоим побратимом...» Побратим приходит ночевать к жене своего друга, а назавтра, в свою очередь, он зовет нового «нэуа-туумгетума» к своей жене»¹⁷⁷. (Ее мнением, разумеется, никто не интересуется).

Тем не менее, не имея права игнорировать марксистские клише, Рюриков невольно противоречит самому себе. С одной стороны он утверждает, что «в золотом веке первобытности, в расцвете матриархата, царило равенство мужчин и женщин. Психологический уровень людей был достаточно высок, душевные их отношения глубоки, и в этом теплом климате появились, видимо, первые весенние побеги любви». А затем, вопреки им же сказанному, заключает: «Интересно, что любовь появляется во времена, когда женщина подпадает под господство мужчины... Можно было бы подумать, что любовь возникла в истории как психоло-

¹⁷⁵ Кук Д. Плавание к южному полюсу и вокруг света». С. 430.1964.

¹⁷⁶ Ч. Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М., 1977.

¹⁷⁷ Ю. Рюриков. Три влечения. Минск. 1986. С. 22.

гическое возмещение за женское рабство: подчинив женщину, мужчина сам попал к ней в плен»¹⁷⁸. Между тем, неверно то и другое. Поскольку любовь как интимное переживание, отличное от грубо животного вожделения родилась в ходе гуманистической революции — возникновения античной цивилизации. Тогда как практически всем цивилизациям традиционного типа было свойственно в целом пренебрежительное отношение к женщине. История оставила нам лишь редчайшие исключения из этого правила — Эхнатон и Нефертити, Рама и Сита. (Впрочем, традиции индуизма и ислама даже сегодня не признают женщину существом, равным мужчине). Лишь Эллада и Рим признали любовь чувством, уравнивающим мужчину и женщину. Подтверждение чему дали античная мифология и любовная лирика, сохранившие имена Одиссея и Пенелопы, Орфея и Эвридики, Энея и Дидоны, поэтов Архилоха и Сафо, Катуллы и Горация, и даже философа Платона. (Что, однако, не изменило приниженный правовой статус женщины в античности). Отсюда следует, что первый психический тип, отвечающий требованиям социальности в человеческом социуме, был альфа-самец, выделяющийся из массы сородичей-соплеменников.

Но помимо разделения труда между мужчиной и женщиной, человечество проложило еще один путь к формированию зусоциальности, недоступной млекопитающим ввиду отсутствия у них подходящих средств обмена информацией на больших расстояниях. (Демонстративные телодвижения, подобные танцам пчел, или пахучие соединения и феромоны, используемые муравьями и термитами, мало пригодны для общения четвероногих). Эволюция одарила человека двумя величайшими ценностями — членораздельной речью и воображением. Теперь в его среде на статус альфа-самцов могли претендовать обладатели не только стальных мускулов и зорких глаз, но также и индивиды, отмеченные изощренной хитростью и сообразительностью¹⁷⁹. Ибо любознательность, свойственная всем млекопитающим, а также богатое воображение, дарованное только чело-

¹⁷⁸ Ю. Рюриков. Три влечения. С. 26–27.

¹⁷⁹ Мак-Фарленд утверждает (С. 79), что «основные типы взаимодействия между животными различных видов — хищничество и конкуренция... Виды со сходными нишами в одних местообитаниях конкурируют в борьбе за пищу и могут конкурировать также в борьбе за другие ресурсы... Два вида не могут занимать одну и ту же нишу в одном и том же местообитании». Этот «запрет» напоминает принцип Паули для элементарных частиц, согласно которому два и более тождественных фермиона не могут одновременно находиться в одном и том же квантовом состоянии. И вместе с тем, он, возможно, проливает свет на причину исчезновения неандертальцев: в конкуренции между их грубой физической силой и сообразительностью Ното победила последняя.

веку, совместно породили веру в виртуальный мир таинственных духов — анимизм. А общая детская незрелость мышления первобытного охотника охотно признала этих последних властителями и распорядителями всех природных явлений и объектов от солнца и звезд на небе, до рыб в реках и деревьев в лесу.

Обсуждая вопрос о врожденных принципах, Дж. Локк замечает, что они появились как только люди нашли несколько общих положений, в которых могли не сомневаться сразу. Будучи принятыми однажды, они избавляли ленивых умом от мук исканий. «А для тех, кто претендовал на роль ученых и учителей, было немалой выгодой установить в качестве принципа *принципов* то положение, что нельзя подвергать сомнению принципы... Чтобы отвлечь людей от пользования собственным разумом и способности суждения, заставить принимать все на веру и слово, без дальнейшего исследования. При такой слепой доверчивости легче было ими управлять и сделать их полезными для тех, кто обладал умением и имел задачу наставлять их и руководить ими. Обладать авторитетом диктатора принципов и наставника неоспоримых истин и понуждать других на веру принимать за врожденный принцип все, что может служить целям учителя, — это немалая власть человека над человеком»¹⁸⁰.

Само собой разумеется, что хитрецы, утверждавшие, будто способны общаться с духами и даже манипулировать ими с пользой или во вред окружающим (с помощью белой и черной магии), были признаны могущественными заклинателями сверхъестественных сил — колдунами, шаманами, магами. А поскольку им не могли не верить (доверчивость, равно как и подозрительность коммунистического охотника были безграничны), они стали почитаться едва ли не наравне с традиционными альфа-самцами. Так шимпанзе с консервной банкой, не обладавший выдающимися качествами лидера-«силовика», обратившись в человека, стал еще одним альфа-самцом, но порождением уже не генетической, а культурной эволюции. Повинуясь социальному инстинкту, он стал играть роль, условно говоря, интеллектуального лидера коммунистической общины. Чтобы отличать одних от других оправдано дать им определения «альфа-т» (от англ. monarch) и «альфа-с» (от англ. spiritual — духовник) индивиды. Именно они, обладая безграничным честолюбием и необыкновенным упорством везде и всюду, как на Западе, так и на Востоке, явились исторически первыми светскими и духовными воплощениями еще очень шаткой и кратковременной власти (аналог «цариц» у муравьев или термитов).

¹⁸⁰ Дж. Локк. Сочинения в трех томах. Т. 1. С. 151–152. М., 1985–1988.

Но вот феноменальные успехи на поприще охоты пещерного коммуниста, наделенного самым мощным в природе оружием — разумом, спровоцировали первый искусственный экологический кризис в глобальном масштабе. Численность крупных травоядных — основного источника мясной пищи в считанные тысячелетия повсеместно резко сократилась, а некоторые виды вовсе исчезли с лица земли не столько вследствие драматически быстрого изменения климата планеты, сколько вследствие необратимого истребления их человеком (гигантский ленивец и мамонт, морская корова и моа, и т. д. и т. п.)¹⁸¹. Человечеству стал грозить «мясной» голод с непредсказуемыми последствиями. Весьма вероятно, что решить возникшую проблему помогла женская наблюдательность. Физиология дородового и послеродового периода, обремененность детьми, а также невозможность далеко отдаляться от становища, имея на руках грудничков, часто делали женщину из добытчика злаков в дополнительного потребителя пищи. В качестве компенсации этих издержек своей физиологии она нашла выход в одомашнивании диких животных (овца и коза, свинья и корова) и злаков — (пшеница и ячмень, рис и маис). Поэтому есть все основания думать, что именно она явилась инициатором неолитической революции и перехода от присваивающего хозяйства к производящему.

Этот переход, растянувшийся на долгие века, вызвал необратимые последствия в психике человека. Великое множество психологических черт, в латентной форме миллионами лет вызревавшие у общественных животных, начали «просыпаться» и явственно заявлять о себе. Причиной тому явилось то обстоятельство, что земледелие и скотоводство позволяло насыщать значительно большее количество ртов, нежели охота и собирательство. Вследствие чего численность членов земледельческих социумов вскоре (за «считанные века») заметно превысила численность охотничьих общин. Соответственно возросла и плотность «населения» в изменившихся сообществах. Но за ним автоматически последовал ответ в виде вышеотмеченного эффекта, выявленного Меннингом и Расселами. Именно: возросшее демографическое давление привело к *усилению* социального инстинкта иерархии в человеческих социумах точно так же, как это закономерно происходит в животном царстве. Но тем самым человек начал отрываться от своих «родственников» из общественных млекопитающих и сделал еще один шаг на пути превращения в существо эусоциальное, то есть истинно социальное по примеру общественных насекомых.

¹⁸¹ Баладин Р. К., Бондарев Л. Г. Природа и цивилизация. М., 1988.

Каким же образом этот драматический переход сказался на его психике? Прежде его поведение в большей степени подчинялось индивидуальным инстинктам самосохранения. Разумеется, охотник и воин в одном лице признавал вес и влияние вожака (альфа-*m*), но, главным образом, во время охоты или в конфликтах с агрессивными соседями. Слепо доверял он и колдуну (альфа-*s*) на досуге. Тем более, что и тот, и другой, и третий были членами одной небольшой (едва ли больше нескольких десятков-сотен взрослых мужчин), чаще всего кровнородственной группы. Но, вместе с тем, будучи, фактически, хищником, рядовой член орды в значительной степени сохранял личную независимость от произвола сородичей, включая альфа-самцов, чей авторитет к тому же постоянно подвергался испытаниям со стороны, как враждебных чужаков, так и ближайшего окружения. В процессе первых контактов европейцев, обремененных монархическими традициями (XVII–XIX вв.), с представителями племен, далеко отставших в своем культурном развитии, у первых сложилось романтическое представление о вторых, как об истинно свободных людях. Отмечая это заблуждение, Фрэзер пишет: «Старое представление о дикаре, как о свободнейшем из людей, противоречит истине. Он — раб, но раб не какого-то отдельного господина, а раб прошлого, духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой»¹⁸². Фрэзер мог бы добавить, что этот страх перед духами вообще и духами предков, в частности, поддерживал и распалял в нем шаман или колдун. Поскольку был крайне заинтересован в поддержании всеобщей веры в магию (черную и белую). И поскольку на ней держался его авторитет и власть над соплеменниками.

Но теперь, с изменением способа добычи пищи изменилась и роль колдуна. Для охотника зависимость успеха или неудачи охоты от состояния погоды несомненна, но не катастрофична. Засуха или потоп, стужа или жара, разумеется, затрудняют поиски зверя, но опытный охотник непременно найдет способ найти и заполучить искомое (при наличии оно). Поэтому он легко обходился без вмешательства или помощи колдуна. Другое дело, земледелие и скотоводство, критически зависящие от погодных условий. Вот тут-то вмешательство колдуна, хвастающего своей способностью общаться с духами ветра, дождя или солнца, должно было бы способствовать сохранению стад и умножению урожая. Но и колдун, и его окружение, в конце концов, признали, что человеку это не по силам. А поскольку оста-

¹⁸² Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 51. М., 1983.

лись не поколебленными ни вера в духов, ни желание колдунов сохранять власть над соплеменниками, их роль в обществе поменялась. Теперь они стали выступать как ходатаи перед высшими силами — богами, генералами среди духов, униженно вымаливая у них благоволения для своих соплеменников. Жесткая зависимость земледельца от капризов повелителей стихий и слабая надежда на заступничество со стороны колдуна вынуждала его соглашаться признать претензии последнего на роль посредника между собой и могущественными богами. Но честолюбие бывшего колдуна, признавшего свое бессилие перед высшими духами-богами, требовало реванша. И он отыгрался на соплеменниках, обозначив дистанцию неравенства между ними и собой, соорудив, тем самым, вторую ступень социальной иерархии, если за первую признать ту, которую оставили женщине. Отныне он требовал именовать себя жрецом — лицом, обладающим правом общаться с богами и доносить до смертных их повеления.

Вместе с тем, на него легла и другая обязанность, связанная с изменением демографической ситуации. Она потребовала от жреца служить демпфером, смягчающим агрессию между общинниками. Поскольку многократное увеличение плотности популяции в земледельческих социумах и неизбежное уменьшение «индивидуальной дистанции» между соплеменниками увеличивало риск возрастания агрессивности между ними. Фактически, жрец должен был стать посредником уже не только между богами и соплеменниками, но также и между самими соплеменниками, уже не отягощенными, как в прошлом, тесными кровнородственными связями. Отныне жрец (альфа- α) должен был выступать культуртрегером — идеологом, формирующим долговременные идеалы, цели и ценности для всей общины, состоящей уже из многих сотен и тысяч индивидов. Этой идеологией в то время тотального невежества могла быть исключительно религия. Посему безраздельное господство «демократической» магии первобытного коммуниста уступило место «авторитарной» религии — верованию земледельца, становящегося эусоциальным индивидом. (Тем не менее, магия и сегодня процветает пышным цветом в виде огромного числа суеверий и предрассудков).

Впрочем, одновременно с превращением колдуна в жреца или даже раньше ту же ступень иерархии попытался утвердить альфа- α , поменявший статус вожака охотников на главу воинств. Поскольку его роль в защите территории племени — самого ценного достояния земледельца, многократно возросла. Защищать и приумножать ее стало значительно сложнее ввиду того, что прошлые спонтанные стычки между несколькими десятками охотников теперь вылились в кровопролитные сражения между

сотнями и тысячами воинов. Соответственно, вес и авторитет их предводителей в глазах соплеменников заметно повысился. Таким образом, явившиеся ядрами конденсации для массы соплеменников с психически пока еще слабо различимыми чертами (определим их как «о-ординары»), альфа-т и альфа-с способствовали формированию первых цивилизаций: наций и государств. Причем порой статус альфа-т и альфа-с временно совмещал в своем лице какой-либо выдающийся индивид, а иногда обстоятельства или традиции прямо возлагали функции монарха и жреца на одного человека.

Изобразить психологический портрет человека эпохи коммунизма не составляет особого труда. Он уныло единообразен у обитателей от Патагонии и Австралии до Намибии и Чукотки. В нем мало черт, отличных от психики общественных животных высших таксономий. Иначе говоря, в нем сильно выражен инстинкт индивидуальности (как эгоизм — не более того) и слабо — инстинкт групповой. (Последний сказывается, прежде всего, в безусловном и всеильном рефлексе размножения, принуждающего даже заядлого эгоиста оставлять после себя потомство подчас с риском для жизни). Это делает первобытного охотника сторонником своеобразного равенства между соплеменниками — мужчинами во всем, вплоть до владения личным имуществом. Ч. Дарвин, описывая нравы огнеземельцев, подчеркивал, что: «даже кусок ткани, полученный кем-нибудь, разрывается на части и делится так, что ни один человек не становится богаче другого. С другой стороны, трудно понять, каким образом может появиться вождь, пока не существует собственности какого-либо рода, посредством которого он мог бы проявить свое превосходство и усилить свою власть... Полное равенство среди огнеземельцев одного и того же племени должно надолго задержать их культурное развитие»¹⁸³. И все же, кое-какой собственностью коммунистический охотник обладал. Ею была женщина, *его* женщина. Поэтому, когда с «пришествием» социализма возникло неравенство и представители власти — вожди получили доступ к собственности, с которой уже можно было не делиться, то первое, чем они обзавелись — гаремами. Киевский князь Владимир — креститель Руси был известен как «великий распутник» (лат. *fornicator maximus*, по словам немецкого хрониста Титмара Мерзебургского)¹⁸⁴. Официально женат он был пять раз, а гарем его состоял из 800 наложниц. Поэтому, что бы не утверждали вожди

¹⁸³ Ч. Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». С. 210. М., 1977.

¹⁸⁴ Повесть временных лет.

марксизма, матриархат представлял собой редкое исключение из правила доминирования мужчины в коммунистическом обществе.

Животный мир безжалостен, жесток и не сентиментален (не так давно был отмечен случай каннибализма у шимпанзе, когда бывшего альфа-самца, вернувшегося в стаю, растерзали его же сородичи). Им движут деспотичные инстинкты и естественный отбор. Его интересует существование видов, а не отдельных особей. Да и то, в этом интересе явственно проглядывает один общий вектор, долговременный тренд, стремящийся ко все большему усложнению психи у представителей все новых видов, карабкающихся по ступеням пирамиды жизни. Но вот на ее вершине оказался хищник, горделиво наименованный *Homo sapiens*. *Sapiens* — значит разумный. Следовательно, чем-то превосходящий своих предшественников. Чем же человек первобытного коммунизма затмевал братьев наших меньших? Речью, умением изготавливать всевозможные орудия и трудиться для насыщения желудка, — скажут нам оптимисты. А также патологическим стремлением тиранить, насиловать и убивать себе подобных с помощью других хитроумных орудий, — добавят пессимисты. Правы будут обе стороны, так как умственные способности коммунистического человека использовались им для существования, *принципиально не отличимого* от животного. Точно также как его эволюционный предтеча, человек эпохи коммунизма испытывал и удовлетворял, главным образом и прежде всего, насущные потребности в пище и размножении. Читатель здесь, несомненно, укажет нам на недопустимость подобного вывода. Но он принадлежит не мне, а Энгельсу, согласно которому: «определяющим моментом истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»¹⁸⁵. Отличие этого человека от животного (да простится нам сие нелесное, в глазах ханжей, сравнение), состоит лишь в том, что первый добывает «средства к жизни» руками, второй — зубами.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Обсуждая роль окружения на скорость эволюции, Мак-Фарленд приходит к выводу, что при неизменной внешней среде «животные ничего не выигрывали бы от научения. Естественный отбор усиливал бы совокупность простых правил,

¹⁸⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 4. М., 1973.

определяющих надлежащее поведение в той или иной ситуации и входящих в качестве постоянного элемента в психическую структуру животного... Непредсказуемые изменения среды, происходящие в течение жизни отдельной особи, не могут быть предусмотрены наперед запрограммированными формами научения. Для того, чтобы адаптироваться к таким изменениям, животное должно полагаться на собственные ресурсы. Способность изменять поведение надлежащим образом перед лицом неожиданных изменений среды обычно считается признаком интеллекта»¹⁸⁶. Иначе говоря, постоянство среды и условий обитания консервируют развитие интеллекта и психики, тогда как стимулируют их прогресс радикальные перемены. Они могут вносить в жизнь конкретного организма подчас большие неприятности, но, в конечном счете, приносить пользу для эволюции вида в целом. Стрессом, инициировавшим преобразование коммунистического охотника-собирателя в социалистического земледельца-скотовода, послужила экологическая катастрофа, невольно (бессознательно) спровоцированная самим человеком. Он преодолел кризис, встав на путь образования эусоциальности. Из всего вышесказанного следуют два вывода.

1. Выдающийся интеллект *Homo sapiens*, выделивший его из царства животных, помог ему стать абсолютным триумфатором эволюции, протекающей по канонам естественного отбора. Но триумф повлек непредвиденные последствия — угрожающее истощение мясных ресурсов. Человек был поставлен перед необходимостью выбора между резким ограничением притязаний, грозящим существенным оскудением рациона, и поиском альтернативных источников пищи. Первый вариант отрезал любые пути для дальнейшей эволюции (бушмены, австралийские аборигены). Всюду, где среда предоставляла благоприятные возможности, разум, принуждаемый эволюцией, искал и находил новые формы адаптации к условиям среды, изменившимся благодаря его собственной деятельности. В конечном счете, они в корне изменили его индивидуальное существование и общественный уклад.

2. *Homo sapiens* — *единственный вид* (не относящийся к насекомым), изменивший слабой социальности в пользу эусоциальности. Следует особо подчеркнуть, во избежание спекуляций со стороны сторонников материализма, что ***изначальный импульс, первотолчок, придавший начало преобразованиям его бытия, а с ним как психики, так и поведения, был дан сознанием.*** Проследим же, как это происходило.

¹⁸⁶ Мак-Фарленд Д. Поведение животных. С. 295–296.

4.5.5. Эусоциальность у человека

Переходу от культуры охоты-собираательства к культуре земледельческой оправдано дать определение «*социальная революция*». Этот термин в данном случае отражает трансформацию групповой и индивидуальной психики, с изначально слабо выраженной социальностью, в сильную — в эусоциальность. Этот кардинальный переворот отмечен двумя временными рамками. С одной стороны, он завершил *аграрную (неолитическую) революцию*, начавшуюся 8–11 тыс. лет назад, с другой — породил 4–5 тыс. лет назад первые цивилизации *аграрного социализма* (Ближний Восток и Египет, Индия и Китай). Между этими знаменательными вехами простирается эпоха *протосоциализма* — постепенной, но решительной ломки традиционного уклада жизни вчерашних охотников-собирателей, становящихся аграриями.

Прежде всего, перемены коснулись демографии. Регулярный источник пищи, поставляемый земледелием и скотоводством, а также оседлое существование способствовали росту численности членов общин и плотности популяций. При превышении некоей «критической черты» индивидуальной для каждого социума, в психологии его членов происходил сдвиг от слабой социальности к сильной (зрелой) эусоциальности. Резкое уменьшение «*индивидуальной дистанции*» между членами общин радикально изменяло их поведение. (Данный переход представляет собой один из примеров, в данном частном случае подтверждающих достоверность правила — не закона — Гегелевского перехода «количества в качество»). Что, в свою очередь, вело к перемене состояния общества из первоначального упорядоченного хаоса в жестко структурированную иерархическую пирамиду. Процесс ее «строительства» включал в себя: — а) *возникновение городов и разделение труда между сельскими жителями и горожанами*, — б) *разделение труда, вызванное рождением множества профессий, связанных с жизнью в городе*, — в) *появление замкнутых сословий*, — г) *вызревание элиты и закрепление сословного неравенства*. И то, и другое, и третье происходило градуалистически по меркам современности с ее бешеным ритмом жизни, но черепашьими шагами для тех, кто совершал этот переворот, незаметный глазу его современников и вершителей.

Социалистическая революция, обратившая охотника-собирателя в земледельца-скотовода, внесла в его психику черты, несовместимые в одном лице. Поэтому он предстает перед нами в виде двух ликов: строгого «начальника» и исполнительного «подчиненного», позволяющего себе лишь роптать и крайне редко бунтовать против произвола «босса». Ибо

подчиненный согласился терпеть на своей шее ярмо новоявленного начальства, лишь постольку признал крайние риски анархии в своей среде и угроз из враждебного окружения. Таким образом, образование государства социалистического типа знаменовало собой первое в истории биологической эволюции превращение одного из видов млекопитающих в двуногого представителя эусоциальности. Этому способствовала пластичность инстинктов человека, вынужденных адаптироваться к новому способу добывания пищи и организации сообществ. В условиях существования в многотысячных коллективах групповой инстинкт («чувство кворума») был обязан «сказать свое веское слово». И он сказал, радикально изменив соотношение индивидуального и группового начал в психике человека. Отныне у большинства членов социума господствующей стала групповая психика, порой принимающая форму тирании, подавляющей всякие личностные качества и особенности. У меньшинства же элиты индивидуализм разросся до «царских размеров».

Между тем, еще в пору тотальной нищеты первобытных коммун родовые обладатели собственности хотя бы на миллиметр превышающей личную собственность соплеменников, вызывали у последних ревность и раздражение. Хрестоматийные примеры приводит Л. Е. Куббель. По убеждению членов племени бемба (Центральная Африка), «если человек находит в лесу одно пчелиное гнездо — это удача, два — крупная удача. Если же он найдет три, то это уже колдовство»¹⁸⁷, — пишет он. А поскольку человек этот не колдун и не вожак, в глазах окружающих он подозрителен и даже опасен. Еще более поразительный пример связан с папуасами капауку, у которых «от сыновей чрезмерно богатого и скупого, по мнению соплеменников, человека потребовали убить отца»¹⁸⁸. Истории известны примеры, когда требование «не высовываться» принуждало обладателей «чрезмерных» богатств, делиться ими с соплеменниками. Дело подчас доходило до того, что раздача имущества превращалась в своеобразный, но ставший традиционным ритуал. Среди индейцев Северной Америки он именовался *потлачем*. Его суть заключалась в том, что «его устроитель представлял на всеобщее обозрение собранные богатства, от одеял до лодок и рабов (притом как раз рабы считались самой большой материальной ценностью), а затем все их раздавал приглашенным... Близки по смыслу к потлачу и получившие распространение на островах Меланезии престижные пиры. На таких пирах запасы продовольствия, накапливавшиеся ино-

¹⁸⁷ История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 151. М., 1988.

¹⁸⁸ Там же.

гда на протяжении многих месяцев, поедались гостями за один присест»¹⁸⁹. Что же принуждало этих трудоголиков, которых этнография именует бигменами (от англ. bigman), не давать покоя рукам? Ни что иное, как особый психологический склад, выражающийся в тяге к накоплению богатств. Особое свойство характера, отличающееся стремлением к обогащению как самоцели, Аристотель называл *хрематистикой*¹⁹⁰.

Вместе с тем, как только в земледельческой среде возникли излишки продукции, а возможно и раньше, с появлением у первобытных коммунистов потребности в обмене украшениями, разнообразными орудиями и изделиями, раскрылся еще один психотип, связанный с преумножением добра. В отличие от б-бигмена (businessman'a) — *производителя* продукции, он достигал искомой цели, представляя себя *посредником* между желающими участвовать в обмене. Позже, с развитием торговли и возникновением денег этот психотип образовал касту торговцев (а еще позже — менял, ростовщиков, банкиров), чьим «орудием труда» стали служить изобретенные к тому времени деньги. Поэтому есть основание обозначить его как f-финансиста. Таким образом, эволюционно б-бигмен предшествовал f-финансисту, и если первый был рожден первобытным коммунизмом, то второй — аграрным социализмом. (Определение «хрематист» применимо к финансисту, по-видимому, даже в большей степени, чем к предпринимателю).

Но почему стремление к накопительству вызывало раздражение у окружающих задолго до того времени, когда ни о какой эксплуатации человека человеком не было и речи? Какое им было дело до собирателей богатств, коль скоро это занятие никоим образом не затрагивало их собственные интересы? Что ими двигало? Вероятнее всего — зависть! За тысячелетия тотального коммунистического нищенствования это равенство в нищете стало восприниматься охотником гарантией равенства между ним и соплеменниками во всем прочем. «Будь как все, не высывайся! Я вынужден подчиняться воле царей и жрецов, и этого довольно. Если же и вы возвыситесь надо мной, это станет непереносимым для моей гордости» — вот, по-видимому, тот подсознательный рефлекс, который внушал ему его индивидуальный инстинкт, стоящий на страже его собственных интересов. С другой стороны, он не мог не подозревать, что сильнейшим стимулом как для б-бигмена, так и для f-финансиста (financier'a) было честолюбие и власть, если не прямая, непосредственная, то косвенная, опосредованная — через владение имуществом. Но еще большей преградой для

¹⁸⁹ История первобытного общества. Эпоха классовобразования. С. 152.

¹⁹⁰ Аристотель. Политика. II. 1266 b. 18–19.

честолюбивых устремлений искателей сокровищ явилось то, что реальную угрозу для господства над телами и душами о-ординаров (народа) осознали светские и духовные альфа-самцы (альфа-*m* и *-s*). Поэтому, страшась конкуренции со стороны бета-самцов (бета- *b* и — *f*), они заключали между собой гласный или негласный договор о разделе сфер влияния. Договор (не афишируемый и публично не озвучиваемый) о создании жесточайшей властной вертикали и многоступенчатой пирамиды социальной иерархии, в которой вождям отводилась роль грубой силы принуждения, а жрецам — мягкой силы пропаганды. Персидский царь Дарий неустанно подчеркивал, что его одарил доблестью и разумом «великий бог Ахурамазда... По его воле я поступал с врагами, как хотел»¹⁹¹. С согласия и при молчаливом попустительстве народов альфа-самцам удалось подавить активность потенциальных оппонентов и навязать обществу свой диктат.

Почему же о-ординары смирились с явным неравенством между собой и альфа-самцами (реальным ярмом на своих шеях), пожертвовав интересами бета-самцов? Почему «классовая борьба» молчала в первом случае и протестовала во втором? Не потому ли, что в отношениях с альфа-самцами поведением о-ординаров правил групповой инстинкт, тогда как в отношениях с бета-самцам он уступал место инстинкту индивидуальному? Тем самым у формирующегося земледельца оставалась иллюзия сохранения хотя бы толики первобытной свободы. Ибо другой долей приходилось жертвовать, отдавая ее в руки сильных мира сего во имя сохранения внутреннего порядка и защиты от враждебного окружения¹⁹². Между тем, добившись от о-ординаров вожденной власти, альфа-самцы превращались в тиранов. Ревностно защищая свои безграничные привилегии, подавляя любой намек на конкуренцию, прежде всего, со стороны бета-самцов, они, тем самым, лишали свои цивилизации стимулов развития. Таким-то образом, являясь, фактически, «отцами-основателями» первых и всех последующих цивилизаций

¹⁹¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980.

¹⁹² Цену хаосу и смутам хорошо знают в Китае, в котором влияние религии на национальное самосознание было слишком слабо, чтобы служить эффективным глушителем недовольства крестьянских масс. Их протесты выливались в непрекращающиеся смуты, стихийные восстания и гражданские войны. Служа почти постоянным фоном истории страны, они унесли жизни до 120 миллионов жизней (в сумме), начиная с I–II вв. н. э. С другой стороны, христианство веками провоцировало единоверцев сражаться друг с другом на почве не классовых, а идеологических противоречий. Сегодня в точности то же самое особенно выпукло наблюдается среди мусульман. Тем самым это доказывает, что религии не могут служить объединяющей идеей для всего человечества, коль скоро они не в состоянии справиться с междоусобицами в собственных рядах.

социализма, они же парадоксальным образом обрекали свои детища на «вечный покой». И роковую роль в судьбах всех первичных (традиционных) цивилизаций сыграл фактор образования замкнутых сословий и изолированных от основной массы народа элит. С одной стороны способности, передаваемые от родителей детям это рулетка, в которой дети элиты чаще всего проигрывают своим альфа-родителям, становясь о-ординарами (в нормальных условиях гены, как правило, «бросают кости» вслепую — таков закон эволюции). С другой стороны, изоляция, препятствующая поступлению «свежей крови» извне, превращала элиты в сугубо паразитирующие касты, не способные и боящиеся развития из опасения лишиться привилегий, добытых их альфа-отцами. При малочисленности элит их членам грозил инбридинг, результатом чего, в частности, становилась регулярная смена правящих династий в монархических режимах. (В Египте за период с, примерно, 3000 до 343 гг. до н. э. — начала правления Птолемеев сменилось 30 династий). Так захлопывалась ловушка социализма.

Процесс формирования первых государств не имел ничего общего с марксистской теорией «классовой борьбы». Более того, между новоявленными господами и массами еще долго сохранялись настолько паритетные отношения, что первые часто оказывались во власти второго. Фрэнклер приводит многочисленные примеры того, как неохотно, с каким трудом вчерашний охотник расставался с представлениями и обычаями прошлого, упорно отвергая все еще глубоко чуждое ему социальное неравенство. Воплощением последнего и одновременно объектом его сопротивления был сам верховный правитель, который признавался таковым лишь постольку, поскольку неуконительно выполнял все требования и предписания, необходимые для благополучия подданных. Ибо по глубоко укоренившейся за время протосоциализма традиции «на него возлагают ответственность за плохую погоду, плохой урожай и другие стихийные бедствия... Если имеют место засухи, голод, эпидемии, бури, народ приписывает эти напасти небрежности или преступному поведению своего властителя. За это его наказывают розгами и заковывают в кандалы, а если он продолжает упорствовать, его либо свергают, либо убивают... Царь является точкой опоры, поддерживающей равновесие мира; малейшая неточность с его стороны может это равновесие нарушить... Поэтому сегодня ему поклоняются как богу, а завтра убивают как преступника. Но в этом изменении поведения народа нет ничего от каприза и непоследовательности. Напротив, он ведет себя совершенно логично. Если верховный правитель — бог, он должен хранить свой народ. Если же он этого не делает, он должен уступить место более способному... Туземцы племени тиммов (Сьерра-Леоне) оставляют за собой право поколотить вождя накануне

коронации и пользуются этой конституционной привилегией столь охотно, что иногда злосчастному монарху недолго удастся прожить после восшествия на трон... В прошлом, прежде чем кого-то провозгласить верховным вождем Сьерра-Леоне, его заковывали в цепи и избивали. Затем с него снимали оковы, облачали в царское одеяние и вручали ему символ высшей власти, которым служил не более и не менее, как топор палача»¹⁹³.

Вместе с тем, первые верховные властители часто бывали стеснены до такой степени (как возмездие за свое непомерное честолюбие), что фактически их власть оставалась иллюзорной. В древности духовный повелитель Японии микадо был обязан каждое утро просиживать несколько часов на троне с короной на голове, неподвижный как изваяние, не шевеля ни руками, ни ногами, ни головой, ни глазами, ни другими частями своего тела. Предполагалось, что таким образом он поддерживает мир и благоденствие во всей империи, так как повернись он случайно в ту или в другую сторону, или останови он подольше взгляд на какой-то части своих владений, и возникнет опасение, что на страну надвинется война, голод, пожар или другое великое бедствие. Всем частям его тела приписывается такая святость, что он не отваживается обрезать себе ни волосы, ни бороду, ни ногти. Чтобы микадо не стал слишком грязным, разрешается мыть его ночью во время сна... Относительно «одаренных сверхъестественными особенностями» правителей Лоанго известно, что чем могущественнее правитель, тем большее число табу он должен соблюдать. В местечке Шарк-Пойнт (Нижняя Гвинея) один в лесу живет вождь-жрец Кукулу. Прикасаться к женщине или покидать свой дом он не имеет права. Он не смеет даже оставлять свой трон, и спит в нем сидя, потому что стоит ему лечь, и вместе с ним уляжется ветер и прекратится судоходство. Он управляет бурями и вообще поддерживает равновесие в атмосфере. У народностей Невольничьего берега, говорящих на языке эве, верховный вождь одновременно является верховным жрецом. Поэтому (особенно в прошлом) подданные не смели приближаться к нему, лишь ночью ему позволялось покинуть свое жилище, чтобы помыться и т. д. Он не мог видеть европейца, а также лошадь и море... В Машоналенде вождю запрещалось переходить некоторые реки... Вождь у сакалавов ничего не может предпринять без того, чтобы колдуны не сочли предзнаменования благоприятными. Он не может есть горячую пищу, в определенные дни выходить из своей хижины и т. д.

Древние ирландские короли, а равно и правители провинций Лейстера, Мунстера, Коннота и Ольстера подчинялись некоторым курьезным запре-

¹⁹³ Фрэнсер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 165–173.

там и табу, от надлежащего соблюдения которых, как считалось, зависит их собственное благополучие, а также благополучие народа и страны. Так, восход солнца не мог застать короля Ирландии в его ложе в Таре — древней столице Эрина. В среду ему воспрещалось спешиваться у Мэг-Брига, пересекать после захода солнца Мэг-Киллин, понукать свою лошадь у Фэн-Чомиер, входить в находящийся на плаву корабль после Биллтейна. Правитель Лейнстера не мог в среду обходить Туат-Лейгхин с левой руки, проезжать по дублинской дороге в понедельник, переезжать Мэг-Мейстин на грязной лошади с черными копытами... Правителю Ольстера запрещалось посещать ярмарку коней в Рат-Лейне, слушать шум птичьих крыльев после захода солнца в Линн-Сэйличе, отмечать праздник быка в Дйк-мик-Дейре...

Жизнь египетских фараонов регламентирована неизменными строгими предписаниями. Все, что относится к ним, установлено законом: не только их официальные обязанности, но и детали обыденной жизни... Днем и ночью были предусмотрены часы, когда фараон должен был делать не то, что ему нравится, а то, что ему предписывается... Предусматривалось не только время для ведения общественных и судебных дел, но и часы прогулок, омовения, возлежания с женой, короче, всех жизненных отправлений... Жрец Юпитера не имел права ездить верхом и прикасаться к лошади; смотреть на армию в полном вооружении, носить не поломанное кольцо, иметь узел на какой-либо части одежды. Он не смел прикасаться к пшеничной муке и к заквашенному хлебу; трогать (или даже называть по имени) козла, собаку, сырое мясо, бобы и плющ; проходить под виноградными лозами; смотреть на работающих в праздничные дни, оставаться с непокрытой головой под открытым небом»¹⁹⁴. Таким и подобным им нелепым правилам, диким суевериям и абсурдным обычаям несть было числа. И, несомненно, прав Фрэнгер, когда настаивает на том, что человек переходной эпохи от первобытного коммунизма к аграрному социализму был рабом не каких-то конкретных персон, пусть и наделенных публичной властью, но рабом анимизма — веры в духов. А также рабом невежества и усиливающихся социальных инстинктов, добавим мы.

Эусоциальность (истинная социальность) не могла возникнуть без образования многолюдных стационарных поселений с развитой инфраструктурой. Ими явились города, выросшие из земледельческих общин, в которых обитали светские (альфа-т) и духовные (альфа-с) лидеры, а также их ближайшее окружение — дружинники одних и прислужники других. Из соображений престижа и утверждения своей власти ни те, ни дру-

¹⁹⁴ Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 165–173.

гие не желали довольствоваться пребыванием в убогих хижинах земледельцев. Они требовали строить для себя дворцы и храмы. Для этого необходимы были зодчие, способные решать сложные архитектурные задачи: от планирования и организации работ большого числа чернорабочих и ремесленников до художественного оформления возводимых сооружений. Поиск и вовлечение в совместный труд людей, обладавших подходящими способностями способствовал раскрытию психотипа, склонного к созиданию: с-мастера (от англ. — craftsman). Так в цивилизациях Востока от их возникновения до последних одного–двух веков преобладали два доминантных (альфа-*m* и *-s*), три подчиненных (о-одинары, с-мастера, f-финансисты) и один подавляемый (b-бигмен) психотипы.

Упоминание о цивилизациях требует от нас объясниться насчет того, что в данном случае понимается под ними. На наш взгляд цивилизация есть высшее проявление (апофеоз) эусоциальности в человеческом мире. Это комплексный феномен, состоящий из императивной («действительной») и факультативной («мнимой») частей. «Действительная» часть (ДЧ) есть то, что образует государство. Именно, пять базовых составляющих: — 1) *политическая вертикаль*, — 2) *производящее хозяйство*, — 3) *мировоззрение*, — 4) *хорошо выраженная социальная структура*, — 5) *законодательство*. «Мнимую» часть (МЧ) составляет то, что существует вне и до государства. То есть язык, коллективное сознание и культурные традиции, включая фольклор, обычаи и прочее. Но именно государство является тем остовом, на котором держится любая цивилизация. Поскольку, вопреки Марксу, с самого своего «зачатия» оно было призвано: а) сохранять порядок и мир между собственными «домоправителями», богами и народами; б) ограждать их от *внешнего насилия*. Поэтому оно всюду и везде возникало как общественный договор между «верхами» и «низами», который Т. Гоббс, Д. Локк и Ж.-Ж. Руссо интерпретировали каждый на свой лад. Гоббс защищал авторитарную монархию, Локк — монархию либеральную, а Руссо — либеральный республиканизм. Но никто из них, в отличие от К. Маркса, не узрел в этом акте строительства государства намека на «классовую борьбу».

4.5.6. Психология социализма

Упомянув о протосоциализме и аграрном социализме, автор готов выслушать в свой адрес множество гневных филиппик и упреков в несоблюдении установившейся традиции толкования социализма. Объяснимся. Согласно Философскому словарю *«социализм* (от лат. *socialis* — общественный, фр. *socialisme*) — *социальный* строй, ставящий перед собой глобальную *цель*

свержения капитализма, построения в обозримом будущем совершенного общества, завершающего историю человечества, и мобилизующий для достижения этой цели все имеющиеся в его распоряжении ресурсы; теории, обосновывающие *возможность* или даже необходимость построения такого общества. С. является радикальным коллективизмом индустриальной эпохи, *история* которой разворачивается между двумя крайними полюсами: С. и капитализмом¹⁹⁵. Энциклопедия «Британника» определяет социализм как социально-экономическую доктрину, призывающую к общественной собственности или общественному контролю над собственностью и природными ресурсами. Обобществление собственности вообще рассматривается как один из самых существенных, «конституирующих» признаков социализма¹⁹⁶.

При этом признается, что термин «социализм» впервые был использован в работе П. Леру «Индивидуализм и социализм» (1834). Ссылаясь на Платона, признают и то, что идеи общественного устройства на основе отказа от частной собственности и уравнительного распределения существовали на протяжении всей истории человечества¹⁹⁷. В Новое время идеи социализма развивали Т. Мор (1478–1535) и Т. Кампанелла (1568–1639). Следующий всплеск социалистических проектов пришёлся на начало XIX века, и был связан с именами К. А. Сен-Симона (1760–1825), Ф. Фурье (1772–1837) и Р. Оуэна (1771–1858). Наконец, за уточнение этого понятия взялись К. Маркс и Ф. Энгельс. В «Манифесте коммунистической партии» (1848) они упоминали: — 1) феодальный, — 2) мелкобуржуазный, — 3) немецкий («истинный»), — 4) консервативный (буржуазный), — 5) критически-утопический подвиды социализма. Всю эту многоступенчатую пирамиду венчал их «научный» социализм. Который мыслился как результат победы мировой пролетарской революции даже в тех странах, где еще нет пролетариата. Коммунизм же толковался как результат воспитания нового поколения в условиях социалистических отношений и бурного развития производительных сил. Результатом чего труд из необходимости должен был стать первой потребностью человека. Как следствие, полностью должны были исчезнуть деление на классы и товарно-денежные отношения, а следом — нации и государства. В результате распространения идей Маркса, и опыта их реализации в СССР, теперь в мире насчитывают до 19 (!) разновидностей социализма: от марксистско-

¹⁹⁵ Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А. А. Ивина. 2004.

¹⁹⁶ Э. Д. Фролов. Факел Прометея: Первые утопические проекты и их критики. 2004.

¹⁹⁷ Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. М., 2005.

ленинского и религиозного до китайского и исламского. Следовательно, во-первых, никакого общепринятого термина «социализм» не существует в природе. Во-вторых, все предложенные его трактовки носят субъективный, ничем логически и эмпирически не обоснованный характер. Учение Маркса, который постоянно и по любому поводу подчеркивал научность своего творения, ничего общего с наукой не имеет: ни его совершенно бессодержательная политэкономия, ни исторический, ни диалектический материализм. Поэтому его доводы и соображения по поводу «научного» социализма не заслуживают внимания. Научное понимание социализма, как уклада, ключевой особенностью которого является наличие строго иерархически структурированного общества, не может не быть привязано к этологии. Она и только она дает основание считать, что тот социализм, который присущ определенной стадии развития человечества, представляет собой эволюционное развитие явления эусоциальности. Социализм, с которым мы имеем дело сегодня, вовсе не сугубо человеческое изобретение, не плод творения человеческой фантазии, не имеющий аналогов в природе. Его прообраз в животном мире благополучно существует миллионы лет¹⁹⁸.

Легко видеть, что все вышеупомянутые и подобные им учения о социализме от античности до наших дней объединяют три пункта: 1) идея полного отрицания современной им жизни, 2) призыв к ее разрушению, 3) надежда на построение более справедливого общественного строя. А ключевым раздражителем для всех толкований этого явления было и остается слово «справедливость». Вместе с тем, вплоть до победы марксизма в России идеи социализма привлекали внимание лишь европейцев и практически не имели распространения на Востоке. Что же такого было в специфике Запада, что способствовало поддержанию актуальности грез о социализме в течение более двух тысячелетий? Ни что иное, как частная собственность. *Частная собственность* как камень преткновения для *справедливости*, не больше и не меньше! Невозможность их мирного и, тем более, продуктивного сосуществования — вот что казалось основным

¹⁹⁸ Попытавшись разобраться с определениями, Сократ дал долгосрочный старт чехарде и недоразумениям с терминами, которые сопровождали рождение едва ли всех «измов», включая коммунизм и гуманизм. Так, слово «капитализм» встречается впервые в 1842 г., его активно использовали П. Прудон и Л. Блан, Маркс же практически им не пользовался. Термин «гуманизм» в сегодняшнем виде впервые применил в 1808 году Ф. Нитхаммер, а активное использование его началось с легкой руки Г. Фогта только в 1859 г. Иначе говоря, явление может не только существовать веками без общепринятого его толкования (гуманизм), но даже будучи непризнанным достаточно длительное время (социализм, капитализм).

неразрешимым противоречием в существующих порядках в глазах европейских соискателей справедливости.

Однако на Востоке собственность точно также как на Западе всегда была величайшим искушением и желаннейшим объектом обладания. Более того, пропасть между богатством и бедностью на Востоке была едва ли не шире и глубже, нежели на Западе. Почти во все времена богатства европейских монархов блекли перед умопомрачительной роскошью восточных владык. Александр Македонский, овладев лагерем и лишь небольшой толикой несметных сокровищ персидского царя Дария, изумленно воскликнул: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!». Имя лидийского царя Креза веками признается нарицательным благодаря принадлежавшим ему богатствам. Сверкающая масса золота, открывшаяся взору Картера — первооткрывателя гробницы мало чем примечательного юноши — фараона Тутанхамона, поразила воображение археолога. А сегодня посетителей некрополя императора Цинь Шихуанди ошеломляет масштаб вложенных трудов и объем средств, затраченных на его воплощение. Вместе с тем, нищета почти во все времена была уделом восточных «низов». В том же Китае в голодные годы крестьяне гибли сотнями тысяч. В Египте бедняки подчас отчаянно рисковали своими жизнями, грабя от безысходности могилы фараонов. Следовательно, дело не в собственности как таковой, а в собственности *частной!*

Нам уже приходилось с удивлением отмечать, что ни «экономист» Маркс, ни предприниматель Энгельс не отдавали себе отчет в принципиальной разнице между собственностью личной и частной. В том, главным образом, что личная собственность не выполняет почти никакой общественно значимой функции, тогда как частная собственность является локомотивом материально-технического прогресса. Вотчина частной собственности — свободно функционирующий рынок, регуляторами которого являются, прежде всего, спрос и предложение, баланс интересов между производителем-капиталистом и потребителем — обществом¹⁹⁹. А наличие и функционирование частной собственности есть фундаментальный отличительный признак капитализма. Исторически первый теоретический социалист Платон порицал не столько демократию как инструмент политической жизни общества, сколько капитализм — экономическую опору

¹⁹⁹ Пролетарий есть промежуточное звено (своего рода — орудие труда) между производителем и потребителем материального производства. Этим, по сути, второстепенным звеном может быть как человек, так и машина. Поэтому связывать будущее человечества с пролетариатом — смешно и наивно.

демократии. Его диалоги «Государство» и «Законы» можно привлечь к общественному суду в качестве «свидетелей обвинения» капитализма в том, что он возник не в Средние века, а в античных Афинах и Риме. Германские варвары, сравнившие с землей античную культуру, с частной собственностью совладать не смогли. Слишком глубоко ее корни врезались в коллективную память европейцев с тем, чтобы после тысячелетнего забвения вновь возродиться, возродив заодно капитализм уже на европейской почве. (Вот почему на Востоке никто не клял собственность: ведь там никогда прежде не было капитализма.) Поэтому мечтая уничтожить собственность вообще (Мор предлагал делать ночные горшки из золота), Маркс и Энгельс, сами того не подозревая, косвенно признавали, что «проклятый» капитализм — дитя не Нового времени, а античности.

С тех пор как голос земледельца окончательно заглушил мощный рык альфа-самцов из *m*-индивидов, с неограниченной властью которых обществу аграриев пришлось смириться из соображений собственной выгоды, несчастья обрушились на их головы. Ибо тщеславие и властолюбие новоявленных абсолютных монархов требовало установления господства уже не только над соплеменниками, но и над соседними народами. Таким-то образом первая сравнительно мирная фаза формирования государства, соответствующая своеобразному общественному договору по Гоббсу, Локку и Руссо, перешла во вторую, агрессивную фазу территориального расширения социализма. Сегодня нет в мире ни одной многочисленной нации, сформировавшейся мирным путем. Стены Древнего Египта, Вавилона и Ассирии на Ближнем Востоке, Китая на Дальнем Востоке, империй инков и ацтеков в доколумбовой Америке, а также средневековых Франции и Англии, Германии и Италии в Европе — все они возводились огнем и мечом на костях завоеванных соседей и скреплялись их же кровью. Отечественные историки-«патриоты» ублажали нас мыслью, будто Российская империя была счастливым исключением из этого правила, и приобрела свои территории благодаря «добровольному вхождению» народов под крыло наследников Рюрика, а затем и дома Романовых. Это «доброволие», однако, началось с резни, пыток и изгнания жителей Новгородской республики великим князем московским Иваном III²⁰⁰, завоевания Казани, покорения Сибири, за которым последовало закабаление Кавказа, захват Крыма и аннексия Средней Азии. США также расширяли свое «жизненное пространство», ограбив Мексику и согнав коренных американцев — индейцев с их земель. И это многовековое, многотысячелетнее

²⁰⁰ Костомаров Н. И. История Руси Великой. Т. 10. С. 159. 2004.

насилие, несправедливость и жестокость, сопровождавшие эпоху социализма, повторимся, никоим образом не имели характер «классовой борьбы». Классики марксизма откровенно нам лгали, пытаясь выдать примитивную животную внутривидовую конкуренцию, провоцируемую инстинктами социал-дарвинизма, за борьбу угнетенных народов со своими («родными») угнетателями.

Они-то и придали традиционным цивилизациям черты эталонного социализма, включающего в себя: — 1) *авторитарную власть*, — 2) *административный способ аграрного производства (АСП)*, — 3) *идеологизированное (религиозное) общественное сознание*, — 4) *трудно проницаемые сословные барьеры*, — 5) *право, обслуживающее интересы авторитарной элиты*. Но точно те же особенности характеризовали бывший СССР, КНР до реформ Дэн Сяопина, современную КНДР и Кубу. В СССР и КНДР, правда, аграрное производство дополнила индустриальная компонента общественного хозяйства. Но так как она функционировала по законам того же АСП (только теперь административного способа *индустриального* производства), то и это нововведение не дало обществу импульсов к развитию. И еще одно небольшое отличие: сословные барьеры в СССР не успели сложиться окончательно, хотя дело шло к тому семимильными шагами. Что же касается КНДР, то там, по-видимому, возведена «великая корейская стена» между кланом Кимов и всей прочей нацией. Поэтому, как эволюционно, так и логически оправдано объединить понятием «социализм» все цивилизации четырех–пяти тысячелетней истории, отвечающие вышеуказанным признакам. При этом следует принять во внимание, что аграрный социализм преобразовался в социализм индустриальный не в силу собственной (имманентной) динамики развития, а лишь в виде «условного рефлекса» сопротивления изменениям,

Прилагательным «*sapiens*» вид Номо наградила К. Линней. Анализ поведения миллионов людей эпохи коммунизма и социализма на протяжении львиной доли истории приводит к выводу, что классификатор поторопился. Поскольку едва ли не до настоящего времени огромное большинство Номо живет, сообразуясь вовсе не с рассудком, а с эмоциями. Возможно, Линней наградила человечество столь почетным «званием» авансом, в надежде, что когда-нибудь оно оправдает его надежды. Но его коммунистическим предкам, вероятно, больше соответствовало бы определение — *Homo sensualis* (от лат. — человек чувственный, эмоциональный), тогда как его социалистическим современникам — *Homo fidelis* (от лат. — человек верующий). Тем более, что, как мышлением, так и языком строго рациональной силлогистики, опирающейся на опыт, пользовалась

в его эпоху лишь горстка европейских интеллектуалов. Но даже они большей частью пренебрегали разумом, доверяясь не столько здравому смыслу, сколько вере, рожденной воображением. Поскольку традиции их умственной деятельности все еще больше соответствовали цивилизации, испытавшей на себе мощное воздействие религиозной идеологии. Освободиться от нее еще только предстояло вместе с возникновением новой цивилизации, принципиально отличающейся от социалистической. Мы назовем ее гуманистической.

4.5.7. Гуманизм и психология

Этот тип цивилизации, возникший 2,5 тысячи лет назад, отличали: — 1) *республиканская форма правления (прямая демократия)*, — 2) *аграрная рыночная экономика*, — 3) *свободное мировоззрение, открытое не только религиозной вере, но и рационально-логическому дискурсу*, — 4) *отсутствие значимых сословных барьеров (между свободными гражданами мужского пола)*, — 5) *законодательство, учитывающее интересы всех полноправных граждан полиса*. Что же послужило причиной для возникновения столь экстраординарной альтернативы социализму? Какие силы стояли за **величайшим революционным переворотом** в истории мировой цивилизации? Какие политические, хозяйственные и иные «материальные потребности» сподвигли жителей Аттики решиться на безумный, крайне рискованный, с точки зрения социалиста, шаг? Никаких иных, кроме психологических, причин не было!!! Все полноправные граждане Афин потребовали свою долю участия в жизни полиса, и поскольку власть басилея простиралась лишь на небольшой конгломерат подданных и посему была относительно слаба, а жречества как «класса» не существовало вовсе, о-ординарам удалось отстоять свое стремление к равноправию. В терминах психологии можно сказать, что афиняне попытались достичь равновесия между индивидуальной и групповой психикой, не задумываясь над тем, какую цену придется им заплатить за этот беспримерный эксперимент.

Но, во всяком случае, их мужество способствовало раскрытию широчайшего спектра человеческих дарований. Что, в свою очередь, предопределило колоссальный культурный и интеллектуальный взрыв креативности, новаторства и конструктивизма Афинской цивилизации, определившей вектор развития Запада на тысячелетия вперед. Ибо ее лидерами выступали не столько тщеславные и властолюбивые альфа-м и -s, сколько представители b-, f- и c-психотипов, а также неведомые социалистическим цивилизациям одаренные δ-демиурги (от греч. *demiürgos* — созидатель) и

i-интеллектуалы (от англ. — intellectual)²⁰¹. Обуреваемые често- и сребролюбием b-бигмены, трудились, не покладая рук, чтобы пробиться «наверх». Их союзники f-денежные тузы, активно искали способы умножения богатств посредством торговли и ростовщичества. Творчески и умственно одаренные δ-творцы умножали знания, рождали новые идеи и технологии, i-интеллектуалы распространяли их идеи, расширяли кругозор современников, формировали гуманистические нравственные ценности и мировоззренческие ориентиры. Отличавшиеся склонностью к философии, наукам и искусствам, δ- и i-индивиды создали тот фундамент, на котором, спустя тысячу лет возрождалась культура Ренессанса. Тогда как частную собственность и рыночные отношения, взлелеянные в Афинах f- и b-индивидами, возрождали вожди Реформации (М. Лютер и Ж. Кальвин, наивно полагавшие, будто изобретают нечто новое). Наконец, идеи демократии, открывшиеся m-индивидам новой формации, нашли отклик в умах передовых философов позднего Средневековья Европы (Ф. Бэкона и Дж. Локка, Р. Декарта и П. Гассенди, Д. Юма и Б. Спинозы). Те, другие и третьи самым энергичным образом двигали фигуры на шахматной доске истории. Поэтому мы обязаны отдать должное афинянам за то, что они, фактически, открыли «ящик Пандоры» того поразительно пышного букета психологических типов, который сегодня наблюдает современная западная психология, имеющая дело с относительно свободными индивидами.

Вместе с тем, нет ничего удивительного в том, что испытывая на прочность афинскую демократию, эволюция сопровождала ее рождение появлением на свет еще двух «нестандартных» поборниц свободы — спартанскую и римскую цивилизации. Их пример показывает, к каким далеким последствиям приводят начальные тончайшие разночтения представления о ней. Так, одержимые идеей всеобщего абсолютного равенства, спартанцы еще две с половиной тысячи лет установили у себя не мифический и не мистический, а самый настоящий коммунизм, освободившись от какой либо личной собственности на манер Диогена Синопского. С тем лишь отличием от утопического коммунизма в духе требований Маркса, что илоты заменяли им машины. В конечном счете, их вожделенная свобода стала чистейшим подобием добровольной тюрьмы или светского монасты-

²⁰¹ Нам скажут: в СССР интеллигенция, состоящая как раз из δ- и i-индивидов, играла очень весомую роль. Замечание справедливо, но парадокс в том, что она же внесла свою, не менее ощутимую лепту в крушение СССР. Марксизм, пытаясь выстроить фундамент своей веры не из «слепых» инстинктов, а из «зрячего» рационализма, невольно сам дал ключ к своему отрицанию. Ибо, как тонко в свое время заметил Цицерон, логическое оправдание веры ведет к безверию.

ря, в котором неукоснительное исполнение его устава стало главным требованием и смыслом жизни его обитателей. А если вспомнить о вкладе Спарты в мировую культуру, то в сравнении с Афинами его трудно разглядеть даже в микроскоп. (Опыт Спарты и ничтожных результатов ее эксперимента с античным коммунизмом лишний раз подтверждает необходимость помнить уроки истории. Они могли бы открыть глаза и остудить рвение воинственных марксистов, горевших желанием «перевернуть мир. Скольким миллионам удалось бы, тем самым, сохранить жизнь»).

Другой поучительный опыт преподнес Рим. Аристотель, анализируя сильные и слабые стороны всех мыслимых (как он считал) видов государственного устройства, пришел к выводу о том, что монархия, аристократия и полиция представляют собой правильные модели, а их антиподы — тирания, олигархия и демократия — неправильные образования. История доказала, что философ был не вполне прав. Рим, отвергший тиранию Гарквиния Гордого (509 г. до н. э.), установил у себя республиканское правление. Более того, римляне послали в Афины своих представителей, чтобы те скопировали законы Солона, которые послужили бы Риму в качестве образца его юрисдикции и правовой политики. Но римские аристократы (патриции), прибрав после отчаянной борьбы с плебейми власть к своим рукам (сенат), в конце концов, образовали господствующую элиту («правильную» — по мнению Аристотеля). Ее составили альфа-самцы нового типа, п-индивиды (от лат. *nobilis* — знатный, благородный). Однако же вскоре власть нобилей, чрезвычайно обогатившихся в бесконечных войнах с соседями, естественным образом переродилась в олигархию («неправильную» — с точки зрения Аристотеля). Которая столь же закономерным образом завершила свое существование, уступив место монархии, но, опять-таки, не вполне традиционно социалистического типа. Ее особенность состояла в том, что римские императоры согласились с существованием у подданных частной собственности. В дальнейшем этот нюанс сыграл ключевую роль в возрождении Европы и гуманистической цивилизации.

При всем существующем избытии психологических типов следует, по-видимому, признать, что среди нас, ныне живущих преобладающее большинство, вероятно, следует отнести к о-ординарам со слабо выраженными особенностями психики. Вместе с тем, долговременному позитивному тренду развития западной цивилизации способствовало «разделение труда» между массой о-ординаров (народа) и интеллектуальной, политической и экономической е-элиты (от англ. — *elite*). Ее эволюцию творили обе группы: вектор движения определяла элита, но без ясно вы-

раженной поддержки той или иной инициативы элит не свершалось ни одно действительно значимое событие в истории. Таким образом, Шекспир, заметивший, что весь мир — театр, мог бы добавить: в котором роли распределены между артистами, статистами и публикой. (Пассивный или чрезмерно преданный традициям народ лишает свою цивилизацию развития, обрекая ее, в лучшем случае на застой и окостенелость, в худшем — на быструю или медленную гибель).

Что же создает психическое разнообразие у меньшинства и относительное однообразие у большинства людей? Разумеется, в первую очередь, инстинкты. Существование в больших коллективах требует подчинения индивидов общим правилам поведения. Следовательно, у большинства из них групповой инстинкт должен быть более значим, нежели индивидуальный, а в некоторых формальных обстоятельствах доминировать над ним, подавляя проявление всякой индивидуальности. Это доминирование может быть как относительно кратким, так и длительным. Немцы перед 2-й Мировой войной в течение примерно двух десятилетий испытывали на себе разрушительную силу этого инстинкта, вышедшего из под контроля здравого смысла, в том числе, под влиянием пропаганды А. Гитлера. В «темные века» Средневековья групповой инстинкт, усиленный христианством до степени зомбирования, терзал европейцев едва ли не целое тысячелетие²⁰². А доказательством его власти над миллионами людей, и заодно искренности «Нагорной проповеди», стала 30-летняя война во славу «неземной» любви католиков и протестантов друг к другу. И вполне уместен вопрос: так ли не прав А. Моррис, автор книги «Голая обезьяна», утверждавший, что «человек — чрезвычайно сильная, голосистая, предприимчивая и в высшей степени стадная обезьяна»?

С другой стороны та же эусоциальность требует выделения из многочисленного сообщества ясно выраженного лидера с психикой альфа-самца. В цивилизациях социализма, как уже говорилось, их доминирующая роль замораживала любое развитие. Исходно гуманистическая цивилизация Афин (со всеми изъянами, свойственными первым «блинам»), просуществовала чуть более двух с половиной веков. Дурная копия — римская олигархическая республика также не сдержала напора социалистических традиций, превратившись в исторически первую империю с экономикой, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. Новое время, «заразив» идеями гуманизма уже миллионы людей (большей частью на подсознательном уровне), продолжает свое победо-

²⁰² Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

носное шествие, но продолжая встречать и преодолевать столь же ожесточенное сопротивление, что и в прошлом.

В чем же состояла особенность гуманизма в контексте обсуждения вопросов психологии? В *подсознательном* ощущении обществом необходимости удовлетворять одновременно двум правилам. Правило первое состояло в признании того, что природа наградила граждан полиса самыми разнообразными дарованиями, склонностями и стремлениями, которые внушают им их личные даймонии. Посему у каждого из них свои частные, подчас заметно отличающиеся друг от друга интересы и возможности самореализации. Тем не менее, обладая хорошо развитым чувством независимости, каждый из них желает жить достойно, сообразуясь со своим пониманием смысла жизни. Это желание порождает новую интерпретацию свободы, которая выражается в законодательно гарантированном равенстве юридических прав всех граждан, нейтрализующем их врожденное неравенство возможностей. При этом слепые генетические различия у индивидов не подавляются во избежание конкуренции, а способствуют раскрытию потенциалов их носителей ко благу общества в целом. Последнее же следит за тем, чтобы никто не покушался на права другого и, соответственно, не наносил ему вреда сознательно или бессознательно. (В этом смысле ни один психотип от альфы до омеги не имеет преимуществ перед другим). *Мы свободны лишь постольку, поскольку никто не смеет ущемлять по чьему-либо произволу свободу другого быть самим собой.*

Другое правило было обусловлено интуитивным пониманием эллинами еще одной грани индивидуальной свободы, как обретения чувства собственного достоинства, осознававшего ответственность, как пред собой, так и перед полисом. Было признано, что индивидуальные права и свободы возможно обеспечивать лишь совместными усилиями и готовностью граждан защищать свое сообщество, именуемое государством. Гераклит, имевший право царствовать в Эфесе по обычаю наследства, но добровольно отказавшись от трона, призывал соотечественников «сражаться за попираемый закон, как за стену города». Ибо закон принимался не царями к своей выгоде, а народом, к выгоде всех. А потому и считал философ величайшим злом своеволие, которое «надо гасить пуще пожара»²⁰³, чтобы не подрывать изнутри основы нового, демократического миропорядка. Обретая каждый свою «психологическую нишу», афиняне заложили фундамент (образец) гражданского общества, с имманентно присущей ему способностью и стремлением активно и прогрессивно эволюционировать. (Совер-

²⁰³ Фрагменты ранних греческих философов. С. 247. М., 1989.

шенно очевидно, что гражданское общество и цивилизация социалистического типа — антиподы, не совместимые друг с другом).

Наиболее отчетливо это античное понимание взаимоотношений между человеком, обществом и государством, адаптированное к реалиям нового времени, выразил Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении». Тем самым, он заложил теоретический фундамент под принципы всеобщего правового равенства в условиях новой, монархической и христианской Европы, на примере обращения к потомкам ветхозаветного прародителя человечества. Он доказывал, что, «1) сам Адам не обладал ни благодаря естественному праву отцовства, ни благодаря определенному дару, полученному от бога, такой властью над своими детьми и таким владычеством над миром, какие ему приписывают; 2) что если бы он и обладал такой властью, то тем не менее его потомки не имели бы на неё никакого права; 3) что если бы его потомки обладали такой властью, то, поскольку не существует ни закона природы, ни закона, установленного богом, которые определяли бы, кто является подлинным наследником во всех могущих возникнуть случаях, постольку правопреемственность и, следовательно, право на власть не могли бы быть точно определены; 4) если бы и было определено такое право, то все же, поскольку сведения о том, какая линия потомков Адама является старшей, давным-давно полностью утрачены, среди различных человеческих племен и родов, существующих в мире, нет ни одного, который мог бы хоть в какой-то степени больше, чем любой другой, претендовать на роль старшего дома и обладать правом наследования»²⁰⁴. Отсюда следовало, что всякое существующее в мире правление, пренебрегающее свободой и правами каждого человека, является продуктом лишь обмана и насилия.

Но если человек в естественном состоянии совершенно свободен и является «абсолютным господином своей собственной личности и владений, равным самым великим людям и никому не подчиненным, то почему расстается он со своей свободой и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния и... присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного сохранения своих жизней, свобод и

²⁰⁴ Дж. Локк. Сочинения в трех томах. Т. 3. С. 262.

владений, что я называю общим именем "собственность". Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности»²⁰⁵. В этом пункте состоит первое, и главное отличие представлений Локка от афинской мысли. Для Солона и древних афинян частная собственность была также неотделима от личной свободы, как и в глазах средневекового англичанина. Но ко времени реформ Солона афиняне уже с лихвой испытали на себе все превратности и изъяны ее неумеренной свободы. Тогда как в Европе она еще далеко не успела показать свои зубы и темную оборотную сторону чрезмерной ее концентрации в руках олигархов.

Обозначенная цель сохранения собственности ее обладателей, по мысли Локка, должна достигаться посредством разделения верховной власти на две ветви: на законодательную в лице парламента, и исполнительную в лице короля и его министров. Философ не решается признать суд третьей властью, подобно тому, как это имело место в Афинах. Монархический режим правления не позволял заглядывать ему так далеко. Поэтому на вопрос: "Но кто будет судьей, определяющим правильность применения этой власти?" «я отвечаю: между действующей исполнительной властью, обладающей подобной прерогативой, и законодательным органом, зависящим от неё в отношении созыва, на земле не может быть судьи; точно так же, как не может быть судьи между законодательной властью и народом, если исполнительный, либо законодательный орган, получив власть в свои руки, умыслит поработить, или уничтожить народ или станет осуществлять это»²⁰⁶. «Отцы-основатели» США, постановившие отказаться от монархии, позволили себе пойти в этом вопросе дальше рекомендаций Локка и даже дальше традиций олигархической республики Рима, постаравшись, насколько было возможно, повторить опыт Афин. (Учитывая размеры США, введение прямой демократии при имевшихся в то время технологических возможностях, была практически не осуществимо).

Но Локк подсказал «отцам-основателям» и ту еще мысль, что власть — не собственность. Что она может быть отторгнута у тех, кто злоупотребляет ею. «Везде, где власть, вложенная в чьи-либо руки для управления народом и для сохранения его собственности, применяется в других целях, ... везде она тотчас же становится тиранией не зависимо от того, один ли человек пользуется этой властью или несколько. Вот почему мы чита-

²⁰⁵ Там же. С. 334.

²⁰⁶ Там же. С. 359–360.

ем о тридцати тиранах в Афинах, равно как и в Сиракузах; и невыносимая власть децемвиров в Риме была ничуть не лучше. Где кончается закон, начинается тирания, если закон преступается во вред другому. И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть и использует находящуюся в его распоряжении силу для таких действий по отношению к подданному, какие не разрешаются законом, то он при этом перестает быть должностным лицом, и поскольку он действует подобным образом без надлежащих полномочий, то ему можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который силой посягает на права другого»²⁰⁷.

Равноправие, как вызов социал-дарвинизму, явилось сутью практического гуманизма и одновременно реализацией принципа дополнительности между групповой и индивидуальной психикой, индивидуальным и коллективным сознанием. В данном контексте он выразился в признании необходимости того, чтобы у каждого гражданина свободного полиса приоритеты его индивидуальной психики уравнивались интересами групповой психики вплоть до достижения полного баланса между ними. ***Иначе говоря, принцип дополнительности в психологии можно выразить как стремление к гармонии между индивидуальными и коллективными началами, правящими поведением индивидов, благоприятным для их частной и общественной жизни.*** Соответственно этому, гуманизм в широком смысле можно толковать как осознание (для начала лишь частью человечества) факта своего взросления, открытие реальности того, что есть Я, но есть и другой Я, главное же, состоит в том, что *мы равноправны!* Никто не выше нас, никто и не ниже нас. Мы свободные люди и нам пора перестать ждать милостей от кого бы то ни было, ни от богов, ни от вождей, ибо боги — суть наши измышления, а вожди — детища наших инстинктов и невежества. Мы свободны, в первую очередь, от предрассудков неравенства. Каждый из нас хочет жить достойно. А чувство собственного достоинства подсказывает нам, что *каждый свободен лишь постольку, поскольку свободны все.* Так произошло прозрение разума, вдохновенного чувством самоуважения и самоутверждения. Так впервые в истории олимпийский принцип соревновательности был возведен в статус общественно-государственного устройства. (Однако социализм и в столь благородном деле успел оставить свои грязные следы бесчестья допинговыми скандалами).

²⁰⁷ Дж. Локк. Сочинения в трех томах. Т. 3. С. 379.

Но эта заново обретенная свобода не имела ничего общего со свободой коммунистического охотника-собирателя, зомбированного дикими суевериями. Ибо она была детищем прозревающего разума, силящегося разорвать цепкую паутину мистики и абсурдных предрассудков, доставшихся ей в наследство от эпохи протосоциализма. Следует особо подчеркнуть, что все предпринимавшееся в Афинах для защиты и укрепления основ новой, гуманистической цивилизации, происходили не столько осознанно, с ясным видением конечных целей и перспектив, сколько подсознательно, на интуитивном уровне, по наитию. (В биологии сходное явление распространено довольно широко и называется преадаптацией²⁰⁸). Сегодня мы вооружены знаниями несопоставимо лучше, нежели две тысячи лет назад. Так что наши представления о принципах организации общества, способного самостоятельно и успешно эволюционировать, обрели вполне логически и эмпирически обоснованные формы. Они сводятся к пониманию того, что такое общество может существовать лишь на основе принципов *культурного отбора*, отличного от *естественного отбора*, правящего миром животных. Эволюция «выжала» из естественного отбора все, что можно было выжать, даже с избытком. Дальнейшее следование ее традиционным принципам и правилам грозит существованию самой жизни на Земле. Поэтому сегодня уже не вызывает ни малейших сомнений, что для выживания и сколько-нибудь длительного позитивного развития человечеству категорически необходимо, перефразируя А. Чехова, сознательно выдавливать из себя не только раба, но и рабовладельца, или проще — раба социалистических инстинктов.

Сегодня миллиарды людей живут с массовым сознанием, одурманенным, опутанным цепкой паутиной тоталитарных доктрин, и с поведением, зомбированным догматами авторитарных верований, как религиозных, так и светских. Все эти идеологии пребывают в перманентной вражде между собой, но прикрывая, для сохранения лица, междоусобицы фальшивой толерантностью, лишь изредка нарушаемой в пылу подковёрной борьбы. В наши дни христиане не решаются публично осуждать мусульман, поскольку у них нет никаких доказательств, что ислам менее заслуживает доверия, нежели их религия. А вожди марксизма в России подобострастно кланяются православным иерархам, демонстрируя превосходную приспособляемость и гибкость позвоночника. Церковь уже признается легитимным институтом даже в Китае, на Кубе, во Вьетнаме. В начале

²⁰⁸ Основы общей биологии. Под ред. Э. Либберта. С. 339, 360. М., 1982.

XXI века остаются на обочине лишь фашизм (по причине относительной малочисленности «чистых арийцев») и радикальный ислам, который сам себя сечет розгами, показывая истинный облик своей веры. Он слишком напоминает суть вандалов и христианства «темных веков Европы». Сегодня исламисты разрушают статуи Будды и Пальмиру, разоряют исторический музей в Каире, насилуют, унижают и расстреливают мирных жителей, точно также как вчера их варварские предшественники крушили Рим, а «собратья по духу» сжигали еретиков.

Но приверженцы вышеперечисленных идеологий забывают о своих распрах, как только на их пути оказывается гуманизм. Звериным своим чутьем они угадывают, что перед ними их общий, принципиальный противник, преданный не столько животному инстинкту стадности, сколько гармонии разума и чувств. Поэтому в попытках сломать противника, они заключают временный союз круговой поруки, выгораживая друг друга перед лицом истории. Вчера гуманизм был слаб и по-детски незрел, и им удавалось сдерживать его порывы. Сегодня он силен, как никогда прежде, и противодействовать ему становится все труднее. Но, поразительное дело, он остается слеп в том, что касается его собственного прошлого, его корней и движущих сил.

Назревшая потребность в радикальной переоценке ценностей, а также знания, обретенные в процессе свободной деятельности интеллекта, позволяют увидеть гуманизм под истинным углом зрения — как **состоявшейся альтернативы социализму**. Альтернативы, как теоретической, так и практической. Гуманизм *теоретический* — в качестве научного *мировоззрения*, следующего принципу дополнительности в науке, философии, этике. А способствовать этому «обряду умственного очищения» от идеологий социализма призван, в том числе, раздел психологии, который еще только предстоит создать под именем *науки социопсихологии*. Предполагается, что круг интересов и задач этой новой научной дисциплины включит в себя, в том числе, проблемы функционирования ключевых аспектов общественной деятельности — экономики и политики. Поскольку, как теперь уже не вызывает сомнений, ни политэкономика, ни политология не могут претендовать на строгую научность и, следовательно, на прогностическую значимость и ценность без учета фактора индивидуальной и групповой психики участников экономического и политического процесса. С другой стороны, *прикладному* гуманизму предстоит реализовывать на практике теоретические модели развития и совершенствования демократии и рыночной экономики, критически зависящих от взаимного поведения индивидов и масс. Поскольку,

как демократия, так и рынок воплощают собой тот же принцип дополнительности применительно к практической человеческой деятельности. (Принцип дополнительности, приводящий психику индивидов и масс к равновесию между полюсами «голового» индивидуализма и предельной «стадности», с одной стороны, а также культурный отбор — с другой, совместно составляют два механизма, две движущие силы гуманистической цивилизации).

Суммируя выше изложенное, выделим главное.

1. Вынужденный переход от бродячего образа жизни охотников-собирателей к оседлому существованию в земледельческих и скотоводческих общинах способствовал сдвигу в поведении человека от слабо выраженной социальности к эусоциальности, характерной для общественных насекомых. А рождение культуры цивилизаций драматически трансформировало и его психику: в индивидуально безликой коммунистической толпе стали проглядывать черты яркой индивидуальности «строителей» социализма.

2. Эусоциальность (социализм) выразилась в разделении человечества на два больших блока. У *меньшинства* явственно проявились особенности индивидуальной психики: ψ -индивиды, у *большинства* же усилились черты групповой психики: о-ординары.

3. Основу изменений психики и поведения тех и других групп составили сдвиги в соотношении индивидуальных и групповых инстинктов. У пси-индивидов доминантными стали индивидуальные инстинкты, выделяющие их из окружающей среды и способствующие образованию элит. У о-ординаров произошло усиление групповых инстинктов, принуждающих их подчиняться элите.

4. Пяти тысячелетний опыт социалистических цивилизаций свидетельствует, что строго иерархические отношения между представителями этих двух полярных психотипов (между элитой и народом), подавляющие любую конкуренцию в обществе, замораживают культурную эволюцию.

5. Опыт афинской цивилизации доказывает, что позитивное развитие общества происходит лишь при равенстве прав и возможностей самовыражения носителей обоих типов психики, стимулирующем конструктивную конкуренцию между ними. Современная западная цивилизация подтверждает это правило.

6. Принцип дополнительности между групповой и индивидуальной психикой способствует тому, что в настоящее время происходит интенсивное вытеснение механизмов биологической эволюции (естественного отбора) принципами культурной эволюции (селекции).

4.6. Доказательство интеллектуальное

4.6.1. Сознание и идеология

Со времен Р. Декарта и Дж. Локка было признано, что неотъемлемую компоненту психики человека составляет *сознание*. Тем не менее, до настоящего времени нет единодушия в определении этого феномена. Это не мешает, однако, описывать его проявления в рамках науки психологии. Согласно Э. Дюркгейму оно также разделяется на две «половины»: на индивидуальное и коллективное. Первое — рациональный разум есть результат независимой деятельности собственного мозга, который управляет повседневной жизнью каждого отдельного индивида, а всему человечеству помог стать самым успешным охотником в истории жизни на земле. Его, как принято считать, контролирует левая половина мозга. В терминах современных представлений, его можно толковать как *здравый смысл* (практическое мышление). Коллективное же сознание — суть привнесенные извне в индивидуальный мозг представления, контролирующее общественное поведение людей. «Все без исключения социальные явления навязываются индивиду извне, что несомненно в таких явлениях, как религиозные верования и обряды, правила морали, бесчисленные правовые предписания, т. е. (составляют) наиболее характерные проявления социальной жизни. Все они носят безусловно обязательный характер, а обязанность есть доказательство того, что эти способы деятельности и мышления не сотворены индивидом, но исходят из моральной силы, которая выше его, которую либо представляют себе мистическим образом в форме Бога, либо создают о ней более мирскую и более научную концепцию»²⁰⁹, — утверждает Дюркгейм, оставляя нерешенным вопрос — откуда берутся эти представления.

Он прав, указывая, что представление — это нечто новое, что, несомненно, возникает под известным воздействием некоторых свойств собственного мозга. Тем не менее, оно черпается, главным образом, из другого источника. Так что «коллективные представления являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям, потому что они исходят не из индивидов, взятых изолированно друг от друга, но из их соединения, а это совершенно иное дело», — уточняет Дюркгейм. Ему оставалось сделать всего один шаг, чтобы получить ответ, задайся он

²⁰⁹ Э. Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. С. 233. М., 1995.

вопросом о роли и назначении всех социальных явлений, включая идеологии — религиозные и светские. И тогда он признал бы, что коллективные представления порождены групповой психикой с целью формирования эусоциальности в многочисленных человеческих коллективах. Что коллективные представления служат «раствором», цементирующим человеческие сообщества посредством механизмов культуры — от языка и письменности через традиции культуры быта и идеологические системы до общественных институтов и государственных формирований. Кроме того, Дюркгейм не дал ответ и на другой вопрос: как именно, в ком или в чем возникают коллективные представления, если они не рождаются в индивидуальном мозге. Между тем, опыт возникновения иудаизма и роли в нем Моисея, преобразования княжеского сына в Будду, рождения христианства и его идола Христа, ислама и его пророка Мухаммеда, марксизма и его вдохновителя Маркса должен же был подсказать ему источник происхождения идей, формировавших коллективное сознание миллионов. Но не подсказал. Это странно и в дальнейшем привело к некоторой неразберихе в толковании феномена сознания среди этнографов.

Так, К. Леви-Стросс настаивал на том, что оно мало изменилось за последние тысячелетия²¹⁰. Л. Леви-Брюль доказывал прямо противоположное²¹¹, что оно претерпело огромные изменения. Между тем, можно считать, что правы обе стороны, если согласиться с тем, что под сознанием первый подразумевает индивидуальное, а второй — коллективное сознание. Поскольку первое отвечает за индивидуальное поведение, второе — за коллективные действия множества индивидов.

Последнее призвано укреплять общественные связи и поддерживать культурную преемственность в данной группе — семейной или соседской общине, племенном объединении, государстве и т. д. Поскольку коллективное сознание преследует не сиюминутные (тактические) цели жизнеобеспечения индивидов, а стратегию их долгосрочного совместного существования, оно может опираться не на «грузную» логику, а на «легкое» воображение, то есть на правое полушарие мозга. Иначе говоря, сознание также подчиняется инстинктам, как психика, но в отличие от него опосредованно. Но разделение сознания на индивидуальное и коллективное преследует те же цели, что и разделение психики на две составляющие. Так что, по сути дела, коллективное сознание — это отражение группового

²¹⁰ К. Леви-Стросс. Печальные тропики. М., 2010.

²¹¹ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1980.

инстинкта, «склеивающего» индивидов в единую, не только кровнородственную, но и культурно-родственную семью. В дефинициях современной действительности его можно интерпретировать как *мифотворчество*, или теоретическое мышление.

И ничего нет удивительного в том, что оно, в отличие от практического мышления, за последние тысячелетия претерпело множество трансформаций, адаптируясь к изменениям, происходившим как во внешней окружающей среде, так и внутренних взаимоотношениях между индивидами, составлявшими те или иные социумы. Во времена наших далеких пращуров мифы носили характер сказок, преданий, легенд и представляли собой первые, крайне наивные попытки постижения окружающего мира. У людей стала просыпаться любознательность. Дети, в особенности, (как и сегодня, если верить Ж. Пиаже²¹²) стали забрасывать взрослых бесчисленными вопросами: как, что и почему? И взрослые, чтобы поддерживать свой авторитет, были вынуждены придумывать ответы, похожие на правду. Для этого они обращались к своему жизненному опыту (*по аналогии*) и к своему воображению. Однако с опытом у них были проблемы. Так, например, охотник-собиратель каменного века был столь наивен, что даже не подозревал о роли мужчины в процессе продления своего рода и думал, что дети рождаются от духов рек или деревьев. Зато воображение его фонтиранивало неудержимо, с легкостью переноса на окружающий мир все известные ему отношения между его сородичами или недругами²¹³.

А затем произошло следующее. Если сначала первобытные родители пытались придумывать более или менее правдоподобные ответы, то позже, когда эти первобытные дети выросли, а их собственные чада задавали им те же примерно вопросы, что задавали они, будучи маленькими, у них уже были готовы ответы. Они слышали от своих родителей. Так что теперь им оставалось напрягать лишь память, а не логику или воображение. Запомнив сказанное им в детстве, они передавали услышанное как эстафету, от поколения к поколению. Именно так рождались традиции. Поэтому можно предположить, что самые первые мифы сочинялись для

²¹² Ж. Пиаже. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

²¹³ Как говорилось в разд. 1.1, мышление по аналогии и сегодня чрезвычайно продуктивно. А тем более тысячи лет назад. Поэтому древний охотник придумал духов *по аналогии* с собственными состояниями бодрствования, сна и смерти. Первый же земледелец, также *по аналогии* с собственной деятельностью по упорядочиванию хаоса на своем маленьком участке, изобрел богов, наводящих порядок во всей природе. Библия заблуждается: не бог создал человека по своему образу и подобию, а, напротив, это человек создал Яхве, Зевса, Аллаха и др. по своему образу и подобию.

того, чтобы *объяснять, не заботясь о доказательствах*. Первобытные коммунисты, будучи крайне доверчивыми, не требовали доказательств. *Из-за своего легковерия и умственной лени, они не утруждали себя размышлениями — верить или не верить, коль скоро объяснение было дано их предками*. Авторитет времени освобождает мозги от необходимости трудиться. Так что мы, вероятно, не ошибемся, если скажем, *что вообще все культурные обычаи (традиции) создавались для того, чтобы им следовать, не вдаваясь в рассуждения*. С тех пор и до нашего времени мельница мифотворчества мелет, не уставая и с все нарастающей производительностью. Появились на свет философские («Атлантида» Платона, «Утопия» Т. Мора, «Город солнца» Т. Кампанелла) и исторические мифы («Классовая борьба» К. Маркса, Король Артур и рыцари круглого стола). Также в естествознании возникли свои специфические мифы (теория теплорода, и «золото» алхимиков). Стали популярны мифы спиритизма и паранормальных явлений, уфологов и астрологов, а теперь уже верующих в торсионные поля и инфляционную фазу раздувания Вселенной. Но, бесспорно, выдающее место среди них занимают религиозные мифы, а Библия и Евангелия не знают себе равных по обилию басен, коими они уснащают сознание верующих. Поэтому худшее из всего, что могли сделать мифы — они способствовали рождению тоталитарных идеологий, в том числе, светских. Здесь следует дать разъяснение тому, что в данном случае под идеологией понимается такого, мимо чего проходит ее общепринятое определение — см. главу 1.

В самом широком смысле любая идеология представляет собой инструмент **пропаганды** любого рода от публичного озвучивания своего личного «веса» и собственных достижений до пиар-компания, направленной на внушение окружающим необходимость предприятия каких-либо совместных действий во имя заявленной цели. Исполняя все ту же роль «цементирования сообществ», определенную ей групповым инстинктом, она вынуждена прибегать уже не к грубо «силовым» воздействиям (как, например, на хеморецепторы муравьев), а к более тонким интеллектуальным средствам, манипулируя сознанием посредством внушения или зомбирования. И в том, и в другом случае пропаганда либо преувеличивает значимость совершенного в прошлом, либо приукрашивает его, либо, наконец, откровенно сознательно или бессознательно лжет, добиваясь поставленной цели в будущем. Пропаганда действует при помощи двух инструментов — обещаний: лучшего будущего, с одной стороны, и опеки — с другой. Все идеологии сулят своим adeptам справедливость и будущее блаженство, кто на «том», кто на этом свете при неукоснительном испол-

нении ими всех предписанных заветов-обязательств. Все идеологии гарантируют порядок на этом свете при безоговорочном служении своим богам, своим начальникам — светским и духовным. И действие коллективного сознания проявляется в том, что заведомое большинство ординаров такое положение дел вполне устраивает. Иногда человеку ничего не остается, как верить, что не все еще потеряно, и надеяться на благополучный исход дела, даже когда шансов почти не остается. Очень многие люди патерналисты: им нравится думать, что о них заботится кто-то всесильный, имеющий власть карать и награждать. А посему им не надо напрягать свои извилины — это удобно даже из экономии мышления. И еще потому, что патронаж над ними снимает с них ответственность за самостоятельно принятые решения. Почему так много молодых людей охотно служат в армии? Потому что там запрещено размышлять, вместо чего требуется беспрекословно исполнять приказы, исходящие от вышестоящих лиц, подчас даже преступные. Почему женщины на Востоке безропотно подчиняются своим мужьям и родственникам? Потому что им с рождения внушается мысль, что ничего иного, кроме как покоряться, им не дано. И многие из них даже рады носить на себе клетку-хиджабы.

Плохо во всем этом то, что «регулярно упражняясь во лжи, мы помогаем мозгу привыкнуть к тому, что мы врём, и не беспокоить нас по этому поводу неприятными эмоциями. Раз соврал, дальше мы лжём всё проще и проще — наверняка многие знают это по собственному опыту. Как показали эксперименты исследователей из Университетского колледжа Лондона, причины такого психологического эффекта кроются в области мозга, называемой амигдалой, или миндалевидным телом — часто его называют центром страха, однако на деле амигдала принимает участие в формировании любых эмоций. Регулярное враньё помогает нам принять собственную ложь»²¹⁴. Египетский фараон Рамзес II превзошел всех древних правителей мира умением преподнести себя величайшим и несравненным повелителем смертных благодаря строительству бесчисленных грандиозных памятников самому себе.

Дюркгейм определял коллективное сознание как «унифицированную систему верований и практик, связанных со священными предметами, то есть предметами обособленными и запрещёнными, которые объединяют в одном-единственном *нравственном сообществе*, называемом *церковью*, всех тех, кто придерживается их»²¹⁵. При этом он утверждал, что стержнем религии является представления о священном, которые он толковал

²¹⁴ <http://www.nkj.ru/news/29815>

²¹⁵ Э. Дюркгейм. Элементарные формы религиозной жизни. М., 1998.

как идеи, «внушающие благоговение и заслуживающие уважения или преданности, но которые невозможно изложить должным образом». А для придания им общественного статуса необходимо вводить верующих в состояние *коллективного возбуждения* и наделять те или иные символы священным значением. Дюркгейм считал религию наиболее фундаментальным *социальным институтом* человечества, породившим все остальные социальные формы и общественные конструкции, в том числе и большие общества, а также сильнейшее чувство коллективного сознания. Он рассматривал религию как силу, возникшую в обществах охотников и собирателей, как средство, заставившее людей действовать по-новому и ощущать некую скрытую, приводящую их в движение силу. Со временем, когда эмоции получали символизированную форму, а взаимодействия приобретали ритуальный характер, религия стала более организованной, что привело к дихотомии «священное — мирское». При этом Дюркгейм полагал, что религия постепенно утрачивает значение, поскольку её вытесняет наука и культ индивида. Однако даже утрата ею своей роли не отменяла того факта, что вера заложила основы современного общества, а также взаимодействий и отношений, которыми оно регулируется.

Теперь мы знаем, что «мистическое» преобразование магического мышления охотника-собираателя в религиозное сознание земледельца произошло не вследствие «божественного вмешательства», а ввиду радикально изменившихся условий существования. Во-первых, перемене способов добычи средств существования. Во-вторых, демографическому давлению, вызвавшему повышение плотности в человеческих сообществах до критического значения, при котором возникает «чувство кворума», подводящего человеческие коллективы к эусоциальности. В-третьих, выделения из психически сравнительно однородной среды узкого слоя альфа-самцов и образования m- и s-элит. Следовательно, не религия создала цивилизации, а социализация породила религию для придания большим массам людей однородности и унификации мышления для удержания их «в узде».

Сегодня тема коллективного сознания (разума) или «группового мышления» (*Groupthink*) активно обсуждается ввиду осознания его исключительно важной роли в современном обществе. По мнению И. Джейниса («Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes») это «психологический феномен, возникающий в группе людей, внутри которой конформизм или желание социальной гармонии приводят к некорректному или нерациональному принятию решений. Члены группы пытаются минимизировать конфликт и достичь единого решения без достаточной критической оценки альтернативных точек зрения, активно пресекая отклоняющиеся мнения и изолируя себя от

внешнего влияния. В такой ситуации единомыслие приобретает большую ценность, чем следование логике и рациональному мышлению. Уровень конформизма при этом значительно возрастает, существенная для деятельности группы информация подвергается тенденциозному толкованию, культивируется неоправданный оптимизм и убеждение в неограниченных возможностях группы. Информация, которая не согласуется с принятой линией, членами группы игнорируется или значительно искажается. В результате складывается впечатление о единогласном принятии решений. Групповое мышление может иметь далеко идущие социальные и политические последствия: в истории есть много примеров трагических ошибок, совершенных в результате подобных решений... В их ряду решение нацистской Германии о вторжении в Советский Союз в 1941 году; решение президента США Г. Трумэна о начале военного конфликта в Корее; решение президента США Л. Джонсона о начале военных действий во Вьетнаме, уотергейтский скандал, решение президента США Дж. Кеннеди об интервенции в Плайя-Хирон»²¹⁶.

И все же в одном случае Дюркгейм оказался, вероятно, прав, доказывая, что религия и ее пропаганда могут создавать социальные структуры, подобные нации и государству. Уникальный пример, являющий собой исключение из правила, относится, в частности, к истории образования Израиля, обязанного своим существованием исключительно Моисею, пророкам и царю Иосии. Они сумели внушить своим соплеменникам мысль об их богоизбранности и исключительности. И, следует признать, их пропаганда сыграла крайне важную роль в том, что еврейский народ уцелел, будучи даже рассеянным по всему свету, тогда как его соседи давным-давно оказались перемолотыми жерновами истории. Но если для евреев пропаганда иудаизма была создана как защитный механизм для «внутреннего употребления» в виде лжи во спасение, то для христианства пропаганда явилась уже ложью во имя власти, притом над всем миром. Ни кто иной, как Иисус, которого христиане изображают вершиной добродетели, недостижимо возвышенным образцом человечности и любви, признавался: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч; ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее. И враги человеку — домашние его. И кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня» (Мф. 10. 34–37). Он же настаивал:

²¹⁶ Кордуэлл М. Групповое мышление (Groupthink) // Психология от А до Я: Словарь-справочник. М., 2000.

«Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает» (Мф. 12. 30). Не удивительно, поэтому, что в арсенале инструментария первых христиан кровь и насилие занимали место, равное сознательной фальсификации и грубому невежеству. Тогда как разуму и гуманности в нем не оставалось места, ибо идеологическая вера признает разум своим врагом. По солдафонски грубо и предельно откровенно рассеял все сомнения на этот счет Тертуллиан: «Нам после Христа не нужна никакая любознательность; после Евангелия не нужно никакого исследования»²¹⁷.

Ислам позиционирует себя как высшая форма единобожия, посему утверждает, что не будет более другой религии кроме ислама, предписания которого будут действовать вплоть до «судного дня», а пророк Мухаммед является последним пророком. Других пророков более не будет! Кроме того, заявляется, что если религии, переданные предыдущими пророками, предназначались для отдельных территорий, наций, народов, то ислам ниспослан для всех наций и народов мира. Ибо предписания ислама являются совершенными и отвечают духовным потребностям всех людей Земли. В связи с этим, отпадает необходимость в других искаженных или ложных религиях, и действия всех предыдущих предписаний, переданных прежними пророками, отменяются, так как они предназначались для отдельных народов, для определенной местности и на определенный отрезок времени. Об этом пророк Мухаммед без всякой ложной скромности известил правителей государств и империй того времени, и предложил им принять ислам, говорят нам толкователи Корана. (Примерно в том же духе вещали в свое время Маркс с Лениным). И особенно восхитительна та святая простота, с которой ислам декларирует свою приверженность разуму и знаниям (опять-таки тут вполне уместна параллель с марксизмом). В его предписаниях указано, якобы, что наличие разума для его последователей — обязательно, и человеку, ставшему на путь ислама, предписано неперменное и постоянное совершенствование своих знаний. Встает вопрос: каких? Ответ: Коран и его толкователи указывают «различные выходы из сложных ситуаций и облегченные способы *поклонений*, которыми можно пользоваться в затруднительных случаях». Никаких иных знаний Коран не дает, и давать не собирается. Однако, для любознательного и пытливого ума этого, увы, «маловато будет»! Какую роль пропаганда играла в «горжестве» марксизма и фашизма слишком хорошо известно, чтобы терять время на ее освещение.

Все без исключения идеологии отличает еще одна общая, отталкивающая черта: двуличие, неистребимое пристрастие к двойным стандартам. Она

²¹⁷ Философская афористика. М., 1996.

особенно отчетливо выражена у ортодоксальных сторонников идеологий. Христианская любовь для них не распространяется на атеистов, язычников, еретиков, мусульман, марксистов и т. д. и т. п. Мусульмане, вынужденные терпеть людей чужой веры, делят мир на «хороших» правочерных и «плохих» неверных, и этот критерий оценки людей для благочестивых исламистов решающий. Что творили большевики с классовыми врагами из чувства гуманности «по-марксистски» хорошо известно. Нам скажут, что нацистов следовало бы исключить из этого правила за «честное и откровенное» афиширование ненависти к не арийцам. Но ведь все они с младенческих лет воспитывались на идеях христианства. Поэтому когда они признавались в своих извращенных чувствах к инородцам, они лгали своей религиозной вере.

Если общая причина возникновения всех идеологий ясна и состоит в необходимости укрепления единомыслия в больших человеческих коллективах для усиления эффекта зусоциальности, то возникает другой вопрос: что явилось стимулом для преобразования всеобщего инстинктивного рефлекса в осознанное рефлексирование сравнительно мелких частных сообществ? Вероятнее всего, общего повода для возникновения тех или иных приватных идеологий не существует. В одних случаях побудительным импульсом явилась острая неудовлетворенность несовершенством мира. Так, существующий порядок вещей, несправедливость, царящая повсюду, насилие и неизбывные тяготы, обременяющие жизнь большинства, подвинули княжеского сына Сиддхарха на преобразование в нищего пророка Будду. Идея независимости и национального спасения двигала Моисеем, «выводившим свой народ из египетского плена». Обуреваемый непомерной гордыней (далеко превзошедшей тщеславие Рамзеса II) Иисус выставлял себя мессией — богом, призванным высвободить соотечественников из под пяты Рима. С ним связана одна психологическая загадка.

Спрашивается, на что он надеялся, заверяя своего сподвижника: «И Я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18)? В своей Нагорной проповеди он не отрицал ни одного из Моисеевых заповедей, но лишь усилил до абсурда их акцент. Библия давно была сверстана, отредактирована и признана священной. На нее он также не покушался. (По крайней мере, о том нет ни малейших намеков). Какую же новую церковь он собирался предложить не иноплеменикам (как это произошло вопреки его замыслу), а своим соотечественникам, отличавшимся в то время крайней ортодоксальностью? Если все новшество состояло в очищении синагог от торговцев, то это слишком мелко для настоящего религиозного «революционера». Неужели он не видел, что шансы на признание себя еще одним богом евреев в точности

равны нулю? Возможно, решение этого парадокса можно найти в хорошо аргументированной и логически безупречной гипотезе отечественного атеиста А. Белякова. Согласно его версии Иисус был «казачком»-провокатором, посланным римлянами в еврейскую общину для противодействия антиримской пропаганде патриотов-фарисеев. Отсюда и нападки на них, и обращение к «нищим духом» низам, чтобы сеять раздор между теми и другими, и «кесарево — кесарю», и «любите врагов ваших». Однако, увлекшись ролью пророка, Иисус «заигрался»: соотечественники, пришли в ярость от его утверждений, что он — сын плотника на самом деле бог-сын своего бога-отца Яхве. Столь вызывающего кощунства они уже не смогли перенести. Их терпению настал конец. Но отступать было поздно. Когда же его покровитель Пилат, чтобы не выдать себя, отдал его в руки врагов — первосвященников и старейшин, он с ужасом осознал, что его не спасет никакое раскаяние. Ни соотечественники не простят ему столь вызывающего богохульства в адрес своего обожаемого бога, ни тот его не защитит²¹⁸. Поистине ирония истории не знает пределов. (Интересно, догадывался ли тончайший психолог Ф. Достоевский, что в действительности творилось в душе его идола, о котором он высказал столько лестных слов?)

Всех пророков древности объединяла одна общая черта: они не видели действительных путей радикального преобразования и усовершенствования установившихся порядков. Поэтому все они довольствовались обещаниями лучшего будущего либо в виртуальном мире nirваны, либо в посмертном блаженстве в небесном раю. Современные религиозные идеологи «претендуют на то, чтобы вернуться к первоисточникам собственной традиции и освободить её от «искажений» исторического развития»²¹⁹. Однако, указывает Хильдебрандт, парадокс этих новаторов состоит в том, что, вопреки их претензиям на возврат к истинному учению, «в большинстве случаев они создают современную религиозную идеологию». Но еще более парадоксальны некоторые современные нерелигиозные идеологии, в частности марксизм. Исполненный громадного самомнения Маркс предложил поистине кардинальное решение вопроса равенства (правда, лишь для пролетариев). Для чего ему пришлось открыто заявить, что путь к счастью избранных прокладывается через революционное насилие: через кровь, физическое истребление и моральное подавление «нехороших»

²¹⁸ Схожая история повторилась в Новое время. Маркс подобно своему предшественнику, попытавшись изобразить из себя мессию, заигрался с «классовой борьбой», но его, можно сказать, за уши выпатчил Ленин — второй по времени, но главный по значимости апостол при светском боге Марксе.

²¹⁹ Mathias Hildebrandt: *Krieg der Religionen?* In: *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Ausg. 6 (2007).

классов. Однако, ослепленный *idée fixe* пролетарского возмездия, он не понял, к чему склонял человечество. Рекламуемый им коммунизм, будучи свершившимся каким-то сказочным образом, в действительности представлял бы собой убогий мир столь тотальной унификации всех без исключения человеческих индивидов, облаченных в серые тона пролетарской робы, что первобытный коммунизм мог бы действительно показаться утерянным раем. Тем не менее, эпохальная смелость предложенного Марксом плана восстановления «высшей» справедливости вдохновила еще одного альфа-самца Гитлера на другое революционное насилие — на уничтожение «неправильных» рас и наций ради блага избранных — арийцев. В связи с тем, что природа определила животным участь бессознательных и бессловесных рабов инстинктов, то спрашивается: неужели она наградила нас разумом лишь для того, чтобы сделать из нас сознательных и словоохотливых рабов стадного инстинкта?

4.6.2. Тоталитарные идеологии

Анализируя идеологию марксизма и фашизма, К. Поппер выделил их в особый класс тоталитарных учений²²⁰. Термин «тоталитаризм» (от лат. *totalitas* — цельность, полнота) предложил Дж. Амэндола в 1923 для характеристики режима Б. Муссолини. По мнению последнего, тоталитарный режим означает, что «*Tutto nello Stato, niente al di fuori dello Stato, nulla contro lo Stato*» («Всё в рамках государства, ничего вне государства, ничего против государства»). Однако в настоящее время признается, что тоталитарными были режимы не только Муссолини, но и А. Гитлера и И. Сталина. Более того, согласно Википедии «различные авторы также относят к тоталитарным режимы Франко в Испании, Салазара в Португалии, Мао Цзэдуна в КНР, «красных кхмеров» в Кампучии, Хомейни в Иране, талибов в Афганистане, Ахмета Зогу и Энвера Ходжи в Албании, Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в Северной Корее, Московское царство, Садама Хусейна в Ираке, Хо Ши Мина во Вьетнаме, Сапармурата Ниязова в Туркменистане, Сомосы в Никарагуа, Иди Амина в Уганде, Масиаса Нгемы Бийого в Экваториальной Гвинее, аль-Сауда в Саудовской Аравии и другие. Иногда термин используется для характеристики отдельных аспектов политики (например, милитаризма США при президенте Буше). Вместе с тем, подобное применение понятия «тоталитаризм» продолжает вызывать критику. Критики выражают несогласие с приравнением полити-

²²⁰ К. Поппер. Открытое общество и его враги. М., 1992.

ческих систем сталинизма и фашизма, произвольным употреблением термина политиками, противопоставлением обвиняемых в тоталитаризме режимов и демократии. Его смысловое содержание постоянно менялось в угоду политической конъюнктуре, и некоторые исследователи считают этот термин клише». К сказанному следовало добавить, что не только Московское царство, но большинство королевств Западной Европы XIV–XV вв. можно смело причислить к тоталитарным, если иметь ввиду, ту казарменно тюремную подчиненность всех без исключения сторон жизни средневекового европейца канонам церкви²²¹. А как и предвидел Муссолини, развитие коммуникационных технологий привело к такому усовершенствованию пропаганды, что нынче ортодоксальные исламисты — самые рьяные последователи тоталитаризма, успешно вербуют свои сторонников повсюду в мире.

Разумеется, трудно отрицать того, что смысл обсуждаемого термина меняется в зависимости от политических веяний. Но дело не столько в том, что он подвижен, сколько в том, что все выше упомянутые персоны, олицетворявшие его, разделяли либо религиозные (христианские и исламские), либо светские (марксистские и нацистские) идеи и ценности. Что было и остается их отличительной чертой? Подчеркнуто агрессивное стремление к мировому господству с целью подавления всех конкурирующих идеологий и установления своего единоличного диктата над сознанием всех людей планеты. Нам возразят: все современные демократии в той или иной мере разделяют христианские ценности. Отчасти признавая этот факт, напомним, что менее века назад Великобритания — одна из колыбелей современной демократии являла собой колониальную империю, возведенную на крови поработанных ею народов. В конце XIX века просвещенный (христианнейший) король Бельгии Леопольд II объявил Свободное государство Конго своим «личным владением», превратив его в основного поставщика каучука на мировом рынке. За это «благодейние» его африканские подданные заплатились 10 миллионами жертв жесточайшей эксплуатации. А вторжения демократических США на территории «недружественных стран» далеко не всегда были вызваны благородным стремлением защитить свободу и независимость их народов. Поэтому не имеет значения, что христианская церковь сегодня представляется белым и пушистым голубем мира. Таковым она стала не по своей воле, а вследствие сопротивления ей изнутри и извне. Просвещение и гуманизм с одной стороны, и противодействие на мировой арене — с другой, выну-

²²¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

дили ее «поджать когти». Не имеет значения и то, что германо-итальянский нацизм потерпел бесславное поражение: его адепты — националисты («патриоты») всех стран далеко не растеряли боевого духа и готовы к любым схваткам с «чужаками», как утверждает мадам Ле Пен. И та «геополитическая катастрофа», что произошла с СССР, не уменьшает численность горячо сочувствующих ему.

В монографии «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956 г.) К. Фридрих и З. Бжезинский, на основе сравнения сталинского СССР, нацистской Германии и фашистской Италии, сформулировали ряд определяющих признаков тоталитарного общества. Исходный перечень состоял из шести признаков, но во втором издании книги авторы добавили ещё два, а впоследствии другие исследователи также вносили уточнения. В конечном счете, счет признаков был доведен до 14. Среди них важнейшими признаются следующие: 1) наличие одной всеобъемлющей идеологии, на которой построена политическая система общества; 2) наличие единственной партии, как правило, руководимой диктатором; 3) большая роль государственной пропаганды; манипуляция массовым сознанием населения; 4) приверженность экспансионизму. При этом одни считают, что тоталитаризм достиг своего наиболее полного воплощения в XIX–XX вв. (Ф. фон Хайек, А. Рэнд, Л. фон Мизес и др.). Другие, ссылаясь на традиции правления династий Маурья в Индии (321–185 гг. до н. э.) и Цинь в Китае (221–206 гг. до н. э.), утверждают, что корни тоталитаризма уходят в далекую древность²²². Возражение против второго утверждения состоит из двух частей. Во-первых, попытки навязать этот режим Китаю оказался несостоятельны ввиду того, что население этой страны в ту эпоху было мало восприимчиво ко всем идеологическим, в том числе религиозным установкам. Предпочтение отдавалось скорее традициям почитания предков, как очень точно уловил эту национальную особенность Конфуций. Во-вторых, тоталитаризм ориентируется на одного верховного идола, поэтому в Индии, с ее гигантским пантеоном богов введение почитания единобожия было занятием обреченным. Что история и доказала.

Вместе с тем, утверждение о том, что тоталитаризм есть продукция двух последних веков, также ошибочно. Поскольку ядром тоталитаризма является *тоталитарная идеология*, на которую нанизываются все прочие компоненты общественно-государственного устройства. (Дюркгейм прав в отношении тоталитарных идеологий: именно они порождают цивилизации тоталитарного типа и являются их стержнем). А первым образцом

²²² Totalitarianism // Энциклопедия Британника (англ).

тоталитарной идеологии явился иудаизм, который изначально был призван сохранить политический суверенитет еврейского государства и культурную идентичность нации. Он же явился ее спасителем после распада единого государства на два «дома», впавших в полосу непрекращающихся ересей и уступок языческим верованиям соседей. Ослабление хватки Ассирии с падением Ниневии внушило царю Иудеи Иосии надежду на возрождение страны, которую он увязал с очищением веры Моисея от языческой «ржавчины». Следуя этому плану, были искоренены культы всех «пришлых» богов, уничтожены все храмы и святилища, кроме иерусалимского, умертвлены все «жрецы высот» и отредактирована Библия. Таким образом, евреи стали, по сути дела, народом книги, просыпающимся с нею в руках и ложащимся спать, не выпуская ее из рук. Эта традиция почти без изменений сохранилась среди правоверных иудеев по сию пору. Кицур Шульхан Арух и сегодня подробнейшим образом (вплоть до мелочей) регламентирует поведение ортодоксального еврея даже при посещении им туалета, оправлении естественных надобностей и возлежании на ложе. Но, повторюсь, иудаизм был рожден для внутреннего, а не «внешнего» употребления. Он был создан как щит, предохранявший еврейский народ от катастроф, сотрясавших его окружение, но не как меч, выкованный для завоевания других народов. И единственным оружием, которым пользовались евреи, рассеянные по миру, были богатства, которые они научились приобретать во спасение. В частности, ссылаясь на Бастиана, М. Фишберг сообщает о негритянских евреях, живущих на побережье Лоандо в Западной Африке, где они «занимают доминирующее положение или, по крайней мере, их уважают или даже боятся, потому что они богаты и вся торговля в их руках».

Иное дело тоталитарные идеологии, рожденные с мечом в руках для завоевания мира, к коим мы отнесли христианство и ислам, с одной стороны, марксизм и фашизм — с другой. Если кто-либо возразит нам, что христианство давно отказалось от этой цели, разумеется, нельзя будет не согласиться с ним. Но отказалось оно совсем недавно по историческим меркам и лишь вследствие осознания непреодолимых трудностей ее достижения. И, кроме того, неизвестно, насколько искренен этот отказ. Все сомнения, однако, рассеиваются, как только речь заходит о наиболее радикальных адептах пророка Мухаммеда. Поскольку отчаянные попытки его современных фанатичных последователей повернуть историю вспять, вернуть ее в глухое средневековье — ко временам пророка, увы, находят отклик у заметной части исламского духовенства во всем мире. Свидетельствуя о том, что ислам как идеология далеко еще не расстался с меч-

той водрузить свое зеленое знамя над всей планетой. А ведь было время (IX–XII вв.) когда исламские философы, познакомившись с наследием Аристотеля и атомистикой, несли в мир свет знаний, позволяя себе свободомыслие, недоступное темной, невежественной Европе, зомбированной христианством. Они имели возможность рассуждать о свободе человеческой воли, придерживаться пантеизма, обосновывать превосходство разума над верой, заниматься изучением истории, доказывать вечность мира (Аль-Кинди, Ибн-Сина (Авиценна), Ибн-Рушд (Аверроэс) и др.). Они и были людьми мира, в отличие от его врагов — современных догматиков-радикалов, неистовых изуверов веры.

Что касается марксизма, то полтора миллиарда китайцев продолжают разделять марксистскую веру (или делают вид, что продолжают) в коммунизм, а миллионы поклонников этого учения по всему миру живут надеждой на его ренессанс. Наконец, о фашизме, которого питал и продолжает питать его родословная, ведущая от болезненно слепого патриотизма, легко перерождающегося в нацизм. Сегодня он вновь поднимает голову не только в Европе, уже, казалось бы, достаточно пострадавшей от этой болезни, но и в России. Могли бы вообразить триумфаторы 2-й Мировой войны, кидавшие фашистские знамена на брусчатку Красной площади, как перевернут страницы истории некоторые из их внуков? Можно ли было представить себе нечто более противоестественное? Оказывается — можно. Почему? Потому что идеология как побежденных, так и победителей по существу была сходной. (Следовательно, есть основание усилить определение «тоталитарный» синонимом «геополитический», признавая близость геополитических устремлений у этих четырех идеологий).

Как было показано выше, основная (среди множества других) причина рождения идеологий, была вызвана усилением группового инстинкта у социалистических масс. Социализм нуждался в укреплении своего психологического фундамента. Он получил поддержку со стороны коллективного сознания, перестроившегося с магического на религиозное мышление. Языческие религии действительно поспособствовали консолидации индивидов в многочисленные племена и народности гораздо эффективнее магических суеверий. Но для дальнейшего продвижения по пути интеграции требовались представления, способные преодолеть частные, групповые (национальные) особенности восприятия идей социализма. Тоталитарные идеологии как раз и появились на свет как *поиски путей (механизмов) объединения остававшегося разьединенным мирового сообщества* в единое масштабное целое. Они выполняют те же функции, что инстинкт муравьев, термитов и пчел, но на новом информационном уровне с помощью нового,

недоступного насекомым механизма — слова. Их «химия» — лозунги, простые, доступные самому неприхотливому сознанию: любовь и покорность, коммунизм и нация. (Религиозно настроенный комментатор сказал бы: такова воля божья, мы заметим: таково веление эволюции). Это отчетливо видно на примере возникновения ислама, произошедшего независимо от какого-либо внешнего экстремального воздействия. Он вышел из головы пророка Мухаммеда, подобно Афине Палладе из головы Зевса. Этот акт можно было бы считать спонтанным. Но тот факт, что ислам за считанные годы (почти мгновенно) пленил сердца многих тысяч арабов и прошелся яростным степным палом от Средней Азии до Северной Африки, всюду выжигая традиции язычества, свидетельствует в пользу чрезвычайно усилившегося группового инстинкта к началу Нового времени во многих регионах Старого Света. У европейцев этому психо-идеологическому сдвигу способствовало христианство, завоевавшее господствующие позиции в их сознании. Позже, с изменением экономической и социальной структуры, та же перестройка, но уже с религиозного сознания на светское, произошла с обывателями, поверившими в марксизм и фашизм по причине разочарования в христианстве и нетерпеливого стремления как можно скорее изменить свое земное существование. (В отличие от магического коллективного сознания религиозная вера нуждается хотя бы в минимуме умственного потенциала коллективного сознания «нищих духом», способного осознать привлекательность учения и усвоить его азы).

Повторюсь в очередной раз: эволюция слепа, поэтому для достижения своей цели она экспериментирует наугад, в том числе и с выбором механизмов эусоциальности в масштабе всей планеты. Однако тот факт, что марксизм и фашизм потерпели фиаско почти моментально (по геологическим меркам), христианство практически выдохлось и растеряло амбиции, а ислам существенно недооценивает свободу рационально умственного творчества, свидетельствует о том, что тоталитарные идеологии категорически не удовлетворяют «требованиям» эволюции. Они бессильны служить интеллектуальным и нравственным «клеем», способным содействовать объединению *всего человечества* в единую семью, исполненную всеобщей взаимной доброжелательности и сотрудничества, как того требует время. Ибо самой вожаемой «морковкой» для удовлетворения мечты коллективного сознания христианина является спасение души в небесном монастыре для импотентов, уже не мучимых более вожаемыми греховной плоти. И эта святость — до скончания веков. А что для мусульманина? Личный гарем (опять-таки небесный) и неограниченный секс с прекрасными гуриями в награду за послушание во славу Аллаха,

каковы бы ни были его повеления: ведь именно он непререкаемый начальник и строгий судья всем своим подданным. Звонкие лозунги марксистской доктрины воспламеняли воображение «нищих духом» миражом единого всепланетного завода-колхоза — производителя материальных благ, строго равными долями распределяемых среди всех участников общественного труда. Которые были бы обязаны иметь паспорта без каких-либо упоминаний имен, фамилий, национальностей и прочих «унизительных» индивидуальных черт, но с неизменным указанием личных номеров и с пометками о выработанной продукции. Тогда как душу нацистов должны были бы греть мечты о парадах и маршах, а также об отрывистой начальственной речи, разносящейся над всем миром.

Групповой инстинкт с его «инструментом» — коллективным сознанием способны воздействовать на группы индивидов, превращая их в толпу, послушную воле «дрессировщика», но могут зомбировать людей и избирательно, гипнотизируя отдельных фанатиков идеологий. Одних — верой в небесную благодать за служение своему богу, других верой в земную утопию за служение своей нации или своего класса. Если физически совершенно здоровый доисторический коммунист мог внезапно умереть от страха, внушенного ему колдуном, которому он безгранично доверял, то коммунист начала XX века бестрепетно жертвовал своей жизнью, но еще легче жизнью других, слепо доверяя своим богам. Японские камикадзе, исламские шахиды и ассасины, истинные большевики и верноподданные Гитлера на самом деле индивидуальные жертвы, с одной стороны, аномально усилившегося группового инстинкта, с другой — гипертрофированно развившегося коллективного сознания, совместными «усилиями» подавлявших и заглушавших их личную волю к жизни, их индивидуальный инстинкт.

Принципиальное отличие Афинской цивилизации от ее оппонентов состояло в том, что афинским гражданам-ординарам было свойственно чувство собственного достоинства. Не желая оставаться безмолвным стадом, во всем покорным своему пастуху, они отстаивали свободу мышления от всех и всяческих догм. Тем самым они преподавали урок всем современникам — эллинам. Благодаря чему эфесец Гераклит мог без страха за свою жизнь заявить: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающими, мерами угасающими». На что элеец Парменид смел возразить прямо противоположное — в том духе, что ничто не течет, ничто не меняется, все сущее вечно, не возникло и неподвижно. Именно эта особенность психики и сознания античных афинян

высвободила творческий энтузиазм δ - и i -индивидов, вызвав ответную реакцию — вулканическое извержение колоссальной мощи, которое посеяло семена цивилизации, ныне прорастающие на Западе.

Психика человека, несомненно, значительно тоньше, пластичнее и «многоцветнее» психики животного. Тем не менее, между ними прослеживается связь в виде некоей эстафеты поступательного развития, отражающей их естественное родство. Во всяком случае, между ними нет пропасти. Вероятно единственное, в чем человек решительно превзошел своих животных родственников, далеко оторвавшись от них — это сознание. Причем этот огромный отрыв состоялся благодаря мощи не столько индивидуального, сколько коллективного сознания. Оно сделало человека Гулливером среди лилипутов из другого мира. Оно, фактически, создало цивилизации, породив все явления культуры от речи до коллективной памяти, создавшей основу для формирования традиций устойчивого, долговременного существования многочисленных и стационарных людских сообществ. Между тем, ориентируясь на врожденное различие психических качеств и свойств индивидов, на их природное разделение на «верхи» и «низы», коллективное сознание восточных цивилизаций смирилось с ним неравенством и в правовом отношении. Тем не менее, подсознательно ощущая несправедливость подобного разделения, оно породило разного рода идеологии, призванные либо соглашаться с существующим порядком вещей, либо менять его. Религиозные идеологии, все как один, сделали выбор в пользу конформизма, признав единственной альтернативой неравенству на этом свете блаженное равенство на «том свете»... при одном неперменном условии — покорном и безоговорочном принятии несправедливости, царящей в этом мире.

Светские идеологии, напротив, избрали путь конфронтации с настоящим ради скорейшего искоренения зла и достижения всеобщего блага так, как понимали его их создатели. Как ни парадоксально, однако, их идеи не столько разрешали конфликты, травмировавшие отношения между индивидом и социумом, сколько усугубляли их. Подавляя индивидуальное сознание масс внушенным им строго ориентированными и догматическими идеологическими установками, они парализовали сколько-нибудь длительное поступательное развитие личности и общества. Попутно они не только консервировали традиционные пороки коллективного сознания, свойственные социалистическим цивилизациям, но и производили на свет новые. Тем самым, они не приближали «светлое будущее», а, напротив, делали его принципиально недостижимым. Желая выбраться из ловушки социализма, они все глубже увязали в нем.

Единственным жизнеспособным ответом на природное неравенство, порождающее всеобщую несправедливость, явилось признание коллективным сознанием законодательно установленного и реально осуществляемого принципа равенства между всеми членами общества. Первый опыт такого подхода к решению ключевой проблемы взаимоотношений личности и общественных институтов был реализован гражданами Афин. Сегодня он, с тем или иным успехом, возрождается едва ли не на всех континентах. Принцип дополнительности в этом аспекте, выражаемый признанием равенства между индивидуальным и коллективным сознанием, между чувствованиями и эмоциями, с одной стороны, и рациональным разумом, с другой, оказывает влияние на все большие массы людей. Тем самым, все большее число *Homo fidelis* приобретает черты *Homo sapiens*. Человечество очеловечивается, уходя из под крыла социализма, все больше доверяясь здравому смыслу и обращаясь к гуманизму.

4.6.3. Идеология, вера, наука

Согласно словарю Брокгауза и Эфрона, вера есть «признание чего-либо истинным без предварительной фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего, субъективного непреложного убеждения, которое не нуждается для своего обоснования в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их». Это определение не вполне корректно, так как убеждения возникают не только в силу некритического, слепого принятия за истину какого-либо суждения, но и вследствие осознанного признания истинным чьего-либо мнения. Иначе говоря, существуют не только религиозные, но и вполне светские и даже научные верования. Так, не существует никаких твердо установленных фактов существования или не существования бога. Но атеисты резонно считают, что принцип Оккама делает излишним веру в его бытие, поскольку «множит сущности без необходимости». (В СССР атеизм обращался в своего рода фанатизм — в воинствующий атеизм). С другой стороны, религиозно мыслящие парируют их слова указанием на то, что убежденность в отсутствии бога также есть верование. С третьей стороны, история науки свидетельствует о том, что многие ученые мужи прошлого успешно совмещали в себе оба этих верования. Самые наглядные примеры — И. Ньютон и Б. Паскаль, которые забывали о боге, занимаясь наукой, и забывали о науке, отдаваясь религиозным исканиям. Но и стойкость их современных коллег в отстаивании тех или иных физических моделей, математических или биологических концепций также вполне напоминает религиозные верования. Кроме того, несть числа сто-

ронникам различного рода теорий заговоров, верующих в астрологию, черную или белую магию, легионам уфологов, сайентистов и сатанистов. Таким образом, верование относится не столько к содержанию мышления, сколько к его форме. Вместе с тем, научные верования, в отличие от религиозных и прочих мистических, имеют свойство доверять фактам, когда они становятся неоспоримыми. В этой способности и готовности адаптироваться к новым реалиям состоит громадное преимущество научных убеждений над всеми прочими. Наука придерживается только одной неизменной традиции: верности фактам, а не их толкованиям и измышлениям.

Как же, в таком случае, можно толковать форму веры? По-видимому, она представляет собой *компромисс между индивидуальным и коллективным сознанием*, который облекается в наряды идеологии. Или иначе: она есть индивидуальная модель мира каждого человека, сконструированная с учетом влияния коллективного сознания окружающих (по сути дела она — дитя принципа дополнительности). Почему христианство и ислам насчитывают каждый свыше 70 течений и направлений? Только потому, что каждый s-индивид, мнящий себя наиболее компетентным интерпретатором своей религии (идеологии), вносил в main stream коллективного сознания свое эго, которое подхватывали его доверчивые последователи. Тем самым, последние становились приверженцами иерархий, состоящих из трех или более ступеней. Основу пирамид составляет ступень, общепризнанная коллективным сознанием всех адептов данной идеологии. Вторую ступень образует индивидуальное сознание кого-либо из авторитетных интерпретаторов традиционной концепции, которое становилось коллективным для уже его собственных последователей. Наконец вершину пирамиды составляло и составляет индивидуальное сознание частных лиц, толкующее на свой лад вдохновляющие идеи его интеллектуальных наставников. Подобное многоступенчатое коллективное сознание и вера представляют собой аналог химических ингредиентов для муравьев, благодаря которым они отличают своих от чужаков, консолидируются с первыми и враждуют со вторыми.

Верования, как религиозные, так и светские предназначались для «цементирования» больших масс людей. Прежде со своей задачей они в целом справлялись: приверженцы христианства, ислама и марксизма с китайской спецификой составляют преобладающее большинство человечества. Вместе с тем выяснилось, что из-за групповой ориентации всех социалистических идеологий им не дано было окончательно преодолеть барьеры социал-дарвинизма с его ключевыми постулатами: «человек человеку волк» и «война всех против всех»! Чем эффективнее становились

«скрепы» одних верований, тем выше поднимались выстраиваемые вокруг них стены. Центроостремительное движение в частных сообществах провоцировало их совместное обратное, центробежное ускорение в противоположных направлениях, создавая непреодолимые идеологические разногласия в мировом сообществе в целом.

Тем не менее, все идеологии почитают себя благодетелями человечества, единственно истинными выразителями его чаяний. Все они провозглашают борьбу за справедливость, но справедливость, понимаемую лишь по-своему. Так, персидский царь Дарий, гордившийся тем, что в течение одного года дал 19 победоносных сражений, захватил в плен 9 царей, а некоторых из них посадил на кол, утверждал, что тем самым «следовал справедливости. Ни слабому, ни сильному я не делал зла. Мое желание — справедливость»²²³. В свою очередь, марксисты считали, что воздают буржуазии по справедливости, затеявая всемирное классовое сведение счетов — *ордоцид*, а фашисты — резню расово неполноценных (*геноцид*). Посему все идеологические верования были и остаются взаимными антагонистами. Жестко конкурируя между собой в претензиях на глобальную гегемонию, они, будучи предоставлены самим себе, не способны найти точки соприкосновения для взаимного нормального сосуществования. В ситуации, когда противоборствующие стороны владеют ядерным оружием и прочими изощренными орудиями смерти, их противоречия становятся главной угрозой существованию человеческого рода. И получается, что интеллект не столько избыточен, сколько опасен для человека эпохи социализма, ибо используется против него самого. (Когда мускулы перевешивают мозги, велик риск разделить судьбу динозавров). Это видно по тому деструктивному влиянию, которое социалистическая идеология оказывает на умы обладателей исключительного интеллекта, в частности, выдающихся философов и ученых.

Не так давно один их «героических» защитников православия — А. Фомин («Почему ученые верят в бога») взялся доказывать, что христианство не только не противопоставляет себя науке, но всячески способствует ей. Ссылаясь на изданную в 70-х гг. на Западе книгу «Мы верим», в которой 53 выдающихся ученых, заявляли о своей непоколебимой вере в «Господа Иисуса Христа», он помимо таких хрестоматийных имен, как Г. Галилей и И. Ньютон, Б. Паскаль и И. Кеплер апеллировал к современным корифеям физики, включая: М. Планка и А. Эйнштейна, В. Гейзенберга и А. Комптона. Он обратился к авторитету физиков, полагая, по-

²²³ Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980.

видимому, что именно они возглавляют когорту лиц с высшим уровнем интеллекта. Но только ли выдающиеся умственные способности приобщали и приобщают их к религиозной вере? Например, насколько искренен был Галилей, вынужденный согласиться с тем, что: «Священное Писание никогда не может погрешать или заблуждаться. Само Писание никогда не может ошибаться, потому что во многих местах оно не только допускает, но требует толкования, отступающего от прямого буквального смысла»? Чем еще мог Галилей оправдаться за свою ересь перед инквизицией, пославшей на костер Дж. Бруно и М. Сервета, Т. Кампанелла и Я. Гуса и так запугавшей Н. Коперника, что он решился издать свой уникальный труд только перед смертью? Страх — веский аргумент, способный поставить на колени даже убежденных в своей правоте.

Сообщая о своей безграничной любви к всевышнему, Паскаль проговорился, что бог христиан «это Бог, наполняющий *избранную* душу и сердце, Бог дающий им чувствовать их *нравственную нищету* и Свое бесконечное милосердие, наконец, Бог, соединяющийся с их душою и наполняющий ее блаженством, радостью, доверенностью и любовью». Иначе говоря, его бог — бог для избранных, с одной стороны, и для нищих духом, с другой. (Тем самым, вольно или невольно, Паскаль выдал истинную основу учения христианства). Но помимо этого неприглядного признания есть основание уличить Паскаля и в невежестве или, что в высшей степени парадоксально — отсутствии у него логического мышления!/? Понимаю недоумение читателя, но знакомство с его книгой «Мысли о религии», содержащей великое множество поразительно дремучих «откровений», приводит к крайне прискорбному заключению о способности религии совращать и извращать даже самый сильный разум. Предательство логики, совершенное бывшим физиком, ничего кроме стыда за здравый смысл, не вызывает. Один пример: он считал евреев самым древним народом на земле, «на несколько столетий старше самых древних из известных нам историй»²²⁴. Но, обращаясь к высокочтимой им Библии, он мог бы удостовериться, что в эпоху, когда вокруг евреев здравствовали развитые цивилизации Египта, Вавилона и Ассирии, а хеттское царство успело уйти в небытие, они не обладали ни собственной религией, ни собственными царями, ни собственной землей. Религию дал им Моисей после «исхода» из Египта. Земли Палестины Иисус Навин завоевал, ожесточенно воюя с *пятью царями* Ханаана. А когда соотечественники стали просить Самуила: «дай нам царя, чтобы он судил нас, *как у прочих народов*», он попы-

²²⁴ Блез Паскаль. Мысли о религии. С. 85. М., 2001.

тался отговорить их от этой затеи. Но евреи были непреклонны: «Народ не согласился послушать гóлоса Самуил, и сказал: нет, пусть будет царь над нами; и мы будем, как прочие народы» (1-я Царств, 8: 6, 19, 20). Мог ли Паскаль не знать этих фактов, содержащихся в самой книге божественных откровений? Исключено. Тогда что именно принуждало его рассуждать, подобно круглому невежде? Наш ответ известен. Таким образом, если славословие христианства Галилея было следствием своего рода выкручивания рук, то в случае с Паскалем мы должны лишний раз подтвердить справедливость отстаиваемого нами тезиса о вредности любой идеологии, в особенности тоталитарной.

Обращаясь к истокам религиозности Ньютона, мы вновь вынуждены задаться вопросом: вникал ли великий физик в содержание Библии, в частности, в начальные главы «Бытия», описывающие первые шаги «творения»? Дело не в том, что во времена Ньютона наука имела слишком мало доказательств ложности христианского учения и его библейской основы для сравнительно правдоподобного описания «первых трех минут». Дело в том, что мимо его внимания прошли вопиющие несуразности Библии, которые обязаны были стать «бревном в его глазу». Почему, например, его не поверг в величайшее недоумение такой поразительный факт, что оказывается до сотворения неба и земли «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1,2)? Откуда взялась вода? И где пребывало отделенное от духа тело творца, по образу и подобию которого им на седьмой день был создан Адам? И еще вопрос: где носился дух творца до того счастливого момента, как были созданы небо и земля? Ответа нет. Но эти 18 библейских слов увертюры к творению не оставляют места логике, которой не зашоренный религией физик должен был бы доверять больше, чем самым «священным» заклинаниям. Ибо их весомость и убедительность сопоставима разве что со словами мага, зомбирующего своего «клиента». Далее, допустим Ньютона в силу его психо-физиологических особенностей мало интересовали вопросы, связанные с различием конституций мужчины и женщины, которые его также могли повергнуть в шок. Так как согласно одной версии Библии Адам и Ева явились разом и вдобавок точной копией своего небесного отца (Быт. 1,26–27). Вопрос: со всеми их гендерными особенностями? Так какого же пола был сам всевышний? (Библия опускает занавес над этим интригующим вопросом). Но если и Адам, и Ева были сотворены неведомо каким образом «по образу нашему», то спрашивается: для чего творцу нужны были их общие анатомические особенности — ноги, руки, ребра, череп, рот и то, что завершает путешествие пищи по организму? Неужели же он нуждается в пище и обмене веществ (метабо-

лизме) точно также как мы — смертные? Тогда почему он признается бес-смертным? Сделаем снисхождение, отступим от вопросов, не имеющих отношение к физике. Но вот проблема, непосредственно связанная с физикой, еще точнее — с проблемами тяготения и инерции, столь близкими интересам Ньютона. В главе 10 Библии говорится о сражении, которое Иисус Навин вел против аморреев. Светлого дня, чтобы довершить исход противоборства до победного конца, Иисусу не хватило. И он попросил своего бога попридержать бег солнца над землей, дабы при свете дня окончательно добить противника. «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (Быт. 10, 13). Уму непостижимо, как мог автор законов инерции и гравитации признать реальность этого события! Еще непостижимей другое: как могут *современные* верующие физики закрывать глаза на столь вопиющие ляпсусы Библии, которые должны были бы полностью дискредитировать ее в их глазах?

Что же, тем не менее, перевешивает в их глазах нелепости, содержащиеся в ней, если они их замечают? По-видимому, два момента: свидетельство упорядоченности и гармонии мироздания, а также представление о том, что «за каждым часовым механизмом должен стоять часовщик» (Р. Милликен). Если верить Фомину, Планку принадлежит высказывание: «И религия и естествознание нуждаются в вере в Бога, при этом для религии Бог стоит в начале всякого размышления, а для естествознания — в конце. Для одних Он означает фундамент, а для других — вершину построения любых мировоззренческих принципов». У Эйнштейна он находит признание: «Я верю в Бога, как в Личность и по совести могу сказать, что ни одной минуты моей жизни я не был атеистом. Еще будучи молодым студентом я решительно отверг взгляды Дарвина, Геккеля и Гексли, как взгляды беспомощно устаревшие». Он приводит и соответствующее суждение Гейзенберга, согласно которому: «Первый глоток из сосуда естественных наук делает нас атеистами, но на дне сосуда нас ожидает Бог... Эти математические законы выступали зримым выражением Божественной воли... Кеплер загорался воодушевлением по поводу того, что он первым увидел через них красоту Божественного творения». А для Комптона, по утверждению Фомина, вера «начинается со знания того, что Высший Разум создал Вселенную и человека. Мне нетрудно верить в это, потому что факт наличия плана и, следовательно, Разума — неопровержим. Порядок во Вселенной, который разворачивается перед нашим взором, сам свидетельствует об истинности самого великого и возвышенного утверждения: “В начале — Бог”». Так как «за точностью замысловатого механизма Вселенной должен стоять божественный Конструктор и Тво-

рец!». (Поистине курьезную лепту в защиту бога предложил Т. Эдисон, который заявил, что-де «существование Бога может даже быть доказано химическим путем»). Фомин мог бы упомянуть и П. Дирака, который писал, что «природе присуща та фундаментальная особенность, что самые основные физические законы описываются математической теорией, аппарат которой обладает необыкновенной силой и красотой. Мы должны просто принять это как данное. Ситуацию, вероятно, можно было бы описать, сказав, что Бог является математиком очень высокого ранга, и что он при построении Вселенной использовал математику высшего уровня... Другими словами, Бог — математик очень высокого уровня. Он использовал самую совершенную математику при создании Вселенной».

Итак, первый аргумент некоторых современных физиков в пользу существования бога сводится к «предустановленной гармонии мира», как выразился бы Кант. И тут Фомин не замечает, что сам невольно выдает обоснование этой гармонии, не нуждающейся в наличии бога. Из книги С. Хокинга «Краткая история времени» он цитирует следующий фрагмент: «Если бы скорость расширения Вселенной через секунду после Большого Взрыва была бы меньше даже на одну стотысячebilлионную долю, то Вселенная разрушилась бы внутри себя, даже не достигнув своего нынешнего состояния... Физические законы, такие как сила земного притяжения или электромагнетизм, создают именно те показатели, которые должны были бы существовать для возникновения гармоничной Вселенной и в точности в тех пропорциях, что необходимы для существования жизни. ... Все существующие во Вселенной 4 физические силы (гравитационная, слабая ядерная, ядерная и электромагнитные), параметры, при которых могло возникнуть совершенное устройство Вселенной, все составляющие ее элементы возникли поразительным образом именно в тех пропорциях, при которых может существовать жизнь. Малейшее изменение параметров хотя бы одной из этих сил ... привело бы к тому, что Вселенная состояла бы только из радиации или же в ней не было бы никакого иного элемента, кроме водорода. В таком случае, не существовало бы ни Солнечной системы, ни планет и уж тем более нашей Земли».

На эту поразительную взаимную зависимость всех элементов Вселенной первым обратил внимание Б. Картер, который дал ей определение «антропный принцип»²²⁵. В чем его смысл? В том, что мистический бог, задумав сотворить Вселенную, категорически не мог бы сотворить ее *иной, нежели такой, какая она есть!!!* Он не смел бы отступить от су-

²²⁵ Картер Б. Космология. Теория и наблюдения. С. 369. М., 1978.

ществующей данности ни на миллиметр, ни на миллиграмм. Но это означает, что бог не только не всемогущ, но у него нет никакой свободы воли. Он накрепко опутан железными цепями неумолимой необходимости. Он не может самовольно поменять местами прошлое и будущее, быть вне времени и пространства, заменить сложение вычитанием, превысить потолок скорости перемещения информации, равный 300 000 км/с и много, очень много другого. «Господин мира» на самом деле пленник этого мира. Он должен либо обходиться без Вселенной (тогда *зачем он нужен вообще?*), либо творить ее, но лишь в рамках жестко заданных правил и условий (тогда *в чем состоит его всеилие?*). Третьего ему не дано. Но, тем самым, ему, фактически, не дано ничего: необходимость лишает его права реально присутствовать ни в «том», ни в «этом» мире, ни над ним. Он — пустышка мироздания, плод нашего воображения.

На это указывает, в том числе, уверенность очень многих людей, что «за каждым часовым механизмом должен стоять часовщик». Или иначе, коль скоро природа устроена разумно, подобно часовому механизму, должен существовать и часовщик, создавший его. Нам приходилось не единожды указывать на почти универсальную особенность мышления, состоящую в «мышлении по аналогии». Людям кажется, что их маленький мирок устроен точно также как Большой мир. Из этого мнения родились и магия и анимизм (напомню — вера в духов), а в эпоху неолитической революции также и религии (верования в богов — «генералов» в мире духов). Когда в головах первых земледельцев возникла параллель между «земным» и «небесным», между культивированием ими своих земельных наделов среди окружающей их дикой первобытности и действиями стихий, обращающих первобытный хаос вселенной в «законопослушный» и упорядоченный космос. Свидетельством чему служили предсказуемые движения звезд, солнца и луны на небосводе, ритмичность смен года, дня и ночи. Что же касается восхищения Дирака математическими способностями бога, то смею заметить, что язык математики, описывающий движения простейших физических тел, далеко не самый сложный. Языки, воспроизводящие биологические, психические или социальные объекты и явления настолько более сложны, что математика вынуждена пасовать перед ними. И она покорно уступает место приближенному, вероятностному описанию закономерностей связей между теми или иными процессами, происходящими в сложно устроенных многоуровневых системах. Эйнштейн до конца своей жизни не мог свыкнуться с мыслью о том, что не все происходящее в этом мире должно быть строго детерминировано. Он так и не смог признать, что строгая предсказуемость пара-

лизует эволюцию, лишая возможности развиваться чему и кому бы то ни было, ибо без случайностей не бывает изменения, а без него и развития. Что случайность и закономерность взаимно дополняют друг друга.

И все же вопрос об устойчивости религиозного чувства у ученых калибра Планка или Гейзенберга решается далеко не просто. За их верой прячется, на наш взгляд, то благоговейное чувство, которое внушало Канту преклонение перед строгим совершенством, упорядоченностью и «продуманностью» космоса. Оно, по-видимому, и внушало им то подспудное ощущение «присутствия божества» в каждом уголке мироздания, которое может возникать под воздействием интуитивного осознания всеобщей одухотворенности природы, толкуемой как гилозоизм. (Кроме того, как выяснили исследователи из Университета Юты, верить приятно: у испытуемых «мысли о Спасителе, о том, что самого человека и его близких ждёт жизнь вечная, о небесном благе и пр.»²²⁶, вызывали чувство удовольствия). В свою очередь атеист (толерантный, не воинствующий) мог бы полюбопытствовать на предмет вопросов, которые уместно было бы задать верующему ученому. Например:

а) если бог существует и у него хорошая память (если верить Библии), то как он допускает существование атеистов;

б) если бог создал мир для человека, то для чего он напустил в него мух, мешавших Лютеру предаваться размышлениям;

в) для чего бог создал мир и человека: животные не подозревают о его существовании, а люди (христиане, мусульмане, индуисты, буддисты и т. д.) думают о нем, кто во что горазд;

г) зачем ему было нужно сотни миллионов лет населять землю динозаврами и прочими чудищами, которые не позволили бы появиться на свет *Homo sapiens*;

д) за что благодарить бога больным, калекам, голодным, несчастным, отверженным и т. д. и т. п.;

е) если бог жаждал, чтобы кто-нибудь оценил его труды по достоинству и поаплодировал ему, то почему тянул с этим целых 12 миллиардов лет от «сотворения мира»;

ж) если он желал добиться признания у наиболее образованных представителей рода человеческого, то почему так упорно препятствовал развитию наук вообще и естествознания в особенности;

з) если бог отвечает за свои действия, то как он допускает массовые преступления и кровопролитные войны на почве религиозной розни людей, прикрывающихся его именем!!!

²²⁶ <http://www.nkj.ru/news/30065>

Вольнодумец Вольтер считал, будто «в мнении, что Бог существует, есть свои трудности, но в противоположном мнении наличествуют абсурды». На самом деле, все с точностью наоборот. В гипотезе, что бога нет отсутствуют прямые эмпирические доказательства, но все попытки доказать реальность его существования — абсурдны. Неужели Вольтер не понимал, что бог не всемогущ, следовательно, не соответствует своему понятию. Ведь якобы всеильный творец не может многого, но главное, ему не дано: а) поменять местами прошлое и настоящее, б) заменить сложение вычитанием, в) уравнивать праведность и грех. (Если бог признает правоту богохульника, то как же ему отличать нравственность от безнравственности на его религиозный лад)? Неужели Вольтер не видел, как противоречат друг другу 1-я и 2-я главы Библейского Бытия, сколько в них вопиющих, недопустимых неувязок и нелепиц? Не видел, как разительно различаются между собой 10 Моисеевых заповедей из глав 20 и 34 того же Библейского Исхода? О них трубят, как о величайшем источнике и учении морали. Но, поразительное дело, в 20-й главе нравственным проблемам посвящены не 10, а только 6 заповедей (Исход. 20. 4–17). В 34-же — ни одной !!! (Исход. 34. 12–26). Все 10 заповедей это главы учат чему угодно: отношениям с соседями, отношению к чужим богам, соблюдению праздников, исполнению подношений, и даже запрету «варить козленка в молоке матери его», но только не морали. Из всего вышесказанного можно вывести четыре нижеследующих заключения.

Первое: у огромного большинства людей любознательность, свойственная их детству и отчасти юности с возрастом полностью испаряется под влиянием лени ума (экономии мышления) и давления стереотипов коллективного сознания (идеологий). Истинные ученые относятся к редкому типу представителей рода человеческого с пролонгированной детской любознательностью. Но, увы, любознательность не обязательно свидетельствует о способности думать логически, критически и не тривиально. Обучение, разумеется, позволяет несколько развить эту склонность, но умеренно. Природное дарование, как правило, играет существенно более значительную роль. Настоящий ученый, в известном смысле, «штучное изделие генетики». (Марк Твен по характеру своего ума был, пожалуй, более глубоким ученым, нежели иные известные представители науки). Второе: тоталитарные идеологии подавляют индивидуальность мышления, а через него унифицируют поведение даже умственно одаренных субъектов (см. разд. 4.2). История развития современного естествознания, столкнувшегося с резким неприятием ее церковью, вынуждена была занять позицию «мы вне политики», и отделиться от нее забором механи-

цизма, который, в действительности, представлял собой чистойшей воды анимизм. Поэтому, следуя традиции религиозной веры, оно породило собственную механистическую веру в то, что жизнь присуща только и исключительно органическим ее формам. Третье: интеллектуальные способности, как правило, проявляются в очень узком диапазоне интереса к познаниям. Так что даровитый физик чаще всего невежествен в области генетики, а крупный палеонтолог — в вычислительной технике.

Четвертое: человеческая мысль, сталкиваясь с невероятной сложностью окружающего мира и сиюсь постичь его, вынуждена, так или иначе, пропускать видимое через очки упрощенчества. Она вынуждена создавать представление о мире в виде сильно упрощенных моделей. В физике они предстают в виде математических формул. Но математика бессильна помочь уже генетику или биологу и, тем более, психологу или экономисту. И тогда всякому, моделирующему те или иные явления, в частности, из области социологии или интеллекта, приходится отбрасывать то, что он считает второстепенным для его модели, уверовав в справедливость своего выбора. Но кто или что может подсказать ему, что он допустил ошибку? Первопроходцу — только опыт. В этом отношении в религиозном моделировании действуют принципы: а) авторитета, б) презумпции добра, в) неопределенности. Авторитет опирается на имена достойных людей прошлого, которые, увы, были столь же невежественны, как их историческое окружение. Презумпция добра исходит из интуитивного понимания того, что человек в массе своей добр. И переносит это ощущение на религию, не осознавая, что в действительности все иначе, что ограниченным и злым делает его не только неустроенность его личной жизни, но и религиозные догматы, внушаемые ему с детства. (Девять из десяти совестливей, нравственней и порядочней своих религий). Что же касается принципа неопределенности, то сам факт многовекового «бодания» идеализма и материализма свидетельствует, что истина еще не «определилась». Посему лучше признать, что бог есть, нежели его нет (принцип — а вдруг!?).

Поучительна в этом смысле история дискуссии вокруг двойственной (волна-частица) природы электрона. Исходя из экспериментально доказанного факта, что «закон природы не позволяет нам знать и положение, и скорость частицы с любой точностью, которой нам хотелось бы»²²⁷, В. Гейзенберг сформулировал принцип неопределенности. Он гласит: «Поскольку пространственно-временное описание физического явления

²²⁷ Льюиси М. История физики. С. 411. М., 1970.

связано с наблюдением этого явления, то отсюда следует, что пространственно-временное описание явлений, с одной стороны, и классический закон причинности — с другой, представляют собой два дополнительных взаимоисключающих аспекта физических явлений»²²⁸. Иначе говоря, Гейзенберг, а с ним и Бор истолковали принцип неопределенности как отрицание принципа причинности. Против чего немедленно восстали Планк и Эйнштейн. Планк ответил им следующим образом: «Несомненно, закон причинности недоказуем логическим путем, так что он не истинен и не ложен. Он представляет собой эвристический принцип, некую путеводную нить, нить самую ценную, какой мы только можем обладать, если мы хотим ориентироваться в клубке событий и определять направление, в котором нужно проводить научное исследование, чтобы добиться полезных результатов». И далее: «Основой и первым условием любой действительно плодотворной науки является метафизическая гипотеза, недоказуемая, конечно, с число логической точки зрения, но которую логика, тем не менее, никогда не сможет опровергнуть, гипотеза о существовании внешнего мира, мира в себе, совершенно независящего от нас, хотя мы и не можем получить о нем непосредственного знания, не прибегая к нашим органам чувств»²²⁹. Дискуссия между Бором и Эйнштейном по поводу принципа неопределенности длилась годами, не поколебав позиции ни одной из сторон. В конце концов, выход из тупика нашел Бор своим принципом дополненности и замечанием, что «не наше дело предписывать богу, как ему следует управлять этим миром». Чрезвычайно знаменательно то, что чуть ранее ту же проблему примирения необходимости и случайности пришлось решать Ч. Дарвину. И не удивительно, что его подход, фактически, предвосхитил принцип дополненности формулировкой триады из: наследственности (причинности), изменчивости (неопределенности), естественного отбора (физика, проводящего эксперименты). Приведенные примеры еще раз доказывают парадоксальность нашего мышления. В одном случае мы можем быть пионерами и первопроходцами, в другом — завзятыми консерваторами. Это естественно и понятно: мозг любого человека обладает ограниченными возможностями, что и доказывают все чаще отмечающиеся победы искусственного разума над нашим.

Отсюда и наконец, мы можем подойти к разбору понятия «боги» или «бог» во всеоружии не столько эмоций, подсознания или интуиции, а на

²²⁸ Там же. С. 415.

²²⁹ Там же. С. 412–414.

основании статистически и научно выверенных фактов. Поджидающие нас, в этой связи, трудности обусловлены чрезвычайной запутанностью проблемы. Так, согласно Философской энциклопедии: «весьма трудно и, быть может, невозможно, дать такое определение слову «Бог», которое бы включило в себя все значения этого слова и его эквивалентов в других языках. Даже если определить Бога самым общим образом, как «сверхчеловеческое или сверхприродное существо, которое управляет миром», это будет некорректно. Слово «сверхчеловеческое» неприменимо к почитанию обожествленных римских императоров, «сверхприродное» — к отождествлению Бога с Природой у Спинозы, а глагол «управляет» — к точке зрения Эпикура и его школы, согласно которой боги не влияют на жизнь людей» (Х. П. Оуэн. Статья «Бог» в англо-американской. «Философской энциклопедии». Лондон; Нью-Йорк, 1967. Т. III).

С Энциклопедией солидаризируется и Википедия, по мнению которой: «Бог — название могущественного сверхъестественного Высшего Существа в теистических и деистических религиях. В монотеистических авраамических религиях Бог рассматривается как личность, как персонафикация Абсолюта, как непостижимый трансцендентный личный Бог («Бог Авраама, Исаака и Иакова») и как проявление высшей реальности, причём как единого и единственного Бога, не имеющего себе подобных. В политеистических религиях мира боги создают и устраивают мир, дают вещам, существам и лицам их бытие, меру, значение и закон, а затем из их пантеона выделяется один главный бог (монолатрия)». Из сказанного действительно очевидно одно: отчетливой и универсальной, общепринятой и удовлетворяющей всех дефиниции «бог» не существует. Поэтому, чтобы внести хотя бы минимальную ясность в этот вопрос, вероятно, следует приступить к его решению с иного конца. Именно: попытаться понять его происхождение и возложенные на него функции, следуя убежденности Демокрита в том, что «ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости». И тогда мы увидим следующее.

Во-первых, после многочисленных споров среди этнографов, изучавших верования наиболее задержавшихся в культурном развитии народов, утвердилось мнение о том, что понятие «бог» появилось у них только *после* контактов с представителями более развитых культур, прежде всего цивилизаций с их давно сложившимися культами богов. Следовательно, время возникновения этого понятия приходится на период неолитической революции — начало перехода от образа жизни охотника-собирателя к существованию земледельца-скотовода. Во-вторых, появление фигуры

бога на горизонте человечества явилось закономерным следствием развития культуры. Ее породило коллективное сознание, призванное скреплять вокруг своей персоны многократно разросшиеся людские коллективы в процессе освоения ими технологий земледелия. В-третьих, боги явились «ядрами конденсации» религий — общественных институтов, призванных способствовать формированию *региональных* цивилизаций. В-четвертых, в фиксации понятия «бог» в коллективном сознании народов были заинтересованы как элиты во главе с m- и s-индивидами, так и о-ординары. Точкой соприкосновения их интересов явилось понимание обеими сторонами необходимости поддержания целостности и порядка в их социумах, а также защиты от внешнего враждебного влияния. Тем самым, понятие «бог» и религии исполнили свою в целом позитивную историческую миссию на определенном этапе эволюции вида Homo sapiens²³⁰. Но эта объединительная, цивилизаторская функция была и осталась *единственной*, оправдывающей их существование, ибо во всем остальном они явились ловушками для развития интеллекта и морали. (Высоко превозносимая Дюркгеймом роль церкви давно превратилась в темницу для разума и здравого смысла). В-пятых, в своем дальнейшем развитии некоторые, наиболее претенциозные религии трансформировались в идеологии и даже приобрели светский характер, при котором место мистических «небесных» богов заняли вполне земные боги — вожди. В-шестых, ввиду полярно различающихся исповедуемых идеалов и конечных целей этих идеологий, какая-либо созидательная роль в судьбах людей была ими полностью исчерпана. Сегодня они превратились в свое отрицание, в тормоз, препятствующий слиянию народов в единое мировое сообщество, блокируя процесс образования *единой* мировой цивилизации, не расколотой, не разобщенной враждующими между собой идеологиями. Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что ***понятие «бог» есть порождение общественного (социального) инстинкта, а все, что о нем думают, представляет собой плод нашего воображения и коллективного сознания.*** И ничего более.

²³⁰ Патетически напыщенные, обличительные уколы Маркса в адрес религии, адресованные пролетарской аудитории, в действительности выдают его дилетантство и глубокое невежество, в частности, и в этом вопросе. Вот один из образцов его фальшивого пафоса: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа». Опиумом для народа, в особенности русского народа, явилось его учение, повергшее нацию в гражданскую войну и отбросившее ее на столетия назад.

Идеологии сделали свое дело. Хорошо или плохо — покажет будущее. Если человечество сумеет разорвать их порочные нити и освободить свое коллективное сознание от детских иллюзий, подростковых заблуждений и грез взрослых фанатиков, можно будет сказать: несмотря ни на что человечество оказалось мудрее, чем рассчитывали творцы идеологий. Но уже в наши дни становится очевидным, что их прежняя демоническая власть над человечеством пошатнулась. Рациональная мысль, логика, научные факты пробивают бреши в прежде несокрушимых стенах. Но недоверие к ним у большинства даже трезво мыслящих людей все еще слишком велико. Одни скептики верят в библейские сказки, но сомневаются в том, что американские астронавты побывали на Луне. Другие вообще не доверяют науке, но не столько из-за необразованности, сколько в силу инфантильности. Им *удобнее* и *комфортнее* верить в бога, в душу, в нематериальный мир и пр., потому что это гораздо проще и безопаснее с психологической точки зрения. Все новые представления, в особенности, резко отличающиеся и даже противоречащие усвоенной с детства картине мира, вызывают диссонанс в коллективном сознании, внося в него смещение, тревогу и желание как можно решительней игнорировать их, чтобы вернуть умственное равновесие и спокойствие. И если прежде об этом можно было только догадываться, то теперь наука получила экспериментальное подтверждение своим предположениям.

Ссылаясь на американских исследователей, А. Марков пишет, что «одной из важных причин массового неприятия научных знаний и распространения суеверий в обществе является несоответствие многих выводов современной науки врожденным свойствам и наклонностям человеческой психики и устоявшимся стереотипам общественного сознания. В результате развивается феномен, получивший название «сопротивление науке», свойственный всем народам и культурам, причина которого кроется в инертности коллективной психики... Когда новые научные идеи не находят поддержки в обществе склонность к инфантильному мышлению у взрослых людей только подкрепляется. В таком обществе сопротивление науке становится особенно сильным, если существует ненаучная альтернатива научным идеям, не противоречащая «элементарному здравому смыслу» и опирающаяся на солидные, уважаемые и очень уверенные в себе «источники». В США именно так обстоит дело с эволюционной биологией и нейробиологией: выводы этих наук противоречат и детской интуиции, и высказываниям многих солидных политиков и религиозных деятелей. Утешает лишь, что креационисты, астрологи и прочие идеологические верующие ни в чем не виноваты. Просто мозг заставляет их так

думать» — заключает Марков²³¹. Что же касается США, в которых наблюдается гораздо большее неприятие теории эволюции, чем в других странах Запада, то вероятнее всего это происходит под влиянием сильных протестантских традиций. Последним присуще подчеркнуто почтительным (чуть ли не благоговейным) отношением к каждому слову Библии, сколь бы нелепым оно ни было. Таким-то образом некоторые наивные люди, надеясь обмануть эволюцию, в конечном счете, обманывают самих себя и других наивных, поверивших в их сознательный или бессознательный обман. Опыт подсказывает также, что верующие делятся на бескорыстно искренних и корыстных лицемеров. Первые достойны сочувствия, как добровольно и бессознательно вгоняющие себя в унижительное рабство у стадного инстинкта. Вторые заслуживают осуждения из-за сознательно извлекаемой ими выгоды от пребывания в рабстве искренне верующих первых.

Подводя итог рассмотрению влияния принципа дополнительности на индивидуальное и коллективное сознание, подчеркнем следующее.

1) Индивидуальное сознание человека явилось высшим достижением эволюции в области рефлексии, далеко превосшедшим все подобные «достижения», известные в животном царстве.

2) Но поистине уникальным изобретением эволюции, неведомым ни одному представителю животного мира, оказалось коллективное сознание Номо, которое вывело нас из пещер коммунизма и сыграло ключевую роль в становлении мировой цивилизации и вида *Homo sensuialis*.

3) Будучи порождением тройственного союза из группового инстинкта, массовой психики и богатого воображения коллективное сознание, в свою очередь, инструментом собственного влияния на человеческие массы сделало идеологии.

4) Заменив ими слабые кровнородственные и магические связи эпохи первобытного коммунизма, они способствовали консолидации многотысячных и многомиллионных групп людей в устойчивые комплексы — государства. Объединяя их подданных не только частными культурными признаками (языком, местными обычаями и т. д.), но и общими идеологическими верованиями — унифицированными представлениями об окружающем мире и месте в нем человека, о взаимоотношениях между людьми, о нравственности и т. д., идеологии стали определять их повседневную жизнь.

²³¹ Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010.

5) В конечном счете, их давление на коллективное сознание перешло и на индивидуальное мышление, обратившись в идеологический террор, с которым охотно соглашались массы о-ординаров, в силу особенностей их психики, с одной стороны, и экономии мышления, с другой. Так формировались цивилизации социалистического типа, в которых *человеческая личность и его индивидуальное сознание подавлялись* в той мере, в какой это было выгодно государству, обслуживающему интересы элит.

6) Это завело развитие человечества в тупики социализма, опасные разделением мирового сообщества на идеологически враждебные группировки. Конфликты, сегодня полыхающие то в одном, то в другом регионе отчасти провоцируются, разумеется, противоречивыми экономическими и политическими интересами элит тех или иных государств. Но главный горячий материал для них поставляют жесткие идеологические разногласия, в которые втянуты многие миллионы людей.

7) Во времена античности сопротивление тотальному идеологическому и политическому давлению о-ординаров позволило человечеству испытать нетрадиционные способы организации цивилизации. Ее основой послужила гуманистическая идея равновесия между индивидуальным и коллективным сознанием, приводящая к пониманию необходимости правового равенства для всех без исключения членов сообщества.

8) Болезненный двадцати пяти вековой опыт адаптации этой идеи к реалиям текущего исторического момента и ее развитие в виде формирования цивилизации нового гуманистического типа дает основание надеяться, что человечество сумеет преодолеть разногласия, навязанные ему тоталитарными идеологиями в духе принципа дополнительности. Относительно рассматриваемой проблемы он может быть выражен как признание того, что индивидуальное и коллективное сознание не противоречат, а дополняют друг друга, способствуя становлению *Homo sapiens*.

4.7. Доказательство этическое

Ни в чем ложь и лицемерие идеологий не проявляется так кричаще, как в вопросах этики. Ибо если и есть на свете что-либо действительно диалектическое, то это, бесспорно, все, что относится к дефиниции «этика». Она — квинтэссенция диалектики, ибо в наибольшей степени отражает противоречивость и размытость, переменчивость и эластичность нашей психики и мышления, призванного регулировать тончайшие нюансы отношений между людьми. Между тем, этим нюансам

присуща имманентная, непреодолимая парадоксальность. Ведь, являясь строго ограниченной областью рефлексии внутреннего эго каждого индивида, она бессмысленна вне поля его общения с другими индивидами. Мораль, нравственность, все то, что представляет собой производные этики, глубоко персонифицированы, но одновременно, интегрированы в «среднестатистические» нормы морали и нравственности. Вместе с тем, эти последние отражают традиции господствующих представлений того или иного социума. Заведомое их большинство формируется несколькими доминирующими в настоящее время религиозными и светскими идеологиями. А так как они выражают сугубо частные, групповые интересы, подчас непримиримо чуждые друг другу, они по определению не могут создавать единую этическую и нравственную основу для всеобщего взаимопонимания. В связи с чем, возникает вопрос: возможно ли существование этики, стоящей «над схваткой»? Этика, которая бы не разобщила мировое сообщество, а, напротив, способствовала преодолению догматов и разногласий, возникших при социализме, и тем способствовала бы возрождению утраченного при нем единства человеческого рода? Ответ может быть получен лишь с оценкой ключевых проблем эстетики, прежде всего с: — а) критериями добра и зла, добродетели и пороков, — б) основополагающими ценностями, — в) представлениями о смысле жизни и счастье, — г) понятиями о свободе воли и независимости. В свою очередь, они не могут быть сформулированы без их ретроспективного анализа, привязанного к определенной модели цивилизации.

4.7.1. Этика по Аристотелю

Истоки науки этики, как едва ли не всякой гуманитарной дисциплины, прослеживаются в философии Аристотеля, прежде всего, в его «Никомаховой этике» и «Большой этике»²³². Знаменательно, что в установленной им иерархии наук этика располагается на второй ступени (после философии, математики и физики) вместе с политикой. «Собираясь говорить о вопросах этики, мы должны, прежде всего, выяснить, частью чего является этическое. Всего короче будет сказать, что этическое, по видимому, — составная часть политики. В самом деле, совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно, человеком достойным. Быть дос-

²³² Аристотель. Сочинения. Т. 4. 1984.

тойным человеком — значит обладать добродетелями» (1181 a 24 – b 24) — утверждает он. Здесь Стагирит рассуждает как ответственный гражданин полиса, но не как верноподданный авторитарного государства. За пределами Эллады во всем Древнем мире один только Конфуций мог позволить себе высказывать подобные мысли. Более того, даже в Европе они получили огласку спустя более тысячи лет, лишь в эпоху Ренессанса — возрождения афинских культурных традиций. Благодаря чему его анализ этических воззрений и моральных ценностей представляется актуальным даже сегодня. Ибо время показало, что они непреходящи, и не только не утратили свою значимость, но, напротив, приобретают особый вес на фоне конкурирующих с ним идеологически окрашенных этических учений (религиозных и светских).

Из наследия Аристотеля, касающегося этики, особенно выделяются три момента.

Во-первых, едва ли не неограниченная свобода самовыражения, царившая в демократических полисах Греции его эпохи, дала ему возможность наблюдать и описать широчайший спектр нравственных портретов от высших образцов добродетели до самых низменных проявлений аморальности. Нет почти не одного понятия, относящегося к этике, которое не было бы рассмотрено им со всех сторон. Но поистине революционным в его взглядах на этот предмет было то, что он никоим образом не связывал его с религиозными идеями и ролью богов в человеческой жизни. По сути дела Аристотель, первым в истории попытавшийся доказать существование бога логическими средствами²³³, в вопросах этики показал себя совершеннейшим атеистом. Правда, он не утверждал, будто богов не существует, но лишь настаивал на том, что их не интересуют вопросы морали и они не вмешиваются в природу и дела людей. И посему человек (человечество в целом) самостоятельно вырабатывает нравственные ориентиры и представления о добре и зле, а также контролирует свои поступки, являясь полновластным хозяином своих страстей. Возражая Сократу и Платону, полагавшим, что человек не властен над собой и «никто по воле не дурен и против воли не блажен», он настаивал на том, что «добродетель, также как и порочность, зависит от нас. И в чем мы властны совершать поступки, также и в том, чтобы не совершать поступков. Следовательно, если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же — не совершать его, когда он постыден... А если в нашей власти совершать, точно также, как не совершать... то от нас зависит, быть нам

²³³ Аристотель. Сочинения. Т. 1. 1072 b 26–30. 1976.

добрыми или дурными» (1113 b 7–14). Но совершать — это и значит проявлять себя в действии, независимо от его нравственной оценки. (Или иначе — демонстрировать свое причастие к пси-индивидам согласно нашей терминологии).

Вместе с тем, Аристотель признавал, что каждый имеет свое суждение о том, что есть благо и что — зло, что есть добродетель и что — порок. Однако, прибавлял он, это не снимает с человека ответственности за свои деяния, даже дурные, но совершаемые по неведению. «Законодатели карают даже за само неведение, например, пьяных считают виновными вдвойне. Ведь в этом случае источник в самом человеке, потому что в его власти не напиться, и именно в том, что он напился, — причина неведения» (1113 b 30–35), — подчеркивал он. Затрагивая вопрос о сути высшей добродетели, Стагирит интерпретировал его как благородство, которым одарены некоторые от рождения. Ибо в этом случае счастливцев «будет владеть величайшим и прекраснейшим даром, — какой не взять у другого и которому не выучиться... В том, чтобы от природы видеть благо и прекрасное, и состоит полноценное и истинное благородство» (1114 b 8–12).

Сегодня находятся люди, упрекающие Аристотеля в том, что он не осуждал рабство, что, по их мнению, безнравственно. Но кого он относил к рабам? Варваров, ибо «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» — пояснял он (1252 b 9). Но что значит быть рабом, кого он считал рабом? Того, кто «по природе ...причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать приказания, но сам рассудком не обладает» (1254 b 22–24). Но он не мог не знать, что те, кого он причисляет к варварам, одарены разумом не меньшим, нежели эллины. Ведь он не мог быть в неведении относительно того, что сам Фалес — «отец-основатель» античной философии, равно как и Демокрит — основатель атомизма ездили в Египет за мудростью. Почему же, тем не менее, Аристотель считал варваров рабами? Потому, по-видимому, что считал рабство не столько неразумием, сколько утратой чувства независимости, то есть особенностью психики, смирившейся с участью угнетенного. Полагая, что «одни люди по природе свободны, другие — рабы» (1255 a 3), он и относил соседей — подданных авторитарных правителей Востока к варварам, то есть рабам по «духу». Иначе говоря, к рабам он причислял неспособных отвечать за свою судьбу в силу незрелости, как ума, так и, в большей степени, психики. А таковыми Аристотель признавал лишенных чувства собственного достоинства восточных земледельцев, признавших своим долгом беспрекословное повиновение тирании. На чем основывалось его суждение? Вероятно, на примере общения своих соотечественников, прежде всего, с

самыми упорными врагами, посягавшими на независимость Эллады — персами. Последние отличались демонстративным раболепием перед своими царями, за что свободолюбивые греки относились к ним весьма неуважительно. К тому же именно военнопленные персы и их союзники составили изрядный контингент лиц, пополнивших ряды безропотных рабов. Таким образом, в основе негативного суждения о рабах, распространившегося среди греков во времена Аристотеля, вероятнее всего были не столько расовые, культурные или националистические предрассудки, сколько психологические особенности, присущие о-ординарам, составлявшим основную массу подневольных. К тому же, античные рабовладельцы были в известном смысле человечнее европейцев Нового времени. В частности, плантаторов американских южных штатов — владельцев вывезенных из Африки крестьян, и, в особенности, русских помещиков — собственников единокровных соотечественников-крепостных.

Во-вторых, также впервые в истории Аристотель связал понятия этики и политики. «Собираясь говорить о вопросах этики, мы должны, прежде всего, выяснить, частью чего является этическое. Всего короче будет сказать, что этическое, по-видимому, — составная часть политики. В самом деле, совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи ... человеком достойным... Итак, этика, по-видимому входит в политику как ее часть и начало; и вообще мне кажется, этот предмет по праву может называться не этикой, а политикой (1181 а 24 – б 24)». Сказано это было, когда по слову царей по всему цивилизованному миру социализма проливались реки крови ни в чем неповинных людей. Когда ради вождельной власти сыновья убивали отцов, а братья братьев, одни цари — других, сажая их на кол, сдирая с них еще живых кожу, четвертуя или сжигая на кострах. Впрочем, так или сходным образом продолжалось и в Новое время, притом не только на Востоке, но и в Европе. Когда даже люди, близкие к гуманистам, полагали, что цели оправдывают средства, а коварство и изворотливость, жестокость и предательство — вполне пригодные рабочие инструменты для соискателей власти. Преподавая последним уроки ее захвата и удержания, Н. Макиавелли в своем «Государе» совершенно отказывался от каких-либо норм морали. Как утверждает Б. Рассел, его наставления более всего походят на «пособие для гангстеров». Но многим ли они отличаются от принципов, которые исповедуют во все времена торжества социализма лица, способствовавшие становлению и «продлению его жизни»? Все они — тщеславные и властолюбивые обладатели стандартного психотипа альфа-т социализма: от древнего Ашоки, убившего 99 своих братьев, и ассирийских царей, наводивших

ужас на соседей, от средневековых Чингисхана и Генриха VIII до современников — С. Хуссейна и династии корейских Кимов.

Тогда как перед мысленным взором Аристотеля вставали олицетворения совершенно иной власти — демократической: Солон и Фемистокл, Аристид и Алкивиад, Перикл и Агесилай. В заслугу Солону Стагирит отнес то, что тот «упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы разных государственных устройств: ареопаг представляет олигархический элемент, замещение должностей посредством избрания — элемент аристократический, а народный суд — демократический» (1273 b 36–42). Безупречным во всех отношениях лидером нации запомнился эллинам и Перикл, избравшийся стратегом 15 лет подряд, что свидетельствовало о постоянстве любви народа к нему. Известна была и мягкость его обращения даже с противниками. Сам же он наибольшей своей заслугой в конце жизни признавал то, что ни одного гражданина Афин не сделал несчастным. Чуть ли не идеалом политика, воплощением благородства предстал в глазах соотечественников и Аристид — герой без малейшего изъяна. Плутарх отзывался о нем как о блистательном воине, принявшем участие в самых славных и важных в греческой истории битвах — при Марафоне, Саламине и Платеях. В этих битвах своими подвигами Аристид «затмевал любого, но славу и венки, равно, как и деньги и всякое иное богатство, неизменно оставлял тем, кто более жадно их искал, потому что сам стоял выше всего этого»²³⁴. Но еще один штрих поражает более всего в нравственном портрете не только Аристида, но и афиняней той героической эпохи. У Фемистокла, задумавшего установить гегемонию Афин на море, родилась идея поджечь флот союзников. В одной из своих речей перед народным собранием он сказал о существовании этого замысла, предупредив, что его нельзя открывать всем. Тогда афиняне поручили ему сообщить свой план одному Аристиду и, если тот одобрит его, привести его в исполнение. Выслушав предложение Фемистокла, Аристид заявил, что «нет ничего полезнее, но в то же время бесчестнее того, что задумал Фемистокл. Тогда афиняне приказали Фемистоклу оставить это намерение»²³⁵. Где и когда на социалистическом Востоке можно было бы увидеть нечто подобное?! Затруднительно привести пример такого возвышенного понимания добродетели у целого народа даже в наш век распространения на Западе идей толерантности.

²³⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. С. 455. 1961.

²³⁵ Там же. С. 159.

С другой стороны вышеупомянутый Фемистокл прославился не только как создатель афинского флота, спасшего Афины, но и как великий честолюбец и, заодно, ревностный стяжатель. Главной заслугой его считали то, что он «положил конец междоусобным войнам в Элладе и примирил между собой отдельные государства между собою, убедив их отложить вражду ввиду войны с Персией»²³⁶. Тем не менее, будучи подвергнут ostracismu за опасения, что вздумает установить тиранию, он бежал из города и нашел приют у своих врагов — персидского царя Ксеркса. Подавив свою гордость и преклонив перед царем колени, Фемистокл сподобился роскошного презента — три или пять городов на «кормление». Еще более противоречивой, вплоть до полной извращенности, но не менее яркой осталась в памяти современников харизматическая фигура Алкивиада. Будучи вместилищем всех мыслимых и немыслимых пороков и одновременно многих достоинств, он был соткан из кричащих и казалось бы взаимоисключающих черт характера, среди которых коварство, полнейшая беспринципность и интриганство дополнялись и контрастировали с исключительной храбростью, талантами полководца и политика. Едва ли не все его выдающиеся особенности публичного деятеля история повторила, но в виде уменьшенной копии в лице Агесилая. Если же судить об эволюции нравов на примере сопоставления характеристик Аристиды с Макиавелли, античных афинян со средневековыми итальянцами (а также Перикла с большинством современных политиков), то трудно было бы не согласиться с суждением Гегеля об их падении, как исторической закономерности проявления *инволюции*. Но эта моральная деградация была обусловлена, как будет видно далее, влиянием христианской идеологии.

В-третьих, принцип «золотой середины», много раз озвученный предшественниками (Солоном, Хилоном, Фалесом), Аристотель подверг всестороннему анализу с точки зрения морали. И пришел к выводу, что «добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой... как в страстях, так и поступках, пороки же преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка» (1107 а 1–5). В таком ключе он рассматривает понятия о щедрости и благородстве, о чувстве собственного достоинства и справедливости, о чувстве юмора и дружелюбии и т. д., каждый раз убеждая читателя в правоте своего тезиса. И опять-таки впервые в истории Аристотель приходит к выводу, что в человеческом мире не бывает правил без исключений и извращений. Это хорошо видно в проблеме личной ответственности за свои поступки, за-

²³⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. С. 150.

тронутой им и чрезвычайно актуальной сегодня, в частности, в отношении применения смертной казни. Считается, что она должна быть исключена из современного судопроизводства. Дескать, гуманность несовместима с насильственным прерыванием жизни даже самого злостного преступника. Эта логика вызывает серьезные сомнения, что можно проиллюстрировать следующими примерами. В самом деле, с одной стороны у нас есть образец Нюрнбергского процесса, на котором 12 обвиняемых высокопоставленных нацистов были приговорены к повешению. Причем ни один из них лично никого не убивал, но лишь отдавал приказы, исполнение которых лишало жизни тысяч людей. В данном случае расплата за сознательно содеянное зло полностью соответствовала персональной ответственности каждого преступника. Следующий пример с тигром, вырвавшимся из клетки и набросившимся на человека: согласно никем не оспариваемому правилу хищник подлежит немедленному умерщвлению. Здесь также все очевидно. Далее, отстреливаясь от преступника, полицейский убивает его в целях самозащиты, и закон полностью оправдывает его поступок. Но вот пример с Брейвиком все переворачивает с ног на голову.

Этот выродок хладнокровно и методично расстрелял 77 юношей и девушек в молодежном лагере на острове Утойя (какая странная проглядывает параллель с «Утопией» Т. Мора). Тяжесть его преступления перед человечностью сравнима с преступлениями нацистских вождей и многократно перевешивает зло, готовое совершить «неразумным» львом-людоедом. И никто не сомневается в справедливости наказания, понесенного преступником, стрелявшим в полицейского. Однако Брейвик не только получил *всего* 21 год тюрьмы (!), но даже отсудил у правительства 36 тысяч евро, утверждая, что «его убивает содержание в одиночной камере, разогретая в микроволновке еда, холодный кофе и регулярные обыски, во время которых ему приходится раздеваться». Эти жалобы исходят от убийцы, которому отведено целое крыло с тремя комнатами, в том числе для фитнеса. Он может один гулять во дворе 20×20 метров. В 2013 году его посетил журналист британской газеты Guardian и вывод его статьи свелся к тому, что многим о такой комфортной жизни «можно только мечтать». Однако и этого мало. Он поступил заочно в университет Осло, где будет изучать основы демократии (!), права человека (!!) и принципы уважения к меньшинствам (!!!). А годовое содержание этого чудовища стоит \$1,4 млн, оплачиваемых из карманов налогоплательщиков, в том числе и *родственников убитых им жертв*. Тогда как на обычного заключенного в среднем тратится \$0,21 млн. Столь поразительное лицемерие оправдывают тем, якобы, что «запрет на бесчеловечное и унижительное

обращение представляет собой фундаментальную ценность демократического общества. Это распространяется на всех — даже на террористов и убийщ».

Как мог бы Аристотель прокомментировать это явное (постыдное) извращение самой сути демократии и гуманизма? Он мог бы сказать, что даруя, фактически, роскошную жизнь преступнику, который не только не раскаялся в содеянном, но кичится им, власть, тем самым, *унизила* демократию. Она оскорбила своих законопослушных и добропорядочных граждан тем, что практически не разграничила, не провела черту в правах между ними и тем, кто осознанно и целенаправленно посягнул на священное право на жизнь 77 человек. Она пренебрегла негодованием и чувствами сотен (!) родственников погибших, ждавших справедливого возмездия за содеянное зло. Оно, в действительности, не было наказано. Тем самым, сознательно или бессознательно власть поступила фарисейски. Она как бы дала знать нравственно колеблющимся: чтобы остаться в глазах общества образцом гуманности я готова к любым проявлениям бесчеловечности в отношении кого бы то ни было. Не больше и не меньше. Таким образом, любая добродетель, даже гуманность, принимаемая за общественное благо и человеколюбие, может обернуться абсурдом и своим отрицанием, если понимать ее тупо бюрократически, — заключил бы Аристотель.

4.7.2. Этика Библии

Сегодня Библия признается самой читаемой в мире книгой. Считается, что она переведена более чем на 2000 языков и общий ее тираж составляет около 8 миллиардов, превышая численность всего человечества. Откровенно говоря, цифры эти вызывают сомнение, если принять во внимание, что ее *не читают* заведомое большинство китайцев и мусульман, индийцев и буддистов, представителей языческих религий и атеистов. Кроме того, едва ли в каждой христианской семье имеется более одного экземпляра этой книги. Таким образом, публикуемые данные о ее действительном тираже, вероятно, завышены чуть ли не в десять раз. Что, тем не менее, тоже составляет внушительную цифру. И еще — Википедия с гордостью подчеркивает, что ее с одинаковым интересом читает, и малограмотная жительница глухого сибирского села, и московский академик, причем уровень понимания ими читаемых истин и событий, изложенных в Библии, практически не отличается. Трудно сказать, чем это объясняется: то ли уровнем интеллекта иных академиков, либо же доступностью изложения ее содержания. Но в данном случае, коль скоро эта книга признана

нравственным учителем всего человечества, нас будет интересовать, прежде всего, вопрос: оправдывает ли Библия это суждение о себе, и насколько близки нашему времени ее этические ориентиры, внушаемые всему миру. Чтобы не быть обвиненным в голословности и пристрастии, далее цитируются некоторые фрагменты этой книги, без какой либо авторской оценки их морали, предоставив, тем самым, читателю самому сделать выводы.

БЫТИЕ

Сюжет связан с праведником Лотом — жителем погрязшего в грехе города Содома. Предупрежденный богом об истреблении, которое он готовит жителям Содома, Лот бежал в Сигор, но и там не нашел успокоения.

Глава 19 — «...вышел Лот из Сигора и стал жить в горé, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. И жил в пещере, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим: а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала. **И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего**». (Здесь и далее выделено нами. — Г. Г.)

В скитаниях по Месопотамии и Ближнему Востоку Авраам — праотец евреев сделал «привал» в земле царя Герары.

Глава 20 — «...Авраам поднялся оттуда к югу и поселился между Кадесом и между Суrom; и был на время в Гераре. И сказал Авраам о Сарре, жене своей: она сестра моя. И послал Авимелех, царь Герарский, и взял Сарру. И пришел Бог к Авимелеху ночью во сне и сказал ему: вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял, ибо она имеет мужа. Авимелех же не прикасался к ней и сказал: Владыка! неужели ты погубишь и невинный народ? Не сам ли он сказал мне: она сестра моя? И она сама сказала: он брат мой. ... И сказал Авимелех Аврааму: что ты имел в виду, когда делал это дело? Авраам сказал: я подумал, что нет на месте сем страха Божия, и **меня убьют за жену мою**».

Взрослые сыновья Исаака: близнецы Исав и Иаков весьма недолюбливали друг друга со времен их пребывания в утробе матери Ревекки. Выросши, первенец Исав стал искусен в звероловстве, а Иаков — в скотоводстве.

Глава 25 — «Исаак любил Исаву, потому что дичь его была по вкусу его, а Ревекка любила Иакова. И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого, ибо я устал. От сего дано ему прозвание: Едом. Но Иаков сказал: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю, что мне в этом первородстве? Иаков сказал: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и **продал первородство свое Иакову**».

Чтобы закрепить права первородства за Иаковом и получить благословение от умирающего Исаака, Ревекка придумала, как обмануть старого, полуслеплого мужа.

Глава 27 — «Иаков сказал Ревекке, матери своей: Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкий; может статься, ошупает меня отец мой, и я буду в глазах его обманщиком и наведу на себя проклятие, а не благословение. Мать его сказала ему: на мне пусть будет проклятие твое, сын мой, только послушайся слов моих и пойдешь, принеси мне. ...Он вошел к отцу своему и сказал: я Исав, первенец твой; я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя. ... Исаак, отец его, сказал ему: подойди, поцелуй меня, сын мой. Он подошел и поцеловал его. И ощутил *Исаак* запах от одежды его и благословил его и сказал: вот, запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь; да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина; **да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинаящие тебя — прокляты; благословляющие тебя — благословенны!**»

Перед смертью Исаак запретил Иакову брать в жены дочерей Ханаана, а идти в Месопотамию и взять в жены одну из дочерей Лавана — брата Ревекки. Послушный Иаков так и сделал. В Харране — месте обитания семейства своего дяди, он встретился с кузиной Рахилью, в которую влюбился с первого взгляда. Ради женитьбы на ней Иаков обязался семь лет служить своему дяде, у которого помимо красивой Рахили была и старшая дочь — малопривлекательная подслеповатая Лия.

Глава 29 — «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее. И сказал Иаков Лавану: дай жену мою, потому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней. Лаван созвал всех людей того места и сделал пир. Вечером же взял дочь свою Лию и ввел ее к нему; и вошел к ней *Иаков*... Утром же оказалось, что это Лия. И сказал Лавану: что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня?»

Лаван сказал: в нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей; окончи неделю этой, потом дадим тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня **еще семь лет других**. Иаков так и сделал и окончил неделю этой. И *Лаван* дал Рахиль, дочь свою, ему в жену».

Глава 30 — «Рувим пошел во время жатвы пшеницы, и нашел мандраговые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии: дай мне мандрагов сына твоего. Но она сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагов сына моего? Рахиль сказала: так пусть он ляжет с тобою эту ночь, за мандрагоры сына твоего. Иаков пришел с поля вечером, и Лия вышла ему навстречу и сказала: войди ко мне; ибо **я купила тебя за мандрагоры сына моего. И лег он с нею в ту ночь**».

За годы службы у дяди Иаков сделался человеком «весьма, весьма богатым». Каким образом? — хитростью присваивая себе лучшую часть его скота — овец и козлов, ослов и верблюдов, а также крепких рабов и рабынь. Но пора было возвращаться в Ханаан.

Глава 31 — «И встал Иаков, и посадил детей своих и жен своих на верблюдов, и взял с собою весь скот свой и все богатство свое, которое приобрел, скот собственный его, который он приобрел в Месопотамии, чтобы идти к Исааку, отцу своему, в землю Ханаанскую. И как Лаван пошел стричь скот свой, то Рахиль **похитила идолов, которые были у отца ее**».

ИСХОД

Глава 20

10 заповедей, исходящих от Яхве, признанных вершиной нравственности

1 — Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.

2 — Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, **наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода...**

3 — Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

4 — Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему...

5 — Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

6 — Не убивай.

7 — Не прелюбодействуй.

8 — Не кради.

9 — Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10 — Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего.

Глава 34

Те же 10 божественных заповедей в иной редакции

Я изгоняю от лица твоего Амореев, Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев;

1 — Смотри, не вступай в союз с жителями той земли, в которую ты войдешь, дабы они не сделались сетью среди вас.

2 — Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их, и изваяния богов их сожгите огнем, ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа, потому что **имя Его — ревнитель**; Он Бог ревнитель.

3 — Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты не вкусил бы жертвы их;

4 — И не бери из дочерей их жен сынам своим и дочерей своих не давай в замужество за сыновей их, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блужение вслед богов своих.

5 — Не делай себе богов литых.

6 — Праздник опресноков соблюдай: семь дней ешь пресный хлеб, как Я повелел тебе, в назначенное время месяца Авива, ибо в месяце Авиве вышел ты из Египта.

7 — Все, разверзающее ложесна, Мне, как и весь скот твой мужеского пола, разверзающий ложесна, из волов и овец;

8 — Первородное из ослов заменяй агнцем, а если не заменишь, то выкупи его; всех первенцев из сынов твоих выкупай; пусть не являются пред лице Мое с пустыми руками.

9 — Шесть дней работай, а в седьмой день покойся; покойся и во время посева и жатвы.

10 — И праздник седмиц совершай, праздник начатков жатвы пшеницы и праздник собирания *плодов* в конце года.

ЧИСЛА

Глава 25 — «И жил Израиль в Ситтине, и начал народ блудодействовать с дочерьми Моава, и приглашали они народ к жертвам богов своих, и ел народ *жертвы их* и кланялся богам их. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору. И воспламенился гнев Господень на Израиля. И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня. И сказал Моисей судьям Израилевым: убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору. И вот, некто из сынов Израилевых пришел и привел к братьям своим Мадиянитянку, в глазах Моисея и в глазах всего общества сынов Израилевых, когда они плакали у входа скинии собрания. Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье, и вошел вслед за Израильтянином в спальню и пронзил обоих их, Израильтянина и женщину в чрево ее: и прекратилось поражение сынов Израилевых. **Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи**».

Отомстив мадианитянам по повелению бога и отхватив богатую добычу, Моисей разделил ее между воинами, не забыв выделить долю и для бога, вдохновившего его на разбой. Но, тем не менее, остался весьма недоволен.

Глава 31 — «И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стоначальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: *для чего вы оставили в живых всех женщин?* вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору, *за что* и поражение было в обществе Господнем; итак, **убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя**».

ИИСУС НАВИН

Глава 10 — «В тот же день взял Иисус Макед, и поразил *его* мечом и царя его, и предал заклятию их и все дышащее, что находилось в нем: никого не оставил, кто бы уцелел; и поступил с царем Македским так же, как поступил с царем Иерихонским. И пошел Иисус и все Израильтяне с ним из Македа к Ливне и воевал против Ливны; и предал Господь и ее в

руки Израиля, и царя ее. И **истребил ее Иисус мечом и все дышащее, что находилось в ней: никого не оставил в ней, кто бы уцелел**, и поступил с царем ее так же, как поступил с царем Иерихонским. Из Ливны пошел Иисус и все Израильтяне с ним к Лахису и расположился подле него станом и воевал против него; и предал Господь Лахис в руки Израиля, и взял он его на другой день, и поразил его мечом и все дышащее, что было в нем, так, как поступил с Ливною. Тогда пришел на помощь Лахису Горам, царь Газерский; но Иисус поразил его и народ его *мечом* так, что никого у него не оставил, кто бы уцелел. И пошел Иисус и все Израильтяне с ним из Лахиса к Еггону... И пошел Иисус и все Израильтяне с ним из Еггона к Хеврону ... Потом обратился Иисус и весь Израиль с ним к Давиру ... И поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал закланию, как повелел Господь Бог Израилев; **поразил их Иисус от Кадес-Варни до Газы, и всю землю Гошен даже до Гаваона**; и всех царей сих и земли их Иисус взял одним разом, ибо Господь Бог Израилев сражался за Израиля».

2-Я КНИГА ЦАРСТВ

Однажды царь Давид заметил купающуюся Вирсавию — жену его преданного военачальника Урии, в то время воевавшего во славу своего царя. Вирсавия весьма пришлась Давиду по вкусу, поэтому он, не размышляя, послал слуг взять ее и привести к нему в постель. Отчего она, естественным образом «понесла». Тогда Давид отозвал Урию с войны, чтобы побеседовать с ним.

Глава 11 — «И пригласил его Давид, и ел *Урия* пред ним и пил, и напоил его *Давид*. Но вечером *Урия* пошел спать на постель свою с рабами господина своего, а в свой дом не пошел. Поутру Давид написал письмо к Иоаву и послал *его* с Уриею. В письме он написал так: поставьте Урию там, где *будет* самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер. Посему, когда Иоав осаждал город, то поставил он Урию на таком месте, о котором знал, что там храбрые люди. И вышли люди из города и сразились с Иоавом, и пало несколько из народа, из слуг Давидовых; **был убит также и Урия** Хеттеянин».

Глава 12 — «И собрал Давид весь народ и пошел к Равве, и воевал против нее и взял ее. И взял Давид венец царя их с головы его, — а в нем было золота талант и драгоценный камень, — и возложил его Давид на свою голову, и добычи из города вынес очень много. **А народ, бывший в**

нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим».

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ 149 ПСАЛОМ ДАВИДА

«Пойте Господу песнь новую; хвала Ему в собрании святых. Да веселится Израиль о Создателе своем; сыны Сиона да радуются о Царе своем. Да хвалят имя Его с ликами, на тимпане и гусях да поют Ему, ибо благоволит Господь к народу Своему, прославляет смиренных спасением. Да торжествуют святые во славе, да радуются на ложах своих. Да будут славословия Богу в устах их, и меч обоюдоострый в руке их, для того, чтобы совершать мщение над народами, наказание над племенами, заключать царей их в узы и вельмож их в оковы железные, производить над ними суд писанный. Честь сия — всем святым Его. Аллилуия».

3-Я КНИГА ЦАРСТВ

Глава 11 — «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: "не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам "; к ним прилепился Соломон любовью. **И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его.** Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неуютное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам».

Резюме: у нас нет намерения обличать Библию в непристойностях и жестокостях, хитростях, лицемерии и прочих, не делающих чести поступках ее героев. Таково было время складывания еврейской нации, история которой была ничуть не более безнравственна, но и не более благопри-

стойна истории других народов. Но спрашивается: каким образом примеры, почерпнутые из этой «богодуховенной» книги, могут служить образом нравственности для людей современной эпохи? Тем более, что из знаменитых 10 заповедей, на которые ссылаются все, кому не лень, отношение к нравственности имеют: в одной редакции только 6 из них (выделено курсивом. — Г. Г.), во второй — НИ ОДНА! Поэтому уместен вопрос: почему новоизбранные американские президенты, вступая в должность, клянутся служить своему народу, положив руку на эту книгу? Они собираются брать за образец поступки ее авторитетов? Разве не ясно, что если все человечество будет строго следовать их примерам, земля превратится в ад!

4.7.3. Этика христианства

Едва ли найдется на свете что-либо вещающее о морали и добродетели более *двусмысленное*, нежели Нагорная проповедь Иисуса Христа. Она есть непревзойденный в веках образец *фарисейства*, как губка впитавшего в себя все крики и стенания души не столько униженной, сколько с радостью принявшей это унижение. Призывая слушателей делать доброе, он поучает: «...когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди» (Мф. 6,2). Но разве само публичное требование, предъявляемое десяткам и сотням ушей не разглашать «секрет», не есть трубный глас лицедея? «Исцелив» прокаженного, Христос говорит ему: «смотри, никому не сказывай; но пойдя, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им» (Мф. 8, 4). Что это, как не отъявленное иезуитство? «Исцелив» слепых, «Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал» (Мф. 9, 30). Кто, как не заведомый ханжа мог изображать из себя тайного благотворителя таким способом? В очередной раз изобразив чудо и «исцелив» уже множество народа, Христос «запретил им объявлять о нем» (Мф. 12, 16). На кого была рассчитана столь дешевая игра в святошу? Кто мог поверить в его искренность? Ответ он дал сам: «нищие духом» (Мф. 5, 3). К сему можно было бы добавить: и нищие разумом, ибо наивные и легковверные, желающие быть обманутыми, да обмануты будут. Ибо кто еще мог воспринимать всерьез указание вырывать правый свой глаз-соблазнитель, отсекал другую соблазнительницу — правую руку свою, подставлять щеку свою для повторного удара, благословлять и любить врагов своих. С простаками все предельно ясно. Но поистине могло бы пока-

заться удивительным то, что так легко клюнули на столь нелепую наживку зубры философии — Э. Кант и Г. Гегель. Могло бы, если бы не два обстоятельства. Во-первых, им неведомы были противоречащие Библии эмпирические факты из геологии, палеонтологии и эволюции, коль скоро сами эти научные дисциплины в ту пору еще не успели родиться. (Но само их существование дает основание считать мошенниками тех современных якобы ученых, твердящих будто наука не противоречит религии). Во-вторых, даже имея на руках факты, разум часто пасует перед традициями коллективного сознания и группового инстинкта. Многие даже глубоко и логически мыслящие люди не способны преодолеть в себе это «преклонение» и излишнюю доверчивость нашим подсознательным и бессознательным импульсам. Поэтому не удивительно, что проповедь Иисуса, обращенная к «соли земли», имела успех даже у столь мощных умов, как у Канта и Гегеля.

Тем не менее, сегодня, вслушиваясь в ее речи, нельзя не слышать, что едва ли не каждое их слово звучит циничной фальшью, ибо сам проповедник сплошь и рядом на каждом шагу вопиюще нарушал свои же душеспасительные наставления. Притом особенно часто — свою самую превозносимую заповедь любви к ближнему, вольно или невольно признаваясь в ... *ненависти* ко всем, отвергавшим его откровения. А таковых было множество: от «книжников» и патриотов-фарисеев (Мф. 5, 20) до, смешно сказать, «безмозглой» смоковницы (Мф. 21,19). Более того, он видел врага в каждом, кто не признавал его «единокровным» сыном боготца Яхве, следовательно, богом-сыном. Для правовежного еврея и тогда и сейчас такое заявление не могло не звучать в высшей степени кощунственно. С другой стороны его проповедь непротivления злу насилия... со стороны римских оккупантов, не могла не восприниматься патриотами как чистейшее вероломство и низменное предательство. Поэтому логика требует признать, что под врагами он имел в виду *большинство* соотечественников. Подтверждение этой крамольной мысли мы нашли у А. Щёва (Белякова) — одного из самых глубоких и вдумчивых исследователей христианства и фигуры Христа, в особенности.

Полемизируя с одним из читателей журнала «Новый безбожник», защищавшим от неоправданных нападков (по его мнению) на Христа, в своей обстоятельной статье Щёв утверждает следующее. «Пристальный анализ речей и поведения Иисуса, времени и обстоятельств его деятельности позволяют с большой вероятностью предположить, что это был, конечно же, не «богочеловек» или мессия, не пророк или чудотворец, не политический революционер или народный вождь, и даже не искренне заблуждавшийся

на счет своего «высокого предназначения» религиозный фанатик, а как ни пошло это звучит, всего лишь тайный агент-provokator на службе римских оккупационных властей, ведший работу по идеологическому разложению населения древней Иудеи. ... И если оккупационные римские власти в древней Палестине имели большой штат обычных шпииков, логично предположить, что у них на службе могли состоять также отдельные агенты более высокого класса, наподобие тех provokatorов уровня Азефа, Гапона или Малиновского, которых внедряла некогда в ряды революционеров царская охранка. Такие агенты призваны были не только информировать свое начальство о происходящем в неблагонадёжных кругах населения, но и могли соответствующим образом влиять на обстановку там, направляя развитие событий в нужное русло. Чтобы иметь такую возможность, эти шпииконы должны были завоевывать себе надлежащий авторитет, выдвигаясь на первые роли в оппозиционной среде.

... Помимо фарисеев, ессеев и zelотов в тогдашней Палестине появилась и начала быстро расти также новая харизматическая секта во главе с Иоанном Крестителем. Этот галилейский проповедник-аскет, судя по всему, отделился от ессеев и основал новую, куда более близкую к широким народным массам иудейскую общину. Помимо религиозных призывов к «духовному очищению», вскоре он стал выступать также с критикой не только фарисеев и саддукеев, но и светских властителей Иудеи — сыновей Ирода Великого, бывших марионетками Рима. Большое влияние проповеди Иоанна Крестителя и его огромный авторитет среди населения признают не только христианские евангелия, но также и ортодоксальный иудей Иосиф Флавий. Не удивительно, что именно в общину Иоанна-Предтечи властями сперва и был заслан молодой агент provokator по имени Иисус. Втереться в доверие к Иоанну ему было тем более легко, если они и вправду, как гласят евангелия, приходились друг другу не только земляками, но и близкими родственниками. Судя по дальнейшим событиям, Иисус выполнил порученную ему задачу и секту Иоанна Крестителя успешно расколол! Для этого он предварительно побудил Иоанна объявить себя его преемником. ... (После казни Иоанна) часть его сторонников сохранила верность своему учителю. ... Интересно, что секта этих последователей Крестителя (мандеев²³⁷) существует на Ближнем Востоке

²³⁷ Мандеи — одна из разновидностей христианства, сохранившаяся до наших дней. Представители секты в основном находятся в Ираке, по данным на 2010 год их численность составляла 7000 человек, но они есть в небольшом количестве и в других государствах. Мандеи поклоняются Иоанну, сыну Захарии (Яхья бар Закария). Иисус и Мухаммед для них не настоящие пророки.

до сих пор: они считают Иоанна истинным пророком и мессией, а вот Христа — предателем и чуть ли ни демоном!..

После того, как движение Крестителя перестало быть опасным для властей, они нашли для Иисуса другое поле деятельности, направив его в родную Галилею — самую беспокойную и мятежную часть римской Палестины. Там он, пользуясь приобретенным имиджем «наследника Иоанна Предтечи» и уже богатым опытом проповедничества, призван был контролировать ситуацию среди враждебных римлянам и местным правителям масс, по возможности направляя их недовольство в безопасную для «верхов» сторону. Внушая именем бога простому народу необходимость покорности властям, «непротивления злему» и уплаты податей Риму в полном объеме, Иисус одновременно старался любой ценой подорвать влияние среди населения партии фарисеев, как главных поборников независимости Иудеи...

В рамках моей теории легко объяснить и многие другие странности в евангельском повествовании. Вполне понятна тогда и удивительная пассивность самого Иисуса, который после своего ареста враждебными иудейскими жрецами никак не пытался себя защитить, — ясно. Что он не хотел признаваться синедриону в своей тайной работе на римлян и просто ждал, когда начальство сумеет его вытянуть из этой передрыги! И в данном плане ясно становится, отчего Понтий Пилат, известный своей жестокостью и неприязнью к иудеям, так стремился выгородить арестованного Христа и спасти его от расправы. ... Этим объясняется и загадка пресловутого «воскресения» Иисуса после его формальной казни, точно также и то, почему в качестве ее было выбрано именно распятие: как известно, веревку или топор бутафорскими не сделаешь! Ясно становится, и почему распятие Христа осуществляли не иудейские стражники, а именно римские легионеры: они, не доводя дело до крайности, скорёхонько объявили Христа, повисевшего для приличия некоторое время на Голгофе, умершим и сняли с креста, положив, так сказать, в тенечек... Удостовериться же в смерти Христа никто из его врагов возможности не имел, ибо контролировавшие весь процесс войны Пилата никого не подпустили близко, позволяя желающим лишь наблюдать за казнью издали. После этого была произведена имитация похорон Иисуса. Но поскольку ни родственники, ни апостолы Христа на Голгофе не присутствовали, возникла проблема, кому это поручить?! Для самих римлян брать на себя погребение какого-то казненного еврея было явной несуразицей: и потому на сцене появилась фигура Иосифа Аримафейского. Этот в высшей степени загадочный персонаж возникает в Новом завете буквально ниоткуда толь-

ко для того, чтобы похоронить в своей личной гробнице Христа и затем также бесследно исчезнуть!»²³⁸

В самом деле, трудно не согласиться с тем, что версия об Иисусе как тайном агенте римских властей очень хорошо объясняет и тот факт, что во всех Евангелиях не найти никакой связной религиозной концепции. Из-за чего, в сущности, провалились все попытки различных богословов вычленив из новозаветных текстов так называемую христианскую «керигму». Если на самом деле Иисус являлся не религиозным деятелем, а римским доносчиком, который мистифицировал окружающих, приняв личину пророка, тогда ясно, что у него не могло быть цельного собственного учения! Но оказалось, что его демагогия пришлась в тот момент весьма кстати, непроизвольно изменив глобальный ход истории подобно тому, как поп Гапон умудрился спровоцировать 1-ую русскую революцию. В любом случае, на судьбы человечества повлиял не собственно Иисус, а созданный и разрекламированный позже его последователями МИФ О ХРИСТЕ, — тот миф, который оказался, в конечном счете, безмерно долговечней и сильнее его самого».

Аргументы и логика доказательств, избранная Щёвым в этой полемике, настолько убедительны, что не оставляют сомнений в том, что христианский бог просто «нехороший человек», выражаясь предельно деликатно. История полна парадоксов, и одним из самых поразительных следует, по-видимому, признать превращение сына еврейского народа — пособника римских поработителей его родины в бога-спасителя для миллионов европейцев. Но история полна и параллелей. Одна из них прямо таки напрашивается с марксизмом. Для публики, Иисус умер позорной смертью на кресте, оплеванный, осыпaeмый насмешкам не только первосвященников с книжниками, и старейшинами с фарисеями (Мф. 27, 41), но, также «проходящих» (Мк. 15, 29) и народа (Лк. 23, 35). Его соратники-апостолы, числом всего 12 человек, даже не присутствовали на казни. И если бы не озарение, «снизошедшее» на Савла-Павла, то кто бы сегодня вспомнил бы имя этого римского сексота? Схожая история повторилась спустя чуть менее двух тысяч лет. На похоронах Маркса присутствовало не более 12 человек. И кто бы в наши дни помнил его имя, если бы не фанатик Ленин? Что же могло способствовать этим «чудесам», если позволительно так интерпретировать произошедшую трансформацию?

²³⁸ Щёв А. Почему Иисус Христос — не суперзвезда // Новый безбожник. № 10 за 2010 г.

Что касается «чуда», произошедшего с Христом, то ореол мистики с него тотчас спадет, как только мы примем во внимание центроостремительное действие эусоциального инстинкта (и его «вожжей» — групповой психики и коллективного сознания), усилившегося к началу Нового времени и направленного на интеграцию больших масс людей в многочисленные сообщества. Вторым фактором, сыгравшим важную роль в успехе христианства, явилась, и это составляет второй парадокс в истории христианства, — интеллектуальная поддержка со стороны античной философии, глубоко разочарованной в своей способности влиять на общественные процессы. Огромное количество философских школ, расплодившихся в ту эпоху, каждая из которых претендовала на знание высших истин, дискредитировало самую философию в глазах обывателей. Между тем, как огромная Римская империя, раздираемая, в том числе, идеологическими противоречиями, остро нуждалась в простых, доходчивых и актуальных лозунгах, одинаково приемлемых как для «верхов», так и для «низов».

Христианство идеально отвечало этим целям. Во-первых, оно обращалось к «нищим духом», призывая к смирению на этом свете и гарантируя смиренным блаженство на том свете. Во-вторых, декларируя принцип «кесарево кесарю, а Божие Богу», оно угождало кесарю. В-третьих, в традициях иудаистской нетерпимости к любой идейной оппозиции, оно могло служить кесарям надежным партнером, поддерживающим вертикаль светской власти. В-четвертых, и это, пожалуй, главное — оно сделало своим брендом доходчивое и всем близкое слово «любовь». Ибо нет ничего, что могло бы сравниться с этой дефиницией по степени лукавства и своекорыстия, с одной стороны, и двусмысленности и многоликости, — с другой. Нет чувства более эгоцентрического и, одновременно, более жертвенного, чем любовь. Любовь к кому-то персонально в 99 случаях из 100 выражает *желание единолично обладать* этим кем-то и только в одном случае — готовность отдавать себя во владение другого. Любовь к чему-то опять-таки есть стремление удовлетворять свои наклонности и получать желаемое. При этом только самое черствое сердце не отзывается на ее приманку. Исключительная многогранность этого чувства породила 23 (!) определения термина «любовь»... на любой вкус в зависимости от ситуации и его адресата. Тонкий психолог Иисус из Назарета, начертав это слово на своем знамени, сделал гениальный пиар-ход и не прогадал. Так что если этика как таковая есть наиболее концентрированное выражение диалектики, то любовь как этическое понятие выражает собой соль диалектики, решительно не поддающуюся однозначному, полному и ис-

черпывающему толкованию. В этом и состоит ее неотразимая привлекательность и необыкновенная сила. В чем могли убедиться все, кто пытался вникнуть в ее природу, от Пифагора, Платона и Аристотеля до З. Фрейда, А. Шопенгауэра и Л. Фейербаха. Одни, для кого любовь олицетворяла всеобщую космическую связь вещей; другие, которых интересовали связи человека с тем, что привлекает его более всего.

Но вот вопрос: как повлияла на нравственность европейцев пропаганда любви, веками, изо дня в день, денно и ночью внушаемая прихожанам с амвонов и кафедр жрецами Христа? Ничего утешительного на сей счет сказать нельзя. Та извращенно пылкая «любовь», с которой отцы церкви сражались с язычниками, инквизиторы отправляли еретиков на костры и плахи, а государи бросали в топку междоусобиц тысячи своих и чужих подданных единоверцев-христиан, слишком противоречила критериям истинной, искренней любви. В мире нет другой религии, во имя и в оправдание которой было бы пролито столько крови, сколько «во славу» христианства. Ибо большинство преступлений перед человечностью в мировой истории, было совершено руками христиан. Притом огромное большинство их жертв пришлось на последние два–три века, то есть после почти двух тысячелетнего воспитания европейцев в духе Нагорной проповеди. И вот результат этой выучки: в колониальных завоеваниях и гражданских междоусобицах, а также в 1-й и 2-й Мировых войнах на алтарь христианской добродетели — кротости, смирения, любви к ближнему, было возложено более 100 миллионов жизней, главным образом христиан или воспитанных в христианском духе. И то, что сегодня христианство приняло более или менее человеческий вид, заслуга не церкви, а ее оппонентов — свободомыслящих гуманистов и атеистов. В наши дни христианство разделилось на множество рукавов, среди которых доминируют три. В чем же состоит наиболее существенное различие между ними не по «форме» (структуре и принципах богослужения), а по «содержанию» (догматике)?

4.7.3а. Этика православия

Особо значимый вклад в распространение христианства внесли греки, чей трагический исторический опыт высветил изъяны прямой полисной демократии, неспособной защитить их от невзгод, а также подсказал выигрышные стороны жесткого политического авторитаризма и строгого идеологического единомыслия, которого придерживалось новая вера. Поэтому византийская церковь, среди прихожан которой преобладало

греческое население, отказалась от мысли проводить самостоятельную политику, независимую от светской власти императора. Подчинив все свои помыслы идее выживания, она отказалась от любых попыток логически осмыслить веру, признав для себя «правильным» принять ее мистически и догматически (православие — калька с греч. «ортодоксия» — ὀρθοδοξία). Почитая веру как откровение бога человеку, православие потребовало принимать его «безмолвным» умом, чтобы «очистить сердце» без права какого-либо вопрошания, сомнения или колебания. Не удивительно, что тем самым оно лишило свое общество возможности какого-либо интеллектуального и нравственного развития, наглухо законсервировав в нем все предрассудки эпохи «темных веков» Европы. Будучи авторитетом для христиан Восточной Европы, византийская церковь содействовала утверждению в их среде канонов, правил и принципов богослужения, принятых в православии. Таким образом, православие являет собой самое архаичное и закостенелое (ортодоксальное в современном и прямом смысле слова) ответвлением христианства. О степени его вредности прямо-таки вопиет та трансформация, которая произошла с греками с принятием ими его идеологии. Ее инъекция, привитая им, произвела ошеломляющий эффект и удручающие последствия. Гениальный во всех отношениях народ-язычник, сотворивший блистательную, непревзойденную культуру, создавший интеллектуальный, нравственный и материальный фундамент современной гуманистической цивилизации, преклонившись перед Христом, потерял лицо. Он вдруг стал неузнаваем, обратившись в серого, бесцветного статиста, растеряв все, чем могла бы гордиться любая нация — от чувства собственного достоинства до готовности быть примером другим, открывая новые пути и горизонты развития. История смело может предъявить православию обвинение в преступлении перед прогрессом, приведя в качестве «вещественного доказательства» то, что оно сотворило с греками, поработив их умы и иссушив в их сердцах «божественные» искры языческого вдохновения, высоко возносившие их над своим временем.

Но вместе с выдающейся косностью православие отличает и незаурядное лицемерие. Недавно, в очередной раз обращаясь к публике, патриарх Кирилл (Гундяев) утверждал, что Россия духовно возрождается на фоне деградации процветающих стран. «Мы знаем, как из-за денег и власти наиболее сильные, процветающие страны сегодня исторгают веру из своей жизни. Это не значит, что в этих странах вера вовсе уходит из жизни людей, но исповедовать там свою веру становится все труднее», — сказал он. Зачем верить в Бога, «если у тебя огромный счет

в банке, если весь мир у твоих ног, если ты можешь сделать все, что захочешь», «если у тебя могущество, если у тебя вооруженные силы, способные покорить весь мир», — отметил патриарх. «А мы, народ наш, Русь Святая, Россия, пройдя через тяжелые этапы полного отрицания бытия Бога и всякого присутствия Бога в жизни народа, сегодня обратились к Богу, и то, что мы видим, замечательно. Мы видим большие перемены, в том числе в сознании нашей молодежи», — приводит его слова пресс-служба патриарха.

А вот что выяснилось о его личном состоянии. Оказалось, что «глава русской православной церкви Патриарх Кирилл, судя по всему, является одним из богатейших людей России. Своё состояние он сколотил ещё в 90-е годы, занимая должность руководителя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС МП) Московской патриархии. При отделе тогда было создано несколько коммерческих структур: финансово-торговая группа «Ника», банк «Пересвет», АО «Международное экономическое сотрудничество» («МЭС»), АО «Свободное народное телевидение» и ряд других. Одним из направлений бизнеса была продажа так называемой гуманитарной помощи, поступавшей из-за границы, по высоким рыночным ценам. В 1996 году, например, «Ника» продала без пошлин и акцизов порядка 8 миллиардов сигарет. А за отцом Кириллом тогда закрепился титул — «Табачный». После 1996 года самым доходным бизнесом патриархии стал экспорт нефти, освобождённый от таможенных пошлин. Ежегодный оборот компании «МЭС» составил в 1997 году около 2 миллиардов долларов. В 2000 году священнослужители внедрили также на рынок морепродуктов — правительственные структуры выделили учреждённой ими фирме АО «Регион» квоты на отлов 4 тысяч тонн камчатского краба и креветок. Доходы от успешного бизнеса позволили митрополиту Кириллу в 2002 году купить себе пентхаус в знаменитом «Доме на набережной» с видом на храм Христа Спасителя (информация издания «Нью Таймс»). А став патриархом, Кирилл сделался обладателем нескольких официальных жилых резиденций: в Перedelкино..., в Даниловом монастыре..., в Геленджике... и в Швейцарии... Все данные о бизнесе, которым занимался будущий патриарх в 90-е годы, были изложены в публикациях доктора исторических наук Сергея Бычкова и научного сотрудника РГГУ Николая Митрохина. Ни один из этих фактов не был официально опровергнут»²³⁹. Из другого источника следует, что «свой первоначальный капитал он составил, торгуя гуманитарными

²³⁹ Источник: www.novdelo.ru

библиями, присланными русскому народу в подарок из Ватикана. Гундяев связан со всем криминальным миром России, в частности с известными криминальными автоитетами Сергеем Михайловым (кличка «Михась»), Владимиром Кумариным (кличка «Кум»), а так же и с пресловутым «Япончиком», Вячеславом Иваньковым, и более того — является их наставником»²⁴⁰.

4.7.36. Этика католицизма

По иронии судьбы именно западная церковь предприняла попытку осмыслить догматику веры рациональными методами. Схоластическое богословие пыталось доказать существование бога, логически осмыслить его «откровение» и привести последнее в соответствие с философией. Считают, что лучше других это удалось Фоме Аквинскому, наследие которого составляет основу официальной католической церкви (с 1879 г.). Разделив догматы веры на рационально постижимые (бог существует) и непостижимые (троичность бога), он отверг попытки науки и разума критиковать истины откровения. В том числе и критику бога за зло, существующее в мире. Вот как он это делает. «Коль скоро бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, должно отнести к его провидению то, что он дозволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В самом деле, если устранить все случаи зла, то в мироздании недоставало бы многих благ. Так, без убийства животных была бы невозможна жизнь львов, а без жестокости тиранов — стойкость мучеников. ... И вот подобно тому, как совершенство Вселенной требует, чтобы были не только вечные, но и бранные сущности, точно также совершенство Вселенной требует, чтобы были и некоторые вещи, которые могут отступить от своей благости; поэтому они и в самом деле время от времени делают это. В этом и состоит сущность зла, т. е. в том, чтобы вещь отступала от блага»²⁴¹ — доказывает Фома. И не замечает, как впадает в противоречие. Ведь, с одной стороны, он подставляет Библию: согласно последней, бог наказал человечество, всех!!! потомков Адама и Евы за «детский грех» — безобидное любопытство. То есть, зло для миллионов существует как следствие — кара за *бессознательное* «преступление», совершенное двумя, но вовсе *не как исходное* условие существования мира. Следовательно,

²⁴⁰ Гундяев — серийный убийца, вор, предатель, уничтожитель Церкви. www.luchmir.com/politika/vvh12.htm

²⁴¹ Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1. ч. 2. С. 838 и 84. М., 1969.

он неявным образом, но *сознательно* опровергает Библию — совершает грех, еще более тяжкий, нежели Адам и Ева.

С другой стороны, Фома доказывает, что бог внес зло в мир изначально... для его совершенства, поскольку, провидение бога подсказывает ему, будто оно *должно* существовать непременно «противовесом» совершенству и, стало быть, непреходящим атрибутом бытия. Итак, да здравствует зло нескончаемых войн и кровопролитий! Хвала жестокости тиранов, насилующих народы! Слава «блестящему» оправданию геноцида, ордоцида и прочих преступлений перед человечностью. На Нюрнбергском суде Фоме, несомненно, удостоился бы роли адвоката главарей фашизма, их защитником от лица бога. Но как же, в таком случае быть с воззванием «возлюбить ближнего своего и дальнего своего»? Так, как позже его духовный потомок Игнатий Лойола поступал с еретиками — пытая их на дыбах и сжигая на кострах инквизиции, верил, что доказывает свою любовь к ним, спасая их души. Этот моральный релятивизм, выдающий себя, фактически, верхом аморальности, как ни парадоксально, в конечном счете, не дал угаснуть огню философии. Не прислушавшись к предостережению Цицерона, заметившего, что в вопросах веры разуму делать нечего, не доверившись Тертуллиану, отвергавшему философию «с корнем», Фома не только не казнил ее, но предложил ей двусмысленную роль «служанки» теологии. Вынужденная согласиться с унижением, она благоразумно отступила, чтобы дождавшись своего часа, вспыхнуть ярким светом в эпоху Возрождения и более не затухать.

Второе, в чем католический мир расходился с православием, состояло в отношении к светской власти. Католицизм в лице папы не только долгое время претендовал на ее прерогативы, но и так или иначе самым настойчивым образом пытаясь возвыситься над королями, часто яростно конфликтовал с некоторыми из них. Сегодня, правда, папа оставил попытки дирижировать светской властью. Что же касается морально нравственного совершенствования католиков, то следует заметить, что, как не удивительно, к числу самых богобоязненных верующих в Европе относятся сицилийские мафиози. Впрочем, ничего удивительного в том нет. Как раз именно они в самой полной мере отвечают истинному духу христианской любви, обнимая своего визави одной рукой, другой — вонзая нож ему в спину. Напомним также, что «отец» итальянского фашизма — Б. Муссолини был верным католиком, а «отец» германского фашизма — А. Гитлер никогда не порывал с церковью. Кстати, и Брейвик, хоть и протестант, но ведь тоже христианин.

4.7.3в. Этика протестантизма

К XI–XIII вв. противоречия между словами Евангелий и делами церкви, между «святой» бедностью ее основателей — апостолов и баснословными богатствами, скопившимися у церкви, достигли такой силы, что по всей Западной Европе возникло брожение умов, породившее всевозможные ереси, включая движения ересиархов, катаров и вальдесов. Перепуганному папе даже пришлось объявить против них крестовый поход (1209–1229 гг.), а также учредить инквизицию. С другой стороны среди бывших германских варваров, наконец, также «прорезался» психотип бигмена. Появился новый социальный слой — буржуазия и ее первые представители: предприниматели и торговцы (f- и b-индивидов), *научившиеся* ценить частную собственность и труд, вкладываемый в ее преумножение. Между тем стремление к богатству категорически осуждалось Писанием. Ибо сказано было: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут... Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или другому станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6, 19–24). И далее: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24). А войти очень хотелось. Следовало каким-то образом примирить эти два взаимоисключающих посыла. Тогда-то на сцену истории и вышли М. Лютер и Ж. Кальвин — идеологи и вдохновители протестного движения, породившего самые радикальные изменения в этике христианства.

Что именно способствовало успеху Лютера? В своих «95 тезисах» он сыграл на национальных противоречиях между «благочестивыми» немецкими собственниками и «нечестивым» итальянским Римом, обиравшим их. Но чтобы доказать свое право на бунт, Лютер был вынужден позиционировать себя образцом христианина, который выглядит правее самого папы. Знаменем религиозного переворота он сделал идею восстановления чистоты христианства, его возвращения к своей первоначальной непорочности, свободной от католической «грязи», налипшей на нем благодаря «стараниям» корыстного Рима. С тех пор протестанты старательно поддерживают свой имидж глубоко и искренне верующих в каждую запятую Ветхого и Нового заветов. (При этом многие образованные представители протестантизма, можно не сомневаться, прекрасно понимают, что Библия есть не более, чем собрание морализаторских мифов). Кальвин нашел еще один тонкий способ обойти запрет на предпринимательство учением о *предопределении*. Он внушил заинтересованным мысль о том, что любая,

не противоречащая догмам Ветхого Завета деятельность, включая, предпринимательство, доступна человеку, чувствующему к тому свое призвание. Но ошибается он, или нет, выбирая свой жизненный путь, решать не ему, а провидению. И отсюда следует, что чем успешнее идут его дела, будь то коммерческие, или производственные, тем, оказывается, лучше «угадывает» он божий промысел. Тем самым, он оказывается настолько близко богу, что может заслужить попадание в рай. И наоборот, путь туда ему заказан, если дела его идут неважно, или, что еще хуже, его предприятие терпит крах. Иначе говоря, он переносил решение о богоугодности или небогоугодности занятий смертного на суд всевышнего. С точки зрения католика и, тем более, православного эта игра в угадалки представлялась чистейшей воды лукавством и лицемерием. Поэтому противоречия между протестантами и католиками, вылившиеся в кровопролитную 30-летнюю войну, носили характер не столько богословских распрей, сколько спора о собственности, к которому, впрочем, примешивались и политические соображения.

В напоминание о 500-летию первого выступления Лютера против Римской церкви С. Ряховский напомнил россиянам о важнейших уроках Реформации. Сославшись на три основных ее лозунга: только вера, только Писание, только Христос, он дал им современное прочтение. Оно заключено в следующих словах. «Только вера. Лютер, вслед за апостолом Павлом, настаивал на том, что вера в искупительную жертву Христа — это единственное, что нужно человеку, чтобы жить в живом общении с Богом... Жизнь обретает смысл, только если в ней есть «вертикальное измерение», если мы ощущаем присутствие Вечности в том, как мы живем и что делаем. Вот почему для ранних протестантов труд был актом религиозного поклонения: человек переживал Божью любовь и воплощал это переживание в том, как он трудился»²⁴². Наши комментарии: автор лукавит дважды. Во-первых, он должен был бы знать, если читал Евангелия, что Христос вовсе не добровольно жертвовал собой. Что он, напротив, страстно желал избежать приговора суда, вынесенного не Понтием Пилатом, а его соотечественниками — первосвященниками и старейшинами народными. И предчувствуя, что за свою вопиющую, непрощительную ересь (а называть себя сыном Яхве в глазах правоверных евреев было богохульством более тяжким, чем любое другое преступление) он непременно поплатится головой, он сник. «И взяв с Собою Перта и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус:

²⁴² Здесь и далее — С. Ряховский. Уроки реформации. М. К. от 31. 10 2016.

душа моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26. 37–39). Во-вторых, автор старательно умалчивает тот факт, что пафос Нагорной проповеди был направлен, в том числе, против «стяжательства» (см. выше приведенные выдержки).

Затем, «только Писание. Реформаторы настаивали на том, что только Библия является абсолютным авторитетом для христианина — как в вопросах веры, так и в жизни». Наш комментарий: странно, что книга подчас весьма скабрёзных басен, сочинённая для древних евреев для поддержания их духа в годы тяжелейших испытаний, может служить моральным авторитетом для средневековых европейцев. Но, по-видимому, недоумение наше может рассеяться, если вспомнить, что как раз в Библии нет ни слова осуждения «стяжательства». Далее, «только Христос. Реформаторы, вслед за авторами Нового завета настойчиво повторяют: Иисус Христос — единственный путь к Богу... Вспомним: мир, в который пришел Христос, тоже был чрезвычайно терпим и допускал практически любые варианты религий и духовных практик. Христиане могли б легко вписаться в эту картину, но они предпочитали утверждать, что *«нет другого Имени под небом, которым можно спастись»*, и готовы были умереть за эти слова». Вот она — мысль не изреченная, но явственно прозвучавшая: христианство породило **насилие** над собой и, тем более, над окружающими!!! Вбить себе в голову, что ты — единственный и неповторимый. Что есть только одна правда на свете — твоя, все же остальные необходимо выжечь каленым железом. Вот тогда-то тебе гарантировано посмертное блаженство. Ради этого стоить принять даже смерть. Наш комментарий: столь откровенное признание искренне (надеюсь) верующего христианина в том, что его вера явила собой образец злобной, варварской нетерпимости к чужим верованиям — первое на нашей памяти. С одной стороны, это делает честь автору. С другой, показывает то, что тщательно скрывается христианами: их церковь преподнесла наглядный урок исламу, марксизму и фашизму в том, какими методами и средствами следует добиваться тотального господства над коллективным сознанием масс и их «унификации». (Отсюда видно, как мало оригинален ислам: он лишь отшелушил христианство от греческой философии и следов уважения к женщине, упростив свое восприятие до уровня плитуса). И, можно сказать, что если католицизм был выражением интересов m- и s-индивидов, то b- и f- индивиды взяли реванш, переделав христианство на свой, протестантский лад.

В этом смысле самый большой парадокс современности составляют США. С одной стороны, ни одна страна в мире не расходует столько средств на естествознание и гуманитарные науки, сколько они. Это предполагает, что элита Америки хорошо осознает ценность рациональных знаний. С другой стороны, все (кроме Дж. К. Адамса) вступающие в должность президента Америки на инаугурации давали клятву верности своему народу, положили руку на Библию — сборник сказок другого народа. Мысль о том, что победители выборов обладали ограниченным кругом знаний, не приходит в голову. Если у Джорджа Вашингтона — человека додарвиновской эпохи могли и не возникнуть сомнения в истинности творения по сценарию Библии, то в XX и, тем более, XXI веках не должно было возникнуть сомнений в прямо противоположном. Между тем традиция жива. Это заставляет задуматься над искренностью образованной, просвещенной элитой Америки. Впрочем, парадокс снимается, если принять во внимание, что она лучше других элит знает истинную цену знаниям. Она, как истинный предприниматель, хорошо осознает, что вклад в науку окупается гораздо быстрее, с большей отдачей и надежнее всех других вкладов в любое другое предприятие. Тем не менее, она четко следует наставлению Христа: «Кесарево кесарю, а божие богу», что в переводе на ее язык означает: «Народу религия, нам прибыль». Вопрос, следовательно, в другом: как долго может продолжаться это лукавство? Тем не менее, следует подчеркнуть еще раз: в мире нет ничего идеального, но американская модель этики, при всех ее издержках представляет самый высокий образец нравственности. В подтверждение чему достаточно сослаться на тот факт, что «Всеобщая декларация прав человека» явилась плодом творчества, главным образом, американской интеллектуальной элиты. Сегодня США — бесспорный мировой лидер движения за нравственное оздоровление и очищение человечества.

4.7.4. Этика ислама

Можно ли в XXI веке рассуждать о какой бы то ни было этике в обществе, признающим женщину неполноценным существом? По самому смыслу этики, это исключено. Даже если численность этого сообщества превышает миллиард человек. И, чтобы не тратить время на какие-либо логические доводы в пользу этого заключения, достаточно просто сослаться на документы, мнения и публично излагаемые принципы исламской «морали» наиболее авторитетных деятелей ислама. И первенст-

во в этом деле, разумеется, должно быть отдано Прощальной проповеди Мухаммеда (خطبة الوداع, *Khuṭbatu l-Wadā'*), фрагменты которой приводятся ниже.

«О люди, послушайте мои слова! Я не знаю, встречу ли я вас здесь снова в этом же месте на следующий год. О люди, *ваша кровь и ваша ответственность священны и неприкосновенны* до тех пор, пока вы не встретитесь с Господом, также как священен для вас этот день и этот месяц. Несомненно, что вы встретитесь с вашим Господом, и он спросит вас о делах ваших. Мне это [уже] стало известно. Пусть тот, кто *взял залог, вернет его тому, кто доверил его ему; всё ростовщичество упразднено, но ваш капитал принадлежит вам...*

О люди! Шайтан теряет надежду на то, что когда-нибудь ему будут поклоняться на этой земле. Но если все же вы будете послушны ему в других делах, то он будет доволен вашими дурными делами, которым вы не придаете значения. *Так опасайтесь же его в вашей религии, о люди ...*

О люди! Вы имеете право на ваших жен, и они имеют право на вас. Вы вправе [требовать], чтобы *они не позволяли никому, кто противен вам, ступить на ваше ложе*; и чтобы они не совершали никакой открытой непристойности. *Если они поступят так, то Аллах разрешает вам закрыть их в отдельных комнатах и бить их, но не сильно*. Если они воздержатся от [дурного], то у них *есть право на пищу и одежду* в соответствии с обычаем. Обращайтесь с женщинами хорошо, ***поскольку они [подобны] вашему домашнему скоту, ничем не владеют***. Вы взяли их себе только как *доверительную собственность* от Аллаха, и вы получаете *удовольствие от них (их тел)* в соответствии со словом Аллаха, так слушайте и внемите моим словам, о люди ...»²⁴³.

Удивительно ли, в этой связи, то, что важнейшим стимулом для мужчин-мусульман со времен глухого Средневековья остается вожденная собственность, как одушевленная, так и неодушевленная. А из одушевленной собственности более всего для них ценима женщина, «доставляющая удовольствия» в постели («под одеялом», — как говорил сам пророк). Не удивительно и то, что вопросу «удержания женщин в узде» исламские богословы и интеллектуалы придают огромное значение. Ниже приводятся отрывки из *современных* книг об исламском этикете, объясняющие, какая жена заслуживает побоев, чем именно ее нужно бить, куда следует наносить удары и что нужно при этом говорить.

²⁴³ М. ат-Табари. История пророков и царей. Том 9. С. 112–113. 1960.

Мохамед Камаль Мустафа, автор книги «Женщина в Исламе»:

Женщину не нужно бить по чувствительным частям тела — лицу, груди, животу, голове и т. д. Удары нужно направлять на конкретные участки тела, такие, как ноги и руки. Не нужно использовать слишком толстый пруттик. Прут должен быть тонким и легким и не должен оставлять на коже царапины или гематомы. Удары не должны быть сильными и жесткими, так как ваша конечная цель вызвать у женщины страдания душевные, но не физические.

Доктор Гази Аль-Шимари, эксперт по семейным отношениям, Саудовская Аравия:

Никогда не бейте женщину в лицо. Муж должен предупреждать жену о количестве ударов: один удар, два, три, четыре, десять. Если муж говорит жене: «Будь внимательна, дети играют рядом с плитой или «Уведи детей от электрической розетки», а она отвечает: «Я занята», то жену можно ударить зубной щеткой или чем-то похожим. Никогда не бейте ее бутылкой с водой, тарелкой или ножом — это запрещено. Бить женщин нужно с осторожностью, потому что вызвать боль — не ваша цель. Когда мы бьем животных, цель — вызвать болевые ощущения и заставить слушаться, поскольку животное не поймет, если сказать ему: «Ох, верблюды, давай, двигайся вперед!» Верблюды и осел не поймут, чего ты от них хочешь, пока ты их не ударишь. Но на женщину в первую очередь влияют эмоции, а не боль.

Джордж Буске, автор книги «Секс-этикет в Исламе»:

Следует бить женщин, да, но существует множество путей это делать: если женщина худая, то бить нужно тростью, если она обладает мощным телосложением, — кулаком, пухленькую женщину — раскрытой ладонью. Таким образом, тот, кто бьет, не нанесет повреждений самому себе.

Абдул-латиф Муштахири, автор книги «Вы спрашиваете, и ислам отвечает»:

Если отлучение жены от постели не дает результатов и ваша жена продолжает вести себя непослушно, значит, что она принадлежит к типу холодных и упрямых женщин — ее характер можно исправить наказанием, то есть битьем. Бить нужно так, чтобы не сломать кости и не спровоцировать кровотечение. Многие жены обладают подобным характером, и только такой способ может привести их в чувство.

Источник: Jarek Jarosz / Flickr, by CC BY-NC 2.0

Доктор Мухаммад Аль-Ариффи, автор наставлений молодым мусульманам во время шоу о семейной жизни на телеканале LBC TV:

Есть три типа женщин, с которыми невозможно разговаривать, не приготовив прута для битья. Первый тип — девушка, которая была так воспитана. Ее родители говорили ей: «Ешь!» — она отвечала «Не хочу!» — и они били ее за это. С такой женой можно наладить отношения, только используя телесные наказания. Второй тип — женщина, которая игнорирует своего мужа или относится к нему снисходительно. С такой тоже помочь может только кнут. И третий тип — это женщина, извращенная, которая не слушается мужа до тех пор, пока тот не заставит ее слушаться, применяя силу и битье.

Если столь унижительное, скотское, позорное отношение к женщине считают допустимым современные ученые мужи — теоретики ислама, то нет ничего удивительного в том, что невежественные практикующие варвары из рядов ИГИЛ²⁴⁴ и прочих радикальных организаций на свой лад претворяют их идеи в жизнь, вызывая ужас и отвращение у нормальных людей. Кстати, по отношению к малолеткам эти маргиналы берут пример с самого пророка. Ведь тот «ввел в свой дом» Айше и

²⁴⁴ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

«играл с ней в постели» лишь только ей исполнилось 9 (!) лет. Поэтому представляются категорически неприемлемыми всякие попытки отделить деяния исламских вандалов от «правильного» ислама и даже противопоставить их преступления учению Корана как, якобы, дискредитирующие последний. Ведь насилие, притом насилие над самыми близкими родственниками — женами вошло в плоть и кровь мусульманского мира, а не только фанатиков ислама. Ибо сам Коран свидетельствует: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины — благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непочтительности которых вы боитесь, увеичайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, — поистине, Аллах возвышен, велик!» [Коран 4:34]. О том, что извращенное отношение к женщине поощряет сама вера, вопиет в буквальном смысле слова ужасающая статистика бытового насилия всюду, где живут по заветам пророка Мухаммеда.

Афганистан: Почти 90% афганских женщин страдают от бытового насилия. Насильники редко подвергаются преследованию или осуждению, а большинство женщин боятся сказать что-нибудь против. «Их матерей избивали их отцы. Их избивают их отцы и братья. Это образ жизни» — говорит Манижа Надери, директор Women for Afghan Women.

Иран: Почти 66% иранских женщин уже в начале брака подверглись физическому насилию. Среди форм физического насилия: укусы, связывания, заключение в собственном доме, царапанье, таскание за волосы, лишение пищи.

Ирак: В докладе комиссии ООН по содействию Ираку зарегистрировано 139 случаев насилия в отношении к женщинам в Северном Курдистане во второй половине 2008 года. 163 женщины были убиты в результате домашнего насилия в Курдистане в 2009 году. Среди экспертов бытует мнение, что ООН зарегистрировало только около 5% статистики по насилию.

Иордания: 91 % студентов университетов по подсчетам иорданского центра по правам человека поддерживают насилие над женщинами. Абсолютное большинство *женщин* (от 50 до 80 %) также поддерживают право мужа на применение физической силы по отношению к своим женам. В том числе, виновных в *подгорании еды* (!).

Пакистан: В исследовании пакистанской медицинской ассоциации, основанном на интервью с 300 женщин-рожениц, сказано, что 80% женщин подвергаются насилию в браке. Насилие к женщинам принимает ужасные формы. До 4 000 женщин в год убивают путем сожжения в нака-

зание за незначительные проступки. Ассоциация собрала информацию о 8 000 убитых женщин с 1994 по 2007 годы только по территории от Исламабада до Равалпинди. В 2008 году было зафиксировано 7 571 случая, а в 2009 году сообщается о 8 548 случаях жестокого обращения с женщинами.

Палестинская автономия: В 1999 г. половина опрошенных женщин сознались, что были жертвами насилия. «Насилие в отношении женщин в Газе в основном означает насилие в семье» — говорит научный консультант Айтимад Муханна: «Женщин избивают их мужья, отцы и даже братья». Женщины бьют за невыполнение традиционных обязанностей, таких как приготовление пищи и уборка, за внешний вид, вызывающий неудовольствие мужа. Другие нарушения включают тяжелые оскорбления, сексуальное насилие близкими родственниками и изнасилование в браке.

Турция: Ассоциация трудящихся женщин сообщила ужасные сведения, что более чем 80% турецких и курдских женщин стали жертвами домашнего насилия и сексуальных домогательств, и, тем не менее, 70% турецких и курдских мужчин мошенничают на помощи женам от государства. Самоубийство как единственный способ решения их семейных проблем рассматривают 34% женщин. В 2011 году Турция лидировала по числу преступлений и насилию по отношению к женщинам среди стран Европы и США. Согласно официальной статистике, каждые 4 из 10 женщин в Турции подвергаются избиению со стороны мужа.

Коротко говоря, по отношению к женщине ислам нигде не изменяет себе. Говорить об этом неприятно, но необходимо: высокомерие, ханжество и презрение к слабой половине человечества на уровне государственной политики — вот что составляет темную сторону его этики. И мириться с этим извращенным представлением о нравственности не пристало честным людям.

4.7.5. Этика марксизма

Поразительно, что как ислам откровенно презирает женщину и не ищет в том какого-либо оправдания, точно также марксизм презирает все классы, оппонирующие пролетариату, а заодно и всякую мораль, отрицающую любое насилие. Считая ниже своего достоинства обращаться к этой теме, Маркс, по-видимому, исходил из того, что революционеру не пристало проявлять слабость, связывая себя узами нравственности. Это презрение ко всякой общечеловеческой морали он безо всяких экивоков «весомо, грубо, зримо» декларировал в Манифесте Коммунистической партии. «Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить

собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности... Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых», — говорится в нем и далее следует демагогия оправдания этой позиции авторами, НИЧЕГО не смыслящими в частной собственности и принципах функционирования рыночной экономики²⁴⁵.

«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов... Вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия... — Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую» — говорится далее в Манифесте. А один из ее авторов, чтобы придать словам Манифеста видимость объективной истины, даже нагородил тьму «ученых» нелепостей, касающихся вопроса происхождения семьи и семейных отношений²⁴⁶.

«Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен, прежде всего, завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия ... В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой» — утверждает документ, но вскоре 1-я Мировая война доказала прямо противоположное, именно, что национальные предрассудки сильны ничуть не менее классовых.

«Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения. Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления,

²⁴⁵ Гивишвили Г. В. Психология собственности. Теория эволюции рынка. С. 223–267. М., 2011.

²⁴⁶ Ф. Энгельс. Происхождения семьи, частной собственности и государства. С. 28–90. М., 1973.

взгляды и понятия, — одним словом, их сознание? Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным?» — вопрошают авторы Манифеста. При этом они трусливо уходят от вопроса: отчего капиталистические отношения возникли не в более древних, зрелых цивилизациях Востока, а в сравнительно молодых цивилизациях Запада? А если бы набрались смелости задать его себе, то обнаружили бы, что капитализм Нового времени явился детищем революции не материального производства, а революции идей, возрождавших частную собственность и рыночные отношения, взлелеянные еще античным капитализмом. Эти идеи меняли психологию европейцев, открывая путь к изобретению машин и механизмов, совершивших промышленную революцию, направленную, в том числе, на улучшение качества материальной жизни общества. То есть, все с точностью до наоборот. Капитализм порождало не развитие материального производства, а, напротив, развитие психики стимулировало развитие материального производства.

Затем авторы Манифеста указывают на то, что религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи, разумеется, «изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении. К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития. К чему сводится это обвинение? История всех доньше существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно. Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов. Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого».

Если бы авторы Манифеста потрудились вникнуть в историю цивилизаций большей части человечества — Азии, Африки, доколумбовой

Америки, то увидели бы, что всегда, всюду и везде они возникали благодаря не классовому насилию, а усилению инстинкта эусоциальности, с одной стороны, и «общественному договору» в обществе, разделившемся на альфа-элиту и о-народ. Разделение же это преследовало двойственную цель: — а) поддержание внутреннего порядка в численно многократно разросшихся социумах и — б) защиту от внешних угроз (см. раздел 5.5). Поэтому идея революции по Марксу, в действительности, являла собой контрреволюцию, нацелившуюся на превращение мирового сообщества в цивилизованный муравейник. Которому были бы в высшей степени безразличны какие-либо моральные коллизии, проблемы и их решения. Поработал у станка 8 часов, получил свой честно заработанный паек вместе с порцией «положенных» удовольствий, и более ни о чем, ни думать, ни беспокоиться нет необходимости. Ибо все равны во всем и никто не отличим от другого, как в потребностях, так и способах их удовлетворения. Чем, в таком случае человек — истинный материалист стал бы отличаться от животного, неясно. Ведь потребности и их удовлетворения как у того, так и у другого совершенно сходны и просты: есть, размножаться, избегать преждевременной кончины.

Однако, коль скоро пролетарская революция еще не праздновала победу во всем мире, то перед товарищем В. Лениным, взявшимся реализовать грёзы Маркса в России, естественным образом возникла задача разобраться в старых проблемах морального свойства, перешедших стране по наследству. То, как собирался он решать их, дает представление его выступление на 3-м съезде комсомола. Вопросая: «Существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность?», он далее отвечал: «Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали (то есть нравственности), и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы коммунисты отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам. Всякую такую нравственность, взятую из вне человеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов. Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата... Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата. А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капита-

листов. Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, — это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян... Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов»²⁴⁷.

Как видно, уничтожение миллионов сограждан, повинных лишь в том, что имели несчастье принадлежать к классу, чуждому пролетариату, коммунистам представлялось делом как вполне оправданным, так и необыкновенно легким. Защитники «чистоты» марксизма не устают повторять, что-де сам Маркс был бел и пушист, а все негативное, связанное с его именем, явилось извращением его непорочных и любвеобильных идей. Все эти апологетики его теории очень напоминают доводы защитников религии, сетующих на несовершенство природы человека, проявившееся уже у Адама с Евой. Дескать, бог действовал из лучших побуждений, да бес попутал. Любой непредвзятый исследователь религий знает, что никогда и нигде не рождалась идея, которая не подвергалась бы перелицовке в духе времени и традиций среды. Вопрос только в том, какие отклонения от самой себя позволяет та или иная идея, в пределах каких границ они признаются допустимыми. Марксизм в этом вопросе плотно замыкает свои уста, не роняя ни слова, ни за, ни против. Тем самым, по умолчанию, он признает оправданными любые нравственные извращения и преступления перед человечностью ради победы мировой пролетарской революции. В силу чего выглядят смешными и наивными заверения марксистов-доброхотов в том, что Маркс никоим образом не оправдал бы зверства Ленина и Троцкого, Сталина, Дзержинского и прочих своих достойных учеников и последователей, за те титанические усилия, которые они приложили к реализации его мечты. Но что изменилось за десятилетия торжества этой нравственности «по-марксистски» в СССР? Практически ничего, если не считать того, что огнем и мечом, насилием и

²⁴⁷ Ленин В. И. ПСС. Том XVII, стр. 313–329.

ложью установив диктатуру своей материалистической веры, коммунистическая церковь надела на себя маску кроткого человеколюбия. Но при этом оставила за собой право творить инквизицию при малейших намеках на проявления ереси в головах советских людей (насытившийся тигр спрятал когти, выпуская их по мере надобности). Поэтому уместен вопрос: может ли мораль такого сорта претендовать на уважительное к себе отношение? (Проблема этики фашизма не обсуждается вовсе ввиду ее отсутствия как таковой).

4.7.6. Этика гуманизма

Возвращаясь к заявленному в начале данного раздела вопросу о возможности существования этики, способной одинаково удовлетворять всех людей, заметим, что ответ на него может быть дан, по-видимому, следующий. Любая из наиболее распространенных светских или религиозных идеологий, не исключено, при определенных обстоятельствах, станет «единственной и неповторимой» для всего мирового сообщества. В таком случае и разделяемые ею этические нормы также займут доминирующее место в сознании и поведении всего человечества. Эволюция непредсказуема. До настоящего времени нам относительно везло. Катастрофы и катаклизмы, способные нарушить хрупкое экологическое равновесие нашей планеты и стереть все следы земной цивилизации, пока что миновали нас. Но угрозы никуда не делись, как внешние (природные), так и внутренние, порождаемые нашим неразумием — слепой приверженностью к идеологиям с их взаимными неразрешимыми противоречиями. Полное торжество любой из них над своими оппонентами, неминуемо приведет к гибели мировую цивилизацию, облачившуюся в однотонный идеологический наряд. Поскольку их общий роковой порок состоит в полной творческой импотенции и неспособности к позитивному развитию. Кроме того, им всем присуща идеализация архаики от дикого коммунизма (правда, использующего паровые машины), до средневекового варварского социализма. Все они существуют согласно принципам социал-дарвинизма, обрекающего их на полную *неспособность самостоятельно позитивно развиваться и прогрессировать*. Тогда как эволюция настоятельно требует от нас не останавливаться и не замыкаться на традициях прошлого, но идти вперед в культурном, интеллектуальном и нравственном отношении, если мы намерены избежать гибели. Между тем, такой поворот событий, как решительная победа одной из идеологий над конкурентами, вполне вероятен. Ибо история насилия над коллективным сознанием миллионов пока-

зывает, что огромное большинство людей, так или иначе, приспособливается к любым высосанным из пальца «победоносным» идеям и к своему текущему подневольному состоянию, позволяя безропотно переносить тяготы повседневной жизни. Илоты Спарты, африканские рабы Нового света, русские крепостные, отказавшиеся поддержать Наполеона, китайские крестьяне, веками стонавшие под тяжестью государственной махины, женщины ислама — все они были перемолоты социализмом в ординаров, способных лишь роптать и только в крайних случаях явно демонстрировать свое недовольство. Человек — существо адаптивное, рано или поздно свыкается с кабалой не только телесной, но еще быстрее, с духовной и умственной, навязываемой пропагандой и авторитетами. (Многоопытный Аристотель прямо указывал на то, что «во многих отношениях природа людей рабская» (Мет. 982 b 29)). Традиции умственной неволи спасительны в частностях, но одновременно крайне опасны в целом. Они способны привести к гибели быстрой, спрессованной в одно–два столетия, либо медленной, растянувшейся на одно–два тысячелетия. Поэтому единственной приемлемой альтернативой всем без исключения идеологическим системам мира, страдающим ограниченностью и окаменелостью, подверженным тем или иным групповым предрассудкам и интеллектуальной незрелости, остается гуманистическое *мировоззрение*, свободное от невольных грехов (слабостей) социализма. Каким же образом гуманизм может решать основные проблемы *общечеловеческой* этики? Это сравнительно легко выяснить, проделав вот какой мысленный эксперимент. Представим себе общество, в котором по какой-то причине не возникли идеологические клише, подобные христианству и исламу, марксизму и фашизму. (Эволюция есть «вещь в себе», и несмотря на то, что гадание на ее замыслах, занятие неблагодарное, одно видно явственно: ее «одна, но пламенная страсть» — экспериментирование, как свидетельствует опыт земной органики). Предположим, что вместо них групповой инстинкт изобрел нечто менее агрессивное и догматическое, допускающее относительную свободу воли и мышления. Как это могло бы сказаться на ключевых проблемах этики?

1) Что касается критериев добра и зла, добродетели и пороков, то можно думать, что их множество сводится к одному, выражаемому «золотым правилом гуманизма». В его либо отрицательной: «не желай другому то, чего не желаешь себе», либо положительной редакции: «старайся делать другому то, чего желал бы себе». Это правило представляет собой универсальный принцип, пригодный для всех, признающих себя не ущемленными в правах со всеми остальными. Он настолько лаконичен, всеох-

ватен и емок, что делает излишними многословные и ужасно глубоко-мысленные спекуляции, касающиеся тонкостей толкования добра и зла. Они возникают лишь при одном непрременном условии — при неравноправных отношениях между индивидами. Источником большинства бедствий, преследующих человечество, было, есть и пребудет это, возносящее себя выше других, порождая все зло мира, все мыслимые и немыслимые пороки. Таков человек, рожденный инстинктами и воспитанный социал-дарвинизмом в школе первобытного коммунизма. Вместе с тем, именно это это помогло ему воздвигнуть стены социализма, ... намертво замуравив самого себя в выстроенной его же руками цитадели неравенства. Переделать психику невозможно — не позволяет генетика. Но можно сделать другое — предупредить и предотвратить рождение зла, провоцируемого неравенством прав. А это допустимо лишь при условии признания гуманизма высшей нравственной ценностью и добродетелью всеми без исключения. Но возможно ли это, принимая во внимание ту железную хватку, с которой идеологии держат за горло сознание миллионов? Если эволюции будет «угодно» — возможно. Во всяком случае, за это стоит бороться, не так ли?

2) О проблеме свободе воли и независимости человека философией было сказано неисчислимое множество дельных слов. К ним можно добавить лишь то соображение, что генетика дергает человека столь же необозримым множеством ниточек самых разнообразных инстинктов. Тем самым, она, вольно или невольно, дает нам шанс самим делать окончательный выбор, более всего отвечающий нашему *сознанию*. Иначе говоря, проблема свободы воли упирается в проблему выбора: ее нет, когда внешние обстоятельства или внутренние психические установки не оставляют выбора. Но в последнем случае человек не может отвечать за свои поступки. С другой стороны, имеющий возможность выбора полностью отвечает за свои поступки и за свою жизнь. В свободе выбора и есть концентрированное выражение свободы воли. Другое дело, что ни одна идеология не позволяет своим адептам выходить за узкие рамки своих догматов и традиций, лишая их, фактически, свободы, превращая их в своих сознательных, добровольных рабов. Поэтому огромное большинство человечества и сегодня пребывает узником не только своих инстинктов, но и массового коллективного сознания, зомбированного идеологиями. Таким образом, полное освобождение его из коммунистического и социалистического рабства достижимо лишь при обращении к свободному мировоззрению, свойственному гуманизму. А просвещение, открывающее глаза миллионам на истинную и общую природу всех без

исключения идеологий, остается важнейшей задачей теоретического гуманизма.

3) Счастье — какое это прекрасное, но трудно достижимое состояние для очень многих людей, удел которых составляет несчастье. Их проблемы в большинстве своем двойственной природы. Одну вызывают причины, которые условно можно отнести к внешним. Их чаще всего ощущает на себе страдалец, лишившийся близких людей или привычных жизненных благ, либо испытавший потрясение от предательства и разочарование от крушения жизненных планов. Предотвратить причины этого рода не в наших силах и единственное, что остается, бороться с тем, что исправимо, и верить, что горечь несправимого лечится временем. Вторая, внутренняя природа несчастья проистекает от тяжелых или неизлечимых болезней, а также от ощущения обреченности на одиночество в силу неустроенности, особенностей собственной физиологии, психики или иных причин. В этом случае ситуация целиком во многом в наших руках. Несчастье одиночества преодолимо. Дело захватывающее нас так, что погружаешься в него целиком — вот лучшая замена отсутствующим близким по духу или крови, друзьям и коллегам. Подчас именно дело, любезное нашему уму и сердцу, при этом не причиняющее зла окружающим, оказывается способным заполнить вакуум вокруг нас. Более того, оно способно быть самым верным нашим вторым эго. Ведь оно целиком в нашей власти и самовольно, без нашего собственного решения, никогда нас не покинет, не изменит и не солжет. Тогда как любимые, родственники и друзья — все они способны предать, если так повелит ими случай или выгода. Человек, увы, слаб. Поэтому счастьем, по-видимому, можно назвать искусство оставаться *личностью*, при всех привходящих обстоятельствах, испытывая чувство собственного достоинства, сохраняя при этом оптимизм и веру в себя в любых жизненных коллизиях. А самым большим несчастьем следует, вероятно, признать невосполнимую утрату чувства собственного достоинства и веры в себя.

4) Все мы разные, хотя во многом и сходны. У каждого из нас свои индивидуальные представления об основных ценностях, в зависимости от природных дарований, воспитания и жизненного опыта. Помимо этого в нашей душе ведут нескончаемый спор два начала — индивидуальное и коллективное. Наглядный тому пример — отношение к моде. В нем парадоксальным образом сочетается наше стремление, с одной стороны, отличаться от «толпы», лелея свою индивидуальность, с другой — не выбиваться из господствующего в данный момент тренда, подавляя свою индивидуальность. (Нам больше нравится казаться, чем быть: казаться срав-

нительно легко, быть часто тяжело). И это прекрасно, что мы так противоречивы. Поскольку предоставляя возможность *самореализации* каждому из нас, противоречия, тем самым, вносят свою посильную лепту в процесс умножения нравственных, интеллектуальных и материальных ценностей, порождаемых совместными усилиями. Однако поскольку способности и дарования людей различны не только по родам деятельности, но также и по степени их интенсивности, их возможности становятся реалиями лишь при условии предоставления равенства прав самовыражения всем, не нарушающим те же права других. Только в этом случае реализуемые представления о личных ценностях могут служить ко благу всех, а не только избранных. Отсюда следует, что признание равенства индивидуальных прав, не покушающихся на права других, составляет наивысшую ценность для сообщества в целом. Именно оно, это равенство, способствуя самореализации каждого человека, наполняет отношения между людьми взаимной радостью общения, облагораживающей душу.

5) Вопрос о смысле жизни — самый спорный, дробящий мировое общество не только на отдельных индивидов, но также на чуждые друг другу кланы, группы, сообщества. С одной стороны представление о нем не может не быть сугубо частным, зависящим от индивидуального темперамента, склонностей и мышления. У каждого из нас свои представления о смысле жизни, притом, что большинство едва ли дает себе труд задуматься над этой проблемой и чаще всего скользит по реке жизни, увлекаемый ее течением. Какие пожелания чаще всего высказывают друг другу, поздравляя с тем или иным важным для них событием? Они почти стандартны: счастья в личной жизни, здоровья, удачи и успехов в избранном деле. В этом смысле все много миллиардное человечество сравнительно однородно, еще и потому, что заведомое его большинства подразделяется на не более чем два–три десятка психотипов.

С другой — все мы становимся людьми только в процессе обучения всем аспектам культуры от языка до традиций и принципов общежития, принятых в окружающей нас среде. А это способствует разделению человечества по признаку жизненных приоритетов, формирующихся под влиянием, прежде всего, враждующих между собой идеологий. В связи с чем, возникает вопрос: возможно ли существование общих для всех людей нашей планеты смысла и цели, не противоречащих их частным смыслам и целям? Этот вопрос — ключевой, имея в виду современное состояние многополярности мира, угрожающее самому нашему существованию. Ибо сколько-нибудь длительно балансировать на острие ножа и одновременно удерживать в руках атомную бомбу, невозможно. Кто знает когда,

у кого и при каких обстоятельствах сдадут нервы, или искушение пустить ее в ход пересилит страх перед последствиями. В особенности, если о них не задумываться, или, более того, желать их (подобно Брейвику, разросшемуся до масштабов Маркса).

В пользу того, что смысл жизни может быть сходным и даже общим для всего рода человеческого, свидетельствует тот факт, что, несмотря на все культурные различия, базовые индивидуальные инстинкты выражены почти у всех у нас одинаково. Более того, умственные и физические кондиции у всех рас, у всех народов, во всех социумах варьируют в пределах статистических ошибок. А исходные культурные традиции, образующиеся в целях адаптации к соответствующим условиям обитания, свойственные тем или иным группам, легко перенимаются представителями других групп. Ибо мы все братья и сестры единой семьи Ното, разделившейся в процессе культурного филогенеза на два подвида *Homo sensualis* и *Homo sapiens* всего 2,5 тысяч лет назад. И начало этому выдающемуся событию положило осознанное и радикальное изменение группового поведения небольшой эллинской общины под влиянием сдвига соотношения между их индивидуальным и групповым инстинктом, включая психику и сознание — индивидуальное и коллективное. Сегодня примеру этой общины следуют уже миллионы людей, образуя пеструю общность цивилизаций, именуемой Западом, в противоположность традиционным цивилизациям, составляющим общность по имени Восток. Частные групповые интересы создают непрерывный фон внутренних (междоусобных) незатухающих противоречий, как на Западе, так и на Востоке. Но противоречия, достигающие уровня принципиально неразрешимых, антагонистических, способных поставить крест на будущем человеческого рода, омрачают отношения, прежде всего, между Востоком и Западом. Тем не менее, что и составляет величайший парадокс человеческого бытия, *между ними нет никаких (кроме одного) непреодолимых препятствий* для плодотворного взаимного сотрудничества ко всеобщему благу. Это единственное, но роковое препятствие — идеологические установки, веками зомбирующие коллективное сознание людей во всех уголках планеты. (Если и существует «бич божий», вознесенный над человечеством, то это идеологии). Что может преодолеть их амбиции? Не видно ничего иного, как *общее представление о смысле жизни и назначении человечества как единого целого*. Представление, способное воспринять каждый из нас. В связи с чем, мы возвращаемся к поставленному выше вопросу, но в иной редакции: возможно ли сформулировать подобное представление? Положи-

тельный ответ на него дан в виде сверхсильного антропного принципа (САП), о котором речь пойдет далее.

Таким образом, обсуждение роли принципа дополнительности в проблемах этики приводит к следующим выводам.

1) Этические принципы, развитые в рамках идеологических систем вызваны к жизни групповыми инстинктами, корпоративной психикой и коллективным сознанием, формируя совместными стараниями социальное поведение больших масс людей. Усиление эусоциальности происходит за счет и в ущерб интересам большинства, делегирующего особые права и полномочия элитам. Что и составляет имманентный порок морали и нравственности идеологических верований.

2) Тем не менее, в древности они (религиозные идеологии) сыграли, в целом, позитивную роль соучастников — творцов цивилизаций. Однако, пребывая инструментами эволюции (внутривидовой конкуренции), в наше время они потеряли созидательный потенциал. Более того, ныне вместе со светскими идеологиями Нового времени они превратились в свою противоположность — в противников и разрушителей единства человеческого рода. (Один только буддизм пребывает вне времени и пространства.)

3) Основная разница между религиозными и светскими идеологиями состоит в следующем. Христианство и ислам ориентированы на индивидуальные ценности. Они связаны с пониманием бога как личного всесильного защитника, заинтересованного опекуна и требовательного наставника, способного как награждать раем, так и карать адом. Марксизм и нацизм, напротив, исповедуют коллективные (классовые или национальные) ценности, нивелирующие частные интересы в надежде обрести в «светлом будущем» то, чего их адепты лишены в настоящем.

4) Все без исключения идеологии придерживаются правила: *цель оправдывает средства*. Поэтому с общечеловеческой точки зрения аморальны в той или иной степени все идеологии: от твердого абсолюта (нацизм) до степени умеренности (буддизм). И как раз наиболее преданные и последовательные приверженцы идеологий составляют то фанатичное и агрессивное меньшинство радикалов, которое создает наибольшие проблемы современному мировому сообществу.

5) Принцип дополнительности, реализующийся в мировоззрении гуманизма, уравнивает интересы элиты и масс за счет признания и строгого соблюдения равенства юридических прав тех и других. Таким образом, мораль гуманизма в самом общем виде формируют три положения:

а) «золотое правило гуманизма»,
б) максима Протагора: «человек — мера всех вещей»,
в) изречение Дельфийского храма: «соблюдай меру», интерпретировано Аристотелем как «золотая середина» при выборе, в том числе, нравственных ориентиров.

6) Равенство прав составляет то необходимое условие, исполнение которого гарантирует прогресс всех сфер и аспектов общественной жизни, создавая реальный фон для благополучия и нравственного здоровья всех людей нашей планеты.

7) Выход гуманизма на мировую сцену свидетельствует о том, что человек в массе своей нравственней и благородней, человечней и совестливей своих идеологических учителей.

Глава 5

Человек и принцип дополнительности

Обсуждая причину, приведшую к возникновению философии, Аристотель утверждал, что она начинается с удивления и желания избавиться от незнания. Или, иными словами, «к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» (Г. 1. Мет. 982 b 19–21). Центральным моментом здесь является признание Стагирита того, что именно осознание своего незнания побуждает человека размышлять, силясь каким-либо образом ликвидировать дефицит своих знаний. Но в суждении философа присутствует двойственность. С одной стороны оно справедливо, так как самые первые мифы, рожденные в человеческой среде, имели характер преимущественно этиологический (этиология: от греч. αἰτία — причина и λόγος — слово, учение). То есть они представляли собой попытки самым доходчивым и наглядным образом объяснять видимые явления, происходившие с людьми и в окружающем их мире. При этом самым распространенным (в силу простоты и наглядности) способом формирования первых знаний долгое время оставался метод аналогии, приписывающий всем одушевленным и неодушевленным предметам и объектам свойства и способности, присущие самому человеку (см. разд. 4.5.6). Вместе с тем, Аристотель не объективен: знания, остающиеся «вещью в себе», без какого-либо практического применения, уподобляются сундуку с несметными сокровищами, которые копит восточный владыка, чтобы любоваться ими, ощущая себя высоко возвышающимся над простыми смертными.

Чем, в таком случае, многомудрый философ отличается, к примеру, от персидского царя Дария или лидийского царя Креза, остается неясным, — мог бы заметить Дж. Дьюи. И далее задать вопрос: кому и зачем нужна философия, которая ничему не учит? Кому нужны знания, не приносящие никакой пользы? Как раз опыт современной эмпирической науки, питающей развитие передовых технологий позволил разительно улучшить качество, в первую очередь, материальной жизни. И по-своему был бы прав.

Ведь за последние 100–200 лет во всех экономически развитых государствах продолжительность жизни населения возросла с 30–40 до 70–80 лет. Что может быть лучшим свидетельством благотворности развития наук и технологий в фундаментально важных вопросах здравоохранения и производства продуктов потребления? Когда-то Диоген Синопский и Сократ своим примером пытались внушить согражданам, что в жизни можно обходиться без очень многих вещей. Выяснилось же, что за стремлением к роскоши и приобретательству кроется большой побочный эффект, стимулирующий интерес не только к теоретическим, но и к практическим знаниям, обладающим огромным позитивным потенциалом.

В свою очередь и Аристотель (чудесным образом оказавшийся в наше время) мог бы сослаться на космологию или теорию эволюции, которые не приносят и не могут приносить никакой пользы, поскольку первая ничего не дает тем, кто на земле, а вторая непредсказуема. Тем не менее, нас продолжает волновать и первая и вторая. К тому же, все материальное имеет свои пределы. Средняя продолжительность жизни повсюду приближается к естественному биологическому барьеру. Голод перестал терзать заведомое большинство людей, поэтому массе производимых в мире продуктов потребления нет нужды возрастать неограниченно. Бытовой комфорт, которым сегодня пользуется рядовой гражданин Запада, не снился самым влиятельным владыкам не то, что древности, но даже Средневековья. При всем том невероятно расширились горизонты общения и обмена информацией с кем угодно, на любых расстояниях и с любой скоростью. Передвижение по всему земному шару стало доступным любому человеку, а границы сферы интересов и возможностей реализации своих дарований перестали быть видимыми для миллионов. В каких же еще знаниях нуждаемся мы? Что движет большинством ученых? Користь? Никоим образом. Как правило, их образ жизни отличается скорее аскетизмом, нежели роскошью. Тщеславие? Опять неверно. Честолюбие — да, несомненно им присуще, как, впрочем, любому заинтересованному специалисту в своем деле. Но, опять-таки, честолюбие умеренное и в среде своих коллег, способных оценить взаимные достоинства и достижения. Во всяком случае, никто из них не претендует на славу поп-звезды или Ким Кардашьян, — подытожил бы Аристотель.

Есть еще один момент, провоцирующий вопрос о смысле и назначении знаний. Что бы там не утверждали материалисты о возможности постижения всех законов природы, она, в действительности, отсутствует. Кант был бесспорно прав, утверждая, что «на долю человеческого разума ... выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не

может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума». Но поскольку он относил в этот разряд проблемы «бога, свободы и бессмертия»²⁴⁸, то оказалось, что философ ошибался относительно адресата непостижимого. Время в лице науки дало ответы, касающиеся указанной им триады: бог — творение человеческого воображения, свобода — понятие относительное, бессмертие абсолютно для природы в целом и относительно для ее частей. Однако то же время предложило разуму как минимум четыре другие проблемы, неразрешимые уже принципиально.

Две из них имеют отношение к сфере идеального: к понятию пространства и времени. К их толкованию привлечены мириады слов, в их «честь» исписаны горы бумаг, но никто еще не *доказал*, что его частное мнение в данном вопросе неоспоримо. Потому что никто еще не предъявил (и едва ли когда-нибудь предъявит) подтверждений своих *слов*, основанных на экспериментах, исключающих *привлечение материальных объектов*. Не существует прямых физических опытов, способных свести все субъективные толкования пространства-времени к строго определенному, единому представлению, расставив точки над всеми «i», касающимися их природы и сути. Все измерительные средства, включая часы и состояние братьев-близнецов, мерную линейку и фотон, испущенный далекой звездой или квазаром, используемые якобы для оценки «поведения» пространства-времени, на самом деле испытывают те или иные превращения только во взаимодействии с *материальными же* объектами. С теми, кто придает им энергию и ускорение или, напротив, гасит их потенциал или тормозит их движение, искривляет или выправляет их путь. Отмеряя секунды или века, миллиметры или парсеки, мы льстим себе, убежденные в том, что оценивая протяженность таких-то объектов, скорость их перемещения, или длительность некоего события, постигаем смысл природы пространства и времени. В этой плоскости рассуждений наши представления о них действительно относительны.

Тем не менее, И. Ньютон был несомненно прав, приписывая им характер абсолюта в том смысле, что они существуют сами по себе, независимо того, как мы пытаемся распорядиться ими и, более того, независимо от того пребывают ли вообще материальные тела в данном объеме пространства в данный момент времени или нет. Тем более, что в каждом без исключения материальном теле, видимом нашему глазу, сама по себе

²⁴⁸ И. Кант. Критика чистого разума. С. 35. М., 1994.

материя занимает ничтожную часть пространства. Так как каждый атом, из которого состоят массивные тела, представляет собой далекий аналог солнечной системы, в которой 99,99 % объема занимает «пустота». Пространство пронизывает и заполняет собой даже самые, на первый взгляд, непроницаемые объекты, скользящие в нем подобно тем металлическим клеткам, которые используют аквалангисты для предохранения от нападения акул. Нет ничего материального, что не состояло бы заведомо большей частью из пространства.

Две другие неразрешимые проблемы имеют отношение к миру материи. Выше приводились свидетельства того, что понятие «жизнь» следует распространять на все материальные объекты от частиц и полей до массивных космических объектов. И универсально общим, объединяющим их свойством или атрибутом, является *желание* Природы БЫТЬ вечно (разд. 4.4.2). Без этого могущественного перводвигателя немислима ни одна форма жизни, ни одно ее проявление в том или ином виде того или иного масштаба от микроскопического до макроскопического. Вопрос первый, повисающий в воздухе без надежды получить внятное объяснение: откуда, из чего проистекает это желание? Оно не имеет никакого отношения к традиционным понятиям, нарекаемым именем «бог», вне зависимости от того, какой смысл вкладывали в него Платон или Аристотель, Кант или Гегель. Так как оно не сосредоточено ни в одном выделенном объекте, который можно было бы отождествить с некоей вне- или над-природной сущностью. Вместе с тем, оно есть *чувство*, так или иначе, в той или иной мере испытываемое всеми без исключения материальными объектами необозримой Вселенной, от атомов и звезд до травинки и жирафа. Оно разлито, рассредоточено по всему бесконечному пространству нашего мира. И жизнь в традиционном понимании есть только там и тогда, где и когда данный материальный объект руководствуется специфическими алгоритмами «поведения», реализующими это желание.

Второй вопрос подобный первому: что делает природу разумной? Ведь для того, чтобы материальные тела могли закономерно взаимодействовать друг с другом, они должны: а) знать алгоритмы («устав») своего поведения в тех или иных ситуациях; б) владеть множеством «языков» общения для обмена информацией (ее передачи и приема) с другими объектами; в) уметь оперативно реагировать на получаемую информацию. Откуда берется этот гигантский свод фундаментальных законов, охватывающий принципы бытия всех уровней сложности организации материи, знание и исполнение которых только и позволяет природе существовать вечно? Как этот разум функционирует в самых разнообразных материаль-

ных объектах, от элементарных частиц, не обладающих четкой пространственной структурой, до звезд и галактик? Его эффективность и зависит и не зависит от численности его «носителей». Масса Солнца во много миллиардов раз превосходит массу нашего мозга, что не делает его «умнее» нас. Вместе с тем, поведение, например, общественных насекомых становится осмысленным в зависимости от количества особей, объединенных родственными связями. «Нас беспокоит все тот же вечный вопрос: как могут крошечные букашки, не имея плана, возводить свои огромные постройки — эти пирамиды и соборы Св. Петра термитов? Следует ли считать, что план существует у них в мозгу, или нужно постараться придумать взамен этого плана нечто, заменяющее нам объяснение, вроде «духа улья» или «духа термитника»? Но прежде всего такой план не может вместить маленький мозг отдельного насекомого. Ведь если для нас что-либо действительно достоверное, так это именно тупость пчелы, муравья или термита, изолированных от коллектива... И общества насекомых разрешили эту задачу — переплели в одно целое все крошечные индивидуальные мозги... Так создалась основа для (их) головокружительного взлета: возникло земледелие, скотоводство, сбор и запасание продовольствия, возникли войны и рабство» — утверждает Шовен²⁴⁹.

Но его вывод свидетельствует о том, что разум проявляется различным образом в зависимости от объекта. Перед неорганическими объектами не стоит проблема выбора, они функционируют в режиме двоичного кода (реле): да-нет, единица-ноль. Мир органики связан с выбором. Всем существам, которых традиция относит к разряду живых, постоянно приходится делать его в целях поддержания своего существования. Поэтому их разум обязан вести себя много более сложным образом. Для чего и возникла нервная система, а вслед за ней мозг, который развивался и совершенствовался в течение сотен миллионов лет с тем, чтобы, в конце концов, *научиться рефлексировать*. Разум, изначально более или менее однородно рассеянный в природе, со временем концентрировался в отдельных объектах, чтобы в итоге найти свое завершение (удачное или не очень) в мозге человека. Тем самым было положено начало самопознанию Природы посредством *рационально мыслящего* разума *Homo sapiens*.

Когда Кант признавался, что две вещи наполняют его душу все новым удивлением и нарастающим благоговением: звездное небо над его головой и нравственный закон в нем, он был прав в том отношении, что закон этот действительно заложен в нас. Однако он ошибался, приписы-

²⁴⁹ Шовен Р. От пчелы до гориллы. С. 21 и 160. М., 1965.

вая авторство этого закона некоему мистическому богу²⁵⁰. Не бог, а молекула ДНК заботится об упорядочении отношений между людьми, обладающими рассудком и чувствами, делающими сносным их существование в больших коллективах. Это она порождает не только нравственный закон, но все наши представления, в том числе религиозные и светские идеологии. Но почему за их активность человечество расплачивалось миллионами жертв и реками крови? Почему они продолжают угрожать нам сегодня? Потому что все идеи от простейших мифов до сложных идеологических систем представляют собой, увы, необходимые и естественные ступени восхождения от (относительно) жестко заданных инстинктов к свободному логико-критическому мышлению. Ибо оно необходимо для познания человеком своего места и назначения в этом мире. Природа преподносит нам жестокий, но необходимый урок: она учит нас не заблуждаться насчет мстительных богов и тщеславных мессий, и быть добрее по отношению к себе подобным. Идеологии — творения переходной эпохи от животной эволюции естественного отбора к осмысленной эволюции культурного отбора. Одни их кумиры, будучи плодами нашего воображения, морочат нас видимостью счастья на «том свете». Другие, порождаемые трудностями и перипетиями социального развития, мифифицируют нас видимостью правды и дурачат несбыточной надеждой на предлагаемые ими простые решения для достижения счастья на этом свете. Истина же состоит в том, что только мы сами, признав право и достоинство каждого из нас, способны очеловечить наш мир, привнести в него благо и то ощущение полноты и счастья, которого нам так остро не доставало до сих пор. Но откуда берется тот «моральный закон», который правит Вселенной и всей громадой пирамиды ее элементов — вопрос, на который едва ли когда-нибудь будет получен внятный и неоспоримый ответ. Вероятно, наиболее правдоподобная из сонма гипотез состоит в предположении, что он являет собой еще одно идеальное, с необходимостью

²⁵⁰ Странно, что приписывающие «творение мира» богу не задаются вопросом: кто создал самого бога? Если им был бог высшей категории, то пирамида ранжируемых божеств должна уходить в бесконечность. Что абсурдно. Если же признается, что бог вечен и может существовать вне времени и пространства, то почему в таком случае нельзя думать, что свойство пребывать вечно может быть присуще природе? Никаких препятствий для этого не видно. Гегель утверждал, что материю порождает Абсолютный дух (бог), но не пояснил, для чего это было нужно всевышнему. От безделья, то есть с целью развлечься, или из желания, чтобы смертные люди поклонялись ему? Но тогда зачем ему пришлось ждать 13 миллиардов лет? Коротко говоря, бог был изобретен нашим воображением, якобы для облегчения мук рассудка. На деле оказалось, что оно еще больше запутало дело, правда, лишь для думающих.

присутствующее в любом материальном объекте, подобно тому, как ему присущи масса и энергия, форма и структура, способность двигаться и изменяться.

Если существуют вещи, одни — недоступные прочтению нашего разума, другие — не обещающие никакой практической пользы от расширения и углубления знаний, то почему нас по-прежнему беспокоят вопросы устройства мироздания? Романтик сказал бы: мудрость не бывает излишней: наша страсть к познанию превышает практическую ценность знаний. И при этом мог бы сослаться на астрономию, страсть к которой погубила Улугбека — правителя Самарканда, внука Тамерлана Кривавого. Прагматик возразил бы: к чему напрасно терять время и силы, например, потраченные на повышение вероятности краткосрочного прогноза землетрясений, если очевидно, что стопроцентная гарантия достоверности исключена в принципе. А предсказывать с меньшей вероятностью нет смысла и даже рискованно. Недавно невежественные итальянские судьи отправили за решетку семь сейсмологов за не оправдавшийся прогноз катастрофы в Аквиле в 2009 году.

Можно ли примирить столь взаимно противоречивые мнения? По-видимому, можно, если согласиться с тем, что единство и внутренняя целостность этого мира все же признается — большинством интуитивно, некоторыми осознанно. Все связано в нем нерасторжимыми узами: Вселенная, человек и элементарная частица. Все в нем взаимозависимо и гармонично: свойства каждого определяют состояние всех. Поэтому в природе нет ничего бессмысленного и случайного: «слепой» случай дополнителен «зрячей» закономерности, составляя необходимое звено существования совокупности всего сущего. Оттого-то и наше неограниченное стремление к познанию есть не блажь собирателя соковищ, но оттачивание, доведение до совершенства инструмента, способного произвести *перезагрузку матрицы мироздания*.

Эта перезагрузка необходима по той естественной причине, что жизнь материи нашей Малой Вселенной как *единого организма* в самом общем виде реализуется в виде всех родов движения ее составных частей и в соответствии с принципом онтогенеза. Он включает в себя, как начальные ступени рождения и развития, так и завершающие стадии угасания и кончины. Все в нашем космосе взаимосвязано, взаимозависимо и осмысленно вплоть до случая, как необходимого дополнения закономерному. Всюду и во всем можно увидеть расхождение и схождение, деление и соединение, размежевание и слияние по принципам дихотомии и дополтельности. Величественное, необъятное небо и ничтожная амeba —

они равны и не существуют друг без друга, несмотря на то, что сроки их жизни заметно различаются. Жизнь этого Организма *циклична*, ибо качество энергии, поддерживающей различные виды движения, со временем ухудшается — стареет в процессе *инволюции*. Это вырождение, однако, сменяется возрождением посредством механизма *эволюции*. Он определяет сценарий существования и временного развертывания элементов и частей Малой Вселенной вплоть до появления разума, способного, как *осознать* цель Природы (Большой Вселенной), так и *способствовать* ее достижению. Цель же эта, как говорилось, обозначена как ее стремление БЫТЬ ВСЕГДА. И, коль скоро, мы обсуждаем эту проблему, нам ничего иного не остается, как признать, что мы и есть тот искомый разум, которому суждено вливать в дряхлеющие миры Малых Вселенных «свежую кровь».

Идея признания человека демиургом нашей Малой Вселенной изложена в работах²⁵¹ в виде сверхсильного антропного принципа (САП). Во избежание двусмысленностей, касающихся толкования дефиниции «демиург» (δημιουργός) подчеркнем: человека в данном контексте никоим образом не следует отождествлять с тем, что у верующего ассоциируется с богом, как создателем мира из НИЧЕГО. Идея творения всего из ничего впервые была озвучена Платоном в «Тимее» и повторена «добрым христианином» Аврелием Августином, приписавшим сей акт инициативе ветхозаветного Яхве. Между тем, как тот задолго до сотворения им земли и неба «носился над водой» (Бытие. Глава 1.2). Стало быть, если следовать логике, вода, а также пространство, в котором она пребывала, существовали до сотворения времени и мира — уже в нарушение логики. С позиций излагаемой концепции демиург есть мастер, строитель, созидатель, творящий новые формы и объекты материального мира из «вечной глины» элементарных частиц. А в рамках идеи САП человек осуществляет роль «повивальной бабки», способствующей ключевому моменту любого онтогенеза, в том числе космического — рождению новой Малой Вселенной из материи старой Малой Вселенной, растерявшей с возрастом свою жизненную энергию. ***И как раз она, эта идея может явиться той объединяющей человечество общей целью, выше и благороднее которой ничего быть не может.*** Однако мысль о том, что человек (человечество) в состоянии каким-либо образом влиять на бытие видимой (Малой)

²⁵¹ Гивишвили Г.В. Есть ли у естествознания альтернатива Богу? Вопросы философии. № 2. С. 37–47. 1995; Гивишвили Г.В. О «сверхсильном антропном принципе» Вопросы философии. № 2. С. 43–53. 2000; Гивишвили Г. В. Философия гуманизма. С. 412–424. М., 2009.

Вселенной, несомненно, покажется фантастической, не заслуживающей внимания и обсуждения. Тем не менее, доводы в ее пользу, высказанные нами ранее, можно дополнить нижеследующими.

В свое время Паскаль, еще не опьяненный Ветхим Заветом, интуитивно предчувствуя сегодняшнюю ситуацию, откликнулся на нее, заметив, что «человек — самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее... Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще выше и благороднее своего убийцы, потому что он сознает свою смерть, вселенная же не ведает своего превосходства над человеком. Таким образом — все наше достоинство заключается в мысли... Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности»²⁵². Скептик, однако, непременно возразит ему, но еще более нам, заметив, что ничтожной былинке смешно уравнивать себя с Вселенной. Тем не менее, попытаемся довериться нашему воображению. Если оно с легкостью порождает химеры бога и сатаны, ангелов и бесов, соглашается с идеей вещественности пространства и времени, верит в сингулярность и в инфляционную фазу раздувания Вселенной, то что мешает ему признать способность человеческого разума быть не только ведомым, но и ведущим? Не только брать у Природы, но и давать ей, быть с ней на равных по меньшей мере в том, что необходимо для осуществления миссии демиурга, осуществляющего *сейсахтейю* (греч. σεΐσαχθεια — букв. стряхивание бремени) «уставшей, выработавшей свой ресурс» материи Вселенной? Несоизмеримость масштабов! — услышим в ответ. Что, в свою очередь, можно парировать следующим образом.

Всего за какие-нибудь три–четыре сотни лет мы научились не только теоретизировать, но и изобретать технологии, вторгающиеся в околоземное космическое пространство и осваивающие планеты Солнечной системы. Кто совсем недавно, в темные века Средневековья рискнул бы помыслить, что мы в состоянии увидеть, что происходит вокруг нас на невообразимо гигантских расстояниях в 10–12 миллиардов световых лет и познать, что происходило с органической жизнью на Земле десятки и сотни миллионов лет назад? Кому ведомы пределы наших способностей? Кто знает, какого уровня развития могут достигнуть творения нашего ума и рук наших через тысячи, миллионы лет... , если разум уберет нас и одарит этими миллионами? Поэтому вопрос вопросов, имеющий действительно фундаментальное значение, состоит в следующем: способны ли мы преодолеть существующие идеологические разногласия? Хватит ли у нас

²⁵² Б. Паскаль. Мысли о религии. С. 20. М., 2001.

решимости подняться над мелочными дрызгами, с тем, чтобы осознать ответственность и исполнить свой долг перед нашими потомками, нашей земной колыбелью и общей прародительницей — нашей Малой Вселенной? А величайшее испытание для мирового сообщества как раз и состоит в отношении к этому ключевому вопросу: готовы ли мы к глобальному сотрудничеству? Но каковы могут быть последствия, если окажется, что мы слишком глупы, чтобы преодолеть предрассудки и придти к взаимному согласию? Слабым утешением может быть разве лишь то соображение, что непременно найдутся вменяемые представители разума иных планет и звездных систем. Таких потенциальных демиургов в нашей Вселенной по определению должно быть великое множество. (Отсюда ясно, что понятие «человек» в контексте нашей концепции толкуется как всякое разумное, рефлексизирующее создание). Времени у них более, чем достаточно.

Глава 6

Онтология бытия и диалектика познания

Резюмируя вышеизложенное и никоим образом не претендуя на познание истины в последней инстанции, следует, по-видимому, повторить вслед за Платоном, что «мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего»²⁵³. В самом деле, коль скоро есть нечто умонепостигаемое принципиально (например, результаты астрономических наблюдений представляют собой лишь более или менее приемлемые интерпретации, но не строгие факты), то и выводы, включающие в себя это нечто, не могут приниматься как неоспоримые доказательства. Итак, что же главное (с учетом этой ремарки) следует выделить из рассмотрения принципа дополнительности применительно к явлениям природы и человеческого общества. По-видимому, им можно счесть следующее.

1. Принципу дополнительности подчиняются все без исключения компоненты Природы²⁵⁴, включая бесконечное время, необъятное пространство и бесчисленное множество материальных объектов, являя собой прямую противоположность их дихотомическому делению. Первый шаг деления начинается с расщепления всего сущего на идеальное и материальное. К одному из них относится простое, неразумное, неизменное, бесформенное, не обладающее никакими свойствами. К другому — сложное, разум-

²⁵³ Платон. Тимей.

²⁵⁴ Здесь и далее дефиниция «природа» имеет тройственное значение. Под Природой понимается все, что включает в себя Большую и Малую Вселенные, понятие «природа» относится к сфере только Малых Вселенных. Наконец, третий смысл дефиниции предполагает истолкование имманентной сущности чего-нибудь: явления или объекта.

ное, эволюционирующее, обладающее бесчисленным множеством форм, наделенных огромным разнообразием свойств. Следующий шаг связан с разделением Природы на одну Большую Вселенную Парменида и неисчислимо множество Малых Вселенных Гераклита. Бытие Большой Вселенной абсолютно, ибо для него не существует пространства и времени в смысле некоего такого, что имеет пределы и ограничения, стало быть, оно не подвержено изменениям никакого рода. Бытие Малых Вселенных относительно, так как они претерпевают движения и изменения, рождаются и гибнут. Ограниченность нашего понимания касается, прежде всего, Большой Вселенной, в пользу реальности существования которой свидетельствует геометрия Евклида и несотворимость, равно как и неуничтожимость времени. Вместе с тем, вопреки бессильному брюзжанию высококолых скептиков (чаще всего — дилетантов в вопросах естествознания), природа, по меньшей мере, нашей Малой Вселенной во многом (хотя и ограничено) познаваема. Телескоп Хаббла и адронный коллайдер, с одной стороны, генетика и биология — с другой, палеонтология и археология — с третьей раскрывают ее тайны, делая их доступными нашему пониманию.

2. Гегель совершил роковую ошибку, приписав Природе способ бытия, свойственный специфике мышления человека. Все три закона диалектики, выведенные им из нашей мыслительной практики, имеют мало общего с реальными алгоритмами бытия не только Большой, но и Малых Вселенных. Они ограничены теми или иными границами применимости в пределах тех или иных природных объектов, в силу чего не могут претендовать на всеобщую универсальность и значимость. Природа (за вычетом человека) не рефлексивна. Она действует, притом разумно, но лишь в узких рамках некоторого числа законов, определенных для каждой группы объектов. Это позволяет им воспринимать получаемую информацию извне, обрабатывать ее и должным образом реагировать, выдавая уже свою информацию вовне. Этот обмен нематериальной информацией между материальными объектами и предсказуемыми реакциями на них и составляет видимую сущность жизни на физико-химическом (базовом) уровне. В ней нет места выбору и конкуренции, или колебаниям, сомнениям и «Буридановым ослам». Притом, чем ниже уровень сложности организации материи, чем жестче требования к неукоснительному исполнению «предписаний», которые они обязаны исполнять. И только органика начинает исподволь позволять себе небольшие отступления от законов, превращая их, таким образом, в правила, допускающие исключения.

Коротко говоря, в природе, отгороженной от человека, нет места ни противоречиям, ни борьбе противоположностей, ни отрицанию отрицания. Все эти состояния и движения, ярко окрашенные эмоциями, присущи лишь нашему миру страстей, приправленных рассудком. Тем более, что разум объектов природы, не тождествен разуму человека. Посему-то приращение диалектике законодательной силы, которое позволил себе Гегель, было оправдано лишь кажущимся сходством мыслительных процессов постижения бытия Природы человеком с ее действительным бытием. Поддавшись магии принципа аналогии, он принял видимость за реальность, совершив, следует признать, на высочайшем уровне мышления, ту же ошибку, что и наш далекий пращур, воображивший существование мистических духов и души, богов и чертей.

3. Есть веские основания утверждать, что употребление в философской практике термина «метафизика» вообще и, тем более, в качестве метода познания, противоположного диалектике, ошибочно. Причин к тому три. Во-первых, он введен в философский лексикон совершенно произвольно, искусственно и бессодержательно. Что предметно или конкретно означает «то, что после физики» (τὰ μετὰ τὰ φυσικά)? Ровным счетом ничего! Сам Аристотель не употреблял даже термин «первая философия», как иногда определяют тот раздел его всеохватной концепции, который сам он называл просто философией, или мудростью, исследующей «первые начала и причины» (Мет. 981 b). Во-вторых, Фома Аквинский и схоласты стали рассматривать метафизику как синоним самой философии — учения о началах всего сущего, недоступного чувственному опыту. Затем благодаря деятелям эпохи Просвещения с нею начали связывать способ понимания всевозможных «глубоких истин», включая понимания, достигнутые предшествующими веками. Однако далее, с подачи того же Гегеля, подхваченной плоскими материалистами, метафизика превратилась в символ косности и догматизма мышления в, якобы, противоположность диалектическому способу познания мира. Гегель был прав лишь в отношении диалектики и только в данном контексте. Поскольку нельзя не согласиться с ним в том, что «диалектика есть... движущая сила всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, в котором вообще заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным... Диалектическое есть также душа всякого истинно научного познания»²⁵⁵.

²⁵⁵ Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. С. 206. 1975.

Вместе с тем, Гегель крупно ошибался, утверждая будто диалектическое «является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в сфере действительности»²⁵⁶. Исходным моментом, приводящим его к этому ложному заключению, является его безоговорочное доверие анимизму. Религиозный человек, каковым являлся философ, не может не верить в бога — символа разделения мира на материальное и идеальное и абсолютного верховенства второго над первым. (Их неравенство есть центральный, основополагающий пункт всякого религиозного мышления). Второй момент, укрепивший его веру в собственное суждение — двумерная («плоская») логика Аристотеля.

4. Гегель признается в том, что «логика Аристотеля остается до нашего времени основой логики», но ставит ей на вид, что она осталась формальной, изучение которой приносит известную пользу, изощряя ум. Попутно он не может удержаться, чтобы не кольнуть своего предшественника замечанием о том, что «можно, правда, блеснуть широтой воззрений и сказать: логику следует изучать не ради пользы, а ради ее самой, ибо то, что превосходно, следует искать не только ради голой пользы. Это, с одной стороны, совершенно правильно, но, с другой стороны, превосходное есть также и наиболее полезное... Так например, религия имеет свою абсолютную ценность в себе самой, но вместе с тем она является опорой также и для других целей»²⁵⁷. Какие же прагматические цели должна преследовать логика с точки зрения Гегеля? «Потребность понимать логику в более глубоком смысле, чем в смысле науки о чисто формальном мышлении, вызвана интересами религии, государства, права и нравственности. Раньше мыслили свободно и непринужденно, не подозревая в том ничего дурного... Так, например, греческие философы враждовали с древней религией и уничтожали ее представления. За это ниспровержение религии и государства, существенно связанных друг с другом, философы подвергались изгнанию и умерщвлялись... Это заставило обратить внимание на власть мышления; началось более тщательное рассмотрение его притязаний и, по мнению производивших это исследование, оказалось, что оно берет на себя непосильную задачу и не может выполнить предпринятого им дела. Вместо того, чтобы познать сущность бога, природы и духа, вместо

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же. С 116.

того, чтобы вообще познать истину, оно ниспровергло государство и религию»²⁵⁸.

Прервемся читатель! Вам это ничего не навевает? Ничто не напомнит, если, например, поменять местами слова «религия» и «учение Маркса»? Вот, оказывается, кто был непосредственным учителем гуру пролетариата, преподавшим ему урок того, как следует диалектически (если точнее — иезуитски) правильно обращаться с логикой и истиной! На какие только сделки с совестью не пойдешь ради пользы для идеи, служению которой посвятил себя. Маркс хорошо усвоил урок своего методического наставника в том, что ради «интересов дела» можно жертвовать не только правдой и совестью, но и свободой, как понимали ее истинные философы от Фалеса, Зенона и Анаксагора до Гераклита, Демокрита и Аристотеля. Так стоит ли удивляться негодованию Ницше на немецкую философию за ее пресмыкательство перед церковью. (Своими безуспешными попытками использовать ее в качестве служанки «полезных» идеологий Гегель и Маркс доказали, что она не поддается дрессировке и хранит честь и достоинство свободной мысли вопреки всем усилиям надеть на нее узду: философия и идеология любого сорта — вещи несовместимые). И, наконец, третья причина, уже полностью свободная от субъективизма и отчасти оправдывающая Гегеля и, тем более, Аристотеля. Ни тот, ни другой не догадывались о том, что природа слишком сложна, чтобы уместиться в тесных рамках логики человеческого мышления. Они не могли предвидеть открытие принципа неопределенности, совершенное квантовой механикой, и его дальнейшее углубленное осмысление Бором. Поэтому было бы оправдано и логично оставить за диалектикой прерогативу метода познания, не более того, имея в виду, что словосочетание «диалектика природы» не имеет никакого реального содержания. (Его использование Энгельсом в виде названия своего известного опуса можно признать интеллектуальным рэккетом). Вместе с тем, полагая, что философия рассматривает проблемы мироздания гораздо шире, нежели естествознание, тот ее раздел, который сосредоточен на исследовании первооснов Природы, был бы резон определить как *онтологию*, что более соответствует как первоначальному замыслу Стагирита, так и самой сути их познания.

5. Человек явил собой вершину органической эволюции, одновременно дав старт эволюции культурной, возможно первой по времени рождения в пределах нашей Галактики. Суждено ли нам продолжить и раз-

²⁵⁸ Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. С. 111. 1975.

вить те достижения, которыми может гордиться разум, зависит от двух вещей. Во-первых, от того, насколько глубоко осознает наш общий разум нелепость и, главное, опасность всех без исключения тоталитарных идеологий. Во-вторых, от того, хватит ли у нас мужества, стойкости и сил противостоять им.

6. Ниже в самом схематичном виде представлены наиболее существенные особенности онтологии природы и диалектики познания, иллюстрирующие их сходства и различия. Среди черт, относящихся к онтологии, отметим ключевые.

А) — под Природой в самом широком смысле, вероятно, оправданно понимать Большую Вселенную Парменида, не имеющую пределов ни в пространственно-временном, ни в вещественно-полевом континуумах. Ограничена она лишь множеством алгоритмов, которым подчинено существование всей ее материальной субстанции. У нее нет «своды воли», нет выбора. Она обязана либо быть такой, какова она есть, либо не быть вовсе со всеми наличествующими атрибутами.

Б) — все наличествующее в ней есть следствие ее дихотомического деления на пары: идеальное и материальное, пространство и время, вещественное и материальное, постоянное и переменное, закономерное и случайное, порядок и хаос, имеющее форму и бесформенное и т. д. Вместе с тем, пространство и время представляют собой нечто реально идеальное, позволяющее материальному проявляться в динамике и развитии. Попытки наделить их механическими свойствами равноценны усилиям механицистов-анимистов выдавать роботов-автоматов за живые химеры.

В) — первое проявление дихотомии состоит в ее разделении самой себя — единой и неделимой, бездвижной и неизменной на бесчисленное множество Малых Вселенных Гераклита, и далее — подмножеств (галактик, туманностей, звездных систем), подверженных рождению и гибели по законам филогенеза и онтогенеза. Неизменная Природа существует лишь поскольку, поскольку ее составляют постоянно эволюционирующие Универсумы. Таким образом, вечное бытие Природы обеспечивается непрерывным движением Универсумов в пределах отпущенных каждому из них сроков, различающихся малыми отклонениями (флуктуациями) алгоритмов их существования от «стандартных».

Г) — взаимодействие между идеальным и материальным происходит благодаря: а) универсальным алгоритмам существования материальных объектов; б) специфической информации, которой последние обменива-

ются между собой; в) энергии созидания и энтропии разрушения, присутствующих только материальным объектам.

Д) — конвергенция есть дополнение к дивергенции, создающее возможность существовать как Природе в целом, так и всей пирамиде существностей, ее составляющих.

Е) — общепринятое определение «жизнь» неоправданно заужено, так как все материальное существует только в форме бытия объектов, объединяемых на определенное время теми или иными алгоритмами в те или иные конгломераты от элементарных частиц до звездных систем с промежуточным состоянием в форме планетарной органики. Небытие есть временная и преходящая фаза распада устойчивых объектов с их последующей трансформацией из одних форм бытия в другие.

Ж) — жизнь всех материальных от микро- до макрообъектов подвержена эволюции: онтогенезу и филогенезу. Теория Большого Взрыва, описывающая эволюцию нашей Малой Вселенной, слишком далека от того, чтобы считаться удовлетворительной. Синтетическая теория эволюции земной органики, исходящая из анимистических представлений, также требует пересмотра во многих отношениях. Но нельзя, по-видимому, не признать, что решающим фактором, определяющим судьбу от особей до видов, является поведение. (В частности, животные отделились от растений вследствие разницы в выборе механизма восполнения энергии: активного у животных, пассивного у растений). Эволюция человеческих социумов определяется многими факторами, включая поведение. Но ее, вероятно, в самом грубом виде можно представить в виде восхождения от доцивилизованного состояния коммунизма, через цивилизации социалистического типа к единой мировой цивилизации гуманизма. Эволюция вида *Homo* прослеживается от уровня человека-сфинкса с на 3/4 животным обликом (*Homo sensualis* или взрослый ребенок) к человеку-кентавру (*Homo fidelis* или взрослый отрок) и от него к *Homo sapiens* (или зрелый муж). *Homo sensualis* руководствуется, главным образом, эмоциями, *Homo fidelis* — эмоциями и воображением, *Homo sapiens* — эмоциями, воображением и разумом равным образом. При этом у вида *Homo* в целом происходит усиление, как персонализации, так и социализации отдельных индивидов и человеческого сообщества в целом. Прежде совершенно безликий *Homo sensualis* в процессе эволюции обретает все больше личностных черт, с одной стороны, с другой — все сильнее включается в дела своих социумов, становясь общественно значимой персоной. Так происходит становление *Homo sapiens*.

Онтология (Бытие)

I. Дивергенция (дихотомия):

1. $N = \Sigma U$ (бесконечное множество подмножеств);

2. $N = M+I$ (статична): $M (m+p+E+S)$ = неисчислимы и постоянны;

$I (R+T+A+B) = R$ — безгранично, абсолютно, T — бесконечно, абсолютно, A — исчислимы, универсальны;

3. $U = M+I$ (динамичны): $M (m+p+E+S)$ = исчислимы, относительно, эволюционируют:

филогенез + онтогенез; E = количество \leftrightarrow качество; S = возрастание \leftrightarrow убывание;

$I (r+t+A+B) = r$ — ограничено, относительно, t — конечно, относительно,

A — неизменны, B = количество + качество;

4. C = коммуникация, связь между M и I происходит при посредстве A, B и E, S .

5. D = динамичные процессы, происходящие в Малых Вселенных:

5.1 — Физико-химические явления;

5.2 — Органические процессы;

5.3 — Социальные отношения;

5.4 — Интеллектуальное творчество.

II. Конвергенция (дополнительность):

Глава 4 данного исследования.

III. Пояснения:

N — Природа (Большая Вселенная),

U — Универсумы (Малые Вселенные),

M — материальное: m — вещественное,

p — полевое,

E, e — энергия,

S, s — энтропия,

I — идеальное: R, r — пространство (абсолютное и относительное),

T, t — время (абсолютное и относительное),

A — алгоритмы: законы, принципы, фундаментальные постоянные,

B — различные виды информации.

Диалектику познания уместно представить в следующем виде.

Диалектика (Познание)

- 1 — Ощущения + рефлексy;
- 2 — Инстинкты = индивидуальные + социальные;
- 3 — Психика = индивидуальная + групповая;
- 4 — Сознание = индивидуальное + коллективное;
- 5 — Поведение = инстинкты + психика + сознание;
- 6 — Мышление:
- 6.1 — Законы логики: тождества, противоречия, исключенного третьего — (*Аристотель*), принцип дополнительности — (*Бор*);
- 6.2 — Методы логики: анализ и синтез, индукция и дедукция;
- 6.3 — Математика: геометрия, исчисление;
- 6.4 — Сверхсильный антропный принцип — (*Протагор*).
- 7 — Познание:
- 7.1 — Физико-химические явления — (*точные науки*);
- 7.2 — Органические процессы — (*Дарвин, генетика*);
- 7.3 — Социальные отношения — (*гуманитарные науки*);
- 7.4 — Интеллектуальное творчество — (*философия, наука, искусство*).

Первое: понятие «бог», изобретенное воображением альфа-самцов и закрепленное в коллективном сознании масс, служит четырем целям. А) усилению эффекта эусоциальности в эпоху, последовавшую вслед за неолитической революцией, то есть на начальном этапе формирования цивилизаций социалистического типа. Поэтому данное понятие явилось социально важной новацией для этой промежуточной эпохи, ограниченной несколькими тысячелетиями. Б) оправданию пирамиды иерархии с «верхами», обладающими правом неограниченной власти, и «низами», обязанными беспрекословно подчиняться властной вертикали. Б) приданию упорядоченности многочисленным людским коллективам, объединенным общей идеей патронажа со стороны «высших», сверхъестественных сил. В) глушению ропота недовольства у неудовлетворенных жизнью. Вопреки приписываемым ему нашим воображением атрибутам всемогущества и всезнания, этот мистический всевышний (идет ли речь об одном боге, или об их пантеоне), — дитя нашего сознания, неспособен

что-либо изменить к лучшему в нашем, человеческом мире. Он не в состоянии избавить нас — «своих подданных» от огромного разнообразия зла, доставшегося нам в наследство от естественного отбора, правящего животным царством. Ко всему прочему, вроде бы всемогущий создатель в действительности не властен и над природой. Ибо у него еще меньше «своды воли», нежели у Природы. Этот якобы творец не может породить или уничтожить несотворимые и неуничтожимые по определению пространство и время. Он вынужден покорно смиряться перед алгоритмами бытия всего материально сущего, так как их забвение немедленно уничтожает как ее, так и его самого.

Второе: основное противоречие между бытием и познанием, особенно отчетливо проявившееся в два последних столетия, состоит в том, что скорость развития сознания меньшинства, иницирующего развитие общественного бытия, значительно опережает скорость адаптации к нему сознания заведомого большинства. Благодаря чему весь род человеческий, лишь несколько тысячелетий назад находившийся на примерно одной ступени культурной эволюции, ныне растянулся в длиннейшую цепь восхождения по ступеням пирамиды, выстраиваемой благодаря уму, энергии и инициативе меньшинства. Отсюда все те глобальные конфликты, которые приобрели чрезвычайную остроту именно в эти последние века. Но отсюда же следует, что долг взошедших выше остальных, помочь отставшим подняться до своего уровня, чтобы далее подниматься всем вместе.

Третье: чувственное воображение породило богов, в частности, как универсальной причины, объясняющей мир и все происходящее в нем. На том и успокоилось, несмотря на то, что боги совершенно не считаются с логикой. Абстрактное воображение произвело на свет математику, но уже с единственной целью объяснения тонкостей взаимодействия одних природных объектов с другими. И, поскольку математика хотя бы отчасти считается с логикой, ей нет покоя. (Нам возразят, заметив, что математическая логика являет собой вершину умственной упорядоченности, на что, согласившись, мы можем заметить, что, к сожалению, она слишком часто не считается с реальностью, витая в облаках абстракций). Впрочем, сходства и различия между математикой и религией этим не ограничиваются. Человек-творец, изобретая богов и их антиподов со «свитой» — титанами и дьяволами, джинами и чертями, не поленился явить миру также не существующие в природе логарифмы и число π , бином Ньютона и корни квадратные, дифференциальное и интегральное исчисление. Геометры придумали пространство, физики — время. В этом смысле ученые тоже верующие, однако, верующие атеисты (физики, математики, биоло-

ги) отличаются от верующих теистов тем, что первые чтят и доверяют живой и вечно актуальной логике, вторые ее игнорируют, поклоняясь внушенным им с детства мертвым химерам. (Интересно, что чем проще математический аппарат описания того или иного явления или процесса, тем универсальней и всеохватней данное явление или процесс).

Четвертое: для нашего сознания остаётся и, вероятно, навсегда останется величайшей загадкой вопрос о сущности энергии (*ἐνέργεια* – от греч. действие, деятельность, сила, мощь). Понятие это, введенное в обиход Аристотелем, обозначало у него способность к деятельности человека. В современном смысле слова первым этот термин использовал Т. Юнг для объяснения сугубо физических явлений. Г. Лейбниц распространял его и на живые организмы в виде понятия «живой силы» (*vis viva*). Сегодня различают механическую и электромагнитную, гравитационную и ядерную, химическую и внутреннюю виды энергии. Некоторые даже настаивают на существовании «тёмной» энергии. Но остается тайной: что представляет собой и откуда берется это неукротимое желание материи существовать, расходуя энергию, как и эта Лейбницова «живая сила», заложенная в молекулы ДНК, заставляющая организмы потреблять энергию извне, преследуя одну генеральную цель бесконечного размножения и расширения своего жизненного ареала. Впрочем, загадка энергии представляет собой лишь один из множества примеров ограниченности нашего разума, о чем недвусмысленно предупреждает, в частности, теорема Гёделя о неполноте. К этому непреодолимому обстоятельству благоразумие требует относиться философски, ибо оно ни в коей мере не лишает наше существование глубоко смысла.

Пятое: предельно кратко различие между онтологией и диалектикой можно выразить следующим образом: онтология есть то, что задано изначально, не меняется и не зависит от нашей воли. Диалектика же есть нечто, инициируемое нашей волей, побуждаемое нашим сознанием и, в силу этого, находящееся в процессе постоянного изменения. Или: онтология — это констатация объективной реальности Природы, диалектика — субъективные представления о ней.

Глава 7

Социализм vs гуманизм

Нам могут бросить упрек в том, что в разделе 4.5.5. дефиницию «социализм» мы произвольным образом употребили по отношению к традиционным цивилизациям Востока, некоторые из которых существуют уже 4–6 тысячелетий. Объяснимся. Слово «социальность» имеет двусмысленный оттенок, поскольку выражает одно, когда употребляется в отношении к животному миру, и иное, когда оно касается человеческого общества. В царстве общественных животных оно означает, прежде всего, иерархические отношения между родственными особями одной группы. Следовательно, ни о какой справедливости в нашем понимании речь там не идет. Что же касается человеческих сообществ, не связанных родственными узами, то взаимные отношения между индивидами значительно сложнее, прежде всего потому, что они отражают, с одной стороны, теоретические учения — фантазии творцов идеологических систем, с другой — суровые исторические реалии. Г. Лебон, изучавший психическую природу социализма, отмечал, что она, так или иначе, касается проблемы справедливости. «Каждый сообразно своим мечтаниям, своему честолюбию, своим желаниям, видит в социализме то, чего основатели новой веры никогда не думали в него вкладывать. Священник открывает в нем всеобщее распространение милосердия и мечтает о нем, забывая алтарь. Бедняк, изнемогая от тяжкого труда, смутно усматривает в нем лучезарный рай, где он будет наделен земными благами. Легионы недовольных (а кто теперь к ним не принадлежит?) надеются, что торжество социализма, будет улучшением их судьбы. Совокупность всех этих мечтаний, всех этих недовольств, всех этих надежд придает новой вере неоспоримую силу. Для того, чтобы современный социализм мог так скоро облечься в эту религиозную форму, составляющую тайну его могущества, необходимо было, чтобы он явился в один из тех редких моментов истории, когда люди, изверившись в своих богах, утратили свои старые религии и живут только в ожидании новых верований. Явившись как раз в то время, когда власть старых божеств значительно поблекла, социализм, также дающий человеку мечты о сча-

стве, естественно, стремится занять их место. Ничто не указывает, что ему удастся занять это место, но все показывает, что он не может долго сохранять его»²⁵⁹. Лебон прав во всем, кроме одного пункта. Социализм явился не вчера, а много раньше. Так как армия недовольных существующим положением вещей родилась вместе с преобразованием *вольного* охотника-собирателя в *подневольного* земледельца. Что и повлекло за собой возникновение цивилизаций, в которых *естественное* природное неравенство было признано нормой и закреплено традицией в виде *искусственного* правового неравенства. Другое дело, что на Востоке это недовольство заглушалось религиозными мотивами, а также страхами перед внутренними смутами и внешними угрозами. (Исключение составил Китай с его слабо развитыми религиозными представлениями и институтом духовенства).

Согласно Философской энциклопедии еще совсем недавно под социализмом понимали «социальный строй, ставящий перед собой глобальную цель свержения капитализма, построения в обозримом будущем совершенного общества, завершающего историю человечества, и мобилизующий для достижения этой цели все имеющиеся в его распоряжении ресурсы; теории, обосновывающие возможность или даже необходимость построения такого общества. С. является радикальным коллективизмом индустриальной эпохи, история которой разворачивается между двумя крайними полюсами: социализмом и капитализмом, между коллективистским и индивидуалистическим обществами. Теоретический С. начал складываться еще в 15–16 вв. (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ж. Мелье, Г. Б. де Мабли, Морелли и др.) и обрел форму социальной теории в работах К. А. де Сен-Симона, Ф. М. Ш. Фурье и Р. Оуэна. К. Маркс и Ф. Энгельс придали теории С. большую реалистичность, указав, что установление С. должно произойти путем насильственного ниспровержения капитализма во всех развитых странах и установления в них диктатуры пролетариата; в дальнейшем С. предстояло утвердиться во всем мире и стать первым этапом на пути перехода человечества от капитализма к коммунизму. В массовое социальное движение С. превратился во втор. пол. 19 в.

Вскоре в нем наметились два крыла: радикальный С., ставивший целью обозримого будущего свержение капитализма и построение совершенного коммунистического общества, и умеренный С. (социал-демократия), отодвигавший создание социалистического общества на неопределенное будущее и ориентированный не на подготовку социалистической революции, а на постепенное совершенствование существующего

²⁵⁹ Г. Лебон. Психология социализма. Предисловие автора к первому изданию.

капиталистического общества с целью достижения больших свободы, справедливости и солидарности. В 1920-е гг. пути радикального С. и социал-демократии решительно разошлись (нужно отметить, что некоторые социал-демократические партии до сих пор употребляют в своих программных документах слово «С.»). В этот же период на историческую арену вышла новая, некоммунистическая версия С. — национал-социализм. С., замешанный на национализме (расизме), тоже намеревался построить «рай на земле», но лишь для избранной части человечества и притом за счет подавляющего его большинства»²⁶⁰. При этом Энциклопедия подчеркивает, что термин «социализм» сегодня обозначает так много различных вещей, что является не более чем ярлыком. Его навешивают на любой предполагаемый социальный порядок, который конкретный мыслитель желал бы видеть воплощенным.

Мечтания о социализме индустриальной эпохи, как известно, завершились полным крахом. Но какое отношение к нему имеют аграрные цивилизации прошлого? Ответ состоит в следующем: никто из теоретиков индустриального социализма не удосужился выделить ключевые атрибуты того, что делает всякую цивилизацию тем, что она есть. В разделе 4.5.5. они представлены как пять государственных институтов, определяющих специфику той или иной цивилизации прошлого и настоящего. Без них невозможно рассуждать о государстве и, соответственно, о цивилизации как феномене, основанном на городской культуре и подчиненной ей культуре земледелия. Так вот, если бы кто-либо из теоретиков социализма потрудился провести сравнительный анализ между этими характеристиками у традиционных аграрных и индустриальных цивилизаций Нового времени, которых мы относим к социалистическим, то убедился бы, что за исключением сугубо второстепенного фактора — использования механизмов в общественном труде, между ними практически нет различий. Но здесь возникает вопрос: почему аграрные цивилизации существуют тысячелетия, тогда как СССР с трудом продержался всего 70 лет, а нацистская Германия испытала смертельный коллапс, не отпраздновав и 15-летнего юбилея? СССР развалился потому, что идеологический его фундамент оказался насквозь гнилым. Ни философы, ни историки, ни экономисты не отдают себе отчет в том, что три кита марксизма — диалектический и исторический материализм, а также экономическое учение, суть киты надутые. Они наполнены воздухом утопии, сочиненной журналистом либо ничего не смыслившим в том, что он проповедовал, либо

²⁶⁰ Философская энциклопедия.

лгавшим так азартно, что сам верил в свою пропаганду. А затем в нее поверили и отчаянно жаждавшие справедливости по Лебону. Что же касается идеологии нацизма, то только сумасшедший мог вызвать на дуэль практически весь мир, да еще сражаться с ним на два фронта. С другой стороны и ведомая им нация сошла с ума, подтверждая тот вывод, что коллективное сознание даже вполне просвещенной нации способно попадать впросак, клюя на удочку справедливости. И все, все же, осмысливая прошлое нацизма, трудно избавиться от ощущения, что эволюция могла заиграться. Одна нелепая ошибка в стане его противников, роковой просчет руководства СССР, или сознательный саботаж его действий, и 2-я Мировая могла иметь совершенно другое завершение.

Однако спрашивается: почему чувство справедливости было неведомо коммунистическому охотнику-собирателю и отчего оно возникло у земледельца-агрия? Объяснение следует искать, как говорилось выше, в демографии. Одной из наиболее характерных черт небольших кровнородственных групп (семей) составляло то, что в них равным образом ценился каждый мужчина — добытчик мясной пищи и защитник, оберегающий женщин и детей от двуногих или четвероногих хищников. Природное неравенство дарований каждого из них могло, как проявляться, так и нивелироваться, главным образом, в контексте этой сугубо практической плоскости. Оно рождалось и умирало с каждым конкретным воином-охотником (или колдуном), оставляя после себя следы лишь в виде «пышных» захоронений особо выдающихся индивидов или оседанием о них в памяти потомков. Иными словами, социальность в среде первобытных коммунистов могла проявляться только как дубликат поведения общественных животных высокого ранга — млекопитающих. Поскольку численность их социумов не достигала до «твердого минимума» (по Шовену), необходимого для развития полноценной эусоциальности, подобно тому, как это произошло у общественных насекомых. (Кстати, тот же принцип «твердого минимума» А. Смит распространял на рыночные отношения, считая, что последние возникают лишь при достаточно ёмком рынке спроса и предложения). А коль скоро все мужчины первобытной коммуны были одинаково значимы для нее, обладали относительно сходным статусом и, что главное — он был очень размыт и переменчив, в зависимости от самых разных привходящих обстоятельств, то и чувству несправедливости в этом прошлом не было места. Тем более, что «обижаться» на богов никому не могло придти в голову ввиду отсутствия этого понятия в их среде.

Ситуация менялась радикально с переходом к оседлому существованию и с достижением того «твердого минимума» численности, который

необходим для формирования эусоциальности. Отныне каждый удачливый m- и s-самец, удастаясь имиджа лидера и авторитета, мог претендовать на сохранение онога до конца своих дней. Чем он, как правило, и пользовался. Более того, при благоприятном стечении обстоятельств он уже имел возможность передавать свой высокий социальный ранг своему непосредственному потомству, пусть даже совершенно лишенному дарований своего родителя. (Опять-таки ничего нового: у нескольких видов обезьян родительский инстинкт побуждает альфа-особей передавать свой высокий статус своим детенышам). Таким образом, природное неравенство способностей закреплялось в виде сначала устной традиции, а затем и законодательно подтвержденного принципа *наследования привилегий*. Так возникла и начала расти иерархическая пирамида неравенства, зарождались «верхи» и вынужденные соглашаться с их существованием «низы». И не удивительно, что генетическое неравенство, получив законодательное оформление, породило у «масс» чувство несправедливости. Боги, явившиеся миру благодаря стараниям бывших колдунов, а ныне жрецов, в данном случае играли роль психологического противоядия от правового неравенства или жилетки, в которую можно было поплакаться и испросить лично для себя какой-либо милости.

Эту исторически первую несправедливость, возникшую в человеческой среде, интуитивно бессознательно и эволюционно закономерно спровоцировали m- и s-альфа-самцы, фактические инициаторы создания цивилизаций аграрного социализма. Они были лицом власти двух сил: групповой психики и коллективного сознания. Групповая психика досталась нам в наследство от царства животных. Коллективное сознание мы «изобрели» сами. Напомним, что как то, так и другое имеют общего родителя — групповой инстинкт. Его-то стараниями процесс социализации происходил всюду в мире, от первых доколумбовых цивилизаций Америки до Дальнего Востока без каких бы то ни было жестоких классовых боев, о которых нам вдохновенно глаголи товарищи Маркс и Энгельс. Реки крови лились лишь между теми или иными однотипными цивилизациями во исполнение банальной внутривидовой конкуренции в семействе Номо. И предъявлять претензии в случае поражения в ней приходилось либо к богам, либо к царям, не апеллируя к справедливости или несправедливости, царящей между смертными.

Совершенно иной оборот приняло дело, когда в него вмешалась новая власть, неведомая нищему миру коммунизма — власть богатства. Она могла проявиться при одном неперемennom условии: ослаблении силовой вертикали власти m- и s-самцов до такой степени, чтобы ее могла сменить денежная власть d- и f-альфа-самцов. Чтобы элиту аристократии и духовенства цивили-

лизаций социализма вытеснила элита новой, еще не сформировавшейся цивилизации. Это условие сложилось в Аттике на излете «темных веков» Элады — в конце VII века до н. э. после *бескровного* изгнания басилеев и в отсутствие жреческой касты. Когда традиционная центральная власть ослабла настолько, что третируемые прежде d- и f-альфа-самцы уже могли заявить о себе в полный голос. Воспользовавшись представившейся возможностью, последние немедленно раскололи общество теперь уже на богатых и бедных. Если социальное расслоение в цивилизациях социализма представлялось тягостным, но все же оправданным даже в глазах народа ввиду жизненной необходимости соблюдать в государстве внутренний порядок и отражать угрозы извне, то теперь имущественное расслоение казалось искусственным, неоправданным и неприемлемым. Ибо ничем не обуздываемая свобода частной собственности (в первую очередь на землю) и возможность «делать деньги» обернулась потерей юридической свободы многих, попадавших в долговое рабство. Поскольку и суды решали, чаще всего, в пользу богатых. Протестное слово «справедливость» начало носиться в воздухе. Стали выдвигаться лозунги: «Перedel земли и отмена долгов», «Равенство всех граждан перед законом», «Власть народу». В обществе возникло ощущение, что отказ от общинной собственности на землю и от традиций социализма способствовал не добру, а злу тем, что вверг его в состояние более невыносимое, унижительное и рискованное, чем прежде. Власть злата теперь психологически воспринималась горше и аморальней власти бича.

Все эти события сотрясали Аттику, грозя выйти из под контроля и ввергнуть ее в хаос, пока, наконец, на должность первого архонта не был избран Солон. Первый законодательный акт, принятый им и знаменовавший *рождение демократии*, объявлял недействительными все долги бедняков, образовавшиеся ранее. Он *не* объявил незаконной частную собственность, как того требовали многие, но запретил на будущее все сделки самозаклада, которые способствовали попаданию в долговое рабство несостоятельных должников. Этот акт, названный «сейсахтеей» (см. гл. 5), сам Солон прокомментировал следующим образом:

Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался,
 Чести его не лишил, но и не дал лишних прав.
 Также о тех позаботился я, кто богатством и силой
 Всех превзошел, — чтобы их не опозорил никто.
 Встал я меж тех и других, простерев мощный щит свой над ними,
 И запретил побеждать несправедливо других²⁶¹.

²⁶¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. Т.1. с. 114. 1961.

«Справедливость» в его понимании ассоциировалось не с имущественным равенством (как это было принято в Спарте), а с равенством перед законом общим, как для богатых, так и бедных. Не лишая права множить свое имущество, не в ущерб другим, он инициировал предприимчивость и экономное ведение своего хозяйства у сограждан. Как раз в целях предупреждения концентрации чрезмерных богатств в одних руках, Солон издал закон, запрещавший приобретать землю свыше определенного лимита. Вследствие чего в течение всего периода демократического правления Аттика оставалась страной мелкого и среднего частного землевладения. Таким образом, *впервые в истории* цивилизаций был принят спасительный внутривнутриполитический акт, представлявший собой реализацию принципа дополнительности в политико-правовой и социальной сфере. Общество осталось разделенным на сословия, тем не менее, его иерархическая структура была разрушена и сравнена с землей. Природное неравенство возможностей было отвергнуто в пользу правового равенства всех граждан полиса. Слепой закон естественного отбора впервые уступил место зрячему культурному отбору. Первопроходец Луны Н. Армстронг мог бы прокомментировать этот грандиозный переворот, величайшую революцию в истории мировой цивилизации словами: «Это один маленький шаг для Аттики, но гигантский скачок для будущего мировой цивилизации».

«Безумству храбрых поем мы песню», но безумцы, в самом деле, были обречены изначально. Всесильный в ту пору социализм не мог мириться со своим антиподом, а последний был отягощен множеством изъянов незрелости. Так что можно считать чудом более, чем двух вековое успешное отражение им атак своего идейного оппонента. Первыми вызов афинской цивилизации бросили искусные лишь в войнах собраты-спартиаты, предложившие истории свой вариант справедливости в духе нищенского социал-коммунизма. За ними последовали другие вояки — македонцы, также ближайшие сородичи. Далее воцарился Рим, сыгравший в становлении современного Запада бесспорно важнейшую, но крайне противоречивую роль. С одной стороны, он перенял у Афин идеи республиканизма, свергнув своих царей и не допустив к власти жречество. Однако римская аристократия (патриции) сумела подавить демократические настроения среди плебеев, извратив и опошлив, тем самым, идеи равноправия²⁶². Что,

²⁶² С римскими аристократами, изначально отличавшимися довольно скромными состояниями, произошла ожидаемая метаморфоза, лишь только власть Рима распространилась на соседей. В первые его «добродетельные» века даже такие выдающиеся политические

однако, не спасло либерально олигархическую республику от поражения, которое нанесли ей традиции социализма, превратившие ее в империю нетрадиционного типа. Ее уникальность (для своего времени) состояла в том, что частной собственности и рыночным отношениям было позволено мирно сожительствовать с монархическим режимом правления.

Это обстоятельство во многом скомпенсировало и перевесило издержки империи, позволив частной собственности выжить даже тогда, когда от империи остались одни лишь голые стены, изгаженные германскими варварами, еще мало что смыслившими в ее достоинствах. Империя пала, но успела «заразить» идеей частной собственности на землю обитателей обширных территорий ее прежних колоний. Так возник феодализм — феномен, не известный нигде в мире, кроме Европы (за ее пределами более или менее сходный феномен возник в виде исключения лишь в Японии). Между тем, смысл и особенность частной собственности, этого золотого наследия — одного из великого множества даров Афин будущему, оставшейся последним звеном, соединявшим античную демократию с европейским Средневековьем, слишком медленно проникали в сознание «новых европейцев». Так медленно, что большинство из них не отличали ее от собственности личной. Интуитивно и практически она была принята на ура теми, кто обладал силой, чтобы обладать ею. Теоретически и осознанно — воспринималась с большим трудом теми, кого заботили проблемы справедливости. Не удивительно, поэтому, что один из образованнейших людей своего времени Т. Мор почитал ее источником всех бед и зол, царящих на земле. Оправданием ему может служить лишь общее, тотальное невежество в этом вопросе, царившее в Средневековой Европе. Поистине удивительно другое: то, что не видели различия между двумя родами собственности четыре века спустя современники промышленной революции Маркс и Энгельс. Им-то не может быть никакого оправдания, ибо их «слепота» была если не наигранной, вызванной ненавистью к капиталу, то объясняемой довольно низким уровнем интеллекта (приветствуются любые другие интерпретации). Но независимо от истинной причины их «близору-

деятели и прославленные полководцы как Квинкций Цинциннат, Фабриций и Курий Денант вынуждены были своими руками обрабатывать свои наделы. Стоило же Риму обогатиться за счет войн с соседями, как патриции превратились в олигархов. Поскольку, удержав власть, выбитую из рук последнего царя Тарквиния Гордого, и не разделив ее с плебеями, именно они получили наибольшие дивиденды от побед, добываемых руками плебеев. И, можно сказать, Аристотель ошибался, полагая, что «правильное» аристократическое правление может быть устойчивым. Оно немедленно перерождается в «неправильное» олигархическое, как только получает доступ к богатству. Неравенство, а вовсе не богатство, порочно имманентно, ибо совращает даже, казалось бы, непорочных.

кости», главным образом, благодаря ей экономический фундамент индустриального социализма оказался столь плачевно хлипким.

Поразительное невежество в вопросах собственности сохраняется в головах очень многих социалистов даже сегодня. Чему весьма способствуют, с одной стороны, финансовые олигархи Нового времени, более всех наживающиеся на энергии, предприимчивости и упорстве ученых и изобретателей, промышленников и предпринимателей — истинных творцов научно-технического и промышленного прогресса. С другой, либералы — адвокаты ничем не стесняемой свободы золотого тельца, порождающего противоестественное имущественное неравенство. Это им, в первую очередь, Европа обязана рождением коммунистического интернационала (и спекулирующего на нем учения Маркса), а также 1-й Мировой войной. Не удивительно поэтому, что власть денежного мешка вызывает одобрение лишь у тех, кто в полной мере достаивается вкушать от ее благ, а также у обладателей короткой памяти. А таковых, как правило, меньшинство. Поэтому и падает на частную собственность и рыночные отношения мрачная тень подозрения в их бесчеловечности и беспринципности. Говорят, и справедливо, что стреляет не оружие, стреляет человек из оружия. То же должно быть сказано об опороченной частной собственности и рыночных отношениях. Не они порождают неравенство и несправедливость, а политики, не способные последовать примеру Солона и законодательно примирить жажду стяжательства одних со стремлением к справедливости других. То есть соединить демократическую форму политической власти с капиталистической формой хозяйственной жизни в соответствии с принципом дополнительности. Тем не менее, примирение происходит сегодня во все больших масштабах во всем мире, хотя и крайне неравномерно, с разной скоростью и эффективностью. Но, так или иначе, оно отражает распространение идей гуманизма даже на такие эмпирические формы общественного бытия, как политика и экономика. Ибо если социализм создали рабы и рабовладельцы, то гуманизм был, есть и будет творчеством свободных граждан.

Из нашей оценки вклада о-ординаров в существующий порядок вещей может сложиться впечатление, что мы оцениваем его как весьма незначительный. Между тем, подобный вывод был бы в корне ошибочным. В Дарвиновской триаде «наследственность, изменчивость, естественный отбор» именно они создают в среде Ното ту изменчивость, тот фон случайностей, который жизненно необходим для развития всех форм общественного существования людей от самых примитивных до многомерно изошренных. Включая, разумеется, демократию и экономику, как квинтэссенции сложности организации политической власти и хозяйственных отношений.

Эволюция слепа, но мудра. У нее есть цель, но в силу своей «незрячести» она вынуждена изобретать и тестировать все мыслимые и немыслимые пути ее достижения. Вот почему случайность есть категорически необходимое дополнение к закономерности, стимулирующее всякое поступательное движение. Причем случайности делятся на два рода: внешние, вызываемые природными катаклизмами, и внутренние, инициируемые генетикой данного вида. Посему пути, которые эволюция избирает для преодоления создающихся препятствий, «неисповедимы». Заведомое большинство видов организмов, не получавших поддержки со стороны собственных генетических сбоев, оказалось в тупиках Линнеевской классификации. И только представители тех групп, чья генетика генерировала необходимые для данного места-времени мутации, оказались способными продвигаться вверх по эволюционной лестнице. Полностью задавленная инициатива масс и жесткие социальные барьеры сыграли с развитием мира социализма роль непреодолимых внешних препятствий. Лишив его способности породить сколько-нибудь заметные отклонения от раз и навсегда заданных «траекторий», они загнали его в своеобразный лабиринт Минотавра.

Говорят, и не без основания, что природа отдыхает на детях гениев. Иначе говоря, генетика бросает кости вслепую, не принимая во внимание ни родство, ни социальный статус. Она награждает талантами спонтанно, не закрепляя их по наследству. (Редкие исключения составляют дарования, передаваемые от родителей детям в среде музыкантов). Вместе с тем известно и другое: колоссальный научно-технический прогресс, достигнутый нашим временем, почти исключительно обязан выходцам из «нижних» или «средних» сословий. Этот «золотой фонд» человечества составили «простолюдины» из δ - и i -индивидов, в числе которых блистают имена: И. Ньютона и Р. Декарта, М. Фарадея и Н. Теслы, Э. Резерфорда и Н. Бора, К. Гаусса и Э. Галуа, Ч. Дарвина и К. Линнея, Т. Эдисона и братьев Райт. Из того же сословного круга были У. Шекспир и А. Смит, Г. Гроций и М. Ломоносов. Именно о-ординары составляют тот бездонный резервуар, что порождает гениев, но никак не элиты. Последние, защищенные закрепленными за ними правовыми преференциями и льготами, лишь тормозят общественный прогресс. Наиболее же многообещающий и эффективный механизм общечеловеческого прогресса создается усилиями выходцев из среды о-ординаров. Доказательством чему может служить тот факт, что генетика равно награждает талантами людей самого различного происхождения и образа жизни. Например, как только правители СССР осознали, что в грядущей войне решающей силой будет техника, математикам, физикам и изобретателям предоставили толику свобо-

ду действий в дозволенных пределах. И оказалось, что и этой толики хватило на доказательство того, что в дарованиях и творческом потенциале представители социализма ничуть не уступают своим западным оппонентам. Следовательно, способность или неспособность цивилизации эволюционировать зависит не столько от элит, сколько от народов.

Чем же, в таком случае, различаются между собой о-ординары цивилизаций Запада и Востока, гуманизма и социализма? Беру на себя смелость утверждать, что отличие это, во-первых, микроскопическое, во-вторых, оно заключается в психологии, в чувстве собственного достоинства. Вероятно, достаточно одного лишь небольшого превышения «твердого минимума» самоуважения, чтобы обратить подневольного раба идеологий о-социалиста в свободно мыслящего, чувствующего и действующего о-гражданина. (Необходимая оговорка: уважение собственного достоинства категорически требует точно такого же уважения достоинства всех без исключения людей, даже приговоренных к высшей мере наказания преступников). Только это условие создает фон, благоприятный для деятельности как m- и s-, так и b- и f-индивидов в интересах всего (!) общества, а не только для самих себя. Так как лишь оно делает состояние общественных институтов переменчивым настолько, насколько это необходимо и достаточно для их развития в режиме филогенеза, то есть принципиально *непредсказуемо*. Эта изменчивость создается различием частных интересов всех людей, имеющих возможность их отстаивать. Их свобода самовыражения и благоприятствование их инициатив в наибольшей степени стимулирует необходимые изменения. Тогда как, тешущая сознание социалиста *предсказуемость* всегда завершается по законам онтогенеза, то есть вырождением и гибелью. Ибо самосознание социалиста довольствуется только пассивной адаптацией под инициативы, исходящие «сверху». Социализм обречен именно потому, что он предсказуем. В известном смысле различие между о-ординарами из среды социалистов и гуманистов можно уподобить различию психики между крестьянином и горожанином, или между подростком и зрелым мужем. Но пора и первым обрести собственное разумение.

Первая, заведомо несовершенная (совершенство = смерть) гуманистическая цивилизация возникла 2,5 тысячи лет назад. В то время человечество еще не было готово к восприятию идей, принципов и ценностей гуманизма. Мешали невежество и незрелость восприятия мира коллективным сознанием *Homo sensualis* и *Homo fidelis*. Сегодня большинство *Homo sapiens* осознало, что гуманизму уже нет альтернативы.

Глава 8

Философия гуманизма

Нам представляется, что итоги более или менее скрупулезного рассмотрения места и роли принципа дополнительности в природе и человеческом обществе позволяют получить ответ на поставленный во Введении вопрос о том, зачем нам дан разум. Но прежде, нежели придать ему осмысленную формулировку, попытаемся оглядеться и понять, что сегодня происходит в мире. Поскольку независимо от того, признают разум или нет активным игроком истории в прошлом, в наше смутное время он явным образом влияет на все процессы, затрагивающие мировое сообщество. Профессиональные оракулы в растерянности. Большинство их прогнозов не оправдывается. Политологи промахиваются с выборами президентов и поведением политиков, экономисты — с сырьевыми ценами, курсами валют и динамикой производств. Исламский мир полыхает междоусобными войнами, потоки беженцев заполнили Европу, вызывая беспрецедентную напряженность в их отношениях с местным населением и хороня идеи мультикультурализма. Мир перестает быть предсказуемым, становясь все более турбулентным и уязвимым перед лицом даже самого незначительно случайного или спровоцированного кризиса. И только сторонники теории заговоров легко «вычисляют» (правда, только *post factum*) заинтересованных в усугублении неопределенности и всеобщего недоверия, доходчиво объясняя доверчивой публике суть происходящих коллизий.

Между тем, причины, лежащие в основе современных потрясений, действительно, не составляют тайны. Они есть многочисленные и разнообразные следствия столкновения двух типов цивилизации, двух культур и эпох: одной, обращенной в архаику прошлого, другой, стремящейся в будущее. Сегодня гуманизм ведет бескровное наступление на позиции социализма, преодолевая последние барьеры на пути формирования новой данности — единого мирового сообщества, основанного на идеалах и принципах равноправия и уважения суверенитета всех мужчин и женщин, сословий и конфессий, народов и государств. В свою очередь социализм отчаянно сопротивляется, цепляясь за прошлое, ожесточенно «раскачивая

лодку» и угрожая утопить в крови род людской. В связи с чем, возникает вопрос: может быть вину за поднявшуюся волну-цунами глобальной напряженности следует возложить не на держащий оборону социализм, а, как раз, на гуманизм как «штурмующую» сторону.

Принять такой подход, значит признать колоссальной ошибкой все гигантские культурные достижения теоретического и практического гуманизма. Признать бессмысленными его успехи в области здравоохранения, уровня и комфортности жизни, передовых технологий. Признать ничего не стоящими появившиеся возможности общения, обмена достоверными знаниями и новациями в области искусств, развития своих наклонностей и дарований. Признать опасность и вред открытия своих сердец для сближения обитателей всех континентов, позволяющего им впервые за многие тысячи лет почувствовать себя единой, большой и гармоничной семьей. Это было бы попыткой свергнуть нас в мрачную атмосферу нетерпимости и ксенофобии, страха новаций, рабства у замшелых традиций, диких суеверий и варварского невежества. Это означало бы снисхождение ядерных вооружений в джунгли естественного отбора с предсказуемым итогом: либо отбрасыванием нас всех далеко назад с возвращением к статусу неандертальца, либо полным «очищением» планеты от нашего присутствия. И тогда пришельцы с иных миров, посетив опустевшую Землю, могли бы оставить на ней эпитафию: «Человечество не сошло с ума, у него не хватило ума остаться в живых».

Кто или что, в таком случае, может и действительно активно препятствует движению к всеобщему благу, которое впервые в истории не столько обещает, сколько на деле реализует (притом не в *той*, а в *этой* жизни) научно-технический и нравственный прогресс, инициируемый практическим гуманизмом? Идеологии социализма и стоящие за ними потребители! Только идеологии, как традиции, и только лукавые альфа-самцы, как их нахлебники, пользующиеся ими в своих корыстных целях. Ничто иное и никто иные! Чьи и какие идеи способны противостоять им? Очевидно, что надежды на современные философские доктрины, школы и течения исчезающее малы. Все они «выработали свой ресурс», так или иначе, вольно или невольно подыгрывая то одним, то другим идеологиям. Это, прежде всего, касается марксистской и христианской философий. Диалектический материализм не заслуживает того, чтобы тратить драгоценное время на доказательство той аксиомы, что он представляет собой не философию, а до «кончиков ногтей» догматическую доктрину. Что же касается христианских философских течений, то на них бросают длинную, мрачную тень не только призраки Средневековья, но и некоторые не делающие им чести происшествия из недавнего прошлого.

Так, например, в годы 2-й Мировой войны папа Пий XII (1939–1958) заключил конкордат с фашистским режимом Франко в Испании. А когда правительства Франции и Англии обратились к нему с просьбой объявить Германию агрессором, он отказался, сославшись на то, что Ватикан не может непосредственно вмешиваться в международную политику. Кроме того, папа подтвердил Латеранские соглашения, достигнутые между Ватиканом и фашистским правительством Муссолини, которые он расценил как отвечающими интересам церкви, объявив о достигнутом полном примирении между фашистским государством и церковью. Но этого мало. Й. Ратцингер, который в 2005 г. обратился в Бенедикта XVI, в юности был членом гитлерюгенда, а в 1944 г. был призван на службу в «Австрийский легион». Но еще интереснее та клятва, которую должны были произнести поступающие в «фашистский комсомол»: «В присутствии этого знамени цвета крови, олицетворяющего фюрера, я клянусь посвятить всю мою энергию и силу спасителю нашей страны Адольфу Гитлеру. Я готов отдать жизнь за него, и помоги мне в этом Господь Бог. Хайль Гитлер!» То есть совсем еще недавно фашизм и христианство, проникшись взаимными симпатиями, шли рука об руку. Что с тех пор изменилось у них по существу? Их идеалы и ценности, как мы догадываемся, коррозии не подверглись. Что же касается светских философских школ, то адресуем читателя во Введение, в котором дается ссылка на оценку Поппером их практической значимости²⁶³. Поэтому мы вынуждены констатировать, что современная классическая философия бессильна предложить идеи, отвечающие чаяниям *всего* мирового сообщества.

Сторонники культурной «радуги цветов» немедленно заподозрят нас в стремлении унифицировать, стричь под одну гребенку коллективное сознание мирового сообщества, в частности, на марксистский (казарменный) манер. Нам укажут, что в мире нет ни одной, общей для всех нравственной системы ценностей и моральных императивов, и в этом — одно из их достоинств. И далее: что многополярный мир лучше однополярного, подчиняющегося диктату «единого сверхсильного». Наше возражение состоит из двух частей. Во-первых, разнообразие коллективных представлений лишь кажущееся. В действительности, все без исключения коллективные представления, порожденные тоталитарными идеологиями, пора-

²⁶³ Выскажу крамольную мысль, рискуя быть обстрелянным увесистыми булыжниками критики: философия, оторванная от жизни, не стоит бумаги, на которой набирается текст. Но означает ли это, что Аристотель был не прав? Нет, он не ошибался, так как каждое время ставит перед разумом свои задачи: будучи актуальными вчера, они отодвигаются на второй план сегодня, а завтра могут и вовсе оказаться несущественными.

зительно однообразны. Все они: а) суть «продукции» элит и для элит; б) преследуя частные интересы последних, они вынуждены лицемерить и лгать, позиционируя себя защитниками интересов большинства; в) безнравственны, признавая неравенство прав всех людей и декларируя свои особые привилегии и полномочия; г) грешны перед человечеством, попирая права слабых, проливая кровь и насилуя непокорных.

Во-вторых, жесточайший «естественный отбор» среди идеологий не выявил ни одной, способной стать объединяющей силой для всего мирового сообщества. Поэтому продолжение конкуренции между ними в соответствии с принципом «войны всех против всех» окончательно и бесповоротно зашло в глухой тупик. Из него есть только два выхода: либо признание необходимости достижения всеобщего консенсуса, либо гибель человечества. Другого нам, увы, не дано. Но так как ни одна из идеологий не способна добровольно отдать предпочтение конкуренту, они и составляют основное препятствие к достижению долгосрочного мира и процветания для всех. Отсюда ясно, что жизненно необходимый тотальный компромисс может быть достигнут только на нейтральной почве *философии гуманизма*. Что же касается идеи многополярного мира, как альтернативы диктату «первого среди равных», то поскольку она, фактически, защищает полярно противоположные интересы разных типов цивилизаций, то это и есть продолжение истории в соответствии с лозунгом «человек человеку волк», а точнее — со сценарием басни И. Крылова «Волк и ягненок».

Инициатива, энергия и воля альфа-самцов в свое время совершили великое дело рождения как традиционных, социалистических, так и новаторских, гуманистических цивилизаций. Но далее те же альфа-самцы традиционных цивилизаций, защищая идеи авторитаризма в политическом устройстве и идеологическом обосновании своих сообществ, обратились в якорь их развития, равно как и тормозом эволюции всего мирового сообщества. Таким образом, первостепенная задача, стоящая перед нашим временем, состоит в том, чтобы обратить зло во благо: сделать невозможным для политических и идеологических элит навязывать обществу свои частные интересы, противоречащие интересам всего общества. Но, одновременно, давать «зеленый свет» их энергии, честолюбию и харизме, отвечающих интересам общества. Ибо мир может плодотворно объединять не насильственно насаждаемое единомыслие, а свободно проявляющееся позитивное многомыслие.

Философия гуманизма как раз и предоставляет возможность подобного многомыслия, не ограниченного никаким диктатом, не отягощенного никакими догмами. Потому что она не для избранных, но для всех. Она

есть творчество масс и для масс. Она есть инструмент здравого смысла и рационального сознания. И ее дело не в том, чтобы изменять мир, проливая кровь и сея разрушения, но в том, что разъяснять миру последствия деяний, совершаемых от его имени и якобы ему во благо. Только таким образом философия может достойно менять время, а время — философию. Следовательно, ключевая задача философии гуманизма сегодня состоит в просвещении и разоблачении всех идеологий, представляющих опасность для человечества. Так как ни одна из них не сложила оружие, но выжидает благоприятного момента, чтобы вновь поднять голову и жалить, жалить, жалить. Вирусы идеологий, родившиеся в организме человечества в процессе возникновения социалистических цивилизаций, никогда не будут побеждены, ибо такова психология человека, доказывающая, что верить приятно, лгать полезно. Верить приятно даже в самую нелепую чушь. Лгать полезно, — говорят нам благополучно устроившиеся «наверху». Поэтому философия гуманизма должна быть начеку и помнить о том, что человек есть квинтэссенция множества поразительных противоречий, самое добропорядочное и порочное, многоликое и переменчивое создание природы. А невежество, тщеславие и фанатизм — порождение идеологий, всегда готовы убивать в нас человечность.

Каковы базовые особенности, делающие философию гуманизма резко отличной от всех идеологических доктрин?

- Она основана на четырех «китах»: а) гилозоизме, б) гуманизме, в) современном естествознании, г) гуманитарных науках.
- Она не преследует никаких и ничьих частных интересов, кроме интересов объективного и рационального познания, способного быть руководством для кратко- и долгосрочного прогнозирования культурной эволюции.
- Она не порождает фанатиков идей, подверженных демелии и крайней форме психоза одновременно.
- Она пытается изменить мир, но не методами принуждения (зомбированием и «промыванием мозгов», топором и дубиной), а посредством знаний и взвешенных оценок последствий.
- Она стремится примирить всех людей доброй воли, имея в виду, что таковых — заведомое большинство везде и всюду.
- Ее идеи способны рождать новый миропорядок, основанный на неприменном и взаимном уважении равенства прав не только в межличностных отношениях, но также во взаимодействиях между народами и государствами.

Совсем недавно Ю. Стормер ввел в обиход термин «*антропоцен*» (от греч. *ἄνθρωπος* — человек и *καινός* — «новый»), обозначающий геологическую эпоху с уровнем человеческой активности, играющей существенную роль в экосистеме Земли. Эта активность, ставшая зримой данностью, была стимулирована практическим гуманизмом и его порождением — демократией, рыночной экономикой и естествознанием. К сожалению, она проявляется не только конструктивным образом. Возможно не меньше в ней негатива, имея в виду то разрушительное действие, которое она сегодня оказывает на глобальную экологию. Так или иначе, понятие «антропоцен» вполне может включать в себя всю совокупность культурного творчества современности, а не только его геологические и экологические следы. Ибо современный гуманизм, впитав в себя идеи своего античного предтечи, успешно развивает их, радикально меняя к лучшему условия существования людей на всех континентах. И наш долг состоит в том, чтобы этот тренд распространился на будущее, ограниченное лишь пределом существования нашей Малой Вселенной. Наш долг в том, чтобы не прерывалась эстафета нашего умственного и нравственного взросления. Мы выросли из «детских штанишек» магического сознания. Мы постепенно преодолеваем и юношеский максимализм, незрелость и агрессивность эпохи религиозных и светских верований с доминированием в них сугубо чувственных (стадных) начал. В нашем коллективном сознании все уверенней устанавливается равновесный баланс между инстинктами и интеллектом, между рефлексами и рефлексией. Мудрость социалистической статистики уступает мудрости гуманистической динамики. Теперь уже не стихия эмоций, а трезвая мысль становится движущей силой и решающим фактором нашей истории как отражения преобразования естественной эволюции земной органики в эволюцию культурную, в антропоцен, ведущий нас в глубины космоса.

Сегодня политические и экономические аспекты общественного бытия все еще во многом определяют социалистические динозавры, неандертальцы и троглодиты из альфа-самцов — приверженцев традиционных идеологий. Когда они играют на национальных, классовых или религиозных чувствах своих подопечных, манипулируя их групповыми инстинктами, массовой психологией и коллективным сознанием, они очень рискуют, ставя под удар все мировое сообщество. Но мирное сосуществование о-ординаров делает противоестественным сохранение их идеологий в превозданной «чистоте». Тем самым оно лишает их силы и способности творить дела, неподобающие эпохе мужающегося человечества. Поэтому если по какой-либо причине, спровоцированной идеологиями, коллапс земной цивилизации все же состоится, то более идиотского финала вообразить будет невозможно.

Заключение

Предпринятое критическое осмысление истории философии, данных современного естествознания и гуманитарных наук позволило увидеть горизонты новой трехмерной 3D-философии, альтернативной всем «классическим» течениям и направлениям Нового времени. Дефиницией «трехмерная» она обязана принципу дополнительности (*Contraria non contradictoria, sed complemente sant*), обращающему двумерную («плоскую») логику Аристотеля (да-нет) в «объемную» (да-нет-и). Ее ключевые положения можно сформулировать следующим образом.

1. Логика Бора отражает бытие, логика Аристотеля — познание. (От того-то в проявлениях Природы много больше таинственного и загадочного, нежели в психике и поведении человека, что и объясняет привлекательность занятиями естествознанием и философией, присущую пытливым умам)

2. В отличие от всех современных религиозных и идеологических, философских и научных концепций в ее основе лежит не анимизм (от лат. *anima, animus* — «душа» и «дух» соответственно), а гилозоизм (от греч. *ἴλη* — материя и *ζωή* — жизнь), признающий живым все материально существующее, и не противопоставляющим «телесное» «духовному», подобно тому, как это принято в анимизме. Гилозоизм отказывает традиционным понятиям «дух», «духовный» в праве на признание реальности их существования на том основании, что они есть нечто призрачное, эфемерное и бездоказательное, порожденное одним лишь нашим неудержимым воображением. (Близкие к нему бессмысленные, но глубоко въевшиеся в массовое сознание фантастические понятия: бог и дьявол, черти и ангелы, рай и ад и т. д.) Поэтому ближайшим синонимом 3D-философии может быть дефиниция «панзоизм» (от греч. *παν* — все и *ζωή* — жизнь).

3. Панзоизм есть философия, интегрирующая в себя триаду из: — а) мировоззрения гилозоизма, — б) этики гуманизма, — в) логики принципа дополнительности.

4. Философия панзоизма не противопоставляет онтологию диалектике, но различает их, признавая за онтологией все, относящееся к бытию Природы, общества и личности, тогда как в диалектике видит процесс познания этого бытия.

5. Понятие гуманизм также трактуется нами не традиционно, но расширительно, как дуализм теории и практики признания и уважения равенства политических и экономических, юридических и социальных прав между не только всеми индивидами, но всеми народами и государствами, сословиями и классами, религиозными и атеистическими вероисповеданиями. Исключений из этого правила, разумеется, не может быть ни для кого. Иначе говоря, гуманизм рассматривается не только как межличностное этическое учение, но как политическая, экономическая и общественная практика человечности.

6. Благодаря теории и практике гуманизма, существующих уже около 2,5 тысяч лет, мировое сообщество переходит от животного состояния «Войны всех против всех» (*Bellum omnium contra omnes*) к состоянию «Всеобщего согласия» (*Concordia omnium*). Что представляет собой революционный переворот в эволюции: вытеснение слепого и беспощадного естественного отбора социал-дарвинизма гуманным и осознанным культурным отбором. Тем самым человечество начинает оправдывать свой видовой статус «Человек разумный» (*Homo sapiens*), тогда как прежде оно, в лучшем случае, заслуживало термина «Человек чувствующий» (*Homo sensualis*) либо «Человек верующий» (*Homo fidelis*).

7. Антропоцен в широком смысле можно трактовать как эпоху формирования единой мировой цивилизации, оставляющей в прошлом непреодолимые идеологические, политические и экономические распри. Это освобождение от тяжкого груза противоречий, казавшихся неразрешимыми, наделяет ее способностью развиваться неограниченно.

8. Только в состоянии всеобщего мира человечество способно оправдать свое предназначение в качестве разумного «распорядителя» космоса. Альтернативой чему может быть лишь полное исчезновение земной цивилизации и человечества как ее носителя в ближайшем обозримом будущем.